ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. В СУДЬБАХ СТРАН И НАРОДОВ МИРА

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН

Объединённый учёный совет по гуманитарным наукам Дальневосточного отделения РАН

ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. В СУДЬБАХ СТРАН И НАРОДОВ МИРА

Владивосток
2018

THE GREAT RUSSIAN REVOLUTION OF 1917 IN THE FATES OF COUNTRIES AND PEOPLES OF THE WORLD

Vladivostok
2018

Federal state institution of science the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern branch of the Russian Academy of Sciences

United scientific council on humanitarian sciences

of the Far Eastern branch of the Russian Academy of Sciences

THE GREAT RUSSIAN REVOLUTION OF 1917 IN THE FATES OF COUNTRIES AND PEOPLES OF THE WORLD

Vladivostok
2018

УДК: 947.084.2(571,6)

Великая Российская революция 1917 г. в судьбах стран и народов мира. Сб. науч. ст. под ред. Л.И. Галлямовой. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2018. 410 с.

В книгу включены труды участников Международной научной конференции, проведённой во Владивостоке 7—8 ноября 2017 г. в ознаменование 100-летия Великого Октября. В проблемное поле конференции входили три основных направления: Великая Российская революция и геополитическая ситуация в Азиатско-Тихоокеанском регионе; 1917 год и Российский Дальний Восток; Социокультурные трансформации в контексте Великой Российской революции. Представленные статьи разнообразны по содержанию, в них освещаются малоизвестные аспекты истории революционных событий 1917 г., их влияние на население региона и соседних стран. Наряду с актуализацией ряда сложных и спорных проблем, авторы вводят в научный оборот новые знания и обширный фактический материал по истории российского Дальнего Востока и ряда стран зоны Тихого океана.

Книга адресована широкому кругу читателей: преподавателям истории, аспирантам, студентам, всем интересующимся региональной, общероссийской и мировой историей.

Ключевые слова. Россия, Дальний Восток, революция, Великий Октябрь, Азиатско-Тихоокеанский регион, экономическое положение, общественно-политическая ситуация, социокультурные трансформации.

The great Russian revolution of 1917 in the fates of countries and peoples of the world. Collection of scientific articles under the ed. L. I. Gallyamova. Vladivostok: IHAE FEB RAS, 2018. 410 s.

The book includes the works of the participants of the International scientific conference that was conducted in Vladivostok on November 7-8, 2017 in celebration of the 100th anniversary of the Great October. The topics of the conference covered three key themes: The Great Russian Revolution and geopolitical situation in Asia-Pacific region; year 1917 and Russian Far East; Socio-cultural transformations in the context of the Great Russian Revolution. The articles represented in the book vary in content and cover lesser known aspects of the history of the revolutionary events of 1917 and the impact of these events on the population of the region and neighboring countries. The authors are not only discussing a number of complex and disputable topics but also introduce new knowledge and a wide spectrum of factual materials on the history of the Russian Far East and a number of Asia-Pacific countries.

The book appeals to a wide circle of readers: history teachers, students and scholars, everyone interested in the regional, overall Russian and world history.

***Key words*.** Russia, Far East, revolution, Great October, Asia-Pacific region, economic situation, socio-political situation, socio-cultural transformations.

Редколлегия:
Л.И. Галлямова, д-р ист. наук, профессор (отв. ред.)
Г.П. Белоглазов, канд. ист. наук, ***С.Б. Белоглазова***, канд. ист. наук,
О.И. Сергеев, канд. ист. наук, ***А.В. Маклюков***, канд. ист. наук (уч. секретарь)

Рецензенты:
Т.В. Краюшкина, д-р ист. наук, О.Б. Лынша, канд. ист. наук

Утверждено к печати Учёным советом ФГБУН Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН

ISBN 978-5-6040734-7-6

© ИИАЭ ДВО РАН, 2018
© Галлямова Л.И. и др., 2018

ВЕЛИКОЙ

РОССИЙСКОЙ

РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

DEDICATED TO

THE RUSSIAN

REVOLUTION OF 1917

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящую книгу включены труды участников Международной научной конференции, состоявшейся во Владивостоке 7—8 ноября 2017 г. в ознаменование 100-летия Великого Октября. Свержение самодержавия в феврале 1917 г. в России стало мощным катализатором общественно-политической активности широких народных масс. Вспыхнувшая революция не только стремительно распространилась на все регионы страны, но и выплеснулась за её пределы. В частности, российские революционные события 1917 г. серьёзно затронули интересы стран Антанты, США, Японии, стремившихся к тому, чтобы Россия продолжала активно участвовать в мировой войне. Период революции — один из самых ярких и одновременно катастрофических этапов в отечественной и мировой истории XX в.

Октябрьская революция 1917 г. и последовавшая за ней стадия гражданского противоборства кардинально изменили складывавшийся веками традиционный уклад общественной жизни не только в России, но и в других странах, актуализировали методы принуждения и насилия в достижении политических целей. Вооружённое противоборство между различными группами населения, имевшее в своей основе глубокие социальные, национальные и политические противоречия, вылилось в Гражданскую войну, ожесточённость и масштабы которой возросли за счёт интервенции империалистических государств.

Нет сомнений, что изучение причин, условий и факторов происхождения и эскалации Великой российской революции, её истории в целом требует многомерного и комплексного подхода и является важной задачей не только для отечественных, но и для иностранных историков, политологов, социологов, культурологов и др. Особое геополитическое значение Дальнего Востока России придаёт дополнительную актуальность исследованию революционных трансформаций 1917 г. в дальневосточном регионе, способствует всестороннему, более глубокому осмыслению истории Великой российской революции.

Конференция привлекла большой интерес научной общественности, участие в её работе приняли иностранные учёные из Китайской Народной Республики, Японии и США, а также российские специалисты из Благовещенска, Санкт-Петербурга, Владивостока, Комсомольска-на-Амуре, Хабаровска, Уссурийска и Южно-Сахалинска. Кроме того, в оргкомитет поступили заявки и доклады историков из Финляндии, Турции, Канады, из российских городов Иркутска, Нижнего Новгорода, Петропавловска-Камчатского и др.

Проблемное поле конференции включало три основных направления, в соответствии с которыми оформлена структура книги. В раздел — **Великая Российская революция и геополитическая ситуация в Азиатско-Тихоокеанском регионе** — вошли статьи, отражающие различные аспекты глобального значения революции. Профессор Осакского университета из Японии Вакио Фудзимото сосредоточил внимание на последствиях революции для международных отношений и становления японо-советских отношений в 1920-е гг.; учёные из Института всеобщей истории Китайской Академии Общественных наук Ван Сяоцзю и Ван Ю рассмотрели вопрос о влиянии Октября на китайскую литературу. Профессор Л.И. Галлямова проанализировала процесс социально-политических трансформаций на Дальнем Востоке России от Февраля 1917 г. до победоносного Октября, проследив, как в процессе радикального изменения политической системы и демократизации общества в регионе нарастали кризисные явления, происходило изменение настроений народных масс в пользу социалистических программ и проектов. В статье преподавателя Хиросимского ун-та из Японии С.А. Толстогузова дано сравнение основных экономических аспектов революции 1917 г. в России и японской Мэйдзи исин; докторант Американского ун-та из г. Вашингтон, США, Пол Берингер рассмотрел восприятие американцами проблемы насилия в годы Гражданской войны на примере майора Давида Барроса, участника американской интервенции в России. Вопрос о влиянии российской революции на общественную жизнь в Китае и в зоне КВЖД освещается в статье Г.П. Белоглазова, различные аспекты политической ситуации на Дальнем Востоке и борьбы за власть в 1917 г. конкретизируются в статьях О.В. Авдошкиной, В.Л. Кузьмина, О.И. Сергеева. Анализу оценочных суждений и терминологии относительно Великого Октября 1917 г. посвящены работы В.К. Романовского и В.Н. Чернавской, вопрос о влиянии революционных событий 1917 г. в России на японское общество освещён А.С. Заколодной.

Содержанием второго раздела стало рассмотрение проблемы — **1917 год и Российский Дальний Восток**. Значительная часть вопросов посвящена различным аспектам революционных событий 1917 г. и их социально-экономическим последствиям. В частности, Т.З. Позняк охарактеризовала повседневную жизнь населения г. Владивосток в 1917 г., уделив особое внимание вопросам снабжения города продуктами питания и товарами первой необходимости. Роль Владивостокского биржевого комитета в развитии торговли и промышленности раскрыта в статье О.А. Устюговой, обеспечение безопасности мореплавания в дальневосточных морях в 1917—1922 гг. освещено в работе Р.В. Колес-

ника. Сахалинский историк Д.А. Кузнецов проанализировал особенности трансформации органов охраны правопорядка на Дальнем Востоке в годы революции. Отдельные стороны взаимоотношений дальневосточного региона и Центра в течение 1917 — лета 1918 г. показаны П.В. Журавлёвым. А.В. Маклюков и Р.С. Авилов обратились к проблемам участия в революционном движении рабочих и военных. Гендерные аспекты вовлечения в революционную борьбу женщин раскрыты А.А. Савчук. С.А. Власов остановил внимание на вопросе о влиянии революции 1917 г. на решение жилищно-коммунальных проблем трудящихся, обосновав вывод о том, что на Дальнем Востоке эта проблема не была решена. Влияние революции на иммиграционные процессы в дальневосточном регионе охарактеризовала Г.А. Ткачёва.

Весьма важное направление — **Социокультурные трансформации в контексте Великой Российской революции** — рассматриваются в третьем разделе, который концентрирует статьи, посвящённые изменениям в сфере культуры под влиянием революционных событий. В статье Г.А. Андриец освещаются процессы преобразования культурного пространства дальневосточных городов в 1917 г.; Э.В. Осипова проанализировала специфику форм и содержание театральной культуры Дальнего Востока на пути советизации; Л.Е. Фетисовой поднята сложная проблема о роли фольклорного наследия в сохранении и трансляции памяти о событиях 1917—1922 гг. на российском Дальнем Востоке. Особенности освещения революции и Гражданской войны в прозе приморских авторов раскрыла Е.С. Волкова. Реформу российского школьного образования в плане преемственности революционного и послереволюционного периодов всесторонне оценила С.Б. Белоглазова. Анализу культуры шаманизма сквозь призму революционных событий на Дальнем Востоке России посвятила свою работу М.В. Савельева. Положение коренного населения Кербинского района в 1917—1918 гг. описано Д.В. Янчевым и т.д.

Таким образом, в поле зрения авторов включённых в книгу статей — целый ряд исторических проблем, не получивших пока достаточно глубокого и всестороннего освещения. Разнообразные по содержанию, нередко весьма оригинальные авторские работы позволяют осветить малоизвестные аспекты истории революционных событий 1917 г. на Дальнем Востоке России, оценить их влияние на население региона и соседних стран, проанализировать социально-экономические и политические последствия, обогащая наши представления о далёкой и бурной революционной эпохе.

Л.И. Галлямова, доктор исторических наук, профессор

Раздел I. ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

УДК: 947.083.78 (571.6)

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ В 1917 ГОДУ: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

Л.И. Галлямова

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, г. Владивосток

В статье освещаются особенности революционного процесса в Дальневосточном регионе после падения самодержавия в феврале 1917 г. Анализируются основные этапы развития революционного движения в регионе, характеризуются особенности и формы социально-политических трансформаций, нарастание политического кризиса, который завершился на Дальнем Востоке провозглашением власти Советов в декабре 1917 г.

Ключевые слова: Россия, Дальний Восток, революция, социально-политические процессы, демократизация, трансформации, КОБы, Учредительное собрание, Советы.

THE RUSSIAN FAR EAST IN 1917: SOCIO-POLITICAL TRANSFORMATION

L.I. GALLJAMOVA

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok

The article describes the development of the revolutionary process in the Far Eastern region after the downfall of autocracy in February 1917. The author analyzes the main stages of the development of the revolutionary movement in the region as well as the peculiarities and forms of socio-political transformations, the growth of the political crisis, which ended in the far East the proclamation of the power of the Soviets in December 1917.

Key words: Russia, Far East, revolution, socio-political processes, democratization, transformations, Committees for State Security, Constituent Assembly, Soviets.

2017 год — год столетия Великой российской революции — заметно обострил интерес исследователей и всей общественности к революционной эпохе, актуализировав переосмысление её событий. Особенностью переоценки истории Октября стало усиление критического отношения к официальной концепции революции, резкое смещение в сторону изучения политических противников большевиков, белого движения и негативных сторон советской власти. Нет сомнений, что многомерное, комплексное изучение российской революции совершенно необходимо при постижении столь масштабного и сложного явления, как Великий Октябрь 1917 г. В этом плане региональный подход, анализ специфики революции и в центре, и на периферии абсолютно необходим. Применительно к Дальнему Востоку России это особенно важно, если иметь ввиду геополитическое значение дальневосточного региона, проявившееся со всей остротой в годы Первой мировой войны, что придаёт дополнительную актуальность изучению революционных событий 1917 г. в дальневосточном регионе.

В целом, как показывают многочисленные исследования, социально-экономические процессы на Дальнем Востоке развивались в русле общероссийских тенденций и имели аналогичные причины и характерные черты. Первая мировая война из-за своей чрезмерной продолжительности стимулировала рост недовольства в широких слоях населения, что усугублялось тяжёлым моральным состоянием общества из-за неудачного хода военных действий и поражений русской армии. Эти настроения проявлялись и у дальневосточников, тревожным признаком стало появление лиц, стремившихся уклониться от призыва в армию [7, с. 155—156]. Росло недовольство либерально-буржуазных слоёв, о чём свидетельствовал всё более критический настрой местной прессы. На усиление оппозиционности по отношению к правительству указал в своём докладе в ноябре 1916 г. никольск-уссурийский ротмистр Постников, весьма точно спрогнозировавший, что «…при первом всеобщем удобном моменте движение, особой активностью пока не отличавшееся, может принять внушительные результаты и довольно организованный характер» [ГАХК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 46. Л. 127]. Очевидно, что далеко не случайно

начавшийся в феврале 1917 г. в центре России революционный пожар был с такой готовностью подхвачен многими дальневосточниками, особенно в городах.

Тем не менее, огромная удалённость от центра страны не могла не влиять на общественно-политическую жизнь на Дальнем Востоке. Именно поэтому информацию о свершившейся 27 февраля 1917 г. в Петрограде революции дальневосточники получили с опозданием. Первые сведения о ней, поступившие на телеграф, по распоряжению Приамурского генерал-губернатора были заблокированы. Лишь 3 марта, когда от Временного правительства стали поступать официальные распоряжения, известия о событиях в столице были обнародованы и стремительно распространились по Приамурскому краю. Стали собираться стихийные митинги, собрания, проводиться массовые демонстрации, начался демонтаж прежних органов власти.

Ведущую роль в революционном движении на Дальнем Востоке в это время играл Владивосток. Известия о свержении самодержавия в городе были получены 3 марта 1917 г. В тот же день созвано экстренное заседание городской думы, на котором депутаты решили создать комитет общественной безопасности (КОБ). В его состав дума избрала 10 своих представителей, кроме того, предусмотрела вакансии для кандидатов от торгово-промышленных объединений, биржевого комитета и штаба войск гарнизона. В Народном доме по инициативе правления Общества народных чтений 3 марта был созван массовый митинг, на котором принято решение образовать Совет рабочих депутатов. Избранная для этого комиссия обратилась к коллективам предприятий и учреждений с предложением выдвигать своих представителей в Совет. 4 марта состоялось первое заседание Владивостокского Совета рабочих депутатов, который включил в свой состав и делегатов воинских частей и флота, т.е. стал действовать как Совет рабочих и военных депутатов. Создан президиум исполкома, его председателем стал депутат от воинской части большевик С.М. Гольдбрейх, товарищами председателя — социал-демократы К.А. Суханов и С.М. Королев, эсеры В.К. Выхристов и А.И. Саратовский [6]. Вскоре, в марте же, были образованы Рабочая и Военная комиссии Совета, пер-

вую из них возглавил К.А. Суханов, вторую — С.М. Гольдбрейх. Военная комиссия в основу своей работы положила программу демократизации армии, намеченную Петроградским Советом. По распоряжению Исполкома Владивостокского Совета в марте 1917 г. разоружена и распущена полиция, вместо неё создана рабочая милиция. При Совете организованы комиссии: по охране грузов в порту, помощи амнистированным, редакционная и др. В мае разработан и утверждён проект Положения о Совете (Устав Совета). Опора Владивостокского Совета на большие трудовые коллективы города и многочисленный солдатский гарнизон делала его влиятельной политической силой, с которой вынуждены были считаться администрация и другие общественные организации. Военный губернатор одобрил состав КОБа. Прежняя администрация ещё оставалась на своих постах, продолжая исполнять служебные обязанности.

Заседание городской Думы Хабаровска также состоялось 3 марта «…при огромном стечении публики», на нём избран Комитет общественной безопасности и его исполнительный комитет [13]. Хабаровский КОБ оказался весьма радикальным: по его решению 5 марта были арестованы генерал-губернатор Н.Л. Гондатти и генерал А.Н. Нищенков; отстранены от должностей и арестованы многие должностные лица. Во все правительственные учреждения Хабаровский КОБ назначил своих комиссаров, подчинил себе городскую думу и управу.

7 марта 1917 г. на заводе «Арсенал» организован первый в Хабаровске Совет рабочих депутатов под председательством Д.И. Титкина и одновременно с ним — Совет солдатских депутатов под руководством Кудрявцева. Вскоре они объединились в Совет рабочих и солдатских депутатов, его председателем избран помощник мастера механического цеха социал-демократ Титкин, секретарём — Демкин, членами — Лобанов, Алешин, Миронов, Сокин. В работе Совета принимали активное участие токари П. Фролов и Г. Трошин, кузнец Д. Бойко-Павлов и др. [1, с. 46; 12, с. 38]. Затем стали образовываться профсоюзы и Советы трудовых коллективов на других предприятиях, а 21 марта состоялось первое организационное собрание городского Совета рабочих де-

путатов, на нём председателем исполкома избран меньшевик-интернационалист Н. Вакулин [14].

5 марта 1917 г. состоялось первое заседание Совета рабочих депутатов в Благовещенске. Совет высказался за полную поддержку Временного правительства, КОБ признан полноправным органом власти в городе и области. 5—9 марта в частях гарнизона прошли выборы ротных комитетов, а 9 марта на общем собрании образован Совет солдатских депутатов, его председателем избрали ратника А.Т. Шестакова. Совет солдатских депутатов выделил 15 чел. из своего состава в Совет рабочих депутатов [15, с. 165]. С 9 марта 1917 г. Благовещенский Совет стал официально именоваться Советом рабочих и солдатских депутатов. В марте КОБы и Советы рабочих и солдатских депутатов были избраны в Никольске-Уссурийском, Николаевске-на-Амуре и в других городах Дальнего Востока.

Временное правительство 8 марта 1917 г. назначило комиссаром по делам Дальнего Востока депутата IV Государственной думы А.Н. Русанова, он прибыл в Хабаровск 25 марта и приступил к обязанностям [7, с. 318].

В марте—апреле 1917 г. в Приамурском крае созданы первые крестьянские и казачьи Советы, во всех четырёх уездах Приморской области организованы исполнительные комитеты общественных организаций, по волостям и сёлам — волостные и сельские комитеты. В Амурской области в рабочих и крестьянских населённых пунктах возникали комитеты безопасности, сельские и волостные крестьянские комитеты. 11—13 марта 1917 г. состоялся съезд Уссурийского казачьего войска, на котором отстранили от занимаемых должностей Наказного атамана генерал-лейтенанта В.А. Толмачёва и председателя Войскового правления генерал-майора Е.Б. Крузе, избрали исполнительный комитет войска, а также постановили повсеместно заменить старые станичные правления исполнительными комитетами, избираемыми общими собраниями населения станиц [16, с. 37—38]. На съезде амурских крестьян, состоявшемся в Благовещенске 25—30 марта, постановили упразднить старые органы власти, устранить крестьянских начальников, создать на основе всеобщих и свободных выборов

крестьянские комитеты; также был избран областной крестьянский Совет из 15 чел.

В Благовещенске с 21 марта по 22 апреля 1917 г. прошёл 2-й Войсковой круг, на котором отметили, что войско выступило «… за скорейший созыв Учредительного собрания и учреждение демократической республики». Прежний состав Войскового правления был заменён, само правление сделано выборным, отстранены от власти наказной атаман военный губернатор генерал К.Н. Хогандоков, председатель Войскового правления Филинов. Войско возглавил Совет, избираемый всеми 11 станичными округами; Войсковым атаманом и председателем Войскового правления избрали И.М. Гамова, станичные правления переименовали в КОБы [15, с. 165].

Февральская революция сыграла роль мощного катализатора общественно-политической активности дальневосточников. Газеты, выходившие весной 1917 г. в Приморье и Приамурье, были полны объявлений об образовании всевозможных общественных и политических организаций — отделений партий, национальных объединений, женских клубов и т.п. На Дальнем Востоке начали оформляться социалистические партии, развернувшие борьбу за расширение своей социальной базы. На этой же волне активно организуются профессиональные союзы, которые объединяли как рабочих, так и служащих, занятых в самых разных сферах экономики. Профессиональное движение оказалось втянутым в политику и стало ареной политического противоборства ведущих политических сил.

В условиях развития демократизации страны начался процесс партийного строительства. Во Владивостоке 10 марта 1917 г. состоялось первое организационное собрание социал-демократов в котором приняли участие 20 чел., но уже на следующем собрании — 15 марта — присутствовали более 100 членов РСДРП. Они избрали временный комитет и его председателя, им стал А.Г. Антонов, член партии с 1901 г. В марте же социал-демократические организации оформились в Хабаровске, Никольске-Уссурийском, в пос. Сучан, на ст. Муравьёв-Амурская, в с. Раздольном. В Благовещенске 12 марта проведено первое общегородское собрание

объединённой организации РСДРП, сформировавшее городской комитет партии, председателем избран С.Г. Бухаревич. Организация быстро росла, преобладали в ней меньшевики. Объединённые организации РСДРП возникли в Свободном, пос. Бочкарёво, на ст. Магдагачи, в пос. Гондатти (ныне — Шимановск), на некоторых приисках. Общая численность социал-демократов на Дальнем Востоке к июлю 1917 г. составляла 2850 чел., а к осени — увеличилась до 4700 чел. (из них большевиков — около 3 тыс.) [9, с. 35].

В марте—апреле 1917 г. оформляются эсеровские организации во Владивостоке (председатель комитета В.К. Выхристов), Хабаровске (председатель — М.А. Тимофеев), Благовещенске (председатель — Н.Г. Кожевников). Происходит организационное объединение анархистов Приморья. Ближе к центру в политическом спектре стояла трудовая партия народных социалистов, значительную часть её членов составляла интеллигенция. В апреле организационно оформляются отделения кадетской партии во Владивостоке, Никольске-Уссурийском, Хабаровске, И.А. Фихман избран председателем областного комитета. В Амурской области создана прокадетская партийная организация местной буржуазии — Союз амурских республиканцев, ставшая надёжной опорой власти Временного правительства на Амуре [9, с. 35—36].

С открытием навигации началось возвращение политических эмигрантов, ранее вынужденных покинуть Россию из-за преследований самодержавия. Через Владивосток в мае—июне 1917 г. вернулись на Родину более 800 чел. Многие из них остались на Дальнем Востоке, в том числе А.Ф. Агарёв, А.Я. Нейбут, И.А. Рабизо, Е.К. Ковальчук, М.Э. Дельвиг, И.Г. Кушнарёв, А.М. Краснощёков и др. Среди них были социал-демократы, твёрдо стоявшие на позициях большевизма, и умеренные социалисты. Особенно укрепилась социал-демократическая организация Владивостока.

С марта 1917 г. по всему Дальнему Востоку развернулось интенсивное строительство профсоюзов. Так, по инициативе большевиков Владивостокский совет рабочих и солдатских депутатов 17 марта сформировал рабочую комиссию по организации во Владивостоке и в крае профессиональных союзов, которую возглавил К.А. Суханов. В комиссию входили большевики А.Г. Сте-

панов-Бродский, С.Я. Гросман, Н.И. Махов, Н.Х. Денисенко, А.А. Гульбинович и другие [10, с. 13]. К концу апреля 1917 г. во Владивостоке насчитывалось уже более 30 профсоюзных организаций, в Хабаровске — 12, в Никольске-Уссурийском — 10, в Благовещенске — 40 и т.д. Были созданы профессиональные организации железнодорожников, грузчиков, работников горной промышленности, моряков и др. К концу весны в Приморской области насчитывалось более 30 тыс. членов профсоюзов. Наиболее крупными были союзы рабочих и служащих Владивостокского механического и судоремонтного завода (Дальзавода) и других предприятий военного порта (до 5 тыс. чел.), Владивостокских временных вагоносборочных мастерских (6 тыс.), грузчиков и чернорабочих торгового порта (около 5 тыс.), строителей порта (4 тыс.) и т.д. [10, с. 14—19]. Для руководства сетью профсоюзов избираются центральные бюро (ЦБ) профсоюзных организаций, в частности, в апреле 1917 г. избрано ЦБ профсоюзов Владивостока.

В мае 1917 г. состоялся 1-й съезд Советов рабочих и солдатских депутатов Дальнего Востока, на котором постановили создать Краевой комитет Советов рабочих и солдатских депутатов, Советы края должны были выделить в его состав своих представителей. Местом пребывания Краевого комитета определён Хабаровск. 16 июня 1917 г. Дальневосточный Краевой комитет в составе 12 чел. начал свою работу. Председателем избрали Л.Е. Герасимова, представителя Владивостокского Совета. Краевой комитет назначил своих комиссаров в административные учреждения с целью осуществления контроля за их деятельностью, по его предложению областные и городские Советы установили контроль за деятельностью командования воинских частей гарнизонов. Но Краевой комитет действовал на правах общественной организации, в связи с чем дальневосточный комиссар А.Н. Русанов отказался признавать его за орган власти и не субсидировал.

Краевой комитет налаживал связи Советов рабочих и солдатских депутатов с крестьянскими Советами. Представители Амурского и Приморского областных крестьянских Советов были приглашены в состав Краевого комитета, сами же члены комитета участвовали в работе областных крестьянских съездов. В дальней-

шем он стал авторитетным органом власти, с которым вынуждены были считаться комиссары Временного правительства и административные учреждения.

В дальневосточных Советах, несмотря на некоторое увеличение числа большевиков в составе их членов, преобладание умеренных социалистов сохранилось. Например, в проходившем 3—12 августа в Хабаровске II краевом съезде Советов приняли участие 113 делегатов, представлявших почти все Советы рабочих и солдатских депутатов Дальнего Востока. На съезде избран новый состав Краевого комитета, в который вошли 11 социал-демократов, 9 эсеров и лишь 4 большевика (Л.Е. Герасимов, Д.А. Носок, А.И. Коковихин, М.Н. Рютин). Председателем избрали меньшевика-интернационалиста Н.А. Вакулина.

В массах сохранялась вера во Временное правительство, в его призывы «защитить отечество», в возможность решить все насущные проблемы страны с помощью Учредительного собрания. Но нарастание и углубление хозяйственного кризиса, естественная задержка реформ в условиях войны, ухудшение положения народных масс, «раскачивание» правительства со стороны экстремистов способствовали обострению политической ситуации. На Дальнем Востоке также продолжал углубляться экономический кризис, жизненный уровень трудящихся значительно снизился. Профсоюзы начали борьбу за повышение заработной платы, за сокращение рабочего времени до 8 час. в сутки, активизировалось забастовочное движение. В сентябре 1917 г. рабочие Амурской и Уссурийской железных дорог приняли участие в масштабной всероссийской забастовке, объявленной Викжелем в знак протеста против отказа Временного правительства повысить зарплату железнодорожникам. Забастовщиков поддержали строители Восточного участка Амурской железной дороги у г. Хабаровск. В итоге Временное правительство вынуждено было пойти на уступки, и согласилось на повышение жалования железнодорожникам, выделив 235 млн руб. на 1917 г. и пообещав выделить 700 млн руб. на 1918 г.

Важным фактором, влиявшим на развитие революционных событий на Дальнем Востоке, являлась высокая концентрация в регионе вооружённых сил, особенно то, что они базировались в ос-

новном в городах и крупных промышленных центрах. Так, к февралю 1917 г. в Приамурском военном округе (с учётом Амурской и Уссурийской флотилий) насчитывалось до 80—100 тыс. военнослужащих. Только в одном Владивостоке их скопилось 46 тыс. [5, с. 35]. Владивосток отличался высокой концентрацией рабочей силы: только на судоремонтном заводе и в военном порту в 1917 г. трудились более 5 тыс. рабочих, Осиповский затон в Хабаровске, обслуживавший Амурскую флотилию, был одним из крупнейших рабочих центров Приамурья. Частые и тесные контакты матросов и солдат с крупными рабочими коллективами способствовали росту революционности в среде военнослужащих. Солдатские и матросские массы были непременным объектом революционной пропаганды, и в их среде настроения недовольства были особенно сильны.

Уже в первые недели марта 1917 г. во всех частях Приамурского военного округа были созданы солдатские комитеты. Во Владивостоке матросы также стали принимать участие в образовании Советов, посылая в них своих представителей, которые от имени владивостокского гарнизона «…без колебаний заявили полную готовность подчиниться указаниям Совета и защищать новый строй, если понадобится, силой своего оружия» [3, с. 7]. В состав Владивостокского Исполкома вошли 6 представителей флотилии и 5 рабочих военного порта [3, с. 7]. Вскоре была создана Военная комиссия Совета, объявившая, что без её одобрения приказы местного военного командования недействительны. Началась смена высшего и старшего командного состава. Например, командующий Сибирской флотилией вице-адмирал М.Ф. фон Шульц и командир Владивостокского военного порта контр-адмирал П.В. Римский-Корсаков были заменены соответственно старшим лейтенантом Гнидой и капитаном 1-го ранга Ухлиным, командующий Амурской флотилией вице-адмирал А.А. Баженов — капитаном 1-го ранга Огильви и т.д. 14 марта образована Военная комиссия Владивостокского Совета в составе 40 чел., причём с самого начала она находилась под влиянием большевиков в отличие от других Советов Дальнего Востока. В задачи комиссии входило проведение организационной работы в частях по укреплению во-

инской дисциплины, агитации и пропаганде в солдатских массах; под её контролем решался вопрос об отправке на фронт маршевых рот: революционно настроенные воинские части оставляли в тылу, а офицеров, саботировавших решения комиссии, отправляли на фронт в первую очередь. Военная комиссия оказывала содействие Владивостокской городской думе в формировании народной милиции за счёт солдат гарнизона.

В начале мая состоялся краевой съезд Советов рабочих и солдатских (военных) депутатов, на нём присутствовали 75 делегатов от гарнизонов Хабаровска, Владивостока, Никольска-Уссурийского, Гродеково, Шкотово и др. Съезд одобрил объединение Советов солдатских и Советов рабочих депутатов, утвердил устав Советов, согласно которому они являлись органами «политико-революционными и экономическими», имеющими право «рассматривать вопросы военного и профессионального устройства».

17 августа в Хабаровске общее собрание 724-й пешей Пензенской дружины выразило протест против репрессий в отношении партии большевиков и потребовало немедленного разгона Государственной думы и Государственного совета как очагов контрреволюции. В этой ситуации Военная комиссия Владивостокского Совета приобрела безусловное влияние уже во всем Приамурском военном округе.

Осенью процесс демобилизации из армии постепенно стал превращаться в процесс самодемобилизации, в край стали прибывать сначала поодиночке, затем группами солдаты, дезертировавшие из своих частей и почти всегда — с оружием. Оружие накапливалось в деревне у фронтовиков, в основном представителей сельской бедноты и обедневших в ходе войны середняков.

29 августа 1917 г. во Владивостоке был сформирован Объединённый исполнительный комитет (ОИК), в который вошли в полном составе члены Исполкома Владивостокского Совета, Исполнительное бюро Совета крестьянских депутатов Приморской области, представители Владивостокских городской думы и управы, Центральное бюро профсоюзов, Военной комиссии Владивостокского Совета, Центрального комитета Сибирской флотилии, всех социалистических партий и областного Исполнительного

комитета КОБа. Председателем ОИК утверждён эсер С.Н. Михайлов, товарищем (заместителем) председателя — меньшевик-интернационалист К.А. Суханов. ОИК активно взялся за осуществление властных функций: приняты меры по обеспечению общественного порядка и спокойствия в городе, установлен постоянный контроль за работой милиции, образована комиссия контроля над производством и т.п. Однако краевой комиссар Временного правительства А.Н. Русанов признавать власть ОИК отказался, решение всех вопросов он связывал с созывом Учредительного собрания.

В конце августа во время выступления генерала Л.Г. Корнилова революционные солдаты частей Приамурского военного округа помогли оружием создаваемым рабочим отрядам Красной гвардии: так, полковой комитет 4-го Владивостокского Крепостного артполка передал рабочим 300 винтовок, крепостные минёры — 1000 винтовок. Тогда же освободился из-под влияния эсеров и перешёл на сторону большевиков Хабаровский гарнизон. Особенно подвержены революционной пропаганде были моряки Сибирской и Амурской военных флотилий, чему способствовало их базирование в таких промышленных центрах как Владивосток и Хабаровск. Моряки одними из первых начали создавать судовые, дивизионные, ротные комитеты, вскоре были образованы центральные комитеты Сибирской и Амурской военных флотилий. По всему Дальнему Востоку на митингах, собраниях, экстренных заседаниях Советов принимались резолюции с осуждением корниловского выступления. В сентябре 1917 г. переизбран ЦК Сибирской флотилии, его председателем стал большевик М.Г. Смольский.

В июле—августе 1917 г. на Дальнем Востоке проводились перевыборы городских дум, по итогам которых подавляющее большинство мест получили депутаты «социалистического блока»: в Благовещенске блок получил 50 мест из 67 (75%), во Владивостоке — 84 места из 101 (83%), в Хабаровске — 43 из 56 (76%), в Николаевске — 22 из 31 (71%), в Никольске-Уссурийском — 32 из 40 (80%). Городскими головами также в основном избраны социалисты: в Благовещенске — эсер А.Н. Алексеевский, во Владивостоке — меньшевик А.Ф. Агарёв, в Хабаровске — эсер Л.М. Загибалов, в Никольске-Уссурийском — эсер А.С. Медве-

дев, лишь Николаевске — кадет П.Н. Крынин [8, с. 107]. С августа по ноябрь по Дальнему Востоку проводились выборы в земства в соответствии с постановлением Временного правительства от 17 июня 1917 г., согласно которому вводились земские учреждения в Амурской, Приморской и Сахалинской областях. Сначала избирались волостные земства, затем — на уездных земских собраниях — гласные в областные земские собрания, на которых создавались земские управы, на них возлагались полномочия областных правлений. В состав первых органов местного самоуправления вошли эсеры, меньшевики, народные социалисты. По социальному составу земства состояли в основном из представителей верхнего эшелона служащих, а также промышленников, сельской буржуазии и интеллигенции. Функции земств были не так уж велики: хозяйственная деятельность, здравоохранение, народное образование, коммунальное хозяйство и т.п. Однако они затрагивали все сферы жизни деревни, что позволило новой власти привлечь крестьянство на свою сторону [18, с. 9—12]. Земства на Дальнем Востоке сразу стали претендовать на политическую власть. В их ведении находились не только вопросы повседневной жизни, но и органы правопорядка. Эсеры и меньшевики считали, что земства выражают интересы всего населения Дальнего Востока, в то время как Советы — лишь отдельных социально-политических групп. Поэтому, по мнению правых социалистов, земства должны были стать органами государственной власти, а Советы — совещательными учреждениями при местном самоуправлении [9, с. 43]. Тогда же, в августе, на Дальнем Востоке началась кампания по подготовке выборов в Учредительное собрание. Все области Дальнего Востока были объединены в единый Приамурский избирательный округ с общей избирательной комиссией. Избирательные комиссии создавались также в каждой области. Выборные кампании придали заметный импульс обострению политической борьбы в Приамурье.

5—7 сентября 1917 г. в г. Никольск-Уссурийский состоялась II Дальневосточная конференция РСДРП с участием 15 делегатов. К этому времени в дальневосточных социал-демократических организациях насчитывалось более 4700 чел. Конференция поручила

Владивостокскому комитету, состоявшему из большевиков, выполнять функции Дальневосточного краевого бюро РСДРП(б). Газета «Красное знамя» была преобразована в орган краевого бюро и стала распространяться по всем партийным организациям Дальнего Востока. На Амуре образование самостоятельной партийной организации большевиков завершилось с проведением в Благовещенске 1 октября общего собрания. В Сахалинской области также оформилась самостоятельная организация большевиков, она не сформировалась лишь в Камчатской области. Таким образом, осенью 1917 г. на Дальнем Востоке организационное оформление самостоятельных организаций большевиков в основном произошло.

Итоги этой работы были подведены на II краевой Дальневосточной конференции РСДРП(б) 5—7 октября 1917 г., состоявшейся во Владивостоке. В ней участвовало 15 делегатов, представлявших все наиболее крупные большевистские организации края, насчитывавшие около 2 тыс. членов партии. Решения конференции были ориентированы на завоевание власти Советов, утверждена большевистская избирательная платформа к выборам в Учредительное собрание, избраны 7 кандидатов в Учредительное собрание от всех крупных организаций: Владивостока, Никольска-Уссурийского и Благовещенска (А.Я. Нейбут, П.М. Никифоров, Н.М. Любарский, К.А. Суханов, В.Г. Антонов, С.Я. Гиллерсон и Ф.Н. Сюткин) [8, с. 131—132].

Накануне и во время Октябрьского вооружённого восстания в Петрограде, 20—26 октября 1917 г., во Владивостоке проходил 1-й съезд профсоюзов Дальнего Востока. Каждая из партий стремилась взять профсоюзы под своё влияние, рассматривая их как важную опору в борьбе за власть. Председателем президиума съезд избрал большевика С.Я. Гросмана, его заместителем — А.М. Краснощёкова. К концу заседаний, когда поступили сообщения о событиях в Петрограде, профсоюзный съезд приветствовал II Всероссийский съезд Советов. В принятой большинством голосов резолюции по вопросу о политическом моменте объявлялось целью «устранение от власти буржуазных классов» [17]. 13 ноября возвратившийся во Владивосток делегат II Всероссийского съезда Советов Г.Ф. Раев привёз столичные газеты с текстами декретов «О мире», «О земле»

и других документов, 14 ноября 1917 г. они были опубликованы в местных газетах.

Обстановка в Хабаровске была сложнее: в местном Совете, в органах городского самоуправления сохранялось преимущественное влияние умеренных социалистических партий. 26 октября, получив сообщение из Петрограда, исполком Хабаровского Совета рабочих и солдатских депутатов в принятой большинством голосов резолюции осудил «…самым решительным образом вооружённое восстание с целью передачи власти в руки Советов». В Благовещенске 26 октября такое же решение было принято на расширенном заседании Благовещенской городской думы, а 28 октября — на заседании городского Совета рабочих и солдатских депутатов. В Амурской области Советы городов Зея и Свободный, посёлков Гондатти, Рухлово и др., областной крестьянский Совет ещё находились под влиянием эсеров и меньшевиков, а также Советы в Сахалинской и Камчатской областях [8, с. 147—148]. В Петропавловске и Камчатской области после возвращения из Владивостока и Хабаровска большевиков А.С. Топоркова и И.Е. Ларина в начале ноября 1917 г. обстановка стала меняться в пользу Советов. 11 ноября на пароходе «Тверь» прибыли 100 солдат, приписанных к Камчатской местной команде, в большинстве революционно настроенных. Число организованных сторонников советской власти в Петропавловске увеличилось, развернулась агитация за создание Советов [11, с. 68—70].

Итоги выборов во Всероссийское Учредительное собрание по Приамурскому избирательному округу, состоявшихся в ноябре 1917 г., показали, что за эсеров отдано по округу 51,5% голосов, из них в городах — 19,4, в гарнизонах — 47,0, в сельской местности — 64,8%; большевики получили 18,9% голосов, в т.ч. в городах — 36,8, в гарнизонах — 31,5, в сельской местности — 9,4%; за кадетов проголосовали 7,5%, в т.ч. в городах — 19,3%, в гарнизонах — 5,8%, в деревнях — 2,5%; за меньшевиков — 6,8%, в т.ч. в городах — 9,1%, в гарнизонах — 7,0%, в деревнях — 6,0%, на долю прочих партий и групп пришлось 14,9% голосов. Во Владивостоке безусловную победу одержала партия большевиков: 49% избирателей (один из самых высоких показателей в стране). Позиции ка-

детов оказались в полтора раза слабее, чем в Хабаровске, однако процент голосовавших за них почти в 8 раз превышал общероссийский уровень. Политическая картина во Владивостоке оказалась более контрастной, умеренные течения социализма получили здесь сравнительно невысокий процент голосов [19, с. 191—199, 356]. Депутатами в Учредительное собрание от Приморско-Амурского округа стали 12 чел., в том числе эсеры В.К. Выхристов, Л.И. Загибалов, М.С. Мандриков, Ф.И. Сорокин, А.Н. Алексеевский, В.Г. Петров, Н.Г. Кожевников и большевик А.Я. Нейбут. Меньшевики потерпели на выборах полное поражение [9, с. 46].

Дальневосточное бюро РСДРП(б), в состав которого входили видные большевики А.Я. Нейбут, В.Г. Антонов, Г.Ф. Раев, П.М. Никифоров, И.Г. Кушнарёв и др., развернуло борьбу за установление советской власти на Дальнем Востоке. 5 ноября 1917 г. состоялись перевыборы Исполкома Владивостокского Совета: в него вошли 18 большевиков, 11 эсеров, 8 беспартийных и 3 меньшевика; председателем избран А.Я. Нейбут. Постановлением Исполкома все учреждения и ведомства были подчинены Владивостокскому совету и ОИК, принято решение о создании Красной гвардии и взят курс на подготовку к III краевому съезду Советов, который должен был решить вопрос о переходе власти к Советам на Дальнем Востоке.

Огромное значение для роста симпатий населения к большевикам сыграло появление на Дальнем Востоке первых декретов Советской власти. Они получили широкое распространение в крае в середине ноября 1917 г. В результате большевизации уже в ноябре Сучанский и Владивостокский местные Советы взяли власть в свои руки. Так, 7 декабря во Владивостоке состоялась многотысячная вооружённая демонстрация гарнизона, отрядов Красной гвардии и трудящихся города с требованием передачи всей власти советам. 6 декабря в Хабаровске под руководством большевиков прошла вооружённая демонстрация гарнизона под лозунгом признания Совета народных комиссаров. В результате перевыборов большинство в советах получили большевики и левые эсеры [2, с. 5—6].

В Хабаровске 11 декабря 1917 г. А.Н. Русанов и его секретарь эсер В.В. Граженский были взяты под домашний арест представи-

телями Краевого комитета Советов. В ночь на 12 декабря 1917 г. большевики с помощью отрядов Красной гвардии, революционных солдат и матросов заняли почту, телеграф и другие важнейшие учреждения города. Вечером 12 декабря 1917 г. в Хабаровске открылся III Дальневосточный краевой съезд Советов. На съезде из 84 делегатов было 46 большевиков, 27 левых эсеров, 9 меньшевиков и 2 беспартийных, представлявшие 15 Советов городов и рабочих посёлков Дальнего Востока (не прислали своих представителей областные крестьянские Советы Амурской и Приморской областей). Съезд принял Декларацию о переходе власти на Дальнем Востоке к Дальневосточному краевому комитету Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и самоуправлений (69 чел. проголосовали «за», 4 — «против», 6 — «воздержались») [4, с. 10—11, 28—29].

С провозглашением советской власти на Дальнем Востоке и созданием краевого органа власти началось установление и укрепление советской государственности, а также практическая реализация декретов Советского правительства. Все дальневосточные Советы наделялись правами административной власти и должны были обеспечивать проведение в жизнь политики советской власти, всех директив, законов, декретов и распоряжений Советского правительства.

Таким образом, победоносный Февраль стал важнейшим фактором, вызвавшим подъём революционного движения по всей России, включая самые отдалённые её окраины. На Дальнем Востоке Февральская революция прошла без вооружённых столкновений и активного сопротивления царской администрации. Революционный 1917 г. явился переломным для России и её Дальнего Востока, привёл к глубоким социально-политическим переменам. В дальневосточном регионе происходит трансформация политической системы в плане её демократизации: создаются новые органы власти — комитеты общественной безопасности, идёт демократизация городских и сельских самоуправлений. Радикально меняется общественно-политическая жизнь: возникают партии, Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, профсоюзы, и пр., развернулась работа по введению земств и т.д.

Процесс создания Советов и ликвидации местных органов самоуправления на Дальнем Востоке имел свои особенности по сравнению с другими районами страны. В 1917 г. в массах господствовали представления о справедливом общественном устройстве, основанном на общинных нормах демократии. Этим и объясняется популярность социалистических идей, приверженность Советам рабочих и крестьянских депутатов, а также рост популярности социалистических партий. В итоге большинство масс пошло за социалистами, а впоследствии — за большевиками, проводившими политику, отражавшую в то время ожидания народных масс. Изменение симпатий народных масс в пользу большевиков сделало установление Советской власти на Дальнем Востоке достаточно мирным.

Литература и источники

1. Амурские арсенальцы. История завода «Дальдизель». Хабаровск, 1974. 352 с.
2. Борьба за власть Советов в Приморье (1917—1922): сб. документов. Владивосток: Примиздат, 1955. 831 с.
3. Военные моряки в борьбе за власть Советов на Дальнем Востоке (1917—1922). Документы и материалы. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1989. 458 с.
4. Дальсовнарком. 1917—1918 гг. Сб. документов и материалов. Хабаровск, 1969. 374 с.
5. Зуев В.Н. Участие войск Приамурского военного округа в революционных событиях 1917 г. // Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны. Сб. науч. ст. (Материалы к 1-й книге 3-го тома «История Дальнего Востока России»). Владивосток: ДВО РАН, 1998. С. 33—48.
6. Известия Совета рабочих и военных депутатов г. Владивостока. 1917. 6 апр.
7. Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны. Хабаровск: Хабаровский гос. пед. ун-т, 1999. 365 с.
8. История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 1. Дальний Восток России в период революций 1917 года и Гражданской войны. Владивосток: Дальнаука, 2003. 632 с.
9. Кузьмин В.Л., Ципкин Ю.Н. Эсеры и меньшевики на Дальнем Востоке России в период Гражданской войны 1917—1922 гг. Хабаровск: Изд-во ХГПУ в ДВГУПС, 2005. 222 с.
10. Куцый Г.С. Борьба профсоюзов за установление власти Советов в

Приморье (март—ноябрь 1917 г.). Владивосток: Приморское кн. изд-во, 1963. 148 с.
11. Мухачев Б.И. Становление власти первых Советов на Севере Дальнего Востока // Дальний Восток России в период революций 1917 года и Гражданской войны. Сборник научных статей. (Материалы к 1-й книге 3-го тома «История Дальнего Востока России»). Владивосток: ДВО РАН, 1998. С. 58—81.
12. Нагайцев Э. Р. «Арсенал» — «Дальдизель» (1902—2002). Хабаровск, 2002. 124 с.
13. Приамурская жизнь. 1917. 4 марта.
14. Приамурье. 1917. 17 марта.
15. Савченко С.Н. Февральская революция 1917 г, и Амурское казачье войско // Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию окончания Гражданской войны и иностранной интервенции на Дальнем Востоке. 23—25 октября 2002 г. Благовещенск, 2002. С. 165—167.
16. Савченко С.Н. Уссурийское казачье войско в Гражданской войне на Дальнем Востоке (1917—1922 гг.). Хабаровск: Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н.И. Гродекова, 2002. 279 с.
17. Харбинский вестник. Харбин, 1917. 27 окт.
18. Черная Е.В. Земское самоуправление на Дальнем Востоке в условиях революций и гражданской войны (1917—1922 гг.): автореф. дисс. … канд. ист. наук. Владивосток, 2011. 25 с.
19. Щагин М.Э. Октябрьская революция в деревне восточных окраин России (1917 — лето 1918 гг.). М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1974. 368 с.
20. ГАХК (Государственный архив Хабаровского края).

УДК: 947.084.2(571.6)

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ И ЯПОНЦЫ

ФУДЗИМОТО ВАКИО

Осакский университет экономики и права, г. Осака, Япония

Статья посвящена анализу взглядов нескольких влиятельных японских деятелей, имевших длительный опыт проживания на Дальнем Востоке России. Автор стремится ответить на три основных вопроса: какой виделась российская революция 1917 г. японцам, находившимся в Япо-

нии, и тем, кто жил в России; как они оценивали российскую революцию; какое значение имела революция для последующей истории, в частности, в сфере русско-японских и советско-японских отношений.

Ключевые слова: Россия, Дальний Восток, российская революция 1917 г., Япония, Владивосток, японцы, русско-японские и советско-японские отношения.

REVOLUTION OF 1917 IN THE FAR EAST OF RUSSIA AND THE JAPANESE

WAKIO FUJIMOTO
University of Economics and Law, Osaka

The article analyzes the views of several influential Japanese figures who had a long experience of living in the far East of Russia. The author seeks to answer three main questions: what was the Russian revolution in 1917, the Japanese, who were in Japan, and those who lived in Russia; how they assessed the Russian revolution; what was the significance of the revolution for the subsequent history, in particular, in the sphere of Russian-Japanese and Soviet-Japanese relations.

Key words: Russia, Far East, Russian revolution of 1917, Japan, Vladivostok, Japanese, Russian-Japanese and Soviet-Japanese relations.

До настоящего времени проведено достаточно много исследований по таким проблемам как освещение японской печатью российской революции 1917 г. или о её влиянии на общественные движения в Японии, включая создание коммунистической партии. Однако при этом не уделялось достаточного внимания тому, что на Дальнем Востоке России проживал многочисленный контингент японских граждан, численность которых в конце 1917 г. составляла более пяти тысяч, причём наибольшая часть из них — во Владивостоке. Соответственно остались без внимания некоторые существенные вопросы, например, какие изменения происходили в жизни японцев, проживавших непосредственно в России и на собственном опыте испытывавших воздействие революции, как они встретили революцию, какая информация о революции поступала в Японию, и какая наблюдалась там реакция на разных уровнях? Эти вопросы не

имеют исчерпывающего ответа, хотя военная интервенция в России происходила под лозунгом «защиты японских граждан», и именно с этой целью осуществлялась «отправка войск в Сибирь».

Дипломаты, работавшие в генконсульстве Японии во Владивостоке

В период Февральской революции из генконсульства Японии во Владивостоке в адрес министра иностранных дел Мотоно Итиро был направлен доклад, подписанный исполняющим обязанности генконсула Цубоками Тэйдзи. Доклад, датированный 20-м марта (европейский стиль), носит название «Влияние революции на Владивосток». В нём сообщалось, что во Владивостоке спокойно восприняли сообщения о Февральской революции, различные партии и организации выразили поддержку Временному правительству, и не наблюдалось сопротивления смене императорской власти.

Содержание доклада было следующим: «…16 числа текущего месяца при появлении сообщений о смене власти Городская Дума и другие общественные организации начали проводить экстренные заседания, после чего председатель Думы направил в адрес нового правительства приветственную телеграмму. На основании программы нового правительства был создан Комитет Общественной Безопасности... Созданный вместе со сменой власти Совет рабочих и солдатских депутатов провёл своё общее заседание, вынес решение о необходимости поддержания общественного порядка и направил своих представителей в Комитет Общественной Безопасности». «…Местные жители в целом выражают удовлетворение произошедшими в этот раз переменами, в административных учреждениях и магазинах быстро были убраны портреты императора и членов императорской фамилии. Жившим здесь японцам не было нанесено никакого ущерба, и они реагировали на происходящее со спокойной настороженностью» [4, № 409]. Неделей позже Цубоками направил доклад, названный «Комитет Общественной Безопасности — центральное звено местной администрации», в котором подчёркивал, что КОБ стал центром административного управления в городе после Февральской революции... В него вошли представители Городской Думы, административных органов, раз-

личных организаций, совета рабочих и солдатских депутатов [2]. Однако в дальнейшем при Временном, а затем и при коалиционном правительствах продолжала сохраняться нестабильность, связанная с продолжением войны. Японское правительство опасалось, что Россия и Германия подпишут сепаратный мир. Поэтому летом 1917 г. было дано поручение провести изучение ситуации в России и её перспектив бывшему сотруднику японского МИДа, а в 1917 г. — члену совета директоров ЮМЖД Каваками Тосицунэ.

Каваками Тосицунэ после окончания отделения русского языка Токийской школы иностранных языков был принят на работу в МИД Японии, с 1900 г. занимал должность коммерческого агента во Владивостоке. Здесь после начала русско-японской войны руководил эвакуацией японских граждан, а сразу после подписания Портсмутского договора вернулся для исполнения своих обязанностей во Владивосток. В 1907 г. он стал первым Генеральным консулом в Харбине, в 1909 г. — сопровождал первого японского премьер-министра Ито Хиробуми во время встречи с министром финансов России В.Н. Коковцовым. После окончания встречи на Ито Хиробуми было совершено покушение, в ходе которого Каваками получил пулевое ранение. С 1913 г. он становится членом совета директоров ЮМЖД. Несмотря на свой уход с государственной службы, в дипломатических кругах его продолжали считать крупным знатоком России.

В июне 1917 г. Каваками отправился в четырёхмесячную поездку по России и 5 ноября представил «Рококу сисацу хококусё (Доклад о наблюдениях в России)» [5, № 501].

С содержанием доклада ознакомились министр иностранных дел Мотоно и члены Комитета по внешней политике, являвшегося высшим органом, принимавшим ключевые решения по вопросам внешней политики. Считается, что содержание этого доклада оказало значительное влияние на принятие японской элитой решений по вопросам отношений с Россией.

Каваками писал, что, несмотря на то, что в будущем практически невозможна перспектива возвращения императорской власти, между социалистами и не социалистами, взявшими на себя груз революции, наблюдается острое противостояние по вопро-

сам внешней и внутренней политики. Кроме того, в системе железнодорожного транспорта, выполняющего перевозки оружия, боеприпасов и продовольствия, существуют серьёзные проблемы. Помимо этого, существует вероятность того, что Россия не сможет продолжать войну по финансовым причинам. Следовательно, если радикалы из советов рабочих и солдатских депутатов (т.е. большевики) захватят власть, неизбежна перспектива сепаратного мира.

Выводы этого доклада были следующими. Перед Россией есть два пути. 1) «Партия радикальных социалистов» (большевики) захватит власть и подпишет сепаратный мир. 2) При сохранении нынешней ситуации будет продолжаться какими-то средствами выполнение обязательств перед союзниками, будет продолжено плановое отступление под давлением наступающего противника и сложится ситуация, близкая к сепаратному миру или перемирию в военных действиях».

Его предложения сводились к тому, что в этой ситуации Японии следует взять следующий курс: «**в первом случае**, занять по меньшей мере Северную Маньчжурию, а также Дальний Восток России вплоть до озера Байкал. **Во втором случае**, направить в эти же регионы России при условии приобретения различных концессий как можно больше капиталов из государственных и частных источников с целью приобретения в будущем максимального влияния».

Тем временем военные круги Японии в середине ноября 1917 г., то есть сразу после Октябрьской революции, разработали «План отправки войск на территорию Дальнего Востока России для защиты японских резидентов», в котором предусматривалась отправка основных военных сил во Владивосток и Харбин [9, с. 970—971].

Во многом похожие взгляды почти одновременно с Каваками Тосицунэ, представлявшем мидовскую бюрократию, выражали представители японской армии. Это показывает, что для тогдашней японской элиты курс в отношении русской революции практически совпадал с курсом в отношении Северо-Восточной Азии. Правда, с тем отличием, что по сравнению с армейскими кругами руководители дипломатии были более внимательны в вопросе об учёте расстановки сил на международной арене.

В период Октябрьской революции генконсулом во Владивостоке был уже Кикути Гиро. Кикути после окончания юридического факультета Токийского университета поступил на работу в МИД Японии и с 1917 г. занимал должность генконсула во Владивостоке. Во время «отправки японского войска в Сибирь» он работал в качестве начальника политического отдела войск, направленных во Владивосток.

В своей записке от 17 ноября 1917 г., озаглавленной «Вопрос о тревожных явлениях во Владивостоке» и отправленной в адрес министра иностранных дел Мотоно, генконсул писал, что «…вспышка волнений (революция) в российской столице 8 числа текущего месяца политически и экономически не оказала никакого воздействия на местные дела». Он также докладывал, что поступали сообщения о волнениях среди рабочих и в воинских подразделениях, учитывая это, «…были приняты серьёзные меры безопасности для защиты живущих здесь японцев, но к счастью ничего не произошло» [6, № 509].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в период Октябрьской революции, по сравнению с Февральской, реакция японских дипломатов была более продуманной.

Как воспринималась революция японским резидентом во Владивостоке

26 ноября 1917 г. (9 декабря по новому стилю) во Владивостоке выходит в свет ежедневная газета на японском языке «Владивониппо». Её издание стало возможным благодаря провозглашению свободы слова во время Февральской революции, а также принятому Временным правительством разрешению выпускать газеты на иностранных языках. Издателем и главным редактором газеты становится выпускник отделения русского языка Токийской школы иностранных языков Идзуми Рёносукэ, проживший во Владивостоке 10 лет.

Издание этой газеты было организовано в форме коммерческой компании, которая финансировалась за счёт средств заинтересованных лиц из числа жителей японской резидента. Публикуемая ежедневно информация представляла интерес для «расторопных

коммерсантов». Ожидалось, что газета станет компасом для многочисленных граждан японской диаспоры, не имевших возможности читать русские газеты.

30 декабря 1917 г. (по новому стилю, далее даты даются по новому стилю) под предлогом защиты японских граждан в порт Владивостока зашёл военный корабль японского флота «Ивами», 1 января 1918 г. — английский корабль «Суффолк», но до высадки в городе (5 апреля) японского и английского контингента сухопутных войск тон газетных статей в политическом отношении был достаточно нейтральным. Например, в номере за 22 декабря публикуется ответ одной из японских газет, которая прислала телеграмму с просьбой «…сообщить подробности беспорядков во Владивостоке». Ответ был такого содержания: «В настоящее время обстановка на месте нормальная и спокойная. Сообщения в Японии об обстановке в России содержат много преувеличенного, что доставляет много неудобств и неприятностей здешним коммерсантам» [2].

Более того, в номере за 17 января на первой странице публикуется полный перевод заявления Владивостокской городской Думы, в котором выражалось недовольство заходом в порт военного судна японского императорского флота [3]. В номерах за 18 и 19 число на первых страницах опубликован перевод статьи с анализом международной ситуации из газеты большевиков «Красное знамя».

Однако прекращение железнодорожных перевозок из центральных районов страны в условиях хаоса, вызванного революцией, а также ухудшение состояния экономики, связанное с нарушением работы банков, значительно усилили беспокойство жителей японской диаспоры. В конце января и начале февраля 1918 г. «Владиво-ниппо» публикует «Рассуждения о текущей ситуации» (Дзикёкукан) председателя Общества японских граждан Тайко Кисаку. Он писал, что причины создавшейся тяжёлой ситуации — в крайнем расстройстве наземного транспорта, в разрыве финансовых связей с центром и вызванных этим ограничениях банковских выплат. Нужно ждать переговоров с японской стороной, но они будут очень сложными. По его мнению, в такое время

надо думать о том, чтобы справиться с ситуацией за счёт экспорта не из центральной России, а из Маньчжурии.

Однако в августе 1918 г. начинается активная фаза военной интервенции, основную роль в которой играли Япония и США. Владивосток переходит под контроль иностранных войск и поддерживаемых ими властей, имевших антисоветскую направленность. Японское общество-резидент всецело погружается в работу по поддержке японского экспедиционного корпуса.

Вопрос о выводе японских войск и признании рабоче-крестьянской России

В мае 1920 г. правительство Японии попыталось провести неофициальные переговоры с Дальневосточной республикой о выводе японских войск с Дальнего Востока. Однако Дайренская конференция, на которой велись переговоры с Дальневосточной республикой, открывшаяся в августе 1921 г., в апреле 1922 г. закончилась безрезультатно.

Начатая в сентябре 1922 г. Чанчунская конференция также закончилась провалом, не продлившись и месяца. На ней японская сторона признала необходимость участия в качестве представителя Советской России полномочного представителя в Китае Адольфа Иоффе, но не отказалась от своего требования о том, чтобы основной договаривающейся стороной являлась Дальневосточная республика. Более того, она отказалась ясно указать сроки вывода японской армии и признать рабоче-крестьянское правительство [10, с. 488—503].

Тем временем внутри Японии расширяется критика военной интервенции против революции в России. В номере от 14 мая 1922 г. газета «Токио Асахи симбун» писала: «…Дипломатическая неудача в Дайрене сделала практически очевидным, что бесполезно желать какого-то соглашения с Советской Россией в условиях, когда продолжают оставаться там японские войска», и тем самым газета подчёркивала необходимость вывода остатков войск из Приморской области.

Также начало набирать размах движение за оказание помощи голодающим в Рабоче-крестьянской России, которая длитель-

ное время находилась в условиях Гражданской войны и военной интервенции. В 1921 г. Комаки Оми и др. по призыву журнала «Танэмакухито (Сеятель)» организовали кампанию помощи голодающим. В 1922 г. проводится кампания помощи голодающим под руководством писательницы Ёсано Акико и Тюдзё (Миямото) Юрико. В августе этого же года начинается «Рабочее движение помощи голодающим в России», куда вошли представители профсоюза «Родосодомэй» и других организаций. В движение за оказание помощи голодающим начинают вовлекаться представители различных слоёв населения. В этом же году во время празднования 1 Мая в Токио была принята резолюция, требующая «признать Рабоче-крестьянскую Россию».

Заместитель Наркоминдел РСФСР Л.М. Карахан, ставший полпредом РСФСР в Польше в мае 1921 г., на встрече с Каваками Тосицунэ, назначенным первым посланником Японии в Польше, попытался прозондировать возможность проведения переговоров не с Дальневосточной республикой, а напрямую с рабоче-крестьянским правительством на территории Польши. Карахан говорил, что даже если будут достигнуты договоренности с Дальневосточной республикой по вопросу о выводе войск, вопросы рыболовства, концессии и другие важные проблемы потребуют согласия со стороны Москвы, что поставит под сомнение успех переговоров с Дальневосточной республикой [7, № 689—701].

Переговоры с Дальневосточной республикой закончились так, как и предвидел Карахан. Каваками поднял вопрос о необходимости межгосударственных отношений с рабоче-крестьянским правительством, что шло вразрез с господствовавшей в японском МИДе точкой зрения министра Утида, поэтому он остался в меньшинстве. Каваками направил в адрес Министра иностранных дел Утида пояснительную записку, датированную 16 июля 1922 г., в которой говорилось, что власть Ленина значительно укрепилась. Поэтому, исходя из предыдущего опыта, трудно ожидать результата на переговорах, ведя диалог только с Дальневосточной республикой без привлечения московских властей. По его мнению, Россия вступила в период конструктивного восстановления экономики, поэтому необходимо начать подготовку к возобновлению

торговых отношений с рабоче-крестьянским правительством.

В Записке также говорилось, что «…встречаются утверждения, что наши отношения с Россией ограничиваются дальневосточными территориями, но это только поверхностный взгляд. Мы ещё помним из опыта довоенной торговли, что залог успешного ведения дел на Дальнем Востоке в сочетании государственных и частных интересов, не ограничивающихся только пределами Дальнего Востока. Необходимо, чтобы они включали не только отношения с центральной Россией, но и тесное сотрудничество с центральным правительством и торговыми организациями» [8, № 281] .

Для преодоления тупика, создавшегося по вине МИДа, были проведены неофициальные переговоры, на которые в 1923 г. мэр Токио Гото Симпэй, являвшийся одновременно председателем Японо-русского общества, пригласил в Токио Адольфа Иоффе, являвшегося представителем Советского правительства в Пекине. После этого на японо-советских межправительственных переговорах, проходивших в июне—июле того же года, представителем Японии стал Каваками Тосицунэ. Затем после переговоров в Пекине между Караханом и Ёсидзава Кэнкити 20 января 1925 г. был подписан Пекинский договор.

После восстановления японо-советских межгосударственных отношений Каваками Тосицунэ в качестве частного лица работал председателем совета директоров «Кита Карафутокогё (Северо-Сахалинская горная промышленность)» (1926 г.) и президентом «Нитирогёгё (Японо-российская рыболовная промышленность)» (1927 г.), то есть на предприятиях, связанных с реализацией концессии на советском Дальнем Востоке. Он умер в 1935 г.

Заключение

С точки зрения отношения к русской революции первоначально Каваками Тосицунэ как государственный чиновник воспринимал её в том плане, что ослабление России даёт возможность Японии для продвижения на российском Дальнем Востоке и в Северной Маньчжурии. Гото Симпэй также занимал пост министра иностранных дел во времена «отправки войск в Сибирь». Каждый из них думал о посылке войск и создании марионеточного прави-

тельства, предпосылки для чего создавал хаос, вызванный революцией. Другими словами, это была идея движения в Северную Азию в направлении, заданном русско-японской войной.

Однако после укрепления советской власти, поднявшейся на политическую арену из водоворота Гражданской войны и военной интервенции, стало ясно, что она не будет поддаваться методам дипломатического вмешательства. В Японии начал распространяться взгляд на русскую революцию, в том числе и в среде обычных людей, как на важное явление, которое сформировалось в условиях Гражданской войны и военной интервенции.

Думается, что Каваками Тосицунэ, будучи специалистом по русской политике и экономике, в процессе переговоров с Л.М. Караханом и другими их участниками, увидел в признании японских экономических интересов на Дальнем Востоке возможность достижения соглашения на советско-японских переговорах. Это также подтверждается тем фактом, что после ухода с дипломатической службы, став частным лицом, он активно работал председателем совета директоров «Кита Карафутокогё» и президентом «Нитирогёгё».

Литература и источники

1. JACAL (Japan Center for Asian Historical Records) Ref. B0305110100.
2. «Владиво-ниппо», № 11, 22 декабря 1917 г.
3. «Владиво-ниппо», № 26, 17 января 1918 г.
4. Нихон гайко мондзё (Документы внешней политики Японии). 1917 г. Т. 1. № 409,
5. Нихон гайко мондзё (Документы внешней политики Японии). 1917 г. Т. 1. № 501.
6. Нихон гайко мондзё (Документы внешней политики Японии). 1917 г. Т. 1. № 509.
7. Нихон гайко мондзё (Документы внешней политики Японии). 1921 г. Т. 1. Ч. 2. № 689—701.
8. Нихон гайко мондзё (Документы внешней политики Японии). 1922 г. Т. 1. № 281.
9. Самбохонбу. Сибэрия сюппэйси. Фуккокубан (Генеральный штаб. История экспедиции в Сибири. Версия для печати). Т. 2. 1972. С. 970—971.
10. Фудзимото Вакио. Установление японо-советских дипломатических отношений в 1925 году // Новый мир истории России: Форум японских и российских исследователей. М., 2001. С. 488—503.

УДК: 33: [947.084.2+952.033]

МЭЙДЗИ ИСИН И РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

С.А. ТОЛСТОГУЗОВ

Хиросимский университет, г. Хиросима, Япония

В статье даётся сравнительный анализ Мэйдзи исин и Российской революции 1917 г. с позиций экономического подхода. Автор подчёркивает, что подобное сравнение вполне правомерно, поскольку России и Японии была свойственна модель догоняющего развития. Подробно освещается развитие масштабного денежно-финансового кризиса в обеих странах, итогом которого стала радикальная политическая трансформация и смена власти.

Ключевые слова: Россия, Япония, Мэйдзи исин, Революция 1917 г., экономика, денежно-финансовый кризис, политическая трансформация, смена власти.

MEIJI ISHIN AND THE RUSSIAN REVOLUTION OF 1917: THE ECONOMIC ASPECT

S.A. TOLSTOGUZOV

University of Hiroshima, Hiroshima. Japan

The article provides a comparative analysis of Meiji Ishin and the Russian revolution of 1917 from the standpoint of the economic approach. The author emphasizes that this comparison is quite legitimate, since Russia and Japan were characterized by a model of catching-up development. The development of a large-scale monetary and financial crisis in both countries, which resulted in a radical political transformation and change of power, is covered in detail.

Key words: Russia, Japan, Meiji Ishin, revolution of 1917, economy, monetary and financial crisis, political transformation, change of power.

Приступая к обоснованию предложенной темы, прежде всего, надо отметить, что изучение опыта трансформаций в исторической традиции России и Японии даёт прекрасные возможности для теоретического осмысления исторического процесса. Сравнение России и Японии вполне правомерно, если иметь в виду, что

обеим странам была свойственна модель догоняющего развития. Мэйдзи исин и Российская революции 1917 г., без сомнения, переломные и рубежные по своему значению события, и их значимость одинаково велика как для мировой истории, так и для истории стран, в которых они произошли. Поэтому сравнительный анализ может проводиться как с позиций политической истории, глобальной международной ситуации, внешней политики, так и с позиций экономики. В любом случае конечной задачей сравнительного анализа должна быть выработка нового взгляда на эти события, позволяющего расширить возможности понимания сущности и значения переломных эпох в трансформационных процессах не только в истории отдельных стран, но и в мировой истории.

В данной статье в первую очередь ставится цель провести сравнение Российской революции 1917 г. и Мэйдзи исин в экономическом плане, т.е. оценить роль экономики и экономического кризиса, действовавшего независимо от воли революционных сил и их лидеров.

Одной из общих существенных черт Мэйдзи исин и Российской революции 1917 г. являлось наличие такой составляющей, как масштабный денежно-финансовый кризис*, который оказывал мощнейшее влияние на экономику. Он разрушил экономику сёгуната и экономику Российской империи. В обоих случаях это был специфический кризис, когда наблюдалось резкое падение стоимости валюты на фоне инфляции, и выпуск дополнительных денег только ухудшал ситуацию. В России индекс инфляции в 1920 г. составил 2420 (1913 г. = 1), в 1921 г. — 16 800, в 1922 г. — 288 000 и в 1925 г. — 21 920 000 000, то есть цены выросли в миллионы раз. В Японии рост цен был значительно меньшим, но это не меняло его разрушительного характера.

* Отличием такого кризиса является необычайно высокая инфляция, однако неправильно считать её основным показателем рост цен выше определённого процента. Её главной отличительной чертой является долговременное превышение инфляцией темпов выпуска денег. Такая ситуация объективно делает невозможным индексацию жизненного уровня, так как для этого не хватает физического объёма денежных средств. Более того, она быстро становится причиной обвального падения реальной заработной платы и сокращения оборотных средств в экономике, вызывающее опережающий рост оптовых цен. Именно обвального, когда падение идёт каждый месяц. Люди были уже бессильны перед лицом этой разыгравшейся стихии.

Характерной чертой гиперинфляции по сравнению с другими типами инфляции является значительное превышение темпов инфляции над темпами роста денежной массы, которое существенно сокращает объём реальной денежной массы в обращении и заставляет быстро сокращаться экономику. Ситуацию в России характеризует такой пример: в 1917 г. при росте номинальной денежной массы на 6,5 млрд руб. по сравнению с 1916 г., реальная денежная масса (т.е. поделённая на индекс инфляции) составила лишь 2,5 млрд руб., уменьшившись на 1,5 млрд руб. [3, с. 254], то есть при росте общего объёма денежной массы с 10,5 млрд руб. до 17 млрд руб. номинальная денежная масса сокращается на те же 40%. Схожая ситуация, только в значительно большем масштабе продолжала сохраняться и позже. Например, после отмены 15 мая 1919 г. ограничений на выпуск денежных средств Народным банком денежная масса в период с 1918 по 1921 г. выросла в 100 раз, тогда как цены увеличились в 8000 раз [1, с. 143]. Если определить начальный момент, когда темпы инфляции стали превышать темпы роста денежной массы, то это будет в 1916 г., что хорошо показывает таблица 1.

Таблица 1

Количество денежных знаков и рост товарных цен

Показатели		Количество денежных знаков всех видов	Рост обращения денег	Рост товарных цен	Соотношение роста товарных цен и денежных знаков
1914 г.	1-е полугодие	2370,0	1,00	1,00	-
	2-е полугодие	2520,0	1,06	1,01	- 1,05
1915 г.	1-е полугодие	3472,4	1,46	1,15	- 1,27
	2-е полугодие	4724,5	1,99	1,41	- 1,41
1916 г.	1-е полугодие	6457,0	2,59	2,38	- 1,08
	2-е полугодие	7972,0	3,36	3,98	+ 1,18
1917 г.	1-е полугодие	11 229,0	4,73	7,02	+ 1,49
	2-е полугодие	19 458,0	8,19	11,71	+ 1,44

Источник. Сидоров А.А. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1960. С. 147.

Начало гиперинфляционного кризиса приходится на первую половину 1916 г. При этом нельзя также игнорировать почти двукратный рост цен в 1915 г. по сравнению с 1914 г. Инфляция в 200% разрушительна для экономики, поэтому негативные процессы стали заметны уже в 1915 г., когда вместо металлических денег начинают выпускаться бумажные копейки. Разрушительный характер инфляции, если она имеет денежный характер, начинает проявляться уже на той стадии, когда рост цен ещё не опережает рост денежной массы. Хотя в России переход низкой инфляции в гиперинфляцию происходит за очень короткое время (не превышавшее двух лет), также необходимо учитывать разрушительное воздействие инфляции даже при достаточно низких её темпах.

Всеобщая стачка в Петербурге в феврале 1917 г. и требование 50-процентного повышения зарплаты, выдвинутое 18 февраля рабочими лафетно-штамповочной мастерской Путиловского завода, свидетельствовали о тяжёлой экономической ситуации в стране. Осложнял ситуацию и такой фактор, как недостаток топлива и сырья на этом крупнейшем военном предприятии России. Таким образом, учёт инфляционного фактора позволяет связать между собой такие явления, как падение жизненного уровня, требующее большой индексации зарплаты, плохое финансовое положение предприятия и отсутствие сырья и топлива. По сравнению с Россией инфляция в Японии имела более длительную историю, которая началась ещё до «открытия страны». Всплески роста цен имели место, например, во время голода в годы Тэмпо, но признаки гиперинфляции они приобретают только в 1860-е гг. (табл. 2).

Таблица 2

Рост цен в Японии (в процентах к предыдущему году)

Годы	1856	1857	1858	1859	1860	1861	1862	1863	1864	1865
%	0,9	5,1	14,6	3,4	21,5	12,4	– 5,9	6,8	21,8	32,2
Годы	1866	1867	1868	1869	1870	1871	1872	1873		
%	58,3	8,9	– 10,5	52,1	– 9,6	– 25,5	– 25,5	– 16,4		

Источник. Миямото Матадзи. Кинсэй букка си: сэйка то мондай тэн // Бакумацу-Мэйдзи, но Нихон кэйдзай / под ред. Одака Коносукэ и Ямамото Юдзо. Токио: Нихон кэйдзай симбунся, 1988. С. 152—153.

Пик инфляции в Японии пришёлся на 1864—1866 гг., когда она составляла: в 1864 г. — 21,8%, 1865 — 32,2%, 1866 — 58,3%. Итоговый рост — в 10 раз в 1867 г. Учитывая, что в Японии была система металлического денежного обращения, рост количества денег в обращении не мог поспевать за подобными темпами инфляции уже в силу ограниченности ресурсов благородных металлов в стране [7, с. 152—153].

В свою очередь углубление кризиса, когда он обретает признаки гиперинфляции, значительно увеличивает его негативное влияние на экономику. Быстрое сокращение объёма реальной денежной массы ведёт к падению промышленного и сельскохозяйственного производства, разрушению кредитной системы и банкротству государства*.

Применительно к экономике сёгуната мы не имеем достоверных статистических данных, но было очевидным разрушение всех сложных производств, таких как производство хлопчатобумажных изделий и лампового масла, крах крупных предприятий мануфактурного типа, паралич производства в Киото, известного своими тканями нисидзин и др. Под воздействием инфляции произошло разрушение системы кредитования крупных феодалов (даймё), а также нарушение нормального функционирования системы воспроизводства в сельском хозяйстве, что повлекло в дальнейшем жесточайший голод.

Развитие гиперинфляционного кризиса имеет лавинообразный характер и в разы сокращает экономику страны. Обычной является ситуация, когда ВНП на душу населения падает до уровня менее 100 долл., независимо от того, Япония это, или Россия. Раз-

* Что происходит в этом случае, можно проиллюстрировать таким образом. Если заработная плата была 1000 руб., то при инфляции в 10% и 6% росте выпуска денег реальная заработная плата снижается до 960 руб. А при инфляции в 100% и выпуске денег в 60% реальная зарплата упадёт до 600 руб. Это грубое исчисление относится не только к заработной плате, но и ко всем оборотным средствам предприятий, которые вынуждены повышать оптовые цены, что, однако, не помогает компенсировать недостаток денег, так как сокращение оборотных средств идёт в арифметической прогрессии. При этом, если для роста инфляции нет предела, то падение уровня жизни через некоторое количество месяцев достигает некоего нижнего уровня, и далее начинается колебание в небольших пределах, не коррелирующее с ростом инфляции и выпуском денег. Можно сказать, что ситуация стабилизируется на некоем очень низком уровне.

рушение экономики сёгуната было фундаментальным и глубоким. Однако оно не было столь сильным, как это произошло в России, когда, по некоторым подсчётам, ВНП «съёжился» со 100 руб. до 10 руб. на душу населения.

Под влиянием инфляции происходит стремительное обнищание огромной массы населения, включая средний класс в обеих странах. В конце 1916 г. начался процесс снижения реальной заработной платы практически во всех отраслях промышленности и для всех категорий занятых. К февралю 1917 г. реальная заработная плата была на 46% ниже уровня 1914 г. Это создало благоприятную почву для массового недовольства властью в период Февральской революции. С октября 1916 г. начинается организованная борьба рабочих по экономическим вопросам, и в феврале 1917 г. в Петрограде практически ни дня не проходило без забастовки на каком-то из предприятий города [11, с. 101].

В Японии также происходил процесс резкого падения уровня жизни. Подённая плата плотников, являвшихся одной из самых многочисленных категорий наёмных работников, начала расти вслед за инфляцией только с 1864 г., когда индекс цен изменился в разы. До 1867 г. рост подённой платы составил почти в 7 раз, что значительно отставало от роста цен, который уже достиг десятикратной отметки. В похожей ситуации находились все остальные категории наёмных работников. Инфляция больно ударила также по всем мелким самураям, которые получали доходы из казны правительства или даймё и имели, таким образом, фиксированные доходы. Мелкие самураи сразу оказались на грани банкротства, что спровоцировало их быструю радикализацию. Аналогичная во многом ситуация касалась положения придворной знати и императорского дома, которые также не имели земельных владений и фактически находились на содержании у сёгуна. Резкое уменьшение их реальных доходов быстро вызвало рост неприятия политики бакуфу и условий внешней торговли.

Обычно причиной столь стремительного разрушения экономики считается гражданская война, которая имела место как в России, так и в Японии. Однако обратим внимание, что в Японии военные действия имели локальный характер, и многие регионы

перешли под контроль антиправительственных сил практически без сопротивления, столица также была сдана без боя. В целом в Японии общий ущерб экономике от кризиса несоизмеримо превосходил прямой экономический ущерба от военных действий. Очевидно, что трудности в экономике начались значительно раньше, чем были начаты боевые действия. Дно же экономического кризиса пришлось на период гражданской войны.

При наличии существенного сходства финансовой ситуации в двух странах для понимания механизма возникновения кризиса необходимо в обоих случаях проанализировать влияние войны на деньги и денежное обращение, и прежде всего, обратить внимание не столько на результаты военных действий, сколько на состояние бюджета и рост расходов (табл. 3).

Таблица 3

Бюджет Российской империи в 1909—1913 гг., млн руб.

Годы	Регулярные		Экстраординарные		Баланс
	доходы	расходы	доходы	расходы	
1909	2,526	2,451	163,0	156,0	+82
1910	2,781	2,473	24,0	124,0	+208
1911	2,952	2,536	3,0	310,0	+109
1912	3,106	2,722	2,0	449,0	-63
1913	3,415	3,070	13,0	285,0	+73

Источник. Погребинский А.П. Очерки истории финансов дореволюционной России XIX—XX вв. М.: Госфиниздат, 1954. С. 175.

В России состояние бюджета накануне войны не внушало особых опасений. Небольшой положительный баланс в сумме 73 млн руб. делало положение царского правительства более благоприятным по сравнению со значительно бо̀льшими проблемами правительства сёгунов Токугава. В 1840 г. расходы составили чуть больше 2 млн *рё*[*] при регулярных доходах в 1,422 млн *рё*, дефицит составил 579 тыс. *рё* или почти 30%. В следующем 1841 г. ситуация ухудшилась, и при общей сумме расходов в 1,96 млн *рё*,

* Рё – золотая денежная единица. 1 рё равен 4 бу или 8 сю. В годы Тэмпо золотая монета достоинством 1 рё (кобан) весила 15 грамм и содержала 40% золота и 60% серебра.

регулярные доходы составили лишь 1,09 млн *рё*, то есть дефицит увеличился почти до 45% [6, с. 152]. Недостаточность доходов в этот период приняла уже хронический характер.

Россия имела довольно значительный внешний долг, достигавший 8 млрд руб., в то время как правительство сёгунов — *бакуфу* — не могло занимать деньги на внешнем рынке, и у Японии не было внешнего долга.

С началом Первой мировой войны рост военных расходов приводит к огромному росту бюджетного дефицита в России (табл. 4)

Таблица 4

Государственные доходы и расходы в годы Первой мировой войны, млн руб.

Годы	Расходы (включая и обыкновенные)	Доходы (без займов)	Дефицит
1914	4859,0	2961,0	1898,0
1915	11 562,0	3001,0	8561,0
1916	18 101,0	4345,0	13 756,0
1917	27 607,0	5039,0	22 568,0
Итого	62 129,0	15 346,0	46 783,0

Источник. Сидоров А.А. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны, М., 1960. С. 117.

Общий дефицит бюджета России за годы Первой мировой войны составил 46 млрд руб., что более чем в три раза превысило все регулярные доходы, полученные за годы войны. Это вело к банкротству государства, когда даже выпуск дополнительных денег не мог компенсировать возраставшие расходы. В 1917 г. ежедневные расходы России увеличились в четыре—пять раз по сравнению с начальным периодом войны и достигли огромной суммы — 58,9 млн руб. В пересчёте на месяц это даёт сумму в 1,38 млрд руб. В то же время «…к концу января 1917 г. текущий счёт государственного казначейства в Государственном банке насчитывал всего лишь 208,7 млн руб.», то есть денег на счету имелось менее чем на четыре дня. В январе—феврале 1917 г. было выпущено кредитных билетов на 423 млн руб., что равнялось примерно двухнедельной потребности. 210 млн руб. в месяц и 208 млн руб. на текущем сче-

ту дают немногим более 400 млн руб. или около одной трети месячной потребности. Учитывая все прочие доходы, правительство могло оплачивать не более половины своих расходов. Наступил финансовый коллапс, и правительство оказалось не в состоянии выполнять свои внутренние обязательства и оплачивать потребности армии [10, с. 131, 132, 144, 159]. Задержки в оплате военных заказов становятся объективной реальностью, справиться с которой царское правительство, будучи банкротом, не имело возможности. Это стало финансовой основой того, что крупнейшее предприятие военной промышленности — Путиловский завод превратился в арену ожесточённого революционного противостояния.

В Японии *бакуфу* столкнулось примерно с такой же проблемой быстрого роста расходов. В руках правительства находились доходы от внешней торговли* [2, с. 167], взносы от *даймё*** *и мелких вассалов (дзёнокин*), которые напрямую не принимали участия в военных действиях. *Бакуфу* получило несколько миллионов *рё гоёкин* от ростовщических и торговых компаний, значительно увеличив эксплуатацию этого источника. В руках правительства продолжал оставаться такой мощный и испытанный источник доходов, как перечеканка.

Золотой монеты достоинством в 2 *бу* в год Манъэн*** было отчеканено на огромную сумму в 46 млн 898 тыс. 932 *рё* [9, с. 579]. Если учесть, что эта монета чеканилась с 1860 по 1867 г., то ежегодная сумма перечеканки в среднем составляла 5,9 млн *рё*. Это огромная для того времени сумма, равная всем доходам за 1863 г. Как известно, реальный объём производства новой монеты в 1863 г. был ниже этой средней цифры, так же как в 1860—1862 гг. Поэтому следует предположить, что основное количество монет было произведено в 1864—1867 гг. и могло доходить до 8—9 млн *рё,* а общий объём бюджета в 1866—1867 гг. превысил 10—12 млн *рё*.

* За 8 лет после начала торговли сумма таможенных сборов составила 4,54 млн долл., что значительно превышало сумму в 3,25 млн долл., израсходованную на закупку всех 29 военных и торговых судов, закупленных в тот же период.

** Самураи высокого ранга, имевшие крупные земельные владения.

*** Год Манъэн — 1860 г. по европейскому календарю, когда был издан указ о выпуске этой денежной единицы, её чеканка продолжалась вплоть до Мэйдзи исин.

Десять тысяч чеканщиков монетного двора работали с предельной интенсивностью, однако едва справлялись с работой по дополнительному выпуску денег. Поэтому *бакуфу* начало переговоры о поставках машин для чеканки монет из Европы, которые велись вплоть до его падения. Однако даже ручная работа чеканщиков давала *бакуфу* огромные суммы, постоянно пополнявшие денежные хранилища.

Точное время наступления банкротства определить сложно, но можно высчитать его приблизительно. Известно, что в 1864 г. было начато строительство верфи, и *бакуфу* дало согласие на выплату компенсации за события в Симоносэки. Поэтому можно предположить, что финансовая ситуация не дошла до критической черты и *бакуфу* имело ещё некоторый финансовый резерв. В течение следующего года *бакуфу* удалось почти в срок сделать два первых платежа в счёт выплаты компенсации. Однако далее ситуация изменилась: третья часть уплачена в апреле 1866 г. после многочисленных переговоров и отсрочек, после чего платежи прекратились. Таким образом, до своего падения *бакуфу* выплатило только половину суммы, положенной в качестве компенсации за обстрел иностранных судов в Симоносэки, хотя к 1868 г. оно должно было расплатиться полностью. Соответственно с 1866 г. под сокращение попадают выплаты по международным обязательствам, и наступает фактическое банкротство *бакуфу*.

Экспедиция против Тёсю, начавшаяся в 1865 г., нанесла по финансовой системе очень чувствительный удар. Только за период с мая 1865 г., когда сёгун отбыл из Эдо в Киото для проведения первой экспедиции против Тёсю, санкционированной императором, до начала активных боевых действий в июне 1866 г. расходы на текущее содержание армии, без закупок вооружений, составили около 3 млн *рё*. Это вынудило *бакуфу* направить оставшиеся средства только на обеспечение нужд армии и флота, отложив все прочие расходы [5, с. 107].

В последние годы существования сёгуната его финансовое положение стало совсем плачевным. По выражению одного из представителей *бакуфу*, хорошо знакомого с реальной ситуацией, Кацу Кайсю «…со времени экспедиций против Тёсю в казне не осталось

денег, а все хранилища для денег стали пустыми» [4, с. 333]. Наступает фактическое банкротство *бакуфу*, которое не могло выполнять не только внешние обязательства, но и финансировать свою многочисленную армию.

В Японии накануне Мэйдзи исин происходил быстрый рост невоенных расходов, что поставило *бакуфу* на грань банкротства, а возрастание военных расходов в связи с началом экспедиции против Тёсю быстро привело *бакуфу* к полному банкротству. Напротив, в России основной причиной выпуска денег были преимущественно военные расходы (сначала в годы Первой мировой, а затем — Гражданской войны), которые спровоцировали финансовый коллапс.

Последствия денежно-финансового кризиса и гражданской войны в Японии выглядят менее разрушительными. Одним из факторов было то, что гражданская война не имела таких масштабов, как в России, но также надо учитывать, что денежная реформа и замена денежной системы были осуществлены значительно раньше, чем в России, что позволило сделать короче период сокращения реальной денежной массы и потери от инфляции.

Денежно-финансовый кризис в обоих случаях приводит к тяжелейшему и быстрому ослаблению власти. Так, слабый император Николай II и слабый сёгун Токугава Ёсинобу — оба отказываются от власти и уступают давлению, не имевшему вполне легитимного характера. В обоих случаях существовали альтернативные варианты развития ситуации, т.к. они оба не были свергнуты путём захвата столицы противником. Тем не менее, правительственные силы при огромном превосходстве не смогли удержать контроль за ситуацией. Военные поражения русской армии имеют заметное сходство с поражением сёгунской армии, которая численно значительно превосходила войско противников, состоявшее во многом из слабо обученных наскоро собранных ополченцев.

В обоих случаях необходимо было остановить процесс сокращения реальной денежной массы. Это сложная задача, для которой современная наука не имеет точного набора средств, однако ещё в древности было найдено эффективное лекарство в виде замены существующей денежной системы. В Японии после Мэйдзи

исин основой новой денежной системы стала хорошо известная иена, которая в то время состояла из 100 сэн и даже 1 сэн делился на 10 рин.

В России во время реформирования денежной системы был выпущен советский рубль. Валюта сохранила своё название, но она стала совершенно иной денежной единицей, изолированной, как и вся страна, от мирового рынка, постепенно превращаясь из меры стоимости в средство учёта, отразив в себе специфику социальной системы. Тем не менее эффект стабилизации был таким же, как в Японии. Поэтому замена денежной единицы — важнейший элемент реформирования, который позволяет начать выход из кризисной ситуации и кардинально изменить экономику.

Мэйдзи исин и Российская революция 1917 г. — это часть бурных периодов истории, сопровождаемых сменой власти, гражданской войной и другими трагическими событиями. Им была свойственна не только специфическая острота политической борьбы, но и переломный характер эпохи, что сближает оба этих события и создаёт основу для сравнительного анализа сходства и различий двух важных периодов в истории России и Японии.

При этом место обоих событий в общем процессе модернизации выглядит существенно разным. Если Мэйдзи исин произошла в начальный период модернизации Японии, то Российская революция происходит в период, когда модернизация России имела значительные результаты. Несомненно, уровень зрелости элементов рыночной экономики в России на момент революции был значительно выше, чем в Японии, также как уровень развития современной промышленности и формирования торгово-промышленного класса.

Мэйдзи исин произошла в условиях существования значительно менее развитой социально-экономической базы, что делает более явственным и значимым сделанный рывок в построении современной экономической системы, хотя и не лишённой определённых недостатков с точки зрения критериев современного общества. Напротив, Россия прошла длительный многоступенчатый путь к построению рыночной экономики, в котором революция 1917 г. стала только промежуточной ступенью.

В обоих случаях имел место жёсткий и глубокий кризис, в развитии которого роль экономики очень значительна. По крайней мере, могут быть отмечены два важных момента. Первый — это размеры разрушения экономики и инфляции, ставшие фоном обоих событий. Второе — это специфическая форма кризиса — денежно-финансовая. Без понимания этих специфических особенностей ситуации и механизма влияния экономики на смену власти и радикализацию политических сил невозможно точное понимание обоих событий.

Денежно-финансовый кризис становится причиной крайне высокой инфляции, вызвавшей значительное падение жизненного уровня рабочих на производстве, но также растущей нехватки сырья и продовольствия, вызванной транспортными проблемами. Под его влиянием в обоих случаях происходит резкое ухудшение ситуации, в то время как военные действия только ускоряют течение кризиса за счёт резкого роста военных расходов, как мы видим на примере Японии и России. Под влиянием кризиса происходит разрушение экономики и денежно-финансовой системы, что в свою очередь влечёт за собой сильное ослабление власти и делает необходимым проведение экономических реформ после смены власти.

Экономики обеих стран оказались очень уязвимыми перед лицом кризиса и не только бюджетно-финансовая система, но и система производства и транспорт. Поэтому за денежно-финансовым кризисом и за экономикой должна быть признана ключевая роль. Без понимания роли денежно-финансового кризиса и методов восстановления и реформирования экономики, невозможно понимание процесса нарастания глубоких перемен и политической трансформации в обеих странах.

Таким образом, очевидно, что сравнительный анализ должен учитывать взаимодействие сложного сочетания факторов, включая экономические. Объективное изучение глубоких трансформаций, сопровождавших Мэйдзи исин и Российскую революцию 1917 г., не может ограничиваться только политическими или социальными аспектами, но непременно опираться на экономический подход.

Литература и источники

1. Владимир Тульев. История денег России с X века до наших дней. М.: Эксмо, 2014. 208 с.
2. Исии Кандзи, Кайкоку то исин, Нихон-но рэкиси, Т. 12. С. 167.
3. История денежного обращения России. Т. 1. М.: ИНТЕРКРИМ-ПРЕСС, 2011. 504 с.
4. Кацу Кайсю, Кацу Кайсю дзэнсю. Т. 9. Токио, 1928. С. 333.
5. Кацу Кайсю. Кацу Кайсю дзэнсю. Т. 17. Токио, 1977. С. 107.
6. Миками Сандзи, Эдо бакуфу: тосан-э, но мити. Токио, 1994. С. 152.
7. Миямото Матадзи. Кинсэй букка си: сэйка то мондай тэн // Бакумацу-Мэйдзи, но Нихон кэйдзай / под ред. Одака Коносукэ и Ямамото Юдзо. Токио: Нихон кэйдзай симбунся, 1988. С. 152—153.
8. Охаси Юка. Эдо коки ни океру букка хэндо, но сякайтэки хайкэй ни цуйтэ. http://www.soc.titech.ac.jp/publication/Theses2012/graduate/08_05086.pdf.
9. Сакудо Ётаро, Кинсэй хокэн сякай-но кахэй кинъю кодзо. Токио, 1971. С. 579.
10. Сидоров А.Л. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1960. 579 с.
11. Цудзи Ёсимаса, Росиа дзюгацу какумэй то роси канкэй но тэнкай. Токио: Отяномидзу сёбо, 1981. С. 101.

УДК: 947.084.2:895.1

РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. И НОВАЯ ЖИЗНЬ КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ВАН Ю, ВАН СЯОЦЗЮЙ

Институт всеобщей истории Китайской Академии Общественных Наук, г. Пекин

Огромное влияние Октябрьской революции на Китай не ограничивалось только политической сферой, но было многогранно. В 1920-х гг. популяризация русской литературы и изучение русской культуры рассматривались китайской интеллигенцией как наиболее доступный способ реформирования национальной духовности без немедленного создания в своей стране политической системы по российскому образцу. Под влиянием Октябрьской революции Лу Синь, основатель современной китайской литературы, Цюй Цюбо, который являлся одним из лидеров Коммунистической партии Китая, и основатель Китайской Народной Республики Мао

Цзэдун были сильно увлечены русской и советской культурой. Под воздействием советско-российской литературы стало возможным быстрое развитие левой литературы Китая, которая сыграла значительную роль в том, что Коммунистическая партия Китая стала господствующей на национальном идейно-культурном фронте в 1940-х гг.

Ключевые слова: Российская революция 1917 г., китайская литература, русская литература, Коммунистическая партия Китая, Лу Синь, Цюй Цюбо, Мао Цзэдун.

THE RUSSIAN REVOLUTION OF 1917 AND NEW LIFE OF CHINESE LITERATURE

WANG YOU, WANG XIAOJU

Institute of universal history of Chinese Academy of Social Sciences, Beijing

The great influence of the October Revolution on China was not limited to the political sphere, but was multifaceted. In the 1920s, the introduction of Russian literature and the study of Russian culture were considered by the Chinese intelligentsia as the most accessible way of reforming the national spirit without the immediate establishment of a political system in the country on the Russian model. Lu Xun, the founder of modern Chinese literature, Qu Qiubai, who was the supreme leader of the Communist Party of China, and the creator of the People's Republic of China Mao Zedong, were deeply affected by Russian and Soviet culture as a result October Revolution. With the help of Soviet-Russian literature, the rapid development of the Chinese left-wing literature made a significant contribution to the fact that the Communist Party of China took over the national ideological and cultural front in the 1940s.

Key words: Russian revolution of 1917, Chinese literature, Russian literature, Communist Party of China, Lu Xun, Qu Qiubai, Mao Zedong.

Со времени Великой Октябрьской социалистической революции прошло уже 100 лет. Одно столетие — недолгое и не короткое время в истории человечества, но его было достаточно, чтобы оказать значительное влияние на духовную культуру нации. На родине Октябрьской революции — в России — революция изменила содержание и форму литературы. Октябрьская революция придала культуре новую жизненную силу, и нанесла тяжёлый удар по прежней культурной жизни и её творцам. Это является неизбеж-

ным следствием любой революции. После установления советской власти по всей стране развёртывалась кампания по ликвидации неграмотности, введению всеобщего начального обучения. Неграмотность в СССР практически была искоренена, уровень культуры народных масс повышался. В некоторых странах, где начали «учиться у России», постигая новую культуру, литература добилась новых прорывов как по глубине осмысления, так и по широте кругозора. Литература Китая под влиянием Российской революции 1917 г. стала одним из таких ярких примеров.

С середины XIX в. Китай непрерывно страдал от иностранной агрессии. После того, как Синьхайская революция 1911 г. свергла Маньчжурскую династию Цин, китайский народ не получил государственного процветания и могущества, национального возрождения. Вся страна, входившая в период милитаристской раздробленности, была охвачена войной и голодом. Как и несчастья в реальной жизни, в духовном мире китайской нации была страшная тоска. Вместе с концом старой литературы, написанной на вэньяне, начала развиваться новая литература, написанная на разговорном языке байхуа, но коренные новаторские изменения в плане тематических направлений не произошли. Такое положение напоминало об известных словах Л.Д. Троцкого: «…Искусство обнаружило — как всегда в начале большой эпохи — ужасающую беспомощность... Певчая птица поэзии, как и сова, птица мудрости, даёт о себе знать только на закате солнца. Днём творятся дела, а в сумерки чувство и разум начинают отдавать себе отчёт в совершенном [1]. И политики, и писатели Китая были поглощены поисками новых путей в сфере культуры и духовности.

Ещё в конце XIX в. произведения русской литературы, представленные романами Льва Толстого, были переведены в Китае и получили высокую оценку в китайских литературных кругах. Главным достоинством русской литературы в представлении китайских читателей была высокая духовность, гуманизм и глубокие философские идеи. Но как и другие западные литературные произведения, они распространялись только в узком кругу литературных энтузиастов, не имея широкого социального влияния. Цюй Цюбо, один из основателей и руководителей Коммунистиче-

ской партии Китая на ранних этапах её существования вспоминал, что он начал изучать русский язык летом 1917 г., когда ему «…не было известно, что в России произошла революция, и насколько велико значение русской литературы. Владение русским языком он считал полезным для своей жизни в будущем» [13, с. 695]. Но по мере того, как Октябрьская революция потрясла мир, передовая интеллигенция Китая обратила свои взоры к России, решив учиться у России, «идти по пути русских». Популяризация русской литературы и изучение русской культуры стали рассматриваться китайской интеллигенцией как наиболее доступный способ реформирования национальной духовности без немедленного создания в своей стране политической системы по российскому образцу.

Итак, в начале 20-х гг. XX в. в Китае поднялась волна интереса к русской культуре, большие и малые общества по изучению России возникали как грибы после дождя. В процессе знакомства с русской литературой появилась группа ранних марксистов, многие из молодых людей изучали литературу для того, чтобы поехать учиться в Россию, позднее из их среды формировались кадры китайской революции.

Примером выбора такого пути стал и Цюй Цюбо. Систематически изучавший русскую и советскую литературу, а также политику и культуру, Цюй Цюбо в октябре 1923 г. написал известную статью «Первая ласточка в новую литературную эпоху Красной России», в которой он писал: «…Российская революция открыла не только новую эру в истории мировой политики, но и новые пути в истории развития человеческой культуры» [12]. Аналогичным образом и Мао Цзэдун, ставший впоследствии лидером Коммунистической партии Китая, в газете «Дагунбао» 31 июля 1920 г. также заявил: «…Нет новой культуры не только в провинции Хунань, но и во всём Китае. Нет новой культуры и во всем мире. Только в России, на берегах Северного Ледовитого океана, появился малюсенький цветок Новой Культуры» [11, с. 61]. Более чем через 20 дней он создал в провинции Хунань «Общество по изучению России». С целью всестороннего изучения России стали выпускать журналы о России и готовить к отправке молодых людей на учёбу в Россию. Когда Хэ Шухэн (друг Мао Цзэдуна) хотел поехать учиться

во Францию, Мао Цзэдун посоветовал ему: «…Лучше поехать в Россию, чем во Францию», потому что «Россия — первая цивилизованная страна в мире». Затем Мао Цзэдун сказал Хэ, что он сам готовится организовать друзей, чтобы учиться в России, и заявил: «Я полон радости и надежды на это дело...» [11, с. 60]. Безусловно, эти слова выражали не только личные взгляды Цюй Цюбо и Мао Цзэдуна, но являлись голосом сердца целого поколения китайской прогрессивной молодёжи.

За короткие четыре года — с 1917 по 1921 г., распространение марксизма и русской литературы в Китае стало гораздо более широким, чем за предыдущие полвека. Многие русские писатели и их произведения были прекрасно знакомы китайской интеллигенции. Через 25 лет после Октябрьской революции, 23 мая 1942 г., Мао Цзэдун в выступлениях на Совещании по вопросам литературы и искусства в Яньани на примере повести «Разгром» указывал на популярность художественной литературы Советского Союза в Китае: «…В «Разгроме» А.А. Фадеева изображён только один маленький партизанский отряд. Это произведение было написано вовсе не для того, чтобы угодить вкусам читателей старого мира, но, тем не менее, оно оказало влияние на весь мир. По крайней мере, на Китай, как всем известно, оно оказало очень большое влияние» [5, с. 876].

Повесть «Разгром», упомянутая Мао Цзэдуном, была впервые в Китае переведена с японского на китайский язык Лу Синем, одним из величайших китайских писателей двадцатого столетия. Всем известно, что Лу Синь — гениальный писатель, создавший не только беспрецедентные картины китайской общественной жизни, но и первоклассные произведения мировой литературы, а кроме того он был выдающимся переводчиком, внёсшим весомый вклад в перевод русской литературы. Группа китайских современных писателей, таких как Лу Синь, учились в Японии или в Западной Европе, свободно владели японским, английским, немецким, французским языками, но имели ограниченные знания русского языка. Несмотря на сложности языкового барьера, они не отступали, стремились использовать различные возможности перевода произведений русской литературы.

Цюй Цюбо был одним из немногих современных переводчиков, прекрасно владевших русским языком. Благодаря любви к русской литературе, Цюй Цюбо стал одним из близких друзей Лу Синя, будучи младше его на 18 лет. Он поклонялся удивительному литературному таланту Лу Синя. С другой стороны, Лу Синь высоко оценил переводы Цюй Цюбо сделанные с русского языка. О работе над переводами Цюй Цюбо в области теории литературы и искусства, Лу Синь однажды сказал писателю Фэн Сюэфэну: «Мы его поймаем! Попросим его больше переводить таких произведений с русского оригинала! Учитывая его способности к русскому и китайскому языкам, это действительно наиболее подходящее» [10, с. 109]. А в высказываниях Цюй Цюбо Лу Синь иногда упоминается как «г-н Лу Синь», иногда как «путешественник», а иногда и даже как «близкий товарищ».

Цюй Цюбо всегда помнил об ожиданиях Лу Синя по отношению к себе. В своей известной книжке под названием «Лишние слова», он с сожалением упомянул: «Что касается моих конкретных знаний, это только русский язык. Если смогу, постараюсь точно перевести несколько шедевров русской литературы, тщательно выражая их в китайских иероглифах, чтобы по возможности «не ввести читателей в заблуждение». Это моя самая приятная мечта...» [13, с. 718]. Затем он перечислил 6 литературных произведений, которые «можно прочитать снова» до своей смерти, в том числе 3 китайских и 3 русских литературных произведения: «Подлинная история А-кью» Лу Синя, «Колебания» Мао Дуня и «Сон в красном тереме» Цао Сюэциня, «Жизнь Клима Самгина (Сорок лет)» А.М. Горького, «Рудин» И.С. Тургенева и «Анна Каренина» Л.Н. Толстого. Перечислив этот короткий список книг, Цюй Цюбо закончил своё завещание одним словом: «Прощай» [13, с. 723]. Дружба между ними сохранялась до тех пор, пока Цюй Цюбо не был убит гоминьдановскими властями.

Очарование истинного искусства не ограничивается границами или возрастом. Это естественно рождает у людей воспоминания о словах В.И. Ленина об «Интернационале» Эжена Потье: «В какую бы страну ни попал сознательный рабочий, куда бы ни забросила его судьба, каким бы чужаком ни чувствовал он себя,

без языка, без знакомых, вдали от родины, — он может найти себе товарищей и друзей по знакомому напеву «Интернационала»» [2, с. 291]. В свою очередь, китайская молодёжь 20-х и 30-х гг. XX в., вероятно, может найти себе соратников и единомышленников на революционной дороге благодаря любви к русской и советской литературе. В учебниках начальной школы Китая излагалась такая подлинная история: в один из осенних дней 1932 г. молодой кондуктор автобуса из Шанхая обнаружил свою любимую книгу «Разгром» в книжном магазине друга Лу Синя, но он был слишком беден, чтобы купить эту книгу. Пока кондуктор колебался, появился незнакомый старик. После короткого разговора старик бесплатно отдал молодому человеку книгу «Разгром» и продал ему «Железный поток» А.С. Серафимовича по низкой цене. И тогда молодой человек признал в старике Лу Синя, он был потрясён и с тех пор прочно встал на революционный путь*.

Однако не только романы, поэзия, проза, драма и другие художественные произведения, присылаемые русскими и советскими литераторами в Китай, но также и теория русской литературы оказали огромное влияние на Лу Синя и других китайских писателей. Её значение не уступает влиянию системы Станиславского на традиционную китайскую драму. Лу Синь перевёл сборники статей Г.В. Плеханова «Об искусстве» и А.В. Луначарского «Искусство и критика». Он писал предисловия, послесловия к переводам, познакомил китайских читателей с мыслями Георгия Плеханова и Анатолия Луначарского. Лу Синь совершил коренной переход от демократического писателя к революционному, значительно обогатил содержание современной китайской литературной критики, и заложил основы китаизации марксистской литературной критики.

Помимо сочинений Плеханова и Луначарского, книга Льва Троцкого «Литература и революция» также открыла для китайских писателей принципиально новую возможность ближе познакомиться с русской литературой. В своём послесловии к китайскому переводу (1926 г.) эпической поэмы «Двенадцать» талантливого русского поэта Александра Блока, Лу Синь комментирует раздел

* Этого кондуктора звали Чжу Цзунжэнь (псевдоним А Лэй, 1909—1987). После основания КНР, он стал известным учёным и ректором Хунаньского университета.

«А. Блок» (3 глава «Литературы и революции» Льва Троцкого): «…В глазах китайского народа, Троцкий был якобы злобен, гневлив, как революционер и военный человек. Однако, читая эту его статью, мы узнаём, что он также отличный литературно-художественный критик [3, с. 241]. Примечательно, что использованные Лу Синем слова «злобен, гневлив» почерпнуты из «Жизнеописания Хуайинь-хоу» из 92 главы «Исторических записок» великого китайского историка Сыма Цяня [8], изображавшего известного в китайской истории сильного и мужественного генерала Сян Юя в минуты гневного и резкого крика. Как и былинный русский герой, Илья Муромец, Сян Юй — китайский богатырь, известный всему Китаю. Проведение аналогии между таким человеком и Л.Д. Троцким, сегодня неизбежно выглядит забавно. Тем не менее, слова Лу Синя чётко показывают, какое впечатление у китайского писателя интуитивно возникало под влиянием литературного дарования лидера российской революции: в отличие от образа «бунтовщика» в традиционном китайском понимании, революционер может быть военным, связанным с постоянным применением насилия, и вместе с тем критиком, который хорошо знает литературу. И это не было противоречием. Именно из-за этого китайские писатели стремились лучше узнать и понять российскую революционную литературу.

В течение тысяч лет китайской истории функция литературы по социальному воспитанию высоко ценилась китайской интеллигенцией. Однако после образования династии Цин в XVII в., из-за острых классовых и этнических противоречий в стране, господствующий класс проводил политику репрессий в сфере культуры, и литературная инквизиция особенно была распространена. После середины династии Цин, литературный мир Китая впал в длительный период депрессии, творческие литературные силы всей нации вместе с идеологической жизнеспособностью были ослаблены. Несмотря на то, что агрессия Запада разрушила вековые устои китайского общества, на протяжении 70 с лишним лет, начиная с опиумной войны 1840 г. и кончая российской революцией 1917 г., китайский народ не имел возможности изменить своё положение. Только такой глубокий исторический переворот, как Октябрь-

ская революция, смог разбудить самобытность и оригинальность китайских литераторов, а также освободить литературу и искусство от устаревших представлений прошлых эпох, придать новую жизнь литературе.

Всё новое развивается извилистыми путями. Спустя 10 лет после Октябрьской революции, попытки Советского Союза экспортировать революцию в Китай на время остановлены из-за предательства китайских политиков Чан Кайши и Ван Цзинвэя. Произведения многих революционеров, которые любили русскую советскую литературу, вместе с телами были уничтожены под ножами мясников. Китайские коммунисты были вынуждены отступить в отдалённые и отсталые сельские районы, необходимость выживания временно затмила культурные потребности. Вместо изучения литературы и искусства более насущными стали проблемы одежды, питания, жилья, отопления и др., даже ликвидация безграмотности потеряла актуальность. Советское правительство западной Фуцзяни особо отметило, что на революционных базах обычно возникают следующие проблемы: поскольку председатели волостных советских правительств не могут читать официальные документы, книги, газеты и письма, власть в волостях часто оказываются в руках секретарей. Народные массы не могли читать плакаты, листовки и объявления, не могли понимать политику партии, не могли должным образом выполнять все задачи, которые поставило правительство. Офицеры и солдаты Красной Армии были неграмотны, что серьёзно влияло на повышение идейно-политического уровня и боеспособности... и т.д. В январе 1934 г. Мао Цзэдун в докладе на 2-м Всекитайском съезде Советов сказал, что неграмотные составили более 80% населения Китая, для ликвидации неграмотности правительство Китайской Советской Республики в трёх провинциях (Цзянси, Фуцзянь и Гуандун) основало 3052 «Ленинских начальных школы» и 6462 ночные школы, в которых было 184 227 учащихся [7]. Впоследствии из-за поражения Красной армии Китая в борьбе против 5-го карательного похода гоминьдана и потери революционной базы в провинции Цзянси, популяризация культуры советской власти также временно остановилась.

Вплоть до начала антияпонской войны Коммунистическая партия Китая обобщала теорию китайской литературы и искусства под влиянием Октябрьской революции. Именно на это её происхождение указывал Мао Цзэдун в своих известных «Выступлениях на Совещании по вопросам литературы и искусства в Яньани» в мае 1942 г. На этом совещании вопросы о пролетарской литературе были поставлены конкретно: как исторически возникли литература и пролетарская литература? каковы их изменения, какова их эволюция в ходе буржуазных революций? каковы задачи пролетариата по отношению к литературе? Мао Цзэдун дал чёткий ответ на вышеупомянутые вопросы, повысив статус литературы и искусства до стратегического уровня: «…Чтобы победить врага, мы прежде всего должны опираться на армию, у которой в руках винтовка. Но одной только этой армии недостаточно: нам нужна ещё армия культуры — такая армия, без которой невозможно сплотить наши ряды и добиться победы над врагом» [5, с. 847]. В той же речи Мао Цзэдун заявил: «…Кому должны служить наши литература и искусство? Этот вопрос уже давно решён марксистами и, в частности, Лениным. Ещё в 1905 г. Ленин подчёркивал, что наша литература и наше искусство должны «служить… миллионам и десяткам миллионов трудящихся»» [5, с. 854]. Эти ленинские слова, которыми проникнут текст «Выступлений на Совещании по вопросам литературы и искусства в Яньани», надо рассматривать как ключ к пониманию взглядов Мао Цзэдуна на литературу и искусство.

Следует отметить, что в некоторых вопросах Мао Цзэдун и Лу Синь не были единодушны. Мао Цзэдун полагал, что литература и искусство должны находиться под руководством пролетарской партии, в реальности служить широким народным массам: «Литература и искусство подчинены политике, но и сами в свою очередь оказывают огромное влияние на политику. Революционная литература и искусство являются частью всего дела революции, являются его колёсиком и винтиком. Хотя они и уступают другим, ещё более важным частям по своей значимости, насущности и очерёдности, всё же они являются необходимым колёсиком и винтиком общего механизма, необходимой частью всего дела революции» [5, с.

866]. А по мнению Лу Синя, находившегося под значительным влиянием теории литературы Л. Троцкого, литература и искусство имеют свои характерные особенности, «…потому что в большинстве своём лучшие литературные произведения — это то, что не находится под командованием других, независимо от интересов, и естественно исходит из сердца. Если прежде всего представить тему, потом сделать по теме статью, это не будет отличается от восьмичленного сочинения. Такой подход не имеет значения в литературе, не говоря уже о возможности волновать сердца людей. Для революции нужны «революционеры». Произведения, которые написали революционеры, могут называться настоящей революционной литературой» [4]. Причина возникновения разногласий заключается в том, что в тот период литература левого крыла в Китае все ещё находилась на стадии детства, неизбежно возникало различие во взглядах на её ориентацию. По вопросу «революционной литературы» российские предшественники ещё не пришли к единому мнению, китайским последователям приходилось идти вперёд ощупью.

Однако имевшиеся трудности не могли скрыть картину социальной справедливости и равенства, которую Россия показала всему миру после Октябрьской революции. Их было недостаточно для того, чтобы китайские писатели отказались от прекрасной мечты о великом возрождении китайской нации, родившейся под влиянием Октябрьской революции. И наконец, новая китайская литература, воспитанная на русской советской литературе, быстро развивалась, как большое дерево выросло из маленького семени.

Лев Троцкий когда-то сказал, «…только движение вперед, на всенародной основе, научной мысли и развитии нового искусства означало бы, что историческое зерно не только проросло стеблем, но и дало цветок. В этом смысле развитие искусства есть высшая проверка жизненности и значительности каждой эпохи» [9]. По критериям, сформулированным Л. Троцким, можно заметить, что хотя молодая китайская литература левого крыла XX в. по художественным достижениям не достигла нескольких пиков китайской классической литературы, но по сравнению с полным молчанием в XIX в., она демонстрировала непреодолимую кипучую жизне-

способность. В 30-е и 40-е гг. XX в., в районах гоминдановского господства, кроме революционной литературы и искусства, существовавших полулегально и секретно, произведений литературы высокого уровня было очень мало. В тот период чтение вульгарных изданий крайне низкого идейно-художественного уровня имело широкое распространение, едва ли не более половины Китая оставалось культурной пустыней, разноголосица и разброд царили всюду. Гоминьдановская пресса наглядно отражала такую же картину. Только политика Коммунистической партии Китая в области литературы и искусства была вполне определённой. По этому поводу Мао Цзэдун заметил: «…Теперь китайской реакции в её стремлении противодействовать новой культуре остаётся лишь, так сказать, «на качество отвечать количеством». Иными словами, денег у реакционеров много и, не будучи в состоянии дать что-нибудь хорошее, они лезут из кожи вон, чтобы давать как можно больше» [5, с. 847].

Можно сказать, что, опираясь на основы политической, идеологической и литературной теории, сформировавшейся под влиянием Октябрьской революции, Коммунистическая партия Китая задолго до прихода к власти в 1949 г. уже стала победительницей на национальном идейно-культурном фронте. Российские и китайские революционеры шаг за шагом шли от идеологической к реальной победе, и это вновь и вновь убедительно доказывает, что значение Октябрьской революции как в политической, так и в культурной сфере никогда не будет обесценено.

Литература и источники

1. Исаак Дойчер. Троцкий. Безоружный пророк. М., 2006. С. 201.
2. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 22. Пекин: Изд-во «Жэньминь чубаньшэ», 1990. С. 291.
3. Лу Синь. Полн. собр. соч. Т. 4. Пекин: Изд-во «Народная литература», 2014. С. 241.
4. Лу Синь. Полн. собр. соч. Т. 5. Пекин: Изд-во «Народная литература», 2014. С. 54.
5. Мао Цзэдун. Избранные произведения. Т. 3. Пекин: Изд-во «Жэньминь чубаньшэ», 1991. С. 866, 847, 854, 876.
6. Мао Цзэдун. Доклад Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров Китайской Советской Республики на

2-ом Всекитайском съезде Советов. «Цзянсиские общественные науки», 1981. № S. 1. С. 112.
7. Сыма Цянь. Исторические записки. Раздел 92. Пекин: Изд-во «Чжун хуашуцзюй», 2006. С. 548.
8. Троцкий Л.Д. Литература и революция. Пекин: Изд-во «Зарубежная литература», 1992. С. 1.
9. Фэн Сюэфэн. Вспоминание о Лу Сине. Пекин: Изд-во «Народная литература», 1981. С. 109.
10. Цзинь Чунцзи (гл. ред.). Биография Мао Цзэдуна (1893—1949). Пекин, Издательство «Чжунъян вэньсянь чубаньшэ», 1996. С. 60, 61.
11. Цюй Цюбо. Сочинения. Литература. Т. 2. Пекин: Изд-во «Жэньминьчубаньшэ», 1986. С. 250.
12. Цюй Цюбо. Сочинения. Политическая теория. Т. 7. Пекин: Изд-во «Жэньминь чубаньшэ», 1991. С. 695, 718, 723.

УДК: 947.084(571,6)”1918/1922”

ВОСПРИЯТИЕ АМЕРИКАНЦАМИ НАСИЛИЯ ВО ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

ПОЛ БЕРИНГЕР

Американский университет, г. Вашингтон, США

В статье рассматривается проблема американского восприятия роли насилия в ходе Гражданской войны на Дальнем Востоке на примере личного опыта майора Давида Барроса, участника американской интервенции в России. Автор анализирует эволюцию взглядов Барроса от лояльного отношения к таким антибольшевистским союзникам, как казак атаман Г.М. Семёнов, и оправдания совершённых им злодеяний, к распространённым среди американцев представлениям, восходящим к имперскому периоду, о русском народе как об отсталом и недемократичном. По мнению разочарованных американцев, Гражданская война показала, что отсталость народа мешает всякой демократизации российского общества.

Ключевые слова: Россия, Гражданская война, Дальний Восток, американская интервенция, проблема насилия, американское восприятие, эволюция представлений.

THE PERCEPTION OF AMERICAN VIOLENCE DURING THE CIVIL WAR IN THE FAR EAST OF RUSSIA

PAUL BEHRINGER
American University, Washington, USA

This paper examines the role of David Prescott Barrows prior to and in the first year of U.S. intervention in the Russian Civil War in the Far East. It argues that, owing to Barrows's personal experience in the Philippines, his ardent anti-communism, and his idealization of masculine virtue, he was prone to overlook and excuse atrocities committed by potential anti-Bolshevik allies like Cossack Leader G. M. Semenov. This is in marked contrast to other U.S. military officials such as Barrows's successor as head of U.S. military intelligence during the intervention, Robert L. Eichelberger. The transition from Barrows to Eichelberger thus mirrors the return in American perceptions of Soviet Russia from reactionary anticommunism to a view, dating back to the imperial period, of Russians as a hopelessly backward, undemocratic, and violent people.

Key words: Russia, Civil war, the Far East, the U.S. intervention, the violence, the American perception, the evolution of ideas.

В апреле 1917 г., когда США объявили войну Германии, Давид Прескотт Баррос являлся штатным профессором политических наук в Калифорнийском университете в г. Беркли. После прохождения программы по подготовке офицера резерва, в октябре 1917 г. он был отправлен на Филиппины руководить там армейским разведывательным ведомством [1]. Его приезд в Манилу совпал с большевистской революцией, и он решил, что коммунисты должны быть побеждены.

В своём дневнике в декабре 1917 г. он объяснил личную философию антикоммунизма. Подчёркивая свои пуританские корни, Баррос хотел бороться за умы следующего поколения, «…бороться с этими людьми, т.е. с радикальными социальными реформаторами, большевиками, ищущими роскошь евреями, пацифистами вообще, писателями и читателями газеты Массы, университетскими учителями слабых моральных норм, праздными людьми привиле-

гированных классов повсюду. Вот мои враги, и враги моей веры в Господа Бога» [2].

20 марта 1918 г. Баррос и несколько его подчинённых уехали во Владивосток. Затем он поехал в Харбин, где встретился с инженерами во главе Джоном Ф. Стивенсом, консулом США Чарльзом К. Мозером и рядом руководителей белого движения. Как центральный железнодоржный узел, Харбин был идеальным местом для развёртывания разведывательных операций, что позволяло общаться с американскими консулами и представителями белого движения, действовавшего по всей территории Дальнего Востока и Маньчжурии [3].

Весной 1918 г. некоторые союзные чиновники полагали, что Семёнов является для них самым лучшим шансом для свержения красной власти на Дальнем Востоке. Его формирования, базировавшиеся на станции Маньчжурия на китайско-российской границе, в 1000 км от Харбина, были созданы ещё до Октябрьской революции с целью организовать отряд из монгольских и бурятских добровольцев, который бы стал бороться на Восточно-европейском фронте против Центральных держав. Вскоре после приезда Семёнова в Забайкалье Октябрьская революция покончила с войной, однако атаман решил направить свои войска против коммунистов. Его усилия привели к некоторым успехам, но силы красных в конце концов выбили его из Читы [4]. Семёнов перегруппировал войска численностью около 1000 чел. и организовал «Особый маньчжурский отряд» (ОМО), который английские, французские и японские советники стали поддерживать оружием и снабжением [5].

Ещё до встречи с атаманом Баррос принял решение, что американцы должны вступить в союз с Семёновым и что 5000 американских солдат смогут помочь ему отвоевать Читу. Он подсчитал, что только одна «американская военная дивизия» (40-тысячное войско), могла бы очистить от «красного влияния» Сибирь до Омска. Он также рекомендовал поставить американские войска под командование опытного командира 1-го Сибирского корпуса генерала Плешкова. Это было, наверное, самое нереалистичное предложение, поскольку президент Вудро Вильсон всегда настаивал на

сохранении отдельной командной структуры американцев в Европе, и тем более в Азии [6].

Всего за три дня до того, как Баррос написал этот доклад, Вильсон отказался от нескольких запросов Великобритании об американской поддержке японского вмешательства и Семёнова. Передавая записку Государственному секретарю Роберту Лансингу, Вильсон написал: «Мне надо сказать, что ничего в этих меморандумах нет, что было бы убедительным для меня. Я надеюсь, что ты тоже так думаешь» [7]. Баррос, может быть, опоздал и не мог изменить мнение Вильсона, но он нашёл восторженного партнёра в Харбине в лице американского консула Мозера. Именно Мозер предложил быстро действовать в феврале, когда Семёнов впервые оказался на грани успеха. К сожалению, для Мозера и Барроса, они были ниже рангом, чем посол США в Китае Пол С. Рейнч. Рейнч передал Лансингу и Вильсону их рекомендации, с которыми сам был не согласен. Его мнение отражало предпочтения Вильсона: «Я не верю, что будет мудро полагаться на Семёнова для руководства восстановлением порядка в Сибири». О Семёнове Рейнч написал: «Он является реакционным военным диктатором старого типа» [8].

Баррос три недели готовился к поездке в семёновский лагерь и был уже там, когда 17 апреля прибыл Семёнов. На следующее утро Баррос пил кофе в буфете, и в это время зашёл Семёнов. Баррос подошёл к нему поздороваться, вдруг атаман спросил его, могут ли США дать ему два самолёта. В своём дневнике Баррос назвал атамана «хорошим откровенным» парнем [9].

После краткого успеха Семёнова на поле боя в мае 1918 г. отчёты Барроса поднялись до самых высоких уровней правительства и почти убедили Рейнча и Вильсона поддержать атамана. Рейнч даже посоветовал создать какую-нибудь «…комиссию, чтобы предложить умеренную финансовую поддержку». Вильсон отметил, что Семёнов, похоже, «очень быстро меняет ситуацию в Сибири», но военные советники президента считают, «…что в Японии нет достаточной силы или где-либо ещё, чтобы сделать что-либо эффективное в Сибири». Вильсон приказал Лансингу «…очень внимательно следить за тем, что Семёнов делает, и есть ли какой-то допустимый способ, которым мы можем помочь». На следующий

день Лансинг получил доклад Государственного департамента, который был явно основан на сообщении Барроса. Но Лансинг отклонил его и написал, что «…я не думаю, что сейчас подходящее время, чтобы принять предложение об интервенции в Сибири» [10]. В первую неделю июня посол США в Японии Роланд С. Моррис сообщил, что «…успех Семёнова был временным и его движение, похоже, распадается» [11]. Когда в сентябре 1918 г. семёновские казаки окончательно захватили Читу при сильной поддержке японцев, его роль японской пешки обозначила очевидность того, что предложение о поддержке американцев стало невозможным.

Однако у профессора Барроса, офицера разведки, мнение о Семёнове сложилось высокое, причиной этого были харизма и искренность атамана, в глазах Барроса он являлся идеалом мужественности. Записки американца былы полны с описаниями Семёнова как идеального воина. Баррос называл его «…человеком прекрасной внешности, по-видимому, хорошего образования и джентльменской осанки» [12]. Когда наступление семёновцев было остановлено в апреле после того, как мост через реку Онон был уничтожен силами красных, Баррос хвалил «откровенность и искренность» атамана. «…Он [Семёнов] смотрит на человека прямо и внимательно; никогда не потакает преувеличениям и делает все заявления с большой осмотрительностью и точностью». Семёнов был «всегда хладнокровным», но «страстным» и «…способным к сильному гневу и постоянному негодованию». Он вдохновлял людей в своём штабе и всех, кто был под его командованием [13]. Короче говоря, Барросу «понравился этот человек» [14].

Во время рождественской поездки в декабре 1918 г. Баррос почувствовал «мрачное восхищение» Семёновым, который незадолго до этого был ранен во время неудачного на него покушения, однако казак «не показывал ни следа» нервности, «…его глаза были такими же ясными, его рука была твёрдой и сильной, как будто он только что спустился с седла. У него есть воля, дерзость, неограниченное хладнокровие, великая власть над людьми и, возможно, неустанная мстительность. Эти качества дали ему силы десяти человек и позволили ему остановить десять тысяч отступавших». Внутри себя Баррос волновался и размышлял: «Почему люди как

он, или Франсиско Вилья привлекают меня? …Я чувствую, что будет почти неправильно выразить мое восхищение и уважение. У меня нет почти ничего общего с его упорством и бодростью, и я отшатнулся от его бессердечия. …Очаровываюсь ли я потому, что он учит меня чему-то обо мне самом, или объясняет, почему я сам неудачен?» [15]. Это был хороший вопрос, о котором Баррос, видимо, никогда не размышлал потом. Из-за своего непреодолимого антикоммунизма, некритичной зависимости от его источников и веры в идеалы мужественности Давид Баррос был предрасположен поддерживать и защищать действия Семёнова.

Баррос отказывался верить в то, что Семёнов совершал зверства, и он недооценил, насколько неприятие варварства подорвало американскую поддержку атамана. Дисциплина, полагал Баррос, была «сложной» среди семёновских войск, но казак делал всё, что в его силах, чтобы сдерживать своих воинов. Во время своей первой поездки в Манчули в апреле 1918 г. Баррос сообщил, что Семёнов начал кампанию по повышению дисциплины, расстреляв офицеров и солдат, отличавшихся плохим поведением. Он признавал, что Семёнов на самом деле «…казнил некоторых красногвардейских агитаторов, но если бы кто-то мог вновь восстановить власть в этой стране, то это можно было бы сделать только с помощью быстрых и решительных наказаний» [16]. Примерно год спустя Баррос написал своему коллеге учёному, что только «замечательная мужественность и властность командования» его «друга» Семёнова, «…вместе с очень специфичными формами дисциплины держат эту силу воедино» [17].

Однако ко времени поездки Барроса в декабре 1918 г. уже широко распространялись слухи о зверствах Семёнова. Но американец отмахнулся от сообщений о том, что Семёнов начал править, используя террор. Баррос утверждал, что он действовал в условиях военного положения и что тюремное заключение и казнь «…были направлены в основном против людей, которые были активны в красной гвардии или которые пытались спровоцировать новые беспорядки». Анализируя ситуацию, Баррос думал, что Семёнов «…использовал военную власть здесь гуманно и сдержанно». Мирные жители были оставлены «делать своё дело», свободно пу-

тешествовали и чувствовали, что они были в достаточной безопасности, чтобы высказать своё честное мнение об атамане [18].

Баррос сообщил о своих наблюдениях в декабре 1918 г. своему будущему преемнику на посту начальника отдела разведки в Сибири майору Роберту Л. Эйхельбергеру, который позднее понял, что у его предшественника были некоторые проблемы с оценкой режима Семёнова, потому что Баррос просто не был заинтересован в расследовании негативных сообщений. Баррос не видел пользы от допросов белых в то время, когда шли боевые действия против большевиков.

Под руководством Эйхельбергера сотрудники разведки начали расследование сообщений о зверствах, которые они получали на регулярной основе в виде петиций и заявлений. Когда Баррос готовился уехать в марте 1919 г., Эйхельбергер доверительно писал жене: «Баррос большой человек, конечно, хотя я считаю, что он слишком реакционный (нереалистичный). Я начинаю сочувствовать побеждённой стороне» [19]. В отличие от Барроса, Эйхельбергер думал, что казаки и другие белые руководители провоцировали крестьянство к сопротивлению. «…Карательные экспедиции, пугающие, грабящие и порющие побуждают даже хороших крестьян становиться большевиками», — писал он [20]. Он был согласен с решением американского командира генерала Уильяма С. Грейвса не использовать американские войска в боевых операциях, потому что «…так называемые большевики были просто крестьянами, приведёнными в отчаяние эксцессами, совершаемыми русскими солдатами» [21]. Позже Эйхельбергер отметил, что «Оглядываясь назад, я понимаю, что хотя полковник (тогда генерал) Баррос мне очень понравился… я испытывал гораздо большую неприязнь» к белой стороне. Поскольку Баррос «придерживался убеждения, что мы должны поддерживать белых», и «даже признался, что ему понравился атаман Семёнов, который был убийцей», Эйхельбергер наблюдал «пытки и репрессии всех видов, совершённые белыми над крестьянством. Он также «…спал в хижинах крестьян и имел личную связь с партизанами или красными». Это было то, что для Барроса было бы немыслимым [22].

Однако Баррос был исключением, а не правилом. Его начальство и сослуживцы, в том числе начальник штаба армии Пейтон Ц. Марч и генерал Грейвс, занимались расследованием преступлений белых даже тогда, когда американские войска воевали с партизанами. Баррос не фиксировал факты зверств в своих докладах, приуменьшал роль Семёнова в их совершении и настаивал на справедливости его действий, что делало Барроса неэффективным агентом разведки.

В 1921 г. Семёнов уехал с Дальнего Востока в Америку через Маньчжурию, Японию и Ванкувер. Его приезд в Нью-Йорк вызвал ажиотаж в прессе. Сенат провёл слушания по вопросу о депортации Семёнова. Генерал Грейвс и другие свидетельствовали против него, в деталях описывали ужасные зверства, совершавшиеся под его командованием, которые пресса затем преувеличила. Например, «Лос Анжелес Таймс» заявила, что «Оргия убийств Семёнова тускнеет перед жестокостью Нерона», а «Чикагская Ежедневная Трибуна» сообщила, что он несёт ответственность за 100 тыс. смертей [23].

Давид Баррос, в то время являвшийся президентом университета Калифорнии, связался с юридической фирмой, которая представляла Семёнова, как потенциальный свидетель защиты. Баррос сделал короткое заявление, в котором он указал причину своей рождественской поездки в 1918 г. в Читу — «…расследовать жалобы на его (Семёнова) поведение, особенно за задержки поездов, захват военного имущества и жестокие действия». Мнение Барроса не изменилось. «…Я нашёл, что эти сообщения были очень преувеличены», написал он. Баррос признал, что «…Генерал Семёнов был строгим педантом и в своей борьбе беспощадным к большевикам, и он, соответственно, должен быть судим. Многие из его суровых мер не были приятны для американского общественного мнения». Но всегда надо делать исключение: «… Сибирь, однако, так сильно пострадала от гражданской войны и репрессий, что, вероятно, летопись ни одного военачальника не была чиста от отвратительных инцидентов». Только был один аспект, с которым Баррос не согласился: «отношения [атамана] с японцами» [24].

Хотя официально Семёнова не депортировали, давление общественного мнения заставило его прервать поездку. Он вернулся в Маньчжурию, где жил под защитой японцев. В 1937 г. Семёнов издал мемуары, в которых выделил Барроса. Он критиковал американцев, за исключением Барроса, который «отлично понимал наши задачи». Семёнов был захвачен Красной Армией в августе 1945 г., а год спустя его повесили по обвинению в шпионаже [25].

Неспособность Барроса дать правдивую информацию о белом движении на российском Дальнем Востоке имела несколько причин и последствий. Ему мешал реакционный антикоммунизм, который предполагал игнорирование зверств, совершаемых потенциальными союзниками, такими, например, как Семёнов. Профессор политических наук симпатизировал Семёнову, поскольку в его представлении тот имел героический, мужественный образ, которым Баррос восхищался. Поэтому американские чиновники критически относились к докладам Барроса. Когда американская интервенция началась, влияние Барроса ещё больше упало из-за игнорирования им тревожных сообщений о жестоком поведении Семёнова.

У преемника Барроса на посту главы разведки, Роберта Л. Эйхельбергера был противоположный подход. В конце концов, американское общество, как в зеркале отразило переход от мнения Барроса о коммунистической деятельности к мнению Эйхельбергера о белых эксцессах. Суд над Семёновым в 1922 г. также отразил переход от рефлекторного антикоммунизма к разочарованию и апатии. Действие белых командиров таких как Семёнов и их японских покровителей, которые, по словам Эйхельбергера, были совершенно «без какого-либо подобия цивилизации», убедили американских чиновников, что представители белого движения не заслуживали американской поддержки больше, чем коммунисты [26]. Гражданская война на Дальнем Востоке вскоре вызвала разочарование американцев, которые увидели, что отсталость народа мешает всякой демократизации общества [27]. В конце американской интервенции американские чиновники были довольны, что могли умыть руки: жестокость красных, белых и японских действий препятствовала американской поддержке какой-либо одной партии в борьбе за российский Дальний Восток.

Литература и источники

1. Barrows to Professor Sait, 20 September 20 1917, DPBP, box 2, fo. May 1917 — Nov. 1918 = Письмо Барроса профессору Сайту, 20 сентября 1917, DPBP, коробка 2, д. «май 1917 — ноябрь 1918».
2. Barrows, «Journal and Notes, November 1917 — March 2, 1918», 30 December 1917. P. 46—51, DPBP, carton 3, fo. 52a = Баррос, «Дневник и записки, ноябрь 1917 — 2 марта 1918», 30 декабря 1917. С. 46—51, DPBP, картон 3, д. 52a.
3. Barrows, «Harbin as a Possible Base for Military Operations», 7 April 1918, DPBP, carton 18 = Баррос. «Харбин как возможная база для военных операций», 7 апреля 1918, DPBP, картон 18.
4. Barrows to Anna Barrows, 31 March 1918, DPBP, box 2, fo. May 1917 — Nov. 1918 = Письмо Барроса Анне Баррос, 31 марта 1918, DPBP, коробка 2, д. «Май 1917 — ноябрь 1918».
5. Семенов Г.М. О себе: Воспоминания, мысли и выводы, 1904—1921 гг. М.: Центрполиграф, 2007. С. 138.
6. Barrows, «The Employment of American Military Forces in Siberia» Memorandum (Harbin, 7 April 1918), R.L. Eichelberger Papers [hereafter RLEP], box 28, fo. Siberian Expedition 1918 Feb.—Sept., David M. Rubenstein Rare Book & Manuscript Library, Duke University = Баррос. «Использование американских военных сил в Сибири», Меморандум (Харбин, 7 апреля 1918), Фонд Р.Л. Эйхельбергера (будущее RLEP), коробка 28, д. «Сибирская экспедиция 1918 февр.—сент.», Давид М. Рубенстейн Библиотека редких книг и рукописей, Дук университет.
7. Arthur S. Link, ed., The Papers of Woodrow Wilson [hereafter PWW], vol. 47 (Princeton: Princeton Univ. Press, 1984), 241 = Артур С. Линк, ред. Документы Вудро Вильсон (будущее PWW). Т. 47 (Принстон: изд. ун-та Принстона, 1984. С. 241.
8. U.S. Department of State, «Chapter I: Siberia and Manchuria,» in Papers Relating to the Foreign Relations of the United States [hereafter FRUS], 1918. Russia. Washington, D.C.: GPO, 1918, c. 54 = США департамент штата, «Глава I: Сибирь и Маньчжурия», в Документы по внешним отношениям Соединённых Штатов (будущее FRUS), 1918. Россия. Вашингтон: Государственный офис типографии, 1918. С. 54.
9. Barrows, «Diary, 1918» 17 and 18 April 1918, DPBP, carton 3, fo. 53 = Баррос, «Дневник, 1918», 17 и 18 апреля 1918, DPBP, картон 3, д. 53.
10. PWW, vol. 48. Princeton: Princeton Univ. Press, 1985 = Т. 48. Принстон: изд. ун-та Принстона, 1985, С. 72—73; 104—106.
11. «Siberia and Manchuria» = «Сибирь и Маньчжурия» FRUS, 196.
12. «Siberia and Manchuria» = «Сибирь и Маньчжурия» FRUS, 3.
13. Barrows, «Memorandum for General Evans: Advance of Ataman Semeonof's Forces, April 20th to May 5th» (Peking, 9 May 1918), p. 6,

Microfilm 1443, reel 3, U.S. National Archives, College Park (hereafter NACP) = Баррос. «Меморандум для генерала Эванса: Наступление сил атамана Семёнова, 20 апреля — 5 мая» (Пекин, 9 мая 1918), ст. 6, микрофильм 1443, картушки 3, Национальный архив США, Колледж Парк (будущее NACP).

14. Barrows, «NOTES» 85 = Баррос, «Записки» 85.
15. Barrows, «Siberia, Aug. 6, 1918,» 30—33 = Баррос, «Сибирь, 6 августа 1918», 30—33.
16. Barrows to Admiral Austin M. Knight, 23 April 1918, 3 = Доклад Барроса адмиралу Аустину М. Кнайту, 23 апреля 1918, 3.
17. Barrows to Alfred L. Kroeber, 10 February 1919, DPBP, box 2, fo. Dec. 1918 — Feb. 1919 = Письма Барроса Альфреду Л. Кроберу, 10 февраля 1919, DPBP, коробка 2, д. «дек. 1918 — фев. 1919».
18. Barrows to Major Robert L. Eichelberger, 25 December 1918, DPBP, box 2, fo. Dec. 1918 — Feb. 1919 = Письмо Барроса майору Роберту Л. Эйхельбергеру, 25 декабря 1918, DPBP, коробка 2, д. «дек. 1918 — фев. 1919».
19. Robert L. Eichelberger to Emmalina Eichelberger, 1 March 1919, RLEP, box 5, fo. 1919 Jan.—Mar = Письмо Роберта Л. Эйхельбергера Еммелине Эйхельбергер, 1 марта 1919, RLEP, коробка 5, д. «1919 янв.—март».
20. Eichelberger to Emmalina Eichelberger, 5 March 1919, RLEP, box 5, fo. 1919 Jan.—Mar. = Письмо Роберта Л. Эйхельбергера Еммелине Эйхельбергер, 1 марта 1919, RLEP, коробка 5, д. «1919 янв.—мар.».
21. Eichelberger to Emmalina Eichelberger, 5 March 1919, RLEP, box 5, fo. 1919 Jan.—Mar = Письмо Роберта Л. Эйхельбергера Еммелине Эйхельбергер, 1 марта 1919, RLEP, коробка 5, д. «1919 янв.—март».
22. Robert L. Eichelberger, «Thoughts on Military Intelligence (Excerpts)» 16 March 1959, 2—3, RLEP, box 74, fo. Typed Dictation, 1954—1959 = Роберт Л. Эйхельбергер «Мысли о военной разведке (выдержки)», 16 марта 1959, ст. 2—3, RLEP, коробка 74, д. «машинописный диктант, 1954—1959».
23. Semenoff murder orgy dims infamy of Nero: Pillage and Rapine in Siberia Shock Senate; Cossack Is Depicted as Monster,» Los Angeles Times, 13 April 1922 = «Оргия убийств Семёнова тускнеет перед жестокостью Нерона», Лос Анджелес Таймс, 13 апреля 1922; «Murder orgy in Siberia laid to cossack leader: Semenoff's Men Killed 100,000, Senators Hear,» Chicago Daily Tribune, 13 April 1922 = «Оргия убийств связана с казаком атаманом: войска Семёнова убили 100 тысяч человек, сенаторы услышали», *Чикаго Ежедневная Трибуна*, 13 апреля 1922.
24. Barrows to Clark, Prentice and Roulstone, 18 April 1922, DPBP, box 2, fo. Aug. 1921 — June 1922 = Письмо Барроса Кларку, Прентису и Роулстону, 18 апреля 1922, DPBP, коробка 2, д. «авг. 1921 — июнь 1922».

25. «Semenov, 5 Others Executed in Russia» New York Times, 31 August 1946 = «Семёнов, 5 других казнены в России», Нью-Йорк Таймс, 31 августа 1946.
26. Eichelberger, «Conduct of Japanese in Siberia Which Would Indicate an Unfriendly Attitude Towards the United States» 22 September 1919. P. 19, Roland S. Morris Papers, box 9, fo. 3, Library of Congress, Washington, D.C. = Эйхельбергер. «Поведение японцев в Сибири, которое свидетельствовало о враждебном отношении к Соединённым Штатам», 22 сентября 1919, ст. 19, Фонд Роланда С. Морриса, коробка 9, д. 3, Библиотека Конгресса, Вашингтон, США.
27. David S Foglesong. The American Mission and the «Evil Empire»: The Crusade for a «Free Russia» since 1881 (New York: Cambridge University Press, 2007), 6 = Фоглесонг Давид С. Американская миссия и «Злая Империя»: крестовый поход за «свободную Россию» с 1881 года. Нью-Йорк: изд-во университета Кембриджа, 2007. С. 6.

Список условных сокращений

DPBP: David P. Barrows Papers = фонд Давида П. Барроса
RLEP: Robert L. Eichelberger Papers = фонд Роберта Л. Эйхельбергера
PWW: Papers of Woodrow Wilson = Документы Вудро Вильсона
FRUS: Papers Relating to the Foreign Relations of the United States = Документы по внешним отношениям Единых Штатов
NACP: U.S. National Archives, College Park = Национальный архив США, Колледж Парк
A.E.F.: Allied Expeditionary Forces = Экспедиционные силы союзников.

УДК: 947.084.2(571.6)

ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ КАЗАЧЕСТВО В СОБЫТИЯХ 1917 г. НА ЗАПАДЕ И ВОСТОКЕ РОССИИ

О.И. СЕРГЕЕВ

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, г. Владивосток

В статье рассматривается место и роль дальневосточного казачества в революционных потрясениях 1917 г. в России как на Западе, так и на Востоке страны.

***Ключевые слова**:* казачество, Дальний Восток, революции 1917 г., фронт и тыл.

FAR EASTERN COSSACKS IN THE EVENTS OF 1917 IN THE WEST AND EAST OF RUSSIA

O.I. SERGEEV
Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS, Vladivostok

The article considers the place and role of the Far Eastern Cossacks in the revolutionary upheavals of 1917 in Russia both in the West and in the East of the country.

***Key words**:* Cossack, Far East, revolutions of 1917, frontline and home front.

В начале XX в. казачество представляло собой достаточно мощную силу, в том числе в военном отношении. В 1917 г. в России насчитывалось в общей сложности 11 казачьих войск, отдельный Якутский казачий полк, казачье население в Иркутской и Енисейской губерниях, а также на Камчатке. Большинство из одиннадцати войск и отдельные части дислоцировались на востоке страны. Последнее не было явлением случайным, так как именно на востоке необходимы были вооружённые силы для охраны рубежей страны. Кроме функций пограничной охраны перед казачеством ставилась задача хозяйственного обустройства территории, включая самообеспечение. Накануне революций 1917 г. на Дальнем Востоке, в частности, располагалось Забайкальское войско численностью около 265 тыс. чел., Амурское — более 49 тыс. и Уссурийское — примерно 34 тыс. чел. [3, с. 15].

Главной обязанностью казаков являлась военная служба, которую они должны были нести с 18 лет: три года в приготовительном разряде, двенадцать лет в строевом и восемь — на льготе (в соответствии с Уставом 1875 г. для Донского войска). В 1909 г. срок службы был сокращен на два года за счёт пребывания в приготовительном разряде. Военная повинность для казаков востока страны была не единственной, выполнялись также многочисленные натуральные повинности (например, ремонт и содержание дорог, караульная служба, гоньба, сопровождение арестованных и т.д.).

За свою нелёгкую военную службу казаки имели некоторые льготы и привилегии, главной из которых было наделение казачьих войск и отдельных казаков большими участками земли. Характер землевладения в казачьих войсках закреплял представление об общности интересов всех членов сословия. Важным элементом землепользования в казачьих районах яввлялась аренда земли. К началу XX в. довольно больших размеров достигло имущественное расслоение в казачьей среде: примерно 35% хозяйств составляли бедняцкие, около 40% — середняцкие и 25% — кулацкие [3, с. 19].

Существует мнение, что единство казачества определялось одной религией — православием. Действительно, последнее являлось религией большинства казаков. Но в казачьей среде было значительное количество представителей иных конфессий: мусульман, ламаитов (а в Забайкальском войске в начале XX в. числилось даже до 400 казаков иудейского вероисповедания). Уровень образования казаков был выше, чем в среднем по стране. В целом, накануне Первой мировой войны и революций 1917 г. казачество России, включая её восточные районы, являлось весьма крупной силой в экономическом, социальном и военном отношениях.

Процент призванных на военную службу казаков был необычайно высок. Ни в одной из воющих держав ни один слой населения или сословие не было в такой степени затронуто мобилизацией как российское казачество. Процент же мобилизации казаков по войскам востока страны выглядит ещё более впечатляющим: если в среднем по казачьим войскам России удельный вес мобилизованных составлял 7,2%, то в восточных районах — 8,5%. Забайкальское казачье войско выставило 12 конных полков, 1 гвардейскую конную полусотню, 5 батарей, 1 запасной дивизион; Амурское войско — 2 конных полка, 6 отдельных сотен и 1 батарею; Уссурийское войско — 1 конный полк, 1 конный дивизион, 6 отдельных сотен. Казаки восточных районов России воевали практически на всех фронтах Первой мировой войны [3, с. 24—25].

В результате восстания в Петрограде в феврале 1917 г. монархия в России была свергнута. Казаки отнеслись к февральско-мартовским событиям и падению монархии довольно сдержано. Как

на фронте, так и в тылу в казачьих частях и поселениях не было ни одного заслуживающего внимания противодействия переменам. Приказ № 1 Петроградского совета, вводивший новые порядки в армии, был встречен с явным одобрением рядовыми казаками.

Первоочередной проблемой весны 1917 г. была организация власти как в центре, так и на местах. Например, система назначения правительством атаманов и большей части казачьих старшин, действовавшая довольно эффективно до революции, оказалась совершенно неприемлемой в переломное время. Революция в значительной степени политизировала население. Имевшиеся ранее, часто скрытые, противоречия в казачьей среде в условиях революции начали катастрофически быстро расти. Усилилась социально-политическая дифференциация, в рядах казаков назревал раскол. Особенно ощутимым он был в процессе организации власти на местах. В первые же послереволюционные дни во многих казачьих районах возникло даже не двоевластие как по всей стране, а самое настоящее троевластие: комиссары Временного правительства, Советы и собственно казачьи органы управления — атаманы с войсковыми правительствами.

Среди уссурийских казаков Февральская революция 1917 г. нашла известную поддержку. Избранный 3 марта казаками исполнительный комитет Войска во главе с есаулом А. Шестаковым объявил о проведении Войскового схода, который проходил в г. Никольске-Уссурийском 11—13 марта 1917 г. Сход сместил Наказного атамана и членов Войскового правления со своих постов. Делегаты пришли к выводу, что казачество как особое сословие должно быть ликвидировано, а казачье население слиться с остальным населением России. Окончательное решение этого вопроса постановили перенести до созыва Учредительного собрания. Сход избрал Временный исполнительный комитет (ВИК), председателем которого стал есаул Н.Л. Попов. Станичные и поселковые правления были упразднены, управление на местах передавалось в станичные и поселковые комитеты. 14 марта 1917 г. члены ВИК приняли управление Войском на себя. Однако ввиду требования Временного правительства сохранить институты Наказного атамана и Войскового правления 18 марта 1917 г. ВИК был

вынужден возложить обязанности Наказного атамана на своего председателя есаула Попова, а 20 марта назначить его Председателем Войскового правления. Проходивший 5—9 апреля 1917 г. в г. Никольске-Уссурийском 2-й Войсковой круг избрал Войскового атамана (он же председатель Войскового правления), которым вновь стал Н.Л. Попов, а также Войсковой совет. Круг принял проект самоуправления Уссурийского казачьего Войска [5, с. 43].

Формирование новых органов власти сразу же после получения сообщений о событиях в Петрограде началось и в Забайкальской области. 7 марта 1917 г. и.о. Наказного атамана Забайкальского казачьего войска (ЗКВ) И.А. Толстихин издал приказ, извещавший казаков об отречении императора, о формировании Временного правительства и программе его действий. Наказной атаман приказывал всем станичным, поселковым и урочищным обществам служить верой и правдой, и всеми силами новому правительству, а в лице его всему Отечеству. Основная масса забайкальских казаков одобрила смену государственного строя. Так, казаки 2-й запасной конной сотни и артиллерийского взвода, расквартированные в Нерчинске, 10 марта на собрании приняли «Обращение ко всем казакам», призывая их «…служить образовавшемуся правительству верой и правдой, ибо оно на первых же порах позаботилось о нас, дав нам свободу гражданина» [1, с. 7—8].

21 марта 1917 г. состоялось первое собрание лиц войскового сословия, проживавших в Чите. Собрание создало Союз лиц войскового сословия ЗКВ, поставивший своей задачей защищать интересы казаков до приезда представителей из станиц и способствовать подготовительной работе по созыву Съезда представителей станиц. Казачий союз приветствовал новый строй и призвал казаков к поддержке революции. Под влиянием эсеров и социал-демократов, выступавших за ликвидацию сословий, Союз решил рассмотреть вопрос об уничтожении постоянных армий и замены их вооружением народа. И уже на собрании 31 марта впервые прозвучало требование о необходимости ликвидации казачьего сословия как пережитка старины.

Противоположную точку зрения высказал состоявшийся 23—29 марта в Петрограде Общеказачий съезд, в котором принимали

участие казаки-фронтовики ЗКВ, представляющие 1-ю Забайкальскую казачью дивизию, 1-й Верхнеудинский полк, 1-й Читинский полк, 1-й Аргунский, 2-й Верхнеудинский, 1-й Нерчинский и др. Съезд постановил, что «…все земли казачьих войск, леса, недра, рыболовные воды и прочие угодья, как историческое достояние казачества, составляют неотъемлемую и неприкосновенную собственность каждого казачьего войска». Съезд образовал Всероссийский Союз казачьих войск и избрал его правление. Кроме фронтовиков, решение Съезда на местах поддержали казаки, расквартированных в Верхнеудинске и Нерчинске 1-й и 3-й запасных конных казачьих сотен [1, с. 9—10].

16 апреля 1917 г. в Чите открылся 1-й Областной съезд ЗКВ. Его открыл командующий войсками Иркутского военного округа генерал-майор Фелицын. С докладом «Быть или не быть казачеству?» выступил Большаков, предложивший ликвидировать казачье сословие. Большинство делегатов его поддержали, против — за сохранение казачьего сословия — выступил только делегат Кударинской станицы. Подавляющее большинство делегатов проголосовали за резолюцию, которая предлагала: «…Казачье сословие как пережиток старины и следствие существования постоянных армий должно быть уничтожено и сравнено со всеми свободными гражданами России». С принятием такой резолюции ЗКВ стало первым и единственным из всех казачьих войск, добровольно отрекшимся от казачества [4, с. 2].

Весной 1917 г. сильные настроения, направленные на упразднение казачества, существовали и среди уссурийцев. Но к лету того же года под влиянием появившихся в апреле «Воззвания к казачьим Войскам», «Программы казачьей партии», усиленной агитации сторонников сохранения казачества, целенаправленной политики Временного правительства эти настроения стали меняться.

3-й Войсковой круг, проходивший 3—14 октября 1917 г. в г. Никольск-Уссурийский, подвёл итог дискуссии о судьбе уссурийского казачества, постановив сохранить его как сословие. Круг одобрил блок с амурцами по выборам Учредительного собрания и совместный Наказ. Делегаты утвердили и приняли «Проект вре-

менного положения об общественном самоуправлении и управлении войсковым хозяйством». Круг подвёл своеобразную черту под буржуазно-демократическими преобразованиями, проводимыми в стране и в Войске после Февральской революции 1917 г. [5, с. 45].

Октябрьская революция 1917 г. повернула историю казачества, в том числе дальневосточного, на новые пути. Так, Войсковое правление УКВ объявило о созыве нового Войскового круга для решения вопроса об отношении к советской власти. Необходимо отметить, что прибывшие в начале января 1918 г. с фронта казачьи полк и дивизион в массе своей были настроены пробольшевистски. Однако, проходивший 20—31 января 1918 г. 4-й Войсковой круг отметил тяжёлое экономическое положение Войска и его раскол. Круг не признал советскую власть, осудил разгон Учредительного собрания и объявил об автономии Уссурийского казачьего Войска. Войсковым атаманом был избран подъесаул И.П. Калмыков.

Не все станицы и посёлки поддержали решения Круга. Многие высказывались в поддержку советской власти. Эти разногласия проявились и на 5-м Войсковом круге, проходившем 3—5 марта 1918 г. в г. Иман, где вновь не признали советскую власть, но фронтовики отказались считать Калмыкова своим атаманом. 6 марта Калмыков совместно с англичанами и японцами разработал план свержения советской власти в Приморье, но уже 12 марта, опасаясь ареста, бежал на ст. Пограничную (КВЖД) и объявил о создании Особого Уссурийского казачьего отряда (ОКО), мобилизации уссурийцев для борьбы с большевиками [5, с. 45—46].

29 марта 1918 г. частное совещание делегатов Войскового круга сместило Войскового атамана и членов Войскового правления со своих постов, объявило об упразднении уссурийского казачества и избрало Временный совет. Проходивший 8—14 мая 1918 г. в г. Иман 5-й (ликвидационный) Круг признал советскую власть, постановил ликвидировать уссурийское казачество, избрал Войсковой совет во главе с С.В. Кореневым. В конце мая 1918 г. против ОКО атамана Калмыкова Дальсовнарком развернул Гродековский фронт, в составе которого был отряд красных уссурийских казаков во главе с Г.М. Шевченко. В начале июля 1918 г. против чехов и белогвардейцев был образован Уссурийский фронт [5, с. 46].

Заняв 4 июля 1918 г. ст. Гродеково, атаман Калмыков объявил мобилизацию уссурийцев против советской власти. ОКО принял участие в боях на Уссурийском фронте в начале августа. После вступления в борьбу интервентов в конце августа советские части фронта потерпели поражение и стали отступать. 5 сентября ОКО и японцами был занят Хабаровск, в 20-х числах сентября 1918 г. советская власть на Дальнем Востоке была ликвидирована. Хабаровск стал резиденцией атамана Калмыкова, здесь же расположился и ОКО. Войсковое правление находилось во Владивостоке. Калмыков продолжил объявленную 4-м Кругом политику автономии на этот раз по отношению к различным белым правительствам в Сибири и на Дальнем Востоке, опираясь на поддержку Японии. По отношению к населению Калмыков проводил политику террора.

Проходивший 21—31 октября 1918 г. в Хабаровске 5-й Войсковой круг присвоил И.П. Калмыкову чин генерал-майора, объявил о продолжении политики автономии, дополнительной мобилизации уссурийских казаков в ряды ОКО. Круг постановил вернуть в ведение Войска земельный отвод генерала Духовского (изъятый в 1914 г.), подчеркнув, что отвод является главным источником войсковых доходов. Делегаты признали необходимым создать союз трёх Дальневосточных казачьих Войск (Забайкальского, Амурского и Уссурийского). Войсковым атаманом Уссурийского казачьего Войска был вновь избран И.П. Калмыков.

В Забайкальском казачьем войске решение 1-го Казачьего съезда в Чите о ликвидации ЗКВ большинством станиц было встречено крайне отрицательно. Оно привело к первому глубокому расколу среди забайкальских казаков, разделив их на граждан (одобривших ликвидацию казачьего сословия) и казаков (выступивших за его сохранение). Также неоднозначно отнеслись к решению 1-го Съезда казаки-фронтовики. Все полки и артиллерийский дивизион 1-й Забайкальской казачьей дивизии выступили против ликвидации войска. В частности, казаки 1-го Нерчинского полка 24 мая 1917 г. приняли резолюцию, в которой говорилось: «…ознакомившись с программой Забайкальского казачьего съезда об уничтожении казачества, сильно возмущены решением съезда… А

без наших фронтовых представителей решение съезда об уничтожении казачества считаем недействительным» [1, с. 18—19].

Однако фронтовое казачество, как и станичники, не было единым. 2-й Аргунский, 2-й Читинский, 2-й Нерчинский полки поддержали решение 1-го Областного казачьего съезда. Во 2-м Нерчинском полку 3 июля 1917 г. была принята резолюция, в которой говорилось: «…Необходимо удержать позицию, занятую Войсковым съездом в апреле 1917 г., т.е. встать под общее знамя русской демократии, поддерживать безсословность» [1, с. 20].

В то же время проходившие в конце лета—осенью 1917 г. казачьи съезды разных войск делают уже акцент на необходимости сохранения казачьего сословия и, соответственно, его особых прав на владение землей. Так, работавший с 8 августа по 4 сентября 1917 г. 2-й Съезд Забайкальского казачьего войска в противовес решению 1-го Съезда постановил сохранить казачье сословие. Подобное решение принял и Съезд уссурийских казаков. Дело не ограничивалось только резолюциями: в Забайкалье казаков, которые вели агитацию за упразднение войскового сословия, лишали казачьего звания, отбирали земельные наделы, выселяли из станиц [2].

Антисоветские силы в ЗКВ с ноября 1917 г. начали объединяться вокруг Г.М. Семёнова, который стал одним из наиболее ярких представителей белого казачества в период революций и Гражданской войны. Он хорошо знал обычаи и особенности ЗКВ, получил богатейший военный опыт в период Первой мировой войны (воевал в рядах 1-го Нерчинского полка). В мае 1917 г. Г.М. Семёнов подал Временному правительству докладную записку с предложением организовать добровольческую бурят-монгольскую часть и получил соответствующее разрешение. Для формирования части он прибыл в Забайкалье, а после Октябрьской революции открыто заявил о непризнании советской власти и вступил в бой с большевиками. Первая попытка вооружённой борьбы (столкновение с гарнизоном Верхнеудинска) оказалась неудачной, и Семёнову пришлось отступить за границу в Маньчжурию. Управляющий КВЖД Д.Л. Хорват оказал ему помощь, и вскоре у Семёнова был в подчинении «особый маньчжурский отряд», численностью до 500 чел. [1, с. 50—51].

В стране в целом наряду с усилением революционных сил, прежде всего большевиков, широко вызревало требование правых о военной диктатуре, с помощью которой они рассчитывали железной рукой навести порядок в стране. Правые силы группировались вокруг Верховного главнокомандующего русской армии генерала Л.Г. Корнилова, казака по происхождению. Для осуществления планов установления военной диктатуры Л.Г. Корнилов предлагал двинуть на Петроград 3-й конный корпус генерала Крымова и ряд других соединений, распустить Советы, реорганизовать Временное правительство, навести порядок в стране. В составе 3-го корпуса действовала Уссурийская конная дивизия, включавшая амурских, забайкальских и уссурийских казаков.

Планам, намеченным Л.Г. Корниловым, не суждено было осуществиться. Против переворота выступили левые силы во главе с большевиками, направившие в корниловские войска своих агитаторов. И казаки, на которых возлагались особые надежды, вышли из повиновения. Они были готовы жизнь отдать за Отечество, но на фронте. Подавлять и расстреливать русских людей они не захотели. В полках Уссурийской дивизии недовольство казаков обернулось против собственных офицеров. В частности, в 1-м Нерчинском, 1-м Уссурийском и 1-м Амурском казачьих полках большая часть офицеров была арестована казаками.

В результате переворота в Омске 18 ноября 1918 г. Верховным правителем России стал адмирал А.В. Колчак. Проводившие политику казачьего сепаратизма и поддерживаемые Японией атаманы Г.М. Семёнов и И.П. Калмыков отказались признать власть А.В. Колчака. Политика автономии и непризнания колчаковской власти, прояпонская ориентация, террор привели к восстанию 27—28 января 1919 г. в Хабаровске 1-го Уссурийского казачьего полка. Это заставило Калмыкова в срочном порядке созвать Войсковой круг.

Проходивший 21 февраля — 6 марта 1919 г. в Хабаровске 6-й Войсковой круг признал адмирала А.В. Колчака Верховным правителем. При расследовании восстания казаков Круг не указал, что главной его причиной послужила деятельность атамана Калмыкова. Сам атаман Калмыков заявил о своём решении выступить

с ОКО на Восточный (Уральский) фронт. Весной 1919 г. шла подготовка к отправке на фронт как частей ОКО, так и Забайкальского казачьего Войска. Но атаманы Семёнов и Калмыков, выдвигая различные условия, на фронт свои части так и не отправили. Это послужило причиной выступления в мае 1919 г. группы офицеров и юнкеров ОКО с требованием отправки на фронт [5, с. 47].

Признавая результатом этого выступления кризис в Войске, атаман Калмыков предложил Войсковому правлению созвать Войсковой круг для отчёта перед ним и сложения полномочий Войскового атамана. В своём постановлении от 29 мая 1919 г. Войсковое правление, упрекая Калмыкова в самовольных действиях и несогласованности их, предупредило атамана, что это может привести к расколу в Войске. Для поддержания своего авторитета атаман Калмыков совместно с японцами 29 мая — 9 июня 1919 г. провёл Хорско-Киинскую операцию в районе Хабаровска, разбив и рассеяв партизанские отряды. Кроме того, против партизан в это же время в Приморье действовал отряд Иманского гарнизона под командованием есаула А.Г. Ширяева, а в Южно-Уссурийском районе — Уссурийский казачий полк войскового старшины Н.И. Савельева [5, с. 47—48].

Проходивший в ст. Гродеково 17—24 июня 1919 г. 7-й Войсковой круг вновь избрал Калмыкова Войсковым атаманом. На Круге был фактически снят вопрос об отправке ОКО на фронт, что мотивировалось ростом партизанского движения на Дальнем Востоке.

23 июня в Гродеково прибыл Походный атаман всех казачьих Войск генерал-лейтенант А.И. Дутов, который находился на Дальнем Востоке до конца июля 1919 г. Июль—начало августа прошли в операциях против партизан, для чего была даже проведена мобилизация Уссурийского казачьего Войска. В июле 1919 г. главным начальником Приамурского края и командующим войсками Приамурского военного округа стал генерал С.Н. Розанов, его заместителем — атаман Г.М. Семёнов.

2 сентября 1919 г. атаман Калмыков был назначен уполномоченным по охране государственного порядка и спокойствия в Хабаровском и Иманском уездах. В октябре этого же года началось развёртывание частей ОКО в Отдельную Уссурийскую атамана Калмыкова бригаду.

Осенью 1919 г. общая военно-политическая обстановка для белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке была очень сложной. Части колчаковской армии в Сибири отступали, в её тылу ширилось партизанское движение, большинство населения уже не поддерживало режим. Это заставило атамана Калмыкова в декабре 1919 г. объявить о созыве Войскового круга, а 23 декабря — о мобилизации Уссурийского казачьего Войска. Однако Калмыков столкнулся с отказом уссурийских казаков подчиниться данной мобилизации. В начале января 1920 г. прошли выступления казаков в ряде станиц и посёлков в Южном Приморье, протестовавших против Гражданской войны и надвигавшейся оккупации края японцами. 4 января 1920 г. адмирал Колчак передал всю полноту военной и гражданской власти на территории Российской Восточной Окраины Атаману Г.М. Семёнову [5, с. 48—49].

26 января 1920 г. Никольск-Уссурийский был занят партизанами и восставшими войсками. В городе образован Военно-революционный штаб (ВРШ). 26 января казаки Полтавского и Гродековского станичных округов, а также казачьи части, расквартированные в округах, заявили о поддержке ВРШ. 31 января революционными войсками был занят г. Владивосток. Власть генерала Розанова была свергнута, вместо него стало Временное правительство Приморской областной земской управы. В результате этих событий Хабаровск оказался отрезанным от остального мира кольцом партизанских отрядов. 4 февраля 1920 г. против атамана Калмыкова были двинуты революционные войска из Никольска-Уссурийского под командованием И.Г. Булгакова-Бельского.

12 февраля 1920 г. Калмыков объявил о сворачивании сформированной 1 января 1920 г. Отдельной Уссурийской атамана Калмыкова дивизии в Особый Уссурийский казачий отряд на строго добровольческих началах. В тот же день атаман Калмыков вручил хорунжему Карпинскому войсковое знамя и дивизионное георгиевское — для передачи атаману Семёнову. В мае 1920 г. Карпинский выехал в Читу, где и передал их атаману. 13 февраля 1920 г. Особый казачий отряд под командованием атамана Калмыкова ушёл из Хабаровска, пересек границу с Китаем и в начале марта в г. Фугдине был разоружён китайцами. Сам Калмыков был аресто-

ван, находился в Гиринской тюрьме, и в начале сентября 1920 г. убит китайцами при попытке к бегству [5, с. 49—50].

21—24 февраля 1920 г. в ст. Гродеково прошёл съезд делегатов Уссурийского казачьего Войска от 5 станичных округов (делегаты Гленовского округа не прибыли из-за ведения в районе Хабаровска боевых действий против Калмыкова). Съезд осудил деятельность атамана Калмыкова, постановил упразднить казачество и слиться с крестьянством. Взамен Войскового правления был образован Временный Военно-революционный комитет (ВРК). 26 февраля ВРК признал власть Временного правительства Приморской областной земской управы. К апрелю все станичные округа вынесли резолюцию о ликвидации казачества, а ВРК начал подготовку к передаче всего хозяйственного аппарата в ведение Приморского земства. С этой целью на 1 июля 1920 г. было объявлено о созыве Войскового круга. Во время подготовки к нему в ст. Гродеково из Харбина прибыл помощник атамана Калмыкова Ю.А. Савицкий, который объявил о восстановлении полномочий старого состава Войскового правления и созыве 9-го Войскового круга в Гродеково. В Войске произошёл раскол. 9-й Войсковой круг, созванный Савицким, проходил в ст. Гродеково с 10 по 23 июля 1920 г. На нём не присутствовали делегаты от Полтавского, Гленовского, Донского станичных округов. Круг аннулировал протоколы Гродековского февральского 1920 г. съезда, постановил не признавать Временного правительства, восстановил уссурийское казачество как отдельное сословие и старый состав Войскового правления во главе с атаманом Калмыковым [5, с. 50].

В ноябре—декабре 1920 г. в район ст. Гродеково стали прибывать выбитые Народно-революционной армией Дальневосточной республики (НРА ДВР) из Забайкалья семёновские и каппелевские части. Полковник Ю.А. Савицкий атаманом Семёновым был произведён в генерал-майоры.

В январе 1921 г. проходили выборы в Учредительное собрание ДВР, в которых приняло участие и уссурийское казачество. Озабоченное антигосударственной политикой Войскового правительства Уссурийского казачьего Войска в январе 1921 г. Приморское Областное Управление объявило о созыве Войскового круга. Гро-

дековское Войсковое правительство объявило об игнорировании этого Круга. 10-й Войсковой круг проходил 8—13 марта 1921 г. в г. Иман. В его работе принимали участие делегаты от Гленовского, Бикинского и Полтавского станичных округов, некоторых посёлков Донского. Круг осудил деятельность Гродековского Войскового правительства, выразил поддержку Учредительному собранию ДВР, постановил отстранить Войсковое правление во главе с Савицким, а вместо него избрал новое Войсковое правление во главе с С.С. Петрологиновым. Правительство ДВР 2 апреля 1921 г. утвердило итоги 10-го Иманского круга, объявило правительство Савицкого врагом народа и перестало его финансировать. Новое Войсковое правление расположилось в Хабаровске. Таким образом, в Уссурийском казачьем Войске оказалось два Войсковых правления [5, с. 50—51].

Гродековское Войсковое правление отказалось признать итоги Иманского круга и с 16 по 24 апреля 1921 г. провело в Гродеково свой Круг. Этот 10-й Чрезвычайный Войсковой круг не признал решений 10-го Иманского, избрал генерала Ю.А. Савицкого Войсковым атаманом. Таким образом, 10-й Чрезвычайный круг окончательно оформил и закрепил раскол Уссурийского казачьего Войска на две части. Одна во главе с Войсковым правлением в Хабаровске находилась на стороне правительства ДВР и стояла на позициях ликвидации казачества как сословия и слияния его с крестьянством. Другая пыталась отстоять старые казачьи обычаи и традиции, находясь на позициях сохранения казачества как особого сословия. Эта позиция Гродековского правления объективно была проигрышна, фактически содействовала продолжению Гражданской войны (и позднее не была поддержана основной массой уссурийского казачества).

26 апреля 1921 г. в ст. Гродеково на съезде представителей 9 казачьих Войск России была принята программа противодействия ДВР. Походным атаманом всех казачьих Войск Российской восточной окраины был избран генерал Г.М. Семёнов. 26 мая 1921 г. в результате переворота во Владивостоке ДВР в лице Приморского Областного Управления оказалась свергнутой и власть перешла в руки Приамурского Временного правительства (ВПП), которое

возглавили С.Д. и Н.Д. Меркуловы. Гродековское Войсковое правительство во главе с Савицким объявило о поддержке Меркуловых [5, с. 52].

В результате претензий атамана Семёнова на власть между ним и ВПП началась борьба. Большинство организаций Приморья, в том числе и представители казачьих Войск, заявили о полной поддержке Меркуловых, что заставило атамана Семёнова 25 июня 1921 г. уехать из Владивостока в Гродеково. В составе семёновских войск в районе Гродеково находились Уссурийский казачий полк под командованием полковника Н.В. Ловицкого и Особая Уссурийская сотня под командованием полковника А.Г. Ширяева. 27 июня 1921 г. Войсковое правление из Гродеково переехало во Владивосток, а 28 июня начало формировать Отдельную Уссурийскую казачью сотню под командованием есаула Ярославцева. Проигравший борьбу с ВПП за власть атаман Семёнов в сентябре 1921 г. был вынужден покинуть пределы Приморья. Семёновские войска заявили о своём подчинении ВПП [5, с. 52—53].

В это время Хабаровское Войсковое правление проводило политику на расказачивание. 23 сентября 1921 г., завершив порученную 10-м Иманским кругом работы в Приамурской области, оно объявило о переносе своей деятельности в Приморскую область.

Проходивший с 26 декабря 1921 г. до начала января 1922 г. в Гродеково 11-й Чрезвычайный Войсковой круг попытался объединить Уссурийское казачье Войско, сгладить последствия раскола и мобилизовать казаков против ДВР. Однако объявленную Кругом мобилизацию казаки не поддержали.

В июне 1922 г. ВПП объявило о созыве Земского Собора, где от Уссурийского казачьего Войска должно было участвовать 9 представителей. 22 июля во Владивостоке открылся Приамурский Земский Собор. 8 августа он избрал генерала М.К. Дитерихса Правителем Земского Приамурского края. В состав Земской Приамурской Думы должны были войти три представителя от уссурийцев [5, с. 53].

После поражения под Спасском 7—9 октября 1922 г. белые войска стали отступать в сторону Владивостока и ст. Гродеково. Последняя была занята частями НРА 16 октября. Белые части

генерала Смолина, в составе которых были и уссурийцы, 19 октября 1922 г. прибыли на ст. Пограничную (КВЖД). Вместе с белыми войсками в Китай и другие страны ушли и казаки, связанные с белым движением. Некоторые из них смогли взять с собой семьи.

С этого времени началась долгая и трагическая жизнь дальневосточного казачества в эмиграции в Китае.

Литература и источники

1. Василевский В.И. Забайкальское казачье войско в годы революции и гражданской войны. Чита, 2007. 174 с.
2. Забайкальская новь. 1917 г. 24 июня.
3. История казачества Азиатской России. Т. 3. XX век. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 270 с.
4. Протоколы 1 казачьего съезда. Чита, 1917.
5. Уссурийское казачье войско: история и современность (к 110-й годовщине образования УКВ). Владивосток, 1999. 120 с.

УДК: 947.084.2(571.6) ″1917″

1917 ГОД НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА И БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ

О.В. АВДОШКИНА

Дальневосточный государственный университет путей сообщения, г. Хабаровск

Представленная статья посвящена рассмотрению особенностей общественно-политической обстановки, сложившейся на Дальнем Востоке России в условиях развития революционного процесса 1917 г., в значительной степени предопределившего ход дальнейшего исторического развития региона в целом. Особое внимание уделено деятельности различных общественных организаций и политических партий в указанный период и их влиянию на общественные настроения

Ключевые слова: политическая обстановка, революционный процесс, политические партии, многопартийность, партийная борьба

1917 IN THE FAR EAST: THE POLITICAL SITUATION AND THE STRUGGLE FOR POWER

O.V. AVDOSHKINA
Far East state university of means of communication, Khabarovsk

The article deals with the peculiarities of the socio-political situation in the far East of Russia in the conditions of development of the revolutionary process of 1917, largely determined the course of further historical development of the region as a whole. Special attention is paid to the activities of various public organizations and political parties in this period and their impact on the public mood.

Key words: the political situation, the revolutionary process, political parties, multi-party system, partisan struggle.

Российскую историю первой четверти XX в. можно представить, в том числе, как межпартийную борьбу, высший накал которой пришёлся на период революций, ставших результатом объективного, стихийного исторического процесса, принимающего более или менее разрушительные формы под влиянием субъективных факторов, в том числе и деятельности политических партий.

Российская многопартийность во многом отражала наличие в стране значительного запаса невостребованной социальной энергии, которая в ходе революционных изменений в политической системе государства вырвалась на свободу и устремилась в ранее запретную нишу партийного строительства. Вполне возможно со временем произошёл бы постепенный отбор наиболее жизнеспособных и пользующихся поддержкой населения партий и организаций, были бы отшлифованы программы, усовершенствованы организационные структуры. Однако, как известно, события в России пошли по иному, укороченному сценарию, что не позволило многочисленным политическим партиям сложиться в упорядоченную систему, а затем и вовсе привели к быстрой ликвидации многопартийности и установлению монополии одной партии.

Сообщения о революции и свержении самодержавия в Петрограде достигли Дальнего Востока 28 февраля 1917 г. (по старому стилю) и вызвали всеобщее ликование. Повсеместно проходили

приветствовавшие Временное правительство митинги и собрания. В эти дни городские думы спешно созывали свои заседания с участием представителей биржевых и военно-промышленных комитетов, союзов земств и городов, обществ народных чтений, различных партийных групп и организаций, на которых избирались Комитеты общественной безопасности (КОБ), Комитеты общественных организаций (КОО), Комитеты общественного спасения (КОС), объявлявшие себя революционной властью на местах. По своему составу эти комитеты, создававшиеся, как правило, под эгидой и при непосредственном участии представителей партии кадетов с представительством эсеров, меньшевиков и большевиков, были демократическими, поскольку включали в себя представителей самых широких слоёв населения — от чиновников и предпринимателей до рабочих и солдат.

Поскольку первоначально процесс создания общественных организаций шёл самочинно и весьма бурно, то центральная власть посчитала необходимым в него вмешаться. Телеграммой от 17 марта из Петрограда предписывалось: в целях согласования деятельности и внесения упорядочения в названия и состав этих органов объединить их в губернские, уездные, волостные с представительством всех групп населении [ГАИО. Ф. 756. Оп. 1. Д. 30. Л. 97]. Однако действия правительства запаздывали и фактически лишь закрепляли сложившееся положение, а не руководили процессом строительства органов власти в стране.

Необходимо отметить, что подобные массовые и авторитетные общественные исполнительные комитеты, действовавшие по всей России на губернских, уездных, волостных и сельских уровнях, являясь подлинно народной властью и опираясь на самые широкие слои населения, тем не менее, не нашли поддержки у Петроградского Совета и не получили признания у Временного правительства. Последнее вместо поддержки народной власти занялось созданием собственного аппарата управления в лице правительственных комиссаров. При этом если положение КОБов было вполне определённым, то компетенции комиссаров были не совсем ясны. К тому же между этими структурами существовали постоянные трения.

Это особенно наглядно просматривалось на региональном уровне. Так, в Забайкалье сразу же после создания КОБ предложил комиссару согласовывать свои действия с представителями комитета, поскольку, согласно телеграмме из Петрограда, ответственность за управление областью возлагалась на комитет. Такое положение сохранялось вплоть до середины апреля, когда была получена телеграмма из центра по вопросу об урегулировании взаимоотношений между этими структурами. В документе отмечалось, что носителем власти Временного правительства является комиссар, которому присваиваются все права и обязанности, возложенные законом на губернатора. Исключение составляли только те полномочия, которые отпали вследствие происшедших в государственном строе изменений. Кроме того, на комиссара был возложен и надзор за законностью деятельности всех лиц [ГАЧО. Ф. 334. Оп. 1. Д. 2. Л. 24]. Таким образом, взаимоотношения между комиссаром и комитетами должны были измениться. И, тем не менее, КОБы, заинтересованные в свержении самодержавия, оказывали помощь Временному правительству в устранении старых структур власти, поддержании общественного порядка, а в ряде городов (например, в Хабаровске) даже играли активную роль в создании Советов рабочих депутатов.

Таким образом, на востоке России Февральская революция победила, не встретив активного сопротивления царской администрации. Население региона, как, впрочем, и по всей стране, было охвачено всеобщей эйфорией. Казалось, что революция стёрла все социальные противоречия, уничтожила все классовые различия. Однако уже через некоторое время всеобщий восторг сменился всеобщим разочарованием.

Ситуация в стране после падения самодержавия была парадоксальна. Если в столице на общегосударственном уровне обстановка складывалась предельно ясно: с одной стороны — Временное правительство, а с другой — Петроградский Совет, то на местах контуры власти прорисовывались менее чётко. За неё боролись Комитеты общественной безопасности, комиссары Временного правительства, Советы, городские думы, земские управы. В результате в одних местах было практически полное безвластие, в

других власть оказывалась в руках какого-либо одного органа, а в-третьих, — двоевластие. Князь Е.Н. Трубецкой так характеризовал обстановку в стране: «Все мы говорили, что нужно, наконец, восстановить единовластие. Но на самом деле у нас (в Петрограде — А.О.) двоевластие, а на местах иногда и десятивластие» [1, с. 85].

Необходимо отметить, что роль той или иной структуры определялась не сразу. На местах, в отличие от центра, первое время после свержения монархии главным носителем власти оказались как раз Комитеты общественной безопасности, хотя Временное правительство и стремилось к тому, чтобы комиссарам досталась реальная власть, а комитетам — призрачная сила общественного мнения. Однако именно изменение настроения масс привело в конечном итоге к падению Временного правительства и утрате массовой поддержки партиями меньшевиков и эсеров. Другое дело, что правильно оценить умонастроение масс и на этой основе дать прогноз дальнейшего развития событий эти комитеты так и не сумели, что стало одной из причин поражения демократических партий и победы большевиков.

Февральская революция активизировала широкие народные массы, которые стали интересоваться политикой. Это, в первую очередь, выразилось в восстановлении и создании новых легальных партийных групп и организаций. Отметим, что до 1917 г. в крае действовали лишь отдельные представители тех или иных политических групп, которые и возглавили процесс восстановления и легализации партийных организаций. В дальневосточном политическом спектре, как и в центре страны, ярко выделялся меньшевистско-эсеровский блок, выразитель идеи общественного согласия. И если меньшевики, как правило, придерживались традиционных для западной демократии взглядов, то эсеры ориентировались на крестьянство как основной социальный слой России.

Свобода породила у населения многочисленные иллюзии, среди которых была и та, что после падения самодержавия все политические партии, независимо от программных установок, смогут, забыв о разногласиях узкопартийного характера, объединиться для строительства новой жизни. Подобные иллюзии в марте—апреле

1917 г. охватывали значительную часть населения и в ряде городов Дальнего Востока. А поэтому многие рабочие, солдаты и матросы, находившиеся под влиянием эсеров и меньшевиков, свято верили в необходимость всемерной поддержки политики Временного правительства и группировались вокруг КОБов. Другая же часть населения поддерживала Советы, являвшиеся центрами партийной работы большевиков.

Местные партийные организации во всех крупных городах края широко пользовались печатью для пропаганды своих взглядов и своей политики. Так, в руках меньшевиков находилась газета «Далёкая окраина», эсеров — редакция газеты «Известия Владивостокского Совета». Харбинская газета «Голос труда», орган городского Совета рабочих и солдатских депутатов, начавшая выходить с марта 1917 г., издавалась эсерами и меньшевиками.

Оформившись, приступили к изданию своих партийных газет и другие социал-демократические организации края. Весной—летом 1917 г. в крупных городах Дальнего Востока под эгидой социалистов стали выходить газеты «Голос труда» (Благовещенск), «Призыв» (Хабаровск), «Вперёд» (Николаевск-на-Амуре), «Рабочее знамя» (Харбин). «Далёкая окраина» и благовещенский «Голос труда» с первых и до последних номеров выражали идейно-политическую линию меньшевиков-оборонцев, а газеты «Призыв» и «Вперёд» — позицию меньшевиков-интернационалистов. Большевики Дальнего Востока сначала не имели своей газеты, что являлось слабым местом в партийной работе. Однако в апреле при помощи солдат-печатников владивостокским большевикам удалось организовать выпуск своей газеты «Красное знамя», которая до сентября 1917 г. формально оставалась органом общей организации РСДРП.

Между меньшевиками-оборонцами и большевиками в городских организациях РСДРП находились группы меньшевиков-интернационалистов, которые по ряду важнейших вопросов, например, о войне и мире, стояли на позициях большевиков и поддерживали их. Во Владивостокской организации интернационалисты часто пытались сгладить противоречия, «в целях сохранения единства рядов РСДРП» добивались компромиссных решений.

Центры партийной работы в этот период находились в Советах, в профсоюзах и других массовых организациях, где между большевиками и меньшевиками разгорались всё более жаркие споры.

Весьма показателен и факт существования так называемого «единого социалистического блока», который был создан в Благовещенске в июле 1917 г. и состоял из представителей Совета рабочих и солдатских депутатов, социал-демократов и эсеров. Совместное пребывание в тюрьмах и в ссылке до революции, их дружественные личные отношения побуждали многих большевиков по-прежнему считать меньшевиков соратниками по оружию, но «заблуждавшимися» в политике. Некоторые большевики полагали, что, критикуя ошибки меньшевиков, можно вернуть их на правильную революционную дорогу. Следствием всего этого и были терпимость, компромиссы и существование на Дальнем Востоке общих организаций до осени 1917 г.

Политическую жизнь определяли два существенных обстоятельства. Во-первых, доверие народа к Временному правительству и всемерная поддержка его политики. Во-вторых, большинство населения поддерживало так называемое «революционное оборончество». Многие считали, что после свержения самодержавия империалистическая война превратилась в освободительную. В отношении классовых, национальных и групповых стремлений и надежд население Дальнего Востока представляло весьма пёструю картину, отражавшуюся в деятельности партий и организаций, выражавших эти стремления.

Политика меньшевиков и эсеров до июльских событий в Петрограде не вызывала протеста у значительных масс рабочего класса, хотя по вопросам о войне и мире и о власти прислушивались к большевикам и их поддерживали. Крестьянство в силу своей неоднородности раздиралось противоречиями, однако, большинство шло за эсерами. Солдаты и матросы при выборах в Советы в большинстве своём проголосовали за меньшевиков и эсеров, «упиваясь свободой», полученной от Февральской революции.

Большинство чиновников государственных учреждений, служащих, приказчиков, учителей, медиков и лиц свободных профессий были в восторге от Февральской революции, которая их

полностью устраивала, и считали, что меньшевики и эсеры выражали их профессиональные групповые интересы, поэтому они весьма охотно поддерживали их.

Либеральное направление в политической палитре Дальнего Востока представляли не только отделы партии Народной свободы (кадетов), но и союзы республиканцев, сформированные в послефевральский период буржуазно-интеллигентским активом на базе местных биржевых и военно-промышленных комитетов, а также на основе различных обществ, в которые входили крупные предприниматели, купцы, чиновники. Весной 1917 г. кадетские организации появились в Хабаровске, Владивостоке, Никольске-Уссурийском, Благовещенске, Харбине. Основой объединения дальневосточных кадетов стал лозунг «Всё для победы над германцем!», ядром политической доктрины — идея государственности, а экономическая программа предусматривала отчуждение частновладельческих земель за справедливый выкуп [5, с. 37—38].

К октябрю 1917 г. кадетские организации на Дальнем Востоке были весьма малочисленны (по сравнению с социалистами). В значительной степени политический вес кадетам придавали союзы республиканцев, являвшиеся специфической разновидностью либерального направления, с которыми кадеты тесно сотрудничали. В состав таких союзов входили чиновники, многие общественные деятели, представители торгово-промышленной буржуазии (члены биржевого комитета, правления пароходства, синдиката мукомолов, золотопромышленники), верхушка интеллигенции.

Несмотря на бурное развитие событий в центре страны, до середины лета 1917 г. деятельность дальневосточных кадетов и республиканцев в большей степени была наполнена литературным содержанием и заключалась в печатании и распространении различных брошюр и листовок. Внешне она напоминала работу дискуссионных клубов, где желающие имели возможность обсудить все вопросы внутренней и внешней политики России.

Летом 1917 г., когда политическое размежевание стало более отчётливым, кадеты отстаивали свои взгляды государственников, призывали бороться с «революционной анархией». Со страниц кадетской прессы звучали настойчивые призывы к укреплению вла-

сти и борьбе против Советов. Именно, по выражению одного из кадетских лидеров А.А. Кизеветтера, «на общей почве отмежевания от большевиков» имело место сближение кадетов с мелкобуржуазными партиями. Дальневосточные меньшевики оправдывали коалицию с буржуазией тем, что этот шаг «…относится к области тактики, а не принципа, это вопрос целесообразности, а не догмы... Социалистические партии пошли на жертвы ради достижения революционно-демократических требований» [3].

Кроме того, кадеты добились того, чтобы меньшевики и эсеры не только говорили, но и действовали по-кадетски. Именно это требование было предъявлено кадетами своим временным политическим союзникам во время июльского политического кризиса, когда в качестве первого условия своего возвращения в правительство они поставили подавление рабочей демонстрации в Петрограде, проходившей под лозунгом передачи всей полноты власти Советам. Однако в правительственном лагере неоднократно возникали разногласия между партийными блоками, что являлось проявлением общенационального кризиса, одним из элементов складывающейся революционной ситуации.

В начале июля 1917 г. по телеграфу дальневосточники получили весьма скудные сообщения о стихийных демонстрациях в столице, участники которых требовали немедленной передачи всей полноты власти Советам. События 3—4 июля в Петрограде, покончившие с двоевластием в стране, предопределили поляризацию политических сил на Дальнем Востоке. Естественно, что отсутствие полной информации из центра порождало домыслы и слухи. «Известия Владивостокского Совета» оценили, к примеру, июльские события весьма отрицательно, посчитав их «…действиями контрреволюционеров и немецких шпионов», а Благовещенское объединённое совещание Амурского КОБа, комитетов партий социал-демократов и эсеров, исполкомов Советов обвинили в организации столичных беспорядков «ленинцев, анархистов и максималистов», действия которых якобы объективно совпадали «с интересами германского генерального штаба». Резко осудили выступления в Петрограде общественно-политические организации Сахалина и Хабаровска.

Июльский кризис знаменовал собой переход революции на качественно новую ступень и резкое изменение политической обстановки. К этому времени реальными проводниками политики Временного правительства на местах оставались комиссары, а вот роль КОБов заметно ослабла, что повлекло за собой волну их самороспуска. С другой стороны, знаменательным событием местного значения стали выборы в муниципальные органы власти (городские думы). Повсеместно на Дальнем Востоке победу одержал «социалистический блок», состоявший из партий эсеров и объединённых социал-демократов. В Хабаровске, к примеру, социалисты получили 43 места из 57, во Владивостоке — 84 из 101, в Никольске-Уссурийском — 32 из 40 [4, с. 185].

Причины столь убедительного успеха объяснялись сплочённостью и организованностью «социалистического блока», широкой пропагандистской работой социалистов среди населения под лозунгами, весьма понятными простому обывателю, высокой активностью избирателей, особенно из среды рабочих и военных, а также огромной популярностью мало кому понятного, но весьма популярного слова «социализм»: людей привлекало идеальное общество равенства и справедливости.

Революционные события в центре развивались со стремительной быстротой. Неудачная политика коалиционного Временного правительства, очевидная неспособность его справиться с кризисной ситуацией в стране привели к неудавшейся попытке генерала Л.Г. Корнилова восстановить традиционный порядок путём переворота и установления военной диктатуры.

Реакция дальневосточников на корниловский мятеж была неоднозначна, по краю прокатилась волна митингов и собраний. Некоторые считали генерала «спасителем Отечества», однако большинство населения придерживалось мнения, что заговорщики должны быть объявлены государственными преступниками, заслуживающими смертной казни. Подобному наказанию необходимо подвергнуть и их сообщников из буржуазных партий [ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 339. Л. 1].

Казалось, что после падения самодержавия перед Россией открылась дорога к свободному гражданскому обществу и правово-

му государству. Но очень скоро стала очевидна вся иллюзорность подобных надежд. Эйфория победы сменилась отчаянием и болью: война, вакуум власти, экономический и политический кризис, корниловский мятеж, безработица, нищета... В обществе постепенно усиливались стихийные разрушительные тенденции.

В одной из статей хабаровской газеты «Приамурская жизнь» политическая ситуация в стране характеризовалась следующим образом: «…Мечущиеся, неустойчивые народные массы, те самые, которые после мятежа большевиков 3—5 июля отвернулись от них, теперь, в результате такого же выступления справа (корниловского мятежа) столь же резко и с той же силой инерции брошены именно к большевикам» [2].

Революционный 1917 год стал кульминацией отечественной многопартийности. Абстрактно спасение российской демократии было возможно при условии политических уступок со стороны партий в пользу организаций «соборного» типа, прежде всего, самоуправлений всех уровней и социальных параметров. Динамика политических кризисов 1917 г. свидетельствует, что партии оказались заложниками доктринёрства своих вождей. К тому же ни одна из партий не смогла выдвинуть харизматического лидера общероссийского масштаба. В этом крылась основная причина краха «преждевременного» парламентаризма и многопартийности.

Литература и источники

1. Герасименко Г.А. Народ и власть. 1917. М.: Воскресенье, 1995. 287 с.
2. Приамурская жизнь. 1917. 10 окт.
3. Призыв (Хабаровск). 1917. 17 мая.
4. Рудник С.Н. Революционные события 1917 г. в крае // Очерки истории родного края: Учебно-методическое пособие / отв. ред. Т.Я. Иконникова. Хабаровск: Изд-во ХГПИ, 1993. 244 с.
5. Стрюченко И.Г. Идейно-политическая борьба большевиков Дальнего Востока против мелкобуржуазных партий за массы в 1917 г. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1985. 159 с.
6. ГАИО (Государственный архив Иркутской области).
7. ГАХК (Государственный архив Хабаровского края).
8. ГАЧО (Государственный архив Читинской области).

УДК: 947.084.2(571.6)

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ ЭСЕРЫ И ОКТЯБРЬ 1917 г.

В.Л. КУЗЬМИН
Дальневосточный государственный
университет путей сообщения,
г. Хабаровск

В статье освещается отношение эсеров к Октябрьским событиям 1917 г. Автор анализирует реакцию центральных органов Партии социал-революционеров на захват власти большевиками. Значительное внимание уделяется рассмотрению отношения к Октябрьской революции дальневосточных организаций социалистов-революционеров и их деятельности в регионе до конца 1917 г.

Ключевые слова: большевики, власть, земства, меньшевики, революция, Советы рабочих и солдатских депутатов, социалисты-революционеры, Учредительное собрание.

FAR EASTERN ECCER AND OCTOBER 1917

V.L. KUZMIN
Far-Eastern state university of ways of report, Khabarovsk

This article highlights the attitude of the Socialist-Revolutionaries to the October events of 1917. The author examines how the central authorities of the Party of Socialist-Revolutionaries reacted to the seizure of power by the Bolsheviks. Considerable attention is paid to the attitude to the October Revolution of the Far Eastern organizations of the Socialist-Revolutionaries and their activities in the region until the end of 1917.

Key words: Bolsheviks, power, zemstvos, Mensheviks, revolution, Soviets of Workers and Soldiers Deputies, Socialist-Revolutionaries, Constituent Assembly.

Захват власти большевиками в октябре 1917 г. вызвал недовольство руководства Партии социалистов-революционеров (ПСР). 25 октября 1917 г. ЦК ПСР выпустил воззвание «Ко всей революционной демократии России», в котором осуждался захват власти большевиками за месяц до созыва Учредительного собрания. ЦК

ПСР заявил, что законной может быть лишь власть, организованная Демократическим совещанием, поэтому он будет стремиться к созданию «политического центра, который явится сосредоточием всех революционных сил страны для борьбы с большевиками и возможными попытками контрреволюции». ЦК призывал всех «… соблюдать спокойствие, воздерживаться от отдельных вооружённых выступлений, лишь беспощадно подавлять всякие попытки погромов, насилий и грабежа» [11, с. 30].

В целом, эсеровские круги расценивали Октябрьскую революцию как авантюру. Захват власти большевиками, на их взгляд, нарушил процесс исторического развития и перехода к социализму. Протестуя против такого поворота событий, правые эсеры вместе с меньшевиками покинули II съезд Советов, проходивший 25—27 октября 1917 г.

Эсеры и меньшевики после Октября 1917 г. в своей политике продолжили линию на коалицию с буржуазией. Однако расслоение в эсеровских рядах только усугубилось. Левые эсеры, возглавляемые М. Спиридоновой, по ряду вопросов встали на сторону большевиков. Прежде всего, они отрицали возможность коалиции с буржуазией, но считали необходимым достичь компромисса всех демократических сил. Левые эсеры были сторонниками «однородного социалистического правительства», состоящего из представителей всех социалистических партий — от энесов до большевиков [1, с. 18].

Что касается правых эсеров, то, несмотря на их недовольство Октябрьскими событиями, они не решились сразу перейти к вооружённой борьбе. Как и левые эсеры, они придерживались идеи «однородного социалистического правительства», но надеялись после созыва Учредительного собрания перехватить власть у большевиков парламентским путём.

Деятельность правых эсеров после II Всероссийского съезда Советов велась в двух направлениях. Сразу же после событий Октября 1917 г. партия занялась подготовкой к созыву Учредительного собрания. 26 октября 1917 г. была опубликована избирательная платформа эсеров. Она включала требования введения широких прав и свобод, неприемлемости сепаратных переговоров России

со странами Четвертного Союза, создания краевого и областного самоуправления и расширения полномочий земств и городских Дум, установления федеративной демократической республики, введения государственной монополии на важнейшие отрасли промышленности, социализации земли, рабочего законодательства и т.п. [11, с. 32—36].

В то же время, ПСР приступила к созданию организаций, целью которых провозглашалась защита завоеваний Февральской революции и Учредительного собрания. В Петрограде правыми эсерами 28 октября создан «Комитет спасения Родины и революции», а также «Центральный Совет стачечных комитетов учреждений и ведомств». В Москве был сформирован «Комитет общественного спасения», объединивший все антибольшевистские силы. На заводы и в воинские части Москвы и Петрограда были направлены агитаторы для проведения митингов и собраний с требованием создания однородно-социалистического правительства и созыва Учредительного собрания для передачи ему власти [1, с. 21—22; 2, с. 187].

Что касается левых эсеров, то они выступали за коалицию с новой властью. На этой же позиции стояли и представители профсоюзов во главе с Всероссийским союзом железнодорожников (Викжель) [7, с. 313]. Более того, часть большевистского ЦК (Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, В.П. Милютин, В.П. Ногин, А.И. Рыков) выступила за создание «однородного социалистического правительства» без В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого, но во главе с В.М. Черновым, надеясь, таким образом добиться компромисса с правыми социалистами. Но в этом случае трансформации подверглась бы вся политика РСДРП(б). Ультиматум Викжеля остановить все железные дороги, пока не будет сформировано «однородное социалистическое правительство», провалился из-за левых эсеров, которые спасли положение, согласившись войти в состав советского правительства — Совнаркома. Меньшинство большевистского ЦК ушло в отставку с партийных и правительственных постов. Однако позже В.И. Ленин убедил ушедших вернуться в ЦК и на государственные должности.

Провал попытки компромиссов большевиков с правыми социалистами произошёл не только из-за возможных персональных

изменений состава Совнаркома, но и из-за политических позиций последних, саботажа ими попыток компромиссов до Октября 1917 г. Когда же большевики взяли власть, эсеры и меньшевики заговорили об «однородном социалистическом правительстве». Такого большевики не могли им простить, поскольку и до июля, и в августе — начале сентября 1917 г., по мнению В.И. Ленина, существовала возможность взятия власти Советами мирным путём [9, с. 113—118; 10, с. 133—139, 222; 7, с. 390—391].

26 ноября — 5 декабря 1917 г. состоялся IV съезд ПСР, констатировавший наличие разногласий в партии, сохранившихся, несмотря на уход левых эсеров. В связи с намерением большинства местных Советов не допустить свержения советского правительства, руководство партии решило отказаться от насильственной ликвидации власти большевиков. Но это означало не перемену отношения к новой власти, а тактическое выжидание смены политического настроения масс. Съезд высказался за продолжение коалиционной политики под лозунгом Учредительного собрания. Партийные организации в случае необходимости должны были принять меры для защиты Учредительного собрания [1, с. 22—23].

Что касается Дальнего Востока, то некоторое время после победы Октябрьской революции в Петрограде и Москве в регионе было затишье. Связано оно было с тем, что правые социалисты, имевшие ключевые посты в местных органах власти, задержали сообщение о победе большевиков. Телеграммы о событиях 25—26 октября 1917 г. в Петрограде были получены на Дальнем Востоке комиссаром Временного правительства А.Н. Русановым. Он принял решение обсудить их на экстренном заседании Хабаровского Совета рабочих и солдатских депутатов совместно с представителями эсеровской и социал-демократической организаций. На заседании 26 октября 1917 г., была принята резолюция, осуждавшая вооружённое выступление большевиков с целью передачи власти Советам. Хабаровский Совет требовал принятия всех мер к созыву Учредительного собрания в назначенный срок. Право опубликования телеграмм было предоставлено А.Н. Русанову при условии получения Исполнительным комитетом Хабаровского Совета точных сведений и вынесении им соответствующей резолюции [4, с. 320].

Как и в центре России, эсеры на Дальнем Востоке были против перехода власти к большевикам. Во Владивостоке и Благовещенске партийные органы эсеров и возглавляемые ими организации и учреждения выносили резолюции протестов. Дальневосточная краевая конференция правых эсеров, проходившая 31 октября — 3 ноября 1917 г. в Хабаровске, выразила общую позицию всех правых социалистов. Участники конференции высказались против захвата власти Советами и за передачу власти Учредительному собранию, которое должно решить вопросы о войне, земле и другие [ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 35. Л. 63]. Не ограничиваясь одними декларациями, эсеры и меньшевики попытались сплотить вокруг себя силы для борьбы с большевиками. В Хабаровске они стремились заручиться поддержкой Амурской речной флотилии, но встретили отказ её представителей на заседании исполкома Совета. Благовещенский эсеро-меньшевистский Совет рабочих и солдатских депутатов принял резолюцию, в которой выражал протест против захвата власти большевиками [12, с. 25]. 8 ноября 1917 г. под предлогом потери связи с центром в городе был образован Комитет охраны общественного порядка. Военная и гражданская власть в Благовещенске и Амурской области перешла в руки правых эсеров — наказного атамана казачьего войска депутата IV Государственной Думы И.М. Гамова, городского головы А.Н. Алексеевского и правительственного комиссара Н.Г. Кожевникова.

Парадоксом развития политической ситуации на Дальнем Востоке стали выборы в Учредительное собрание. В центре власть принадлежала большевикам, а на Дальнем Востоке ещё сохранялась власть комиссара Временного правительства А.Н. Русанова. В выборах в Учредительное собрание на Дальнем Востоке приняли участие около 50% зарегистрированных избирателей. Большевики получили 18,3% голосов (по стране — 23,4%), кадеты — 8% (4,4%), эсеры — 43,8% (39,4%), остальные приходились на национальные группы и прочих. Таким образом, влияние большевиков в регионе было меньшим, чем по стране, а эсеров и кадетов — бóльшим. Однако в крупных промышленных центрах соотношение голосов было иным. Большевики получили в крупных городах 33% голосов, а во Владивостоке и Харбине — соответственно 50%

и 27,3%. В то же время кадеты в городах получили около 21%, эсеры — 20,7%, а меньшевики — 13,6% [16, с. 418—423; 13, с. 219, 363—366; 5].

Депутатами в Учредительное собрание от Приморско-Амурского округа стали 12 чел., в том числе эсеры В.К. Выхристов, Л.И. Загибалов, М.С. Мандриков. Ф.И. Сорокин, А.Н. Алексеевский, В.Г. Петров, Н.Г. Кожевников и большевик А.Я. Нейбут [11, с. 253—254; 14, с. 21—22].

Для изоляции большевиков дальневосточные организации эсеров и меньшевиков вернулись к идее коалиции с кадетами*. Совместно с кадетами правые социалисты стали создавать различные комитеты по борьбе с «анархическими элементами» [ГАХК. Ф. П-44. Оп. 2. Д. 647. Л. 1].

Огромное значение для роста симпатий населения к большевикам сыграло появление на Дальнем Востоке первых декретов Советской власти. Они получили широкое распространение в крае в середине ноября 1917 г. Это привело к тому, что с ноября этого же года дальневосточные большевики смогли приступить к большевизации Советов.

18 ноября 1917 г. эсеро-меньшевистский исполком Владивостокского Совета по требованию рабочих и солдат был переизбран, и большинство в нём получили большевики. Председателем стал большевик Константин Суханов. 29 ноября Исполком принял постановление о переходе власти к Совету и признании Совета Народных Комиссаров. Когда 6 декабря на заседании Хабаров-

* Одновременно с правыми эсерами в Амурской области действовал и т.н. «Амурский союз республиканцев» с его кадетско-правосоциалистической программой. Платформа союза включала не только традиционные кадетские требования, но и 4-й пункт об образовании государственного земельного фонда из кабинетских, удельных, монастырских, казённых земель, принудительное отчуждение за справедливое вознаграждение за счёт государства крупновладельческих земель для предоставления фонда населению в трудовое пользование. Этот мудрёный симбиоз базировался, скорее всего, на отсутствии помещичьего землевладения и крупных частных земельных владений в Сибири и на Дальнем Востоке. 5-й пункт говорил о необходимости рабочего законодательства «на основе программы-минимум социалистической рабочей партии». Не случайно зелёный кадетский флаг Союза республиканцев разделялся по диагонали узкой красной полосой. К апрелю 1917 г. в состав Союза входило примерно 150 чел. Возглавил Союз глава Амурского областного КОБа Н.И. Шишлов. В составе Союза были, главным образом, предприниматели, торговцы, офицеры (См.: Платформа Амурского союза республиканцев).

ского Совета была принята аналогичная резолюция, правые эсеры и меньшевики покинули заседание. В состав Исполкома вошли только большевики и левые эсеры. С ноября по декабрь 1917 г. в основных центрах Дальнего Востока под влиянием вооружённых демонстраций солдат были проведены перевыборы Советов. Большинство в них получили большевики и левые эсеры. Правые эсеры и меньшевики не могли повлиять на ход событий и ограничивались протестами. 26 декабря 1917 г. остававшийся пока в руках правых социалистов Хабаровский Дальневосточный Комитет Советов рабочих и солдатских депутатов высказался против захвата власти Советами и потребовал созыва Учредительного собрания [ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 35. Л. 56]. Но влияния на население подобные декларации не оказывали.

Популярность эсеров катастрофически падала. Имея в своих руках всю полноту местной власти, они совместно с меньшевиками не решили поставленных перед ними жизнью задач. Ухудшение продовольственной ситуации в регионе при бездействии местной власти привело к окончательной потере правыми социалистами авторитета среди населения. В рядах дальневосточных эсеров началось организационное размежевание. После I съезда левых эсеров в Петрограде, состоявшемся в конце ноября 1917 г., в Благовещенске, Владивостоке и ряде других мест Дальнего Востока началось образование независимых организаций правых и левых эсеров.

Окончательно вопрос о власти на Дальнем Востоке должен был решить III краевой съезд Советов, созванный в Хабаровске в декабре 1917 г. Однако, эсеры и меньшевики не собирались спокойно наблюдать, как власть перейдёт в руки Советов. Бывший комиссар Временного правительства А.Н. Русанов 11 декабря 1917 г. созвал совещание из представителей от земских и городских учреждений. На нём было образовано Временное бюро Дальневосточного краевого союза земств и городов в составе 6 чел. под председательством эсера Тимофеева [15]. Временное бюро объявило себя высшим органом власти в крае и поставило своей целью довести регион до Учредительного собрания. Но большевики легко предотвратили эту попытку передачи власти земствам. 11 декабря 1917 г. А.Н. Русанов и его секретарь эсер

В.В. Граженский* были взяты под домашний арест представителями Краевого комитета Советов [6; 8].

12 декабря 1917 г. III съезд Советов Дальнего Востока, состоявший из представителей Приморской и Амурской областей, начал свою работу. На съезде присутствовали 84 делегата, из которых 46 были большевиками, 27 — левыми эсерами, 9 — меньшевиками и 2 — беспартийными. Образовались три фракции: большевистская, меньшевистская и левоэсеровская. Съезд прошёл под руководством большевиков.

Главным вопросом съезда был вопрос о власти. Позиция меньшевиков, выступавших против передачи власти Советам и требовавших ждать созыва Учредительного собрания, не получила поддержки. 14 декабря 1917 г. III съезд Советов Дальнего Востока провозгласил установление советской власти в крае. Съезд избрал Краевой исполнительный комитет Советов (8 большевиков и 4 левых эсера). Председателем комитета стал А.М. Краснощёков, а секретарём — М.И. Губельман. Меньшевики отказались войти в крайисполком.

Почти одновременно с III съездом Советов во Владивостоке работало Приморское областное земское собрание, на котором крестьянство потребовало своего представительства в крайисполкоме. Председатель собрания правый эсер А. Медведев, высказался за коалицию земств и Советов рабочих и крестьянских депутатов. В последний день работы на III съезд Советов Дальнего Востока прибыли делегаты от Приморского областного земства Думкин, Щепетнов и Кучеренко. Вопрос о включении в Краевой комитет Советов представителей земских и городских самоуправлений вызвал горячие дебаты. Часть делегатов (представитель Приморского областного земства Кучеренко, Козлов и др.) считала, что земские органы являются представительством крестьянства, ибо крестьянских Советов на Дальнем Востоке почти не было. Поэтому, как утверждали эти депутаты, необходимо включить пред-

* На первом и втором пленарных заседаниях III съезда Советов было принято решение принять все дела у А.Н. Русанова и освободить его, а также заведующего делами секретариата В.В. Граженского из-под стражи. В конце 1919—1920 гг. А.Н. Русанов был членом Приморской областной земской управы. В 1921 г. эмигрировал в Китай. Умер в Шанхае летом 1936 г.

ставителей земств в Краевой комитет Советов, чтобы найти пути соглашения с крестьянами. Другая часть делегатов (председатель Владивостокского Совета Бугаев, Громадский и др.) доказывала, что включение в состав краевого комитета представителей земств неприемлемо, т.к. это помешает проведению декретов Совета Народных Комиссаров. Некоторые депутаты (Минаев, Любарский) не возражали против земств, но отмечали, что их политика не соответствует интересам крестьянства. По результатам голосования с незначительным перевесом («за» — 26, «против» — 25, «воздержалось» — 4) было принято решение включить в состав исполкома по два представителя от Приморского и Амурского областных земств и по одному от Николаевска-на-Амуре и Сахалина [3, с. 31—33].

Так был сформирован Дальневосточный краевой комитет Советов рабочих и крестьянских депутатов и самоуправлений. Несмотря на коалиционный характер, ведущую роль в нём играли большевики и левые эсеры. В течение некоторого времени на Дальнем Востоке существовала Временная демократическая коалиция Советов и земств. Земствам были предоставлены не только хозяйственные, но и политические функции*. Они имели право под контролем Советов издавать нормативные акты в пределах своей компетенции, выступать от имени краевой власти Советов и самоуправлений и т.д. [17, с. 211—213].

Однако, как показали дальнейшие события, эта коалиция продержалась очень недолго. Изменение симпатий народных масс в пользу большевиков сделали установление советской власти на Дальнем Востоке безболезненным. Политика эсеров, продиктованная их позицией по вопросу дальнейшего развития России, стала одной из главных причин их поражения. В итоге большинство масс пошло за большевиками, проводившими политику, отражавшую в то время ожидания народных масс. Это привело к временной победе большевиков в борьбе за власть и поражению эсеров и

* Э.М. Щагин ещё в 1974 г. одним из первых советских исследователей высказал мысль, что соглашение с Приморским земством давало возможность революционным силам расколоть антисоветский блок, способствовало изоляции правых эсеров и меньшевиков. Он расценивал это соглашение Советов с земством, как политически оправданный компромисс.

меньшевиков. На Дальнем Востоке завершился этап мирного соперничества в местных органах власти. Следующим этапом борьбы за власть между эсерами и меньшевиками с одной стороны, и большевиками с другой, стала Гражданская война.

Литература и источники

1. Гусев К.В. История «демократической контрреволюции» в России. Серия: История. М.: Знание, 1973. 64 с.
2. Гусев К.В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М.: Мысль, 1975. 384 с.
3. Дальсовнарком. 1917—1918 гг. Сб. документов и материалов. Хабаровск, 1969. 377 с.
4. Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны. Хабаровск: Гос. пед. ун-т, 1999. 368 с.
5. Иконникова Т.Я. Политические настроения дальневосточников в 1917 году // Вестник ДВО РАН. 1993. № 1. С. 100—101.
6. Иконникова Т.Я. Учитель, депутат, комиссар, эмигрант… Заметки об А.Н. Русанове // Россия и АТР (Владивосток). 1998. № 2.
7. История политических партий России. М., 1994. 447 с.
8. Лазарева С.И. Роль и место А.Н. Русанова в общественно-политической жизни Дальнего Востока в начале XX в. // Четвёртые Гродековские чтения: Материалы регион. науч.-практ. конф. «Приамурье в историко-культурном и естественнонаучном контексте России». Хабаровск, 2004.
9. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 113—118.
10. Ленин В.И. Полн. собр. соч.Т. 34. С. 133—139, 222.
11. Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. Октябрь 1917 г. — 1925 г. М., 2000. 1054 с. (Воззвание Центрального комитета ПСР «Ко всей революционной демократиив России» 25 октября 1917 г.); Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. Октябрь 1917 г. — 1925 г. М., 2000. 1054 с. Что будет отстаивать в Учредительном собрании партия социалистов-революционеров (Избирательная платформа партии)
12. Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России (октябрь 1917 — октябрь 1918 г.): Документы и материалы. Владивосток: Наука, 1997. 304 с. (Сообщение об отношении к революционным событиям в Петрограде со стороны эсеро-меньшевистского Благовещенского Совета)
13. Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М.: РОССПЭН, 1997. 368 с.
14. Рудник С.Н. Политические партии на Дальнем Востоке в 1917 году: Автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб., 1992. 26 с.

15. Рудник С.Н. Революционные события 1917 года в крае // Очерки истории родного края. Хабаровск, 1993. С. 192—193.
16. Спирин Л.М. Классы и партии в Гражданской войне в России (1917—1920 гг.). М.: Мысль, 1967. 438 с.; с ил.
17. Щагин Э.М. Октябрьская революция в деревне восточных окраин России (1917 — лето 1918 гг.). М., 1968. С. 211—213.
18. ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края).

УДК: 378 «1917/1922»

РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. И КВЖД

Г.П. БЕЛОГЛАЗОВ

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, Владивосток

В статье освещается ход революционных событий в период с марта 1917 г. до начала 1918 г. в полосе отчуждения КВЖД. Даётся краткий анализ сложившейся уникальной политической ситуации в зоне влияния дороги, создания здесь новых общественных институтов, революционных организаций и политических партий. Автономия региона, но и зависимость его от метрополии — России, диктовали свои условия и специфику революционных преобразований. Подчёркнуто, что условий для создания советских институтов власти, аналогичных российским, на КВЖД не существовало.

Ключевые слова: Маньчжурия, КВЖД, Харбин, революция 1917, революционный Совет, политические партии, М. Рютин, Д. Хорват, Чжан Цзолинь.

THE RUSSIAN REVOLUTION OF 1917 AND THE CHINESE EASTERN RAILWAY

G.P. BELOGLAZOV

Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS, Vladivostok

The article highlights the course of revolutionary events in the period from March 1917 to the beginning of 1918 in the exclusion zone of the CER. A brief analysis of the current unique political situation in the zone of influence of the road, the creation of new public institutions, revolutionary organizations and

political parties. The autonomy of the region, but also its dependence on the metropolis — Russia, dictated its conditions and the specifics of revolutionary transformations. It is emphasized that the conditions for the creation of Soviet institutions of power similar to Russian ones did not exist on the CER.

Key words: Manchuria, the Chinese Eastern Railway, Harbin, the revolution of 1917, the revolutionary Council, political parties, M. Ryutin, D. Horvath, Zhang Tsolin.

В 1917 г. в полосе отчуждения КВЖД находились более 200 тыс. русских. Из них непосредственно на линии дороги трудились около 20 тыс. чел. Они были неплохо информированы о событиях, происходивших в России.

Сведения о революции в Петрограде стали поступать в Харбин с утра 3 марта, когда служба телеграфа приняла известие об отречении от престола императора Николая II. По воспоминаниям известного российского востоковеда, уроженца Харбина, Григория Мелихова, первые новости о Февральской революции были встречены большинством русского населения города и станционных посёлков КВЖД вполне одобрительно и даже с какой-то эйфорией [5, с. 17]. Вскоре оформились Советы — полномочные органы новой революционной власти на местах.

В советской историографии принято было считать, что инициаторами создания Советов в Маньчжурии были большевики, лидером которых являлся Мартемьян Рютин (бывший прапорщик Харбинского гарнизона при КВЖД, избранный в сентябре 1917 г. председателем Харбинского комитета РСДРП(б), расстрелянный в 1937 г. как «оппозиционер» и «террорист») [10]. Большевики действительно входили в состав Харбинского Совета рабочих и солдатских депутатов, но председателем его был избран член партии кадетов К.С. Фиалковский (выпускник Харбинского политехнического института, впоследствии секретарь Пекинского Союза советской молодёжи, ответственный секретарь Ассоциации друзей ХПИ). В Совет также входили анархисты и левые эсеры, несколько солдатских депутатов, о политической ориентации которых судить довольно трудно, а также служащие из охранной

стражи дороги и демобилизованные ранее из российской армии военные.

На волне «революционного, демократического порыва» формировались новые политические партии и общественные объединения. Был создан Комитет общественных организаций, действовавший под эгидой петроградского Временного правительства. Д.Л. Хорват, занимавший пост управляющего КВЖД и назначенный Временным правительством Комиссаром полосы отчуждения дороги, признал Исполнительный комитет общественных организаций г. Харбин и обеспечил благоприятные условия для его работы.

Весной и летом 1917 г. из Америки и Шанхая в полосу отчуждения КВЖД стали прибывать политические эмигранты, следовавшие в Петроград. В апреле 1917 г. газета «Маньчжурия» писала о прибытии из Нью-Йорка видного деятеля партии большевиков Н. Бухарина и пяти его соратников. Во время краткого пребывания в Харбине Бухарин в интервью местной прессе озвучил отношение большевиков к Временному правительству и призвал к его свержению для установления «подлинно рабочего правительства — диктатуры пролетариата» [4].

Возвращение политэмигрантов обострило политическую ситуацию в Харбине весной—летом 1917 г. В мае представители меньшевиков и эсеров внесли в Харбинский Совет предложение: «Прибывших эмигрантов с большевистскими идеями не отправлять в Россию, иначе они занесут заразу идей в сердце России, и начнется анархия». Но М. Рютину с единомышленниками удалось не допустить его принятия. В конце июля 1917 г., стремясь размежеваться с меньшевиками, Рютин и его сторонники сформировали Харбинский комитет РСДРП(б) в составе 5 чел. (Рютин, Якубов, Славин, Летунов и Стразов). С сентября 1917 г. он стал издавать еженедельный партийный журнал «Борьба», главным редактором которого был М.Н. Рютин (выпустили только 12 номеров). Тогда же произошло объединение обоих Советов. Объединённый Совет рабочих и солдатских депутатов возглавил М.Н. Рютин, вскоре начавший претендовать на политическую власть. Фактически в полосе отчуждения КВЖД сложилось ситуация «троевластия», когда

одновременно власть пытались осуществлять генерал Д.Л. Хорват, Исполнительный комитет общественных организаций и Совет рабочих и солдатских депутатов [1, с. 81].

В октябре 1917 г. в Харбине началась кампания по выборам делегата от полосы отчуждения КВЖД в Учредительное собрание, созываемое в Петрограде. От полосы отчуждения КВЖД баллотировались четыре кандидата, и каждый проводил активную агитацию за свою кандидатуру. Победил преподаватель Харбинских Коммерческих училищ меньшевик Н.А. Стрелков. Вскоре он выехал в Петроград, но о дальнейшей его судьбе известно лишь то, что в Петрограде он стал свидетелем «пьяных погромов» в ноябре—декабре 1917 г., затем вернулся в Харбин и политической деятельностью больше не занимался [5, с. 18].

26 октября, после получения первых известий об Октябрьской революции, в Харбине начались манифестации рабочих и солдат гарнизона. Развернулась борьба за власть между умеренным социал-демократическим исполкомом, поддерживавшим успех Февральской революции, и Советом рабочих и солдатских депутатов, в котором к этому времени лидировали большевики во главе с М. Рютиным. Совет призвал рабочих и часть инженерно-технического персонала дороги собираться на митинги в поддержку власти Советов в Петрограде и установления советской власти в Маньчжурии и на КВЖД. К этому подтолкнула телеграмма В.И. Ленина от 22 ноября 1917 г., в ней прямо указывалось: «Именем Совета рабочего и крестьянского правительства предписываем взять власть в свои руки и поставить комиссаров в Маньчжурской, Пограничной и Харбинской таможне…».

30 ноября 1917 г. в Харбин поступила телеграмма от Народного комиссара по иностранным делам РСФСР с указанием отстранить от должности управляющего КВЖД генерала Хорвата и всех царских консулов. Получив такие распоряжения из Петрограда, Совет на экстренном заседании 30 ноября принял решение об образовании Военно-революционного комитета (ВРК) во главе с членами партии большевиков. Приказом № 1 ВРК отстранил от должности Управляющего КВЖД и дипломатического уполномоченного от Временного правительства Д.Л. Хорвата и поставил управлять до-

рогой комиссара-большевика Б. Славина. 12 декабря 1917 г. газета «Голос труда» опубликовала воззвание Военно-революционного комитета к населению с информацией о том, что Харбинский совет рабочих и солдатских депутатов является официальным представителем государственной власти России в полосе отчуждения КВЖД [1, с. 81; 5, с. 18]. По сути, речь шла о распространении «власти советов» на часть территории суверенного Китая.

Революционная обстановка на КВЖД вызвала большую тревогу у правительств западных держав и Японии. Через своих консулов они оказали нажим на пекинское правительство и фактического правителя Маньчжурии — Чжан Цзолиня. В декабре 1917 г. в Харбине иностранные консулы открыто заявили, что их правительства не признают Совет Народных Комиссаров РСФСР и поэтому власть Советов не будет допущена в полосе отчуждения КВЖД. По их настоянию местные китайские власти заявили о своей поддержке генерала Хорвата и потребовали самороспуска и разоружения революционно настроенных частей охранных войск КВЖД.

27 ноября Чжан Цзолинь предъявил Харбинскому совету ультиматум о высылке революционно настроенных 618-ой и 559-ой пеших воинских дружин, 1-го и 2-го конных полков, а также персонально большевиков Рютина и Славина, которые вскоре были вынуждены покинуть Харбин. 13 декабря 1917 г. войска Чжан Цзолиня вошли в город, разоружили революционные дружины и разогнали Совет рабочих и солдатских депутатов [10].

Таким образом, хотя советская власть на КВЖД и была провозглашена довольно спокойно, но просуществовала она недолго, и вскоре генерал Хорват вернул свои былые позиции. Попытка советизации в условиях международного города провалилась. Решающие позиции, которые занимал в Харбине, так называемый, средний класс, относительно высокая заработная плата на КВЖД и достаточно комфортные условия жизни в Маньчжурии в сравнении с метрополией, стали основными причинами поражения власти Советов. По этим же причинам в акциях протеста и забастовках, организуемых большевиками, участвовали незначительные силы — две дружины харбинского гарнизона и примерно две тысячи горожан.

По воспоминаниям Г. Мелихова «революционный бум» в Харбине 1917 г. в общем-то мало воздействовал на периферию, занятую своими насущными делами, исключая, пожалуй, город Маньчжурия, вследствие его непосредственной близости к границам России, и, отчасти, по той же причине станцию Пограничная на востоке. И верхушечные «революционные» события в полосе отчуждения отнюдь не явились для этого развития какой-либо серьёзной помехой. Хотя, время от времени, и возникали очаги политической напряжённости как, например, в 1920 г., деловая и культурная жизнь города не прекращалась никогда [5, с. 57].

В начале 1918 г. Хорват создал «Дальневосточный комитет защиты родины и Учредительного собрания». В это же время в Харбин прибыл адмирал Колчак, который начал собирать на линии КВЖД вооружённые силы для борьбы с воинскими формированиями Красной Армии и партизанскими отрядами в Сибири и на Дальнем Востоке.

В январе 1918 г. китайские таможенники в Маньчжурии получили распоряжение не пропускать товары в Советскую Россию, особенно продовольствие. Начатые в Петрограде переговоры «Об упорядочении КВЖД», целью которых была ликвидация положения, возникшего в связи с захватом КВЖД интервентами, войсками Белой Армии и казачьими частями атамана Семёнова, из-за оказываемого на Китай иностранными державами давления были сорваны.

Несмотря на это, советское правительство во главе с Лениным на деле подтверждало своё дружеское отношение к китайскому народу. В ноябре—декабре 1917 г. в ходе переговоров, которые велись с посланником пекинского правительства в России Ли Цзиньжэнем, советское правительство выдвинуло развёрнутую программу установления советско-китайских отношений на новой основе, предложив китайскому правительству «вступить в переговоры об аннулировании Договора 1896 года, Пекинского протокола 1901 года и всех соглашений с Японией с 1907 по 1916 г.…». Советская Россия готова была отказаться от своих прав по всем такого рода договорам, независимо от того, были они заключены с Китаем или с третьими странами по поводу Китая, заключив равноправ-

ный договор Китаем. В том числе предлагалось и решение вопроса о КВЖД. «Обращение Совета Народных Комиссаров РСФСР» от 3 декабря 1917 г. провозгласило отмену всех заключённых Россией со странами Востока неравноправных договоров, а через год, 2 декабря 1918 г., Президиум ВЦИК аннулировал обязательства Китая по платежам России «боксёрской контрибуции». Советское правительство также отказалось «…от всех завоеваний, которые сделало царское правительство, отобрав у Китая Маньчжурию…», и всех особых привилегий русских на китайской земле. Позднее эти обязательства были подтверждены Советским правительством в «Обращении Правительства РСФСР к китайскому народу и Правительствам Южного и Северного Китая» от 25 июля 1919 г. Были названы конкретные договоры между Россией и Китаем, которые рассматривались советской стороной как неравноправные [3, с. 91]. На рубеже 1917—1918 гг. советское правительство разработало программу действий по китайскому вопросу, включая восстановление суверенитета Китая на полосу отчуждения земли, по которой была проложена КВЖД, и предложение обсудить возможность выкупа дороги китайским капиталом в рассрочку или её совместную эксплуатацию СССР и Китаем [7, с. 49].

Китайское правительство в Пекине проигнорировало предложения советского правительства; его больше заботила проблема распространения в Китае «революционной заразы». В период Первой мировой войны, когда Китай присоединился к военным действиям против Германии, в Россию были направлены для тыловых работ не менее 100 тыс. китайских рабочих [8, с. 94]. После революций 1917 г. — Февральской и Октябрьской — часть из них оставалась в России, но большинство начало возвращаться на родину. Это обстоятельство вызывало у пекинских властей опасения, как бы возвратившиеся рабочие не стали проводниками большевистской пропаганды в Китае, поэтому они принимали меры по сдерживанию и селекции потоков мигрантов, установлению тотального надзора и контроля за их деятельностью внутри страны. К началу 1918 г. через Сибирь и Дальний Восток, главным образом, по КВЖД, на родину выехали более 40 тыс. китайцев [3, с. 91]. Первая партия китайских рабочих общей численность 770 чел.

была перевезена до конечной станции южного участка КВЖД — Куаньчэнцзы (Чанчунь) без взимания платы за проезд [6, с. 159].

Именно эти китайцы, прибывшие из России, где они, находясь на заработках, наслушались пропагандистских лозунгов на митингах в российских городах, несмотря на принимаемые китайскими властями меры противодействия, становились основным источником распространения коммунистических идей и катализатором революционных настроений в китайском обществе. Немало вернувшихся из России в Маньчжурию китайцев участвовало в забастовках, а в последующем — в создании партизанских отрядов, действовавших против японских интервентов и китайских милитаристов. Стоит, однако, отметить, что, судя по социальному составу и методам действия этих отрядов, их скорее можно квалифицировать как хунхузские, а не партизанские в нашем историческом значении.

В китайской историографии утвердилась концепция о высокой революционной активности китайских рабочих на КВЖД, о создании и функционировании там многочисленных китайских революционных и даже марксистских кружков и обществ. Всё это было, но далеко не в самом широком «охвате революционного порыва». С середины 1917 и до начала 1920 г. в Харбине и на крупных станциях КВЖД, по китайским данным, было проведено не более десятка забастовок, из которых четыре можно условно назвать «всеобщими», т.к. в них совместно участвовали китайские и русские рабочие и служащие железной дороги [11, с. 181—183]. Наиболее крупная всеобщая забастовка под руководством большевиков состоялась в мае 1919 г. В ней, помимо русских рабочих и служащих дороги, бастовали около 3 тыс. китайских рабочих. Бастующие выдвигали политические и экономические требования. Но, в основном, их выступление было направлено на срыв снабжения и перевозок японских и китайских войск на Дальний Восток и в Сибирь [3, с. 25]. Конечно, фактор срыва переброски живой силы противника и снабжения его армии по КВЖД, сыграл значительную роль в объединении для совместных действий русских и китайских рабочих, серьёзно подрывал тыл интервентов и формирований Белой армии в Маньчжурии во время наступления Красной Армии и партизанских отрядов. Но, в целом, на КВЖД не

было объективных обстоятельств создания радикальных обществ и китайских политических партий. Жизнь работающего китайца в Маньчжурии была значительно лучше его соплеменника в практически любой провинции Китая, т.к. жизненный уровень в Маньчжурии, по крайней мере, в полосе отчуждения КВЖД, на порядок был выше, чем в собственно Китае.

Тем не менее, с целью купирования революционных настроений внутри Китая, пекинские власти в январе 1918 г. закрыли советско-китайскую границу. В марте 1918 г., сразу после срыва переговоров «Об упорядочении КВЖД», Китай и Япония обменялись нотами о военном сотрудничестве с целью проведения единых «оборонительных действий» против Советской России, и после подписания 16 мая 1918 г. секретной японо-китайской конвенции, в Сибирь и на Дальний Восток были направлены японские и китайские войска под японским командованием. В сентябре было подписано дополнительное японо-китайское секретное соглашение, уточняющее роль китайских войск под японским командованием в Амурской области и Забайкалье. Китайская сторона взяла на себя охрану тыловых коммуникаций японских войск на территории Маньчжурии, обязанность предоставлять КВЖД для перевозки японских войск и охранять эшелоны. Китайское правительство дало согласие на ввод в Северную Маньчжурию 60 тыс. военнослужащих Квантунской армии [9].

На основе этих документов Япония в 1918 г. располагала армией на территории Маньчжурии для интервенции в Россию численностью не менее 100 тыс. солдат и офицеров, а Китай готовился принять участие в интервенции и послать для этой цели 7 тыс. солдат. 24 июня 1918 г. пекинское правительство издало декрет об отправке китайских войск во Владивосток. В 1918—1919 гг. по мере продвижения Красной Армии по Сибири и партизанских отрядов на Дальнем Востоке, в Северной Маньчжурии стали формироваться антияпонские партизанские отряды. Согласно источникам (взятым из книг советских исследователей Капицы, Аварина, Кара-Мурзы, Хейфеца и др.) в этих отрядах было свыше 30 тыс. китайских партизан, которые, несмотря на низкую боеспособность, всё же оказывали какую-то посильную помощь русским партиза-

нам в освобождении российского Дальнего Востока от интервентов и в борьбе с частями Белой Армии [3, с. 27].

Таким образом, отвергнув предложения советского правительства о добрососедских отношениях, центральное пекинское руководство предпочло путь конфронтации с Советской Республикой, и вскоре было втянуто в интервенцию на российском Дальнем Востоке. Территория Маньчжурии, и, особенно её наиболее развитая в экономическом отношении зона КВЖД, стали тыловой базой русской контрреволюции и интервентов. Но это уже другой период истории данной темы.

Литература и источники

1. Аблова Н.Е. Политическая ситуация на КВЖД после крушения Российской империи // Белорусский журнал международного права и международных отношений. [Электронный ресурс]. URL: https://docviewer.yandex.ru/ (дата обращения: 14.06.2018).
2. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. Т. 7. Китайская Республика (1912—1949). М.: Наука – Вост. лит., 2013. 863 с.
3. История Северо-Восточного Китая XVII—XX вв. Кн. 2. Северо-Восточный Китай, 1917—1949 гг. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1989. 350 с.
4. Маньчжурия. Харбин, 1917, 20 апр.
5. Мелихов Г.В. Белый Харбин. Середина 20-х. 431 с. [Электронный ресурс]. URL: www.rp-net.ru (дата обращения: 27.04.2018).
6. Нин Яньхун, Сюй Хунлян. Китайские эмигранты в России во время и после Октябрьской революции и распространение ими марксизма: на примере приграничных городов России и Китая // Россия и АТР. Владивосток, 2015. № 3. С. 154—163.
7. Новейшая история Китая. 1917—1927. М.: Наука, 1983. 399 с.
8. Савин В.П. Взаимоотношения царской России и СССР с Китаем. М.: Гос. изд-во, 1930. 152 с.
9. Советско-китайские отношения до образования Китайской Народной Республики (октябрь 1917 г. — октябрь 1949 г.). [Электронный ресурс]. URL:. html#n (дата обращения: 22.04.2018).
10. Старков Б. М.Н. Рютин. К политическому портрету // Скепсис: Электронный журнал. [Электронный ресурс]. URL: http://scepsis.net/library/id_3310.html (дата обращения: 11.06.2018).
11. Сунь Чжаньвэнь. Хэйлунцзяншэн ши таньсо = Исследование истории пров. Хэйлунцзян. — Хаэрбинь = Харбин, 1983. 326 с.

УДК: 952.033

ВЛИЯНИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1917 г. В РОССИИ НА ЯПОНСКОЕ ОБЩЕСТВО

А.С. ЗАКОЛОДНАЯ

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, г. Владивосток

В статье рассматривается влияние российских революций 1917 г. на японское общество. Консервативно настроенные военные круги выступили с критикой большевизма, считая распространение последнего угрозой японскому государству. Отмечено, что революционные события в России способствовали распространению социалистических идей среди японской интеллигенции и студенчества, а также формированию организованных рабочих и крестьянских движений.

Ключевые слова: революция, 1917 г., Россия, Япония.

INFLUENCE OF REVOLUTIONARY EVENTS OF 1917. IN RUSSIA ON JAPANESE SOCIETY

A.S. ZAKOLODNAYA

Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FER RAS, Vladivostok

The article deals with the influence of the Russian revolutions of 1917 on Japanese society. Conservative military circles criticized Bolshevism, considering the spread of the latter a threat to the Japanese state. It is noted that the revolutionary events in Russia contributed to the spread of socialist ideas among the Japanese intelligentsia and students, as well as the formation of organized workers 'and peasants' movements.

Key words: revolution, 1917, Russia, Japan.

Сообщения о Февральской революции 1917 г. в России были восприняты властными кругами Японии относительно спокойно [12, с. 75]. Японское посольство в Петрограде внимательно наблюдало за начавшимися в феврале революционными событиями в России. Однако Токио был больше обеспокоен стабильностью

Дальнего Востока и поставкой вооружений, приносивших ему значительные доходы, чем положением России весной—летом 1917 г. С одной стороны, отречение Романовых от престола подрывало авторитет института монархии, но с другой — могло служить для японской государственной идеологии подтверждением тезиса об особом статусе императорской власти в Японии, принципиально отличающейся от иностранных монархий [4, с. 77]. Японское правительство, получив заверения Временного правительства о соблюдении заключённых ранее договоров и продолжении войны с Германией, признало новый российский режим. Поэтому каких-либо значимых изменений в русско-японских отношениях на официальном правительственном уровне после Февральской революции не произошло. Министр иностранных дел Мотоно Итиро, поясняя официальную позицию Японии в отношении Временного правительства, сообщил в парламенте: «…Министр иностранных дел России, объяснив обстоятельства падения прежнего режима и создания Временного правительства, заявил, что новое правительство будет уважать договоры, заключённые прежним правительством, и строго выполнять обязательства России, обеспечит укрепление дружественных отношений с союзными государствами, и вместе с ними будет бороться против общего врага. Императорское правительство, рассмотрев обстановку в России, решило признать Временное правительство, и 28 марта дало соответствующие инструкции послу в России Учида Косай. Дружественные отношения между Японией и Россией … основаны на интересах обеих стран в отношении Дальнего Востока. И как бы ни изменился политический строй России, он не уничтожает вечных интересов, составляющих основу несколько японо-русских соглашений*. Поэтому Императорское правительство надеется и желает дальнейшего укрепления отношений между двумя странами, ставших тесными …после начала войны» [2, с. 168, 176, 180, 191; 11, Арх. ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 204. Л. 229].

Видный японский политический деятель Инугаи Цуёси, в данном им 19 марта 1917 г. интервью корреспонденту «Осака Асахи»,

* Имеются в виду русско-японские соглашения 1907, 1910, 1912 и 1916 гг., содержащие положения о разделе Маньчжурии на сферы влияния.

утверждал, что революция в России не внезапна, не случайна, её значение многосторонне и многообразно, а влияние на политические круги Японии — чрезвычайно благоприятно. При этом он отрицательно относился к факту свержения монархии и считал, что Россия не станет республикой. В его позиции отразилась официальная точка зрения правящих кругов Японии. Инугаи Цуёси полагал, что если «благодаря обновлённому революцией духу народа» Россия сумеет разбить германские войска, то после войны Япония в определённой степени сможет избавиться от бремени «вооружённого мира» и строить отношения со своими великими соседями (Россией и Китаем) на мирных принципах [11, Арх. ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 204. Л. 225].

После Февральских событий в России японские социалисты активизировали свою деятельность. Сакаи Тосихико* выставил свою кандидатуру на выборах в нижнюю палату парламента в апреле 1917 г. В своей избирательной компании он обещал добиваться всеобщего избирательного права, свободы слова, собраний, организаций, свободы женского движения.

7 мая 1917 г. состоялось конспиративное собрание, проведённое по инициативе Сакаи Тосихико и Ямакава Хитоси**. В нём приняли участие 34 чел. Здесь Ямакава Хитоси выступил с лекцией об истории Первого мая, и была принята резолюция. Впоследствии резолюцию и письмо «Русским товарищам» привёз в Москву голландский революционер Себальд Рутгерс. Эти документы были опубликованы 14 августа 1918 г. в газете «Центросибирь» и 27 сентября 1918 г. в газете «Правда». Опубликовать их в Японии было невозможно [11, Арх. ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 204. Л. 228—229]. Резолюция была переведена на английский язык, разослана социалистам семи стран Европы и Америки, а также Катаяма Сэн, находившемся в то время в США. В ней ут-

* Сакаи Тосихико (1871—1933). С начала XX в. участвовал в социалистическом движении. В годы Первой мировой войны активно изучал марксизм. Участвовал в создании Компартии Японии в 1922 г., но затем отошёл от КПЯ, придерживался социал-демократических взглядов.

** Ямакава Хитоси (1880—1958). Участник социалистического движения. Переводчик трудов В.И. Ленина на японский язык. Являлся одним из основателей КПЯ. В 1924 г. он решил распустить партию, утверждая, что время не было правильным для Коммунистической партии Японии.

верждалось, что Февральская революция в России была «…с одной стороны, политической революцией буржуазии, восставшей против средневекового абсолютизма, с другой стороны, является революцией пролетариата, восставшего против современного капитализма» [1, с. 249]. В резолюции содержалось обращение к социалистам России и всех стран «…сделать всё возможное, чтобы положить конец войне и чтобы помочь пролетариату воюющих стран повернуть оружие, ныне направленное против собратьев по ту сторону траншей, — против господствующих классов своих же стран» [1, с. 250].

В майском и июньском номерах журнала «Синсякай» в 1917 г. Такабатакэ Мотоюки* опубликовал материалы, которые знакомили читателей с программами большевиков и меньшевиков, рассказывали о Советах рабочих и солдатских депутатов, об отношениях между Временным правительством и Советами. Такабатакэ подчёркивал, что для кадетов революция закончилась, для народа же, стремившегося к свободе, Февральская революция — только первый шаг, а не её завершение. В сентябрьском номере «Синсякай» Такабатакэ писал об усилении влияния большевиков в России, а в октябрьском номере в переводе Сакаи Тосихико была впервые опубликована работа В.И. Ленина «О задачах РСДРП в русской революции» [11, Арх. ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 204. Л. 229].

В октябре 1917 г. в России произошла ещё одна революция, в результате которой Временное правительство было свергнуто и к власти пришло правительство, сформированное II Съездом Советов. В течение первых нескольких месяцев информация о революционных событиях и первых шагах советской власти поступали в Японию, как от зарубежных телеграфных агентств, так и непосредственно от японских корреспондентов, находившихся в Петрограде. Однако в марте 1918 г., незадолго до введения японских войск на территорию Дальнего Востока, японский посол Утида Косай, а также все японские журналисты выехали из России. Начиная с этого времени информацию о событиях, происходивших в

* Такабатакэ Мотоюки (1880—1928). Социалист, переводчик на японский язык «Капитала» К. Маркса. В последние годы стал фашистом.

России, Япония получали только через иностранные агентства и их корреспондентов [9, с. 203].

10 ноября 1917 г. в «Токио Асахи симбун» было опубликовано сообщение о штурме Зимнего дворца матросами и рабочими, об участии в этом штурме крейсера «Аврора» и о переходе на сторону восставших воинских частей Петроградского гарнизона. Комментируя переход власти в руки Советов рабочих и солдатских депутатов, газета указывала на руководящую роль В.И. Ленина, а также привела его краткую биографию. 11 ноября 1917 г. газета «Токио Асахи симбун» сообщила о состоявшемся 7 ноября Всероссийском съезде Советов, где Лениным были выдвинуты три лозунга: о немедленном прекращении войны, о передаче всей земли крестьянам и о преодолении хозяйственной разрухи. В газете «Дзидзи симпо» впервые был напечатан портрет В.И. Ленина [9, с. 204]. В левой прессе регулярно появлялась информация о событиях в России, например, их достаточно широко освещала газета «Хэймин». Статьи о русской революции систематически печатала газета «Синсякай», их публиковали также журналы «Тюо корон», «Кокусай сякайсюги хёрон» («Международное социалистическое обозрение»), «Син интанасёнару» («Новый Интернационал») и др. [7, с. 496—497].

Октябрьская революция 1917 г. вызвала у Токио определённые опасения. Было принято решение о разработке планов «… преграждения пути коммунистической революции на восток от Уральского хребта» [15, с. 81]. 8 декабря 1917 г. перед слушателями императорской академии (Тэйкоку гун дайгакко) с лекцией на тему «Современные стратегические теории» (Гэнддай но сэнряку сорон») выступил тогдашний кумир военной молодёжи Японии генерал Кадзусигэ Угаки с критикой большевиков, которые, по его мнению, «…сломали столетиями существовавшую империю, растоптали принципы демократии и создали анархическую систему власти безответственных интеллигентов и нищих». Автор описал картину возможных «бедствий, которые ждут Японию», в случае отсутствия в стране «…правительственной твёрдой руки и великой решимости в борьбе против национальных предателей, выставляющих себя революционерами» [12, с. 82]. По его мнению, наиболее

стабильной и целесообразной формой правления является монархия, императорская система, ниспосланная избранному японскому народу. Именно поэтому в годы военной нестабильности Япония может стать гарантом сохранения независимости азиатских народов, лидером борьбы как «…против европейского и американского деспотического капитализма, так и против катящейся на Восток волны русского большевизма» [12, с. 82]. Япония, считал генерал Кадзусигэ Угаки, будучи центром объединения азиатских народов, должна «закрыть путь в Азию европейскому деспотическому капитализму, уничтожить русский большевизм, стремящийся ликвидировать границы государств и распространить дух анархии и неповиновения» [12, с. 82].

Перед офицерами пехотных училищ (Тейкоку хогун гакко) выступали сторонники ортодоксальной старой школы военного искусства — маршал Тэраути, генералы Араки, Хаяси, Ниси, Абэ, Уэда и др. Каждый из них являлся сторонником распространения идей «императорского пути» («кода») на Азиатском континенте, которые должны были привести к созданию великой японской империи. Офицерам пехотных училищ они внушали, что «…решающим условием победы в поединке между Японией и её противниками является отречение японских воинов-самураев от всех благ земной жизни и от самой жизни во имя идеи великой империи, вершиной которой является вера в императора и его божественное происхождение» [12, с. 83]. Врагом настоящей и будущей японской империи объявлялся большевизм и Советская Россия. При этом слушателям училищ внушалась мысль, что «…не следует принимать всерьёз силу оружия и способность русских воевать, тем более побеждать». Русские солдаты под влиянием революции и большевизма стали склонными к анархизму и неповиновению, солдаты Советской России не подлежат никакому сравнению с солдатами царской армии, принимавшими участие в русско-японской войне, так как не обладают тем духом и боеспособностью которые были проявлены русскими под руководством генералов Куропаткина и Кондратенко. Именно поэтому японская армия легко сможет одержать победу на российском Дальнем Востоке, расширив границы страны «восходящего солнца» между Азией

и Европой. Представитель старой военной школы генерал Танака считал, что «…большевистская волна гонит на восток России подлинных хозяев страны. Они заслужили у японцев сочувствие и поэтому должны быть использованы в качестве социальной и политической базы будущего административного и политического устройства Приморья, Приамурья и Восточной Сибири» [12, с. 83]. Властные структуры в Токио полагали, что социалистическая революция и власть победила только в Петрограде, Москве и отдельных крупных городах России. Революция привела к политическому и экономическому кризису в стране, русская армия перестала быть силой, способной отстоять независимость и целостность страны [12, с. 87].

Революционные события в России способствовали распространению социалистических идей среди японской интеллигенции и особенно студенчества. В 1917—1920 гг. во многих японских университетах появлялись социалистические группы или кружки. В сентябре 1918 г. студентами государственного университета г. Токио было организовано «Общество нового человека» (синдзинкай), поставившего перед собой задачу «содействовать освобождению человечества» и «участвовать в движении за рациональную реконструкцию современной Японии». Члены данной организации знакомились с основами социалистической теории, сотрудничали с рабочими, принимали участие в создании новых профессиональных союзов. Так, при содействии синдзинкай в марте 1919 г. был организован профсоюз рабочих целлулоидной фабрики в районе Хондзё (г. Токио). Секретарём был избран рабочий Ватанабэ Масаноскэ, впоследствии ставший одним из организаторов и руководителей Коммунистической партии Японии. В частном университете Васэда появилось «Общество пробуждения народа» (гёминкай), выдвинувшее лозунг «В рабочие массы!». Общество активно привлекало в свои кружки рабочих [6, с. 12]. Информация о революции проникала и в народные массы. Так, Вакукава Сэйэй писал: «В городах родилось организованное рабочее движение, и эхо русской революции потрясло деревню». Катаяма Сэм сообщал, что рыбаки и моряки прибрежных районов префектуры Тояма доходили до берегов Сибири и Сахалина, где, вероятно, слышали «замечательные

рассказы о большевистской революции». Возможно, предполагал Катаяма, что матросы с кораблей, курсировавших между Цуруга и Владивостоком, распространили среди своих соотечественников рассказы о революции в России [7, с. 496]. Мураками Юкари, один из деятелей рабочего движения, в своих «Очерках рабочего движения на Хоккайдо» писал: «Люди на улицах говорили: «В России народ взял власть в свои руки». Это казалось непонятным, но чувствовалось, что бедные люди сделали что-то великое» [8, Арх. ИИАЭ ДВО РАН. Л. 1].

За годы Первой мировой войны значительно ухудшилось положение японского крестьянства. Число крестьян-собственников наделов сокращалось, а арендаторов и полуарендаторов увеличивалось [5, с. 128]. Одновременно происходил рост численности сельскохозяйственных рабочих. В стране стали образовываться крестьянские союзы, начиная с 1917—1918 гг. количество их постоянно увеличивалось. В 1917 г. в Японии было 130 крестьянских союзов [10], в 1918 г. — 178, в 1919 г. — 288, в 1923 г. — 1530 [5, с. 129]. Члены новых арендаторских объединений принимали на себя обязательства сообща противостоять несправедливым притязаниям со стороны помещиков, бороться против изъятия земли за просрочку уплаты аренды [6, с. 14]. Одновременно увеличивалось и число арендаторских конфликтов: с 85 в 1917 г. до 1680 — в 1921 г. Японский историк Сусуму Инаока видел в этом влияние «Великой революции в России на рабочее и крестьянское движение в Японии». Другой японский исследователь — Нобуити Огава полагал, революция в России дала «…урок того, что освобождение рабочего класса может быть достигнуто только силами самих рабочих» [5, с. 129].

В августе—сентябре 1918 г. в Японии прошли стихийные народные восстания, более известные под названием «Рисовые бунты». Основной причиной «рисовых бунтов» был рост цен на рис. В 1917 г. цена на рис составляла 12 сэн за 1 сё (1,8 литра). В январе 1918 г. цена за 1 сё риса увеличилась до 25 сэн, в марте — до 28 сэн, в июне — 37 сэн. В августе 1918 г. цена на рис составила: 3 августа — 38 сэн, 5 августа — 41 сэн, 7 августа — 47 сэн и 9 августа — 53 сэн [6, с. 6]. Восстания начались 3 августа

с манифестации жён рыбаков посёлка Нисихасамати префектуры Тояма, потребовавших прекращения экспорта риса и продажи его по сниженным ценам внутри страны. Вскоре движением были охвачены три столичных округа (Токио, Киото и Осака) и 43 префектуры страны [9, с. 211]. «Рисовые бунты прошли в 37 крупных и 104 небольших городах, в 97 деревнях и рыбацких посёлках, на 29 рудниках и шахтах. Участники «Рисовых бунтов» разрушали и сжигали склады и дома торговцев, отказавшихся продавать рис по сниженным ценам, полицейские участки, дома владельцев крупных предприятий. 10 августа в Киото около 1000 чел. напали на рисовые лавки, 11 августа в Осаке произошло столкновение участников трёхтысячного митинга с полицией, на следующий день количество митингующих достигло нескольких десятков тысяч человек, они громили рисовые склады, поджигали дома торговцев рисом. «Рисовые бунты» распространились на шахты и рудники острова Кюсю. Рабочие-горняки разрушали склады, шахты, конторы. По некоторым данным общее число участников составило более 10 млн чел., среди которых были крестьяне, рабочие, городская беднота, эта (низшая каста) [5, с. 130]. «Рисовые бунты» затронули и о-в Хоккайдо. Здесь 6 сентября 1918 г. 200 горняков потребовали повышения зарплаты на 50%, после отказа удовлетворить их требования они окружили контору шахтоуправления и разгромили её [8, с. 2]. Для подавления выступлений правительство направило войска в 60 населённых пунктов. Были арестованы и переданы суду 7831 чел., многие были приговорены к смертной казни или пожизненному заключению [5, с. 130].

Японский коммунист Катаяма Сен считал, что «…Октябрьская революция стала сигналом к пролетарским выступлениям во всех уголках земли. Под влиянием Октябрьской революции рабочие и крестьяне Японии подняли знаменитые рисовые бунты в 1918 году. Это движение, ставшее исходным пунктом нынешнего революционного движения в Японии, родилось на вершине той волны, которая была вызвана Октябрем» [3, с. 71]. По его мнению, это было «…первое в истории Японии массовое боевое выступление японского пролетариата» [5, с. 129]. Японский историк Иноуэ Киёси настаивал, что «…С точки зрения мировой истории рисовые

бунты являются одним из звеньев в цепи событий, возникших под влиянием русской революции» [7, с. 496].

Таким образом, революционные события в России оказали определённое влияние на японское общество. Они во многом способствовали распространению социалистических идей в стране, особенно в среде интеллигенции и студенчества. Начиная с 1917 г. в Японии происходит нарастание количества выступлений крестьян и забастовок рабочих. В 1918 г. прошли стихийные народные восстания, известные как «Рисовые бунты», что также являлось отголоском происшедших в России революций.

Литература и источники

1. ВКП (б), Коминтерн и Япония. 1917—1941. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. 808 с., ил.
2. Гримм Э.Д. (сост.) Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925). М., 1927. 219 III с. (текст соглашений см.: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XIX/1840-1860/Sb_dog_Dal_vost/.
3. История России. М.: Научный эксперт, 2013. С. 71.
4. Молодяков. В.Э., Молодякова Э.В., Маркарьян С.Б. История Японии. XX век. М., 2007. 528 с.
5. Новейшая история стран Зарубежного Востока. М., 1954. Вып. 1. (1918—1929 гг.). 370 с.
6. Очерки новейшей истории Японии. М., 1957. 367 с.
7. Очерки новой истории Японии. М., 1958. 598 с., ил.
8. Толстогузов А.А. Некоторые проблемы истории рабочего движения на Хоккайдо в 1917—1945 гг. // Архив ИИАЭ ДВО РАН. Л. 1.
9. Топеха П.П. Октябрьская социалистическая революция и рабочее движение Японии // Проблемы истории Дальнего Востока. Владивосток, 1969. С. 203, 204, 211.
10. Хрестоматия по новейшей истории в трех томах. Т. 1. 1917—1939 документы и материалы. М., 1960. Т. 1. 928 с. URL: http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000129/st028.shtml
11. Японская историография истории Дальнего Востока СССР XVII—XX вв. // Архив ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 49.204. Л. 229.
12. Японский милитаризм. М., 1972. 376 с.
13. Архив ИИАЭ ДВО РАН (Арх. Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН).

УДК: 947.084.2

Н.В. УСТРЯЛОВ О ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

В.К. РОМАНОВСКИЙ

ГБОУ ДПО «Нижегородский институт развития образования», г. Нижний Новгород

В статье анализируются взгляды Н.В. Устрялова о русской революции 1917 г., раскрывается позиция политического мыслителя по таким важным аспектам как причины, сущность, характер, этапы революции, роль интеллигенции, народных масс в революционных событиях, а также значение революции для страны и мирового развития.

Ключевые слова: Н.В. Устрялов, причины, сущность, этапы революции, интеллигенция, народ, значение революции.

N.V. USTRYALOV ABOUT THE GREAT RUSSIAN REVOLUTION OF 1917

V.K. ROMANOVSKII

Nizhny Novgorod Institute Education of the Development, Nizhny Novgorod

The article analyzes the views of N.V. Ustryalov on the Russian Revolution of 1917. It also reveals the attitude of the political thinker to such important issues as reasons, the essence, the character, and the stages of the revolution. The author considers the role of intelligentsia and the masses in the revolutionary events; as well as the significance of the revolution for Russia and the world development.

Key words: N.V. Ustryalov, reasons, essence, and stages of the revolution, intelligentsia, people, the influence of revolution.

По истории русской революции опубликовано огромное количество исследований. Но многие её аспекты — причины, сущность, характер, движущие силы, значение русской революции — до сих пор остаются дискуссионными [8]. Ещё недавно считалось, что русская революция произошла в результате совокупности объективных причин, «была неизбежна» [4]. Сегодня утвержда-

ется, что объективных причин для революции в России не было, а «…российская государственность пала жертвой нескольких разрушительных потоков», которые «…носили форму мало скрываемых заговоров» [6, с. 223, 230]. Идут споры о сущности Октябрьских событий 1917 г.: одни авторы считают их «октябрьским переворотом», по мнению других — это была «социалистическая революция» [3, с. 278—282]. Существуют противоположные трактовки значения русской революции. Ряд исследователей подчёркивают, что она вызвала коренные изменения в общественном развитии России [2, с. 88]. Сторонники другой точки зрения называют её «нонсенсом», «тупиком истории» [1, с. 354]. Разногласия по этим и другим аспектам истории русской революции, существующие в отечественной историографии, подтверждают необходимость продолжения исследовательской работы, накопления и обновления источниковой базы по этой проблеме.

Определённым толчком к новому осмыслению истории русской революции является введение в научный оборот творческого наследия её активных участников, современников. В этой связи особую ценность представляет политическая публицистика Н.В. Устрялова — уникальная летопись «русского кризиса» XX в. и русской революции 1917 г.

Правовед, публицист, философ, политический мыслитель Николай Васильевич Устрялов (1890—1937) являлся активным участником русской революции и Гражданской войны в России. В 1917—1918 гг. он преподавал право в Московском университете, состоял в кадетской партии, являлся политическим публицистом газеты «Утро России». Осенью 1918 г. Устрялов уехал из Москвы в Пермь, где работал в местном университете, был избран на должность профессора по кафедре государственного права. В 1919 г. участвовал в антибольшевистском движении в белой Сибири (Омск), отстаивая идею диктатуры «во имя демократии». После разгрома Колчака Устрялов эмигрировал в Китай. На чужбине он подверг переосмыслению события революции и Гражданской войны и выступил с «примиренческой» платформой: признал Октябрьскую революцию, объявил большевистскую власть единственной «национальной силой», способной восстановить государственность,

призвал к сотрудничеству с большевиками во имя возрождения России [9]. Выход с его участием сборника статей «Смена вех» в Праге способствовал оформлению движения сменовеховства.

Одной из главных тем политического мыслителя в русском зарубежье продолжала оставаться русская революция. Различные аспекты этого явления нашли отражение в его многочисленных политических статьях, собранных в авторском сборнике «Под знаком революции» [11]. Особое отношение Устрялова к русской революции определялось не только его осознанием огромной значимости этого события для страны и мира, но и стремлением защитить революцию от нападок со стороны многочисленных оппонентов по эмигрантскому лагерю, считавших её «нецелесообразной и неоправданной» [7, с. 211].

Устрялов отвергает трактовки революции как «случайного», «стихийного» явления, которые господствовали на страницах эмигрантских печатных изданий. Русская революция, утверждает он, «глубоко закономерна», была «исторически предопределена». В России длительное время накапливались многочисленные противоречия. И потому та «…бездна исторического зла, которая скопилась перед революцией чуть ли не во всех областях русской жизни, могла быть уничтожена, очевидно, лишь катастрофою». «Российское» зло, внутренняя болезнь нации должны были выйти наружу, этого требовал государственный организм страны. «…Революция сорвала вековые обручи (порядком прогнившие) с великой русской бочки, и это менее всего вина революции, что содержание бочки оказалось достаточно горьким…». «Основное худо» революции не в ней самой, заключает он, а в «порочном наследстве» [11, с. 128—129, 137].

Политический мыслитель убеждён в наличии «глубоких духовных корней русской революции». «Не извне она навязана русскому народу, — указывает он, — а является органическим его порождением…» [11, с. 344]. В самой революции, подчёркивает Устрялов, заложены разрушительные и созидательные начала. В ней проявляется не только зло, но и победа над ним. Она — «… жар, температура в сорок градусов, возвещающая болезнь, терзающая организм, но и защищающая его от губительных микробов».

Благодаря ей, создаются условия для созидания и выхода на свет новых творческих сил [11, с. 129—130].

Устрялов называет русскую революцию великой, замечая при этом, что «великой она стала лишь к ноябрю 1917 года» [11, с. 37, 69, 89, 111, 321]. Ему «стыдно и больно» за февральскую революцию. Февраль, по его словам, «…весь был соткан из противоречий, фатально влекших его к гибели», с ним связаны «разрушение», смерть «старого режима». Только после того, как октябрьским морозом дохнуло «на захмелевшую от свободы Россию», огромный бунт превратился «в великую революцию» [11, с. 205—207].

Мыслитель отмечает, что есть внутренняя логика в развитии великих революций и историческая необходимость в их парадоксах и контрастах. Они всегда органически и подлинно национальны («какими бы идеями… ни воодушевлялись»), всенародны («захватывают всю страну, жизненно отражаются на всех»), экстремичны («непременно «углубляются» до «чистой идеи») и разрушительны (всё приносится в жертву «чистой идее») [11, с. 111].

Устрялов подчёркивает национальный характер русской революции. Этот вывод он сформулировал ещё в России. «Как бы то ни было, — писал он в конце 1917 г., — мы имеем перед собою настоящую, подлинную русскую революцию, развернувшуюся во всю ширь… Реализуется известный комплекс идей, пусть ошибочных, пусть ложных, пусть диких, но все же издавна присущих нашему национальному самосознанию...» [10]. В эмиграции он продолжает оппонировать тем, кто сомневался в национальном характере революции. «Какое глубочайшее недоразумение, — восклицает он, — считать русскую революцию не национальной! Это могут утверждать лишь те, кто закрывает глаза на всю русскую историю и, в частности, на историю нашей общественной и политической мысли… Нет, — ни нам (интеллигенции — В.Р.), ни «народу» неуместно снимать с себя прямую ответственность за нынешний кризис — ни за темный, ни за светлый ее лики. Он — наш — подлинно русский, он весь в нашей психологии, в нашем прошлом…». И если окажется, что девяносто процентов русских революционеров — инородцы, главным образом, евреи, то это отнюдь не опровергнет чисто русского характера движения. «Не инородцы револю-

ционеры правят русской революцией, а русская революция правит инородцами революционерами, внешне или внутренне приобщившимися «русскому духу» в его нынешнем состоянии» [11, с. 6, 43, 47—48].

В развитии русской революции Устрялов выделяет два этапа: «разрушительный» (интернациональный) и «созидательный» (национальный). Рубежом между ними определяется весна 1921 г. На первом этапе революции, по его мнению, господствует «революционный романтизм» и доктринерские тенденции, большевики находятся в плену «программы-максимум». Они жестокими методами насаждают утопическую систему «военного коммунизма», пытаясь превратить страну в «единую фабрику» с централизованным аппаратом производства и распределения. Национальные интересы подчинены полностью интернациональным задачам. «Революционные» силы направляются на осуществление мировой революции. Международная политика большевиков превращает Россию в страну-изгоя на мировой арене [11, с. 27—32, 36—46, 75—77, 111—116].

С провозглашением нэпа «интернациональный» этап революции сменяется «национальным». Революция на новом этапе «идет навстречу реальным потребностям реального населения России». Национальные задачи становятся приоритетными. Создаются условия для «хозяйственного оздоровления страны». Нэповский курс приведёт, убеждён Устрялов, к «национализации революции», возвращению страны на путь здравого смысла. В области внешнеполитической Россия стремится восстановить свой былой престиж, возвращается к методам дипломатии, начинает строить цивилизованные отношения с внешним миром [11, с. 112—116].

В новшествах времени политический мыслитель видит перерождение большевизма, его эволюцию. Большевики не отказываются от своей программы, они остаются принципиальными коммунистами. И советская власть «неспособна превратиться в режим формального народоправства». Но Ленин идёт на уступки, «эволюционирует», то есть по тактическим соображением совершает шаги, которые неизбежно совершила бы власть, чуждая большевизму. Ему ясно, что «немедленный коммунизм не удался»

и он инициирует мероприятия, несвойственные «военному коммунизму». «Чтобы спасти советы, Москва жертвует коммунизмом», — отмечает Устрялов. Хозяйственное возрождение государства должно начаться «через изживание, преодоление коммунизма» [11, с. 28—29, 37—38].

Особое внимание Устрялов уделяет проблеме участия интеллигенции в русской революции. Эмигрантская интеллигенция отказывалась признавать свою ответственность за «русский кризис», считала, что в России произошла «не та» революция, о которой она мечтала. В эмиграции появилась даже теория о «двух революциях» — «благодетельной, февральской, и злокозненной, октябрьской, кем-то и как-то навязанной» [5]. Признавая своё родство с Февралем, эмиграция, таким образом, отвергала свою идейную, духовную связь с Октябрём и большевизмом.

Устрялов, в корне не согласен с таким подходом. Ещё на начальном этапе революции он писал, что русская интеллигенция, готовившая революцию, должна «чувствовать нравственную ответственность за совершающееся», большевистская власть «не с неба слетела, а органически из жизни выросла», большевики — кара «за грехи русской интеллигенции» [10]. На чужбине мыслитель продолжает повторять, что русская интеллигенция несёт полную ответственность за «русский кризис» во всех его проявлениях (за Февраль и Октябрь). У неё с большевизмом «общие корни», они «одинаково порождены историей нашей общественной мысли». «Сама русская революция есть прежде всего борьба русской интеллигенции с самою собою», — формулирует ведущий тезис Устрялов [11, с. 248—249]. Он даёт жёсткую оценку историческому пути русской интеллигенции, показывая процесс созревания в её недрах «большевизма». Его ростки заметны на протяжении всей её истории: преклонение перед материальной культурой, неприятие национальных начал, неучастие в государственных делах, влюблённость в утопии, нежелание видеть в окружающей жизни «крупиц добра», что вело к утверждению в этих кругах антигосударственных настроений. В условиях притеснений и репрессий многие из интеллигентской среды находили смысл жизни в мечтах о построении «радикально нового мира» [11, с. 249—250].

Целые поколения русской интеллигенции, по словам Устрялова, воспитывались в ненависти к власти, «приучались отождествлять правительство с государством и родиной». Понятие «национального лица» объявлялось «мистической выдумкой», принцип национальной культуры провозглашался «реакционным». Термин «национализм» стал бранным словом. «В конце концов, — свидетельствует он, — мы превращались в каких-то Иванов — не помнящих, людей без отечества…» [11, с. 251—252].

В феврале 1917 г. рухнула императорская Россия, а вместе с ней и старая государственность. Но интеллигенции, вставшей у руля, замечает Устрялов, оказалось не под силу решение задачи строительства новой государственности. «Мартовская власть» показала полную неспособность управлять страной, руководить массами, понимать их запросы и устремления. Оказалось, что «к мысли она привычней, чем к действию». Углубление революции происходило чрезвычайно быстро и давние фантазии русской интеллигенции «облекались плотью и кровью». «Мы пережили на пространстве нескольких месяцев, — констатирует Устрялов, — …«оживотворение» истории русской политической мысли… Страшный суд пришёл — суд над духом и плотью русской интеллигенции» [11, с. 249—254].

Не интеллигенция, а народ, утверждает Устрялов, стал главным строителем новой русской государственности. До Февраля в нём доминировали бунтарство и антигосударственные настроения. Только после Февраля он стал втягиваться в политическую жизнь, отвергая национально-государственную идеологию Временного Правительства. Февральская революция «хирела», а вместо неё развивалась «реальная», «настоящая», всенародная революция. Страшный вихрь её отзывался по всей стране. Народ добывал «мир, хлеб и свободу» как мог: бросал фронт, «грабил награбленное», жёг и громил поместья. Тут-то, по словам Устрялова, и произошла своеобразная встреча народных масс с большевиками. Идеология большевиков имела весьма мало общего с духовным миром русского народа, но они были обращены к народу не марксистскими схемами, а своим пафосом бунтарской правды и своими соблазнительными социальными лозунгами. Рабоче-крестьянский

бунт, нуждавшийся в идеологии и лозунгах, нашёл и то и другое у «большевиков-интеллигентов», которые не только не испугались анархии, но стремились её углубить, чтобы потом по-своему руководить её самоликвидацией. Несмотря на смертельную опасность для российской державы, по словам Устрялова, «эта анархия была глубоко национальна, …и в ужасном кровавом хаосе зарождались основы нового народного самосознания и новой государственной жизни» [11, с. 249, 255—256].

В российской истории, замечает мыслитель, возникает «общий язык» между народом и интеллигенцией. Низы деревни и города стали главной социальной опорой большевиков. Их правительство приблизилось к народу, стало ему доступно, а народ, привыкший безмолвствовать, «учился властвовать, сознавать свои интересы и свои возможности». Комитеты бедноты, советы депутатов, комиссары из рабочих, крестьян и матросов — всё это свидетельство «народного правления», перехода власти к «людям из народа». В конечном счёте, народ на собственном опыте осознав «необходимость в порядке и твердой власти», начинает созидать новую государственность. «Русский народ, — убеждён мыслитель, — …глубоко государственный. В критические минуты своей истории он неизменно обнаруживал государственную находчивость свою и организаторский разум…». И в 1917 г., разрушив конкретную форму государственного бытия, он не перестал быть государственным народом. На смену анархии приходит процесс «собирания и воссоздания России», строительства новой государственности. Народ созидает «свою власть и свое право» [11, с. 258—261].

Размышляя об историческом смысле и значении великой русской революции, Устрялов подчёркивает её эпохальный характер. «Она глубочайшим образом всколыхнула весь русский народ, закрутила его в своём смерче, перепахала наново народное поле. Она прорвала немало психологических плотин, смыла, правда, много хорошего, но не меньше и наносного сора, оплодотворила землю, подобно весеннему разливу. Она дерзновенно и яростно, — отмечает он, — разрубила ряд гордиевых узлов, запутанных последнею эпохою жизни России. Но она не только прочно по-

кончила с поместным классом и дворянской монархией, — она, вместе с тем, поставила и перед Россией, и перед всем миром целый рой огромных и жгучих исторических проблем». Вопросы социального, национального, государственного устройства, вопросы международных отношений и самого смысла истории — весь этот круг проблем предстал перед человечеством. Русская революция, как всякая великая революция имеет непосредственно международную направленность. Она показательна для всей современной цивилизации, «знаменуя собою ее серьезный и тревожный надрыв» и приковывая к себе внимание всех стран. Русская революция, уверен Устрялов, «коренным образом изменит политический и социальный лик страны» и «явится неотвратимым стимулом исторического прогресса» [11, с. 111—112, 389—390].

При оценке революции Устрялов предлагает руководствоваться формулой философа Б. Спинозы: «не плакать, не осмеивать, не проклинать, а понимать». И при этом нельзя быть в плену текущих настроений. «Мы обязаны в нашей практической деятельности, — считает он, — исходить не из эмпирических впечатлений момента, а из общего анализа революции и её исторической роли… Лишь поняв и приняв революцию как великую историческую стихию, новыми путями ведущую родину к реально новой жизни, можно содействовать преодолению всех ее разрушительных, злых и подчас бессмысленных внешних проявлений» [11, с. 128].

Итак, в трактовке политического мыслителя Н.В. Устрялова русская революция в России:

— есть закономерное явление, вызванное, с одной стороны, объективными причинами, с другой — духовно подготовленное многими поколениями русской интеллигенции, формировавшей в русском обществе ненависть к власти и государству;

— содержит в себе не только разрушительные начала, но и созидательный потенциал, создающий условия для возникновения новых тенденций общественной жизни;

— является «великой» по масштабам распространения, включению в революционный процесс различных социальных слоёв,

по глубине разрушительных и преобразовательных процессов, по влиянию на мировое развитие человечества;

— национальная по своему характеру, отражает тёмные и светлые лики русской души, противоречивые свойства русского характера;

— проходит в своём развитии два этапа, рубежом которых является весна 1921 г.: интернациональный (разрушительный), в ходе которого большевики стремились навязать в стране утопические идеи, разжечь пожар мировой революции, конфликтовать с внешним миром, и национальный (созидательный), когда приоритетными стали задачи национального развития страны, в экономике утверждались принципы здравого смысла, во внешней политике восстанавливались цивилизованные отношения со странами;

— осуществляется с участием широких масс города и деревни, проявивших как бунтарские инстинкты, так и государственную ответственность;

— изменила политический и социальный облик страны и становится важнейшим фактором исторического прогресса в мировом масштабе.

Размышления и оценки Н.В. Устрялова, посвящённые русской революции, несомненно, представляют интерес для современного осмысления событий столетней давности и актуальны для дальнейших исследований русского кризиса начала XX столетия.

Литература и источники

1. Деревянко А.П., Шабельникова Н.А. История России с древнейших времен до конца XX века: учебное пособие. М.: Право и закон, 2001. 800 с.
2. Искандеров А.А. Очерки новейшей истории советского общества // Вопросы истории. 2002. № 5. С. 88.
3. История России с позиций разных идеологий: учебное пособие / под ред. проф. Б.В. Личмана. Ростов н/Дону: Феникс, 2007. 461 с.
4. История России XX века: пособие для учителя / под ред. А.О. Чубарьяна. М.: Просвещение, 2003. С. 71.
5. Ландау Г. Революция и смута. Социологический опыт // Русская мысль. 1923—1924. Кн. IX—XII. С. 400.
6. Никонов В.А. Понять Россию… Часть 11. Россия: учебно-методическое пособие. М.: «Русское слово», 2016. 264 с.

7. Омельченко Н.А. В поисках России: общественно-политическая мысль русского зарубежья о революции 1917 года, большевизме и будущих судьбах российской государственности: историко-политический анализ. СПб.: Изд-во РХГИ, 1996. 560 с.
8. Рачина А.В., Бурьков В.В., Алексеева А.В. Некоторые аспекты изучения революции 1917 г. // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 1—2. С. 77—81.
9. Устрялов Н.В. В борьбе за Россию. Харбин: Изд-во «Окно», 1920. 80 с.
10. Устрялов Н.В. В Рождественскую ночь // Утро России. 1917. 24 дек.
11. Устрялов Н.В. Под знаком революции. Сб. ст. / 2-е изд., перераб. и доп. Харбин: Полиграф, 1927. 415 с.

УДК: 930.2.

ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ 1917 г.: К ВОПРОСУ О ТЕРМИНОЛОГИИ

В.Н. ЧЕРНАВСКАЯ
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, г. Владивосток

Одной из важных черт методологии исторического анализа является терминология. Каждый исторический феномен должен иметь соответствующее ему название (термин), отражающее его сущность. Великий Октябрь 1917 года изменил исторический путь всего человечества. Капитализм перестал быть единственным направлением развития мировой истории. С того времени не стихает идеологическая борьба между приверженцами капитализма и социализма.

Цель данной статьи рассмотреть суть термина Великая Октябрьская социалистическая революция, утвердившегося в советской историографии с 1977 г., принятого ЦК КПСС в год 60-летней годовщины Октябрьской революции 1917 г.

Ключевые слова: методология, терминология, капитализм, социализм, борьба идей, Великая Октябрьская социалистическая революция, социальная политика.

THE GREAT RUSSIAN REVOLUTION OF 1917: TO THE ISSUE OF ITS TERM

V.N. CHERNAVSKAYA
Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS, Vladivostok

One of the significant methodology feature of historical term analysis is terminology. Every historical phenomenon should have its corresponding term that reflects its essence. The Great October of 1917 has changed the historical way of the whole mankind. Capitalism ceased to be the only direction of the further world history development. Since then there started the struggle of ideas between adherents of capitalism and socialism. The aim of the article to elucidate the essence of the term "The Great October Socialist Revolution" being accepted in Soviet historiography since 1977 (the year of the 60th anniversary of the Great October Revolution).

Key words: methodology, terminology, capitalism, socialism, struggle of ideas, the Great October socialist Revolution, social polic.

В советской историографии большое значение всегда придавалось вопросам теории, методологии и связанной с ними исторической терминологии, и не раз обращалось внимание на необходимость их тщательной разработки. Цель статьи показать, как в исторической литературе формировалось определение (термин) такого важнейшего события в истории нашей страны как Великая Октябрьская социалистическая революция. В официальной советской историографии сложилась чёткая концепция Великого Октября, рассматривающая его как закономерный итог предшествующего развития России, переломный этап мирового исторического развития всего человечества, событие всемирно-исторического значения. Такую формулировку ещё в 1932 г. зафиксировала статья в «Вестнике ДВО АН СССР» (Владивосток) статья «Октябрьская революция — победа всемирно исторического значения» [10].

С поступлением первых известий из революционной России о победе Октябрьской революции мировая общественность по разному на это отреагировала. Известный американский историк

Франк А. Голдер (1877—1929), дважды побывавший в революционной России, писал в 1923 г.: «Русская революция является величайшим событием новейшей истории, таким как Французская революция, влекущая за собой не меньшие последствия» [1, с. 36]. Но в западной исторической науке с 1917 г. и вплоть до настоящего времени существуют концепции, которые прославляют, проклинают или чаще рассматривают Октябрьскую революцию как явление «случайное», не имеющее корней в российской истории, как результат «ошибки», «упущения» Временного правительства. Если бы удалось победу Октябрьской революции предотвратить, капитализм, считают они, сохранил бы устойчивость и незыблемость как единственно возможный общественный строй, ссылаясь при этом на слова В.И. Ленина: «…Никакая бы сила не разрушила капитализм, если бы его не подмыла и не подрыла история» [5, с. 345—346; 9, с. 30—31].

Идеологическая борьба по этой теме не прекращается уже 100 лет, а идейное противоборство систем особенно сильно проявилось в 1970-е гг., когда СССР и страны социализма добились больших экономических успехов. Именно в Постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции» от 31 января 1977 г. отмечалось, что «…одним из главных объектов постоянных атак буржуазной идеологии является история Октябрьской социалистической революции, положившая начало революционному обновлению мира, эпохи перехода человечества к социализму. Идёт ожесточённая идейно-политическая борьба вокруг оценки исторической роли Великого Октября, международного значения опыта построения социализма в СССР» [11, с. 4]. Именно в этом Постановлении ЦК КПСС от 31 января 1977 г. в честь 60-летия Октябрьской революции 1917 г. ей дано название Великая Октябрьская социалистическая революция, утвердившееся в советской историографии. До этого времени она имела название Октябрьская революция, подчёркивалось её всемирно-историческое значение. Наиболее яркий пример — 6 ноября 1941 г. прошло торжественное заседание Моссовета совместно с партийными и общественными организациями столицы, посвящённое 24-й годовщине **Октябрьской революции** с участием

И.В. Сталина. А 7 ноября 1941 г. на Красной площади прошёл парад войск Красной Армии,которые после прохождения сразу отправлялись на фронт.

Великая Октябрьская социалистическая революция «изменила ход истории», капитализм перестал быть единственной всеохватывающей мир системой. «Началась новая эпоха — эпоха развёртывания социалистических революций, национально-освободительных движений, перехода от капитализма к социализму. Трудящиеся России в условиях нависшей над страной угрозы национальной катастрофы выбрали социалистическую альтернативу, коренным образом изменив тем самым облик мира» [9, с. 30—31]. В названии революции слово «социалистическая» появилось вполне обоснованно. Организаторы революции, основатели государства первыми ввели это слово «в научный оборот». Так, в трудах самого В.И. Ленина говорится о социалистической революции, в воззваниях советского правительства содержались слова «социалистическое Отечество». 27 октября — 2 ноября 1926 г. на XV партийной конференции был выдвинут сталинский тезис о «построении социализма в одной отдельно взятой стране». 5 марта 1928 г. в «Правде» опубликовано Обращение ленинградских рабочих с призывом к организации социалистического соревнования. Что особенно важно, в названии самой страны закреплено это слово — Союз Советских социалистических республик». Книга А.И. Крушанова, которая посвящена победе советской власти на Дальнем Востоке и в Забайкалье (1917 — февраль 1918 г.) включает главу «Борьба трудящихся Дальнего Востока и Забайкалья за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую и установление Советской власти». Заключение носит название «Историческое значение победы Великой Октябрьской социалистической революции на Дальнем Востоке и в Забайкалье» [8].

С распадом Советского Союза в западной литературе заговорили о «тупике истории», особым нападкам стало подвергаться слово «социалистическая». Видный социолог, историк и политолог в своей хорошо известной в России книге «Конец знакомого мира. Социология XXI в.» (2003) Иммануил Валерстайн пишет: «…современная миро-система это капиталистическое миро хозяй-

ство». Он подробно описывает всю миро систему, в «…которой Россия является лишь одной из составных частей. Мир капитализма и коммунистическая интерлюдия. Между чем и чем? И прежде всего, когда? Я буду считать это периодом между ноябрём 1917 г. (т.н. Великой Октябрьской революцией) и 1991 г., когда распалась Коммунистическая партия Советского Союза, а 1 декабря и сам СССР» [3, с. VIII, 13—27]. Но в той же книге учёный отмечает: «Мы живём в мире неравенства. Это мир нарастающей поляризации, но, даже, несмотря на общий абсолютный рост материального благосостояния, представители наиболее обеспеченных слоёв общества во всё большей степени отрываются от среднего класса. Мы не знаем, какой тип системы придёт на смену ныне существующему, но та, что есть, неспособна более функционировать» [3, с. 94—95, 104]. Более того, он констатирует, что «современная неоконсервативная идеология, возрождающаяся повсюду в мире начиная с 1970-х гг., выступает против улучшения положения трудящихся классов [3, с. 92], замечая при этом, что реально существующий сейчас рынок отнюдь не свободен» и «что позволить ему в полной мере дисциплинировать финансовую систему — значит молчаливо согласиться на лавину потенциальных банкротств [3, с. 92].

Анализируя социальные процессы, характерные для современного мира, учёный считает, что сложившаяся историческая система вступила в критическую фазу, когда неизбежны нарастание напряжённости и накопление кардинальных перемен, означающих по сути «конец знакомого мира» [3, с. 348]. Такой же точки зрения придерживаются и некоторые российские учёные [7; 4, с. 30—43]. Важен вывод, к которому пришёл Иммануил Валлерстайн: «…мы не знаем, какой тип исторической системы придёт на смену существующему, но в будущее ведёт не одна «тропа» [3, с. 348]. И по нашему мнению, как раз одной такой «тропой» и стал Великий Октябрь 1917 г. и построенное им государство, не социалистическое в самом высоком значении этого слова, но государство, давшее своему народу многие социальные блага.

К интересному и важному выводу пришёл А.М. Буровский, который сформулировал следующую идею: «В 1914 г. начался

распад мира, формировавшегося начиная с XVI столетия… Примечательно, что человечество уже в ходе Первой мировой войны и непосредственно после неё осознало исчерпываемость прежнего «канала эволюции». Но до сих пор не даётся никакого позитивного определения нового «канала эволюции», в котором человечество живёт уже почти 90 лет…. Новый «канал эволюции» ещё не возник, мы находимся в самом эпицентре бифуркации. Мы знаем, что «классическая эпоха» закончилась, но мы не знаем, что началось» [2, с. 141].

ПРИЛОЖЕНИЕ

«СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СССР (1917—1984 гг.»

29 октября 1917 г. — Издание декрета СНК «О восьмичасовом рабочем дне»

10—18 января 1918 г. III Всероссийский съезд Советов рабочих, солдат и крестьянских депутатов: Принятие «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа».

10 апреля 1919 г. Введение всеобщей трудовой повинности для всех граждан России от 16 до 50 лет.

31 августа 1924 г. Принятие декрета о введении в РСФСР всеобщего начального обучения и построение сети школ.

27 октября — 2 ноября 1926 г. принятие XV партийной конференцией сталинского тезиса о «построении социализма в одной отдельно взятой стране».

5 марта 1928 г. Опубликование в «Правде» обращения ленинградских рабочих с призывом к организации социалистического соревнования.

Август 1928 г. Введение продолжительности рабочей недели — 6 рабочих дней и один выходной.

1930 год. Введение всеобщего бесплатного обязательного начального обучения.

5 сентября 1931 г. Принятие Постановления ЦК ВКП (б) «О начальной и средней школе».

30 декабря 1935 год. Отмена всех ограничений, связанных с социальным положением или происхождением граждан при поступлении в вузы и техникумы.

14 декабря 1947 г. Отмена карточек. Постепенный переход на мирные рельсы становился ощутимым даже на бытовом уровне.

8 июля 1954 год. Постановление Совета министров СССР о введении совместного обучения в школах Москвы, Ленинграда и других городов.

8 марта 1956 г. Указ Президиума Верховного Совета СССР о сокращении продолжительности рабочего дня в предвыходные и предпраздничные дни до 6 часов.

10 марта 1956 г. Введение ежемесячного авансирования колхозников и дополнительной оплаты их труда.

10 мая 1956 г. Отмена с 1 сентября платы за обучение в старших классах средней школы, а также в средних специальных и высших учебных заведениях СССР.

25 мая 1956 г. Указ Президиума Верховного Совета СССР об установлении с 1 мая 6-часового рабочего дня для рабочих и служащих в возрасте 16—18 лет.

14 июля 1956 г. Принятие V сессией Верховного Совета СССР Закона о государственных пенсиях.

8 сентября 1956 г. Постановление Совета министров СССР, ЦК КПСС и ВЦСПС о повышении заработной платы низкооплачиваемым рабочим и служащим.

31 июля 1957 г. Принятие Постановления ЦК КПСС и Верховного Совета СССР о развитии и жилищного строительства.

14 декабря 1958 г. Реформа образования: введение всеобщего обязательного 8-летнего образования и создание единой сети

профессионально-технических училищ сроком обучения от 1 до 3 лет.

11 марта 1964 г. Отмена обязательных поставок сельхозпродуктов государству единоличными крестьянскими хозяйствами и хозяйствами кустарей.

Июль 1964 г. Введение пенсий колхозникам и работникам совхозов.

Осень 1964 г. Отмена ограничений в отношении приусадебного хозяйства колхозников и рабочих совхозов.

14 сентября 1964 г. Постановление СМ СССР о бесплатной выдаче молока рабочим и служащим предприятий с вредными условиями труда.

26 марта 1965 г. Постановление ЦК КПСС о неотложных мерах по развитию сельского хозяйства страны.

1 апреля 1965 г. Постановление ЦК КПСС и СМ СССР об оказании финансовой помощи колхозам и изменении плана закупок зерна, скота и птицы на 1965 г.

26 апреля 1965 г. День 9 мая объявлен нерабочим днём.

8 мая 1965 г. Объявление Международного женского дня 8марта нерабочим днём.

7 марта 1966—1967 гг. Введение гарантированной оплаты труда колхозников.

7 марта 1967 г. Постановление ЦК КПСС, СМ СССР и ВЦСПС о переводе рабочих и служащих предприятий, учреждений и организаций на 5-дневную рабочую неделю с двумя выходными.

6 сентября 1967 г. Установление дополнительных льгот Героям Советского Союза, Героям социалистического труда и лицам, награждённым орденом Славы трёх степеней.

31 октября 1967 г. Учреждение Ордена Октябрьской революции.

10 ноября 1967 г. Установление ежемесячных пособий инвалидам с детства.

19 января 1970 г. Указ Президиума ВС СССР о повышении необлагаемого подоходным налогом минимальных доходов граждан, занимающегося кустарно- ремесленными промыслами.

8 сентября 1970 г. Принятие Устава средней общеобразовательной школы.

Осень — начало работы Дальневосточного научного центра. г. Владивосток.

3 июня 1971 г. Указ Президиума ВС СССР о повышении минимального размера пенсии по старости для рабочих и служащих и о мерах по дальнейшему улучшению пенсионного обеспечения колхозников.

20 июня 1972 г. Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О завершении перехода к всеобщему среднему образованию молодёжи и дальнейшему развитию общеобразовательной школы.

25 декабря 1972 г. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О прекращении взимания налогов с зарплаты рабочих и служащих в размере до 70 руб. в месяц и снижении ставок налогов с зарплаты до 90 руб. в месяц.

Январь 1974 г. Учреждение Ордена Трудовой Славы.

26 августа 1974 г. Указ Президиума Верховного Совета о введении пособий малообеспеченным семьям.

26 декабря 1974 г. «Учреждение медали «Ветеран труда».

18 апреля 1975 г. Установление дополнительных льгот для инвалидов Великой Отечественной войны и семей погибших военнослужащих.

29 декабря 1975 г. Введение награждения передовиков производства государственными премиями.

6 января 1977 г. Опубликование Постановления ЦК КПСС и СМ СССР «О развитии в 1976–1980 гг. производства товаров мас-

сового спроса и в мерах по повышению их качества».

17 июня 1979 г. Принятие Закона о трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями и организациями.

28 июня 1979 г. Принятие Постановления ЦК КПСС и ВЦСПС «Об усилении работы по укреплению социалистической дисциплины труда».

12 августа 1981 г. Опубликование Постановления ЦК КПСС и СМ СССР «О мерах по увеличению производства товаров первой необходимости в 1981—1985 гг.».

21 апреля 1982 г. Опубликование Постановления ЦК КПСС и СМ СССР «О комплексном развитии сельского хозяйства в районах Дальнего Востока, Сибири и в Курганской области».

10 апреля 1984 г. Принятие Постановления ЦК КПСС «Об основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы»; дополнение всеобщего среднего образования молодёжи всеобщим профессиональным образованием».

1 сентября 1984 г. Снижение государственных цен на ряд товаров народного потребления.

Составлено по: Зуев М.Н. Хроника истории России. IX—XX вв. М.: Дрофа, 1995. 400 с.

Литература и источники

1. Ананьев Д.А. История Сибири конца XVI—XX вв. в англо-германоязычной историографии / отв. ред. М.В. Шиловский. Новосибирск: Изд-во Сиб. отд. РАН, 2012 (2014). 289 с.
2. Буровский А.М. Мировая цивилизация: генезис, сущность и перспективы // Цивилизации. 2002. Вып. V. Проблемы глобалистики и глобальной истории / отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Наука, 2002. С. 141—154.
3. Валлерстайн Имм. Конец знакомого мира: Социология XXI в. / под ред. В.Н. Иноземцева: пер. с англ. М.: Логос, 2003. 368 с.
4. Гринберг Р.С., Бузгалин А.В. Старая модель исчерпана: куда движется мир? // Россия и современный мир. 2015. № 2. С. 30—43.

5. Деревянко А.П., Шабельникова Н.А. История России с древних времён до конца XX в. Учебное пособие. Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 1998. 728 с.
6. Зуев М.Н. Хроника истории России. IX—XX вв. М.: Дрофа, 1995. 400 с.
7. Кара-Мурза С. Истмат и проблема Восток — Запад. М.: Алгоритм, 2001. 251 с.
8. Крушанов А.И. Победа советской власти на Дальнем Востоке и в Забайкалье (1917 — апрель 1918 г.) Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1983. 231 с.
9. Кунина А.Е. США: методологические проблемы историографии (практика исследования). М.: Наука, 1988. 218 с.
10. Рахман Д.В. Октябрьская революция — победа всемирно-исторического значения // Вестник ДВО АН СССР. Владивосток: Дальгиз, 1932. № 1—2. С. 1—13.
11. Соболев Г.Л. Октябрьская революция в американской историографии. 1917—1970-е годы / под ред. В.А. Шишкина. Л.: Наука. Лениград. отд., 1979. 248 с.

Раздел II. 1917 ГОД И РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

УДК: 947.084(571.6)”1917/1918”

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК НА ПЕРЕПУТЬЕ: К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ РЕГИОНА И ЦЕНТРА (ФЕВРАЛЬ 1917 г. — ЛЕТО 1918 г.)

П.В. ЖУРАВЛЁВ

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, г. Владивосток

Статья посвящена рассмотрению двух проблем. Первая — административно-территориальное переустройство Дальнего Востока России в сложное время социально-политических трансформаций российского общества и государства. Вторая проблема — изменение баланса сил и интересов региона и центральной власти в условиях активного противостояния различных политических сил.

Ключевые слова: Дальний Восток России, история, революция, власть.

THE RUSSIAN FAR EAST AT THE CROSSROADS: TO THE QUESTION OF THE RELATIONSHIP BETWEEN THE EGION AND THE CENTER (FEBRUARY 1917 — THE SUMMER OF 1918)

P.V. ZHURAVLYOV

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok

The report is devoted to two problems. The first is the administrative and territorial reorganization of the Russian Far East in the difficult time of social and political transformations of Russian society and the state. The second problem is a change in the balance of forces and interests of the region and the central government in the face of active opposition of various political forces.

Key words: Far East of Russia, history, revolution, power.

Протестные выступления в Петрограде в феврале 1917 г., связанные с усталостью от войны, ухудшением жизненного уровня и угрозой голода в столице, переросли в революцию, закончившуюся свержением монархии и отречением императора Николая II и его брата Михаила от престола (25 февраля — 3 марта 1917 г.).

27 февраля 1917 г. были сформированы Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов и Временный комитет Государственной Думы. 2 марта в результате переговоров представителей этих структур было образовано Временное правительство.

Смена власти в столице дала толчок к замене региональной администрации, в том числе и на Дальнем Востоке. 4 марта губернаторы и вице-губернаторы на всей территории страны были отстранены от исполнения своих обязанностей [4, с. 29]. Начался стихийный процесс самоорганизации новых органов управления — Советов рабочих и солдатских депутатов и Комитетов общественной безопасности (КОБов). В течение марта—апреля 1917 г. в регионе была сформирована сеть областных, уездных и волостных властных структур. На областном уровне местную власть представляли КОБы и Советы депутатов (лишь на Камчатке Совет отсутствовал), на уездном — исполнительные комитеты, на волостном — волостные комитеты [5, с. 90—101].

Перед Временным правительством встал вопрос об организации новых структур, которые могли бы, во-первых, заменить отстранённых чиновников, во-вторых, стать надёжными проводниками политики Центра на местах. Их олицетворением стали губернские и уездные комиссары, введённые постановлением правительства от 4 марта. Они появились только в земских губерниях (т.е. имевших земства), а на территории казачьих войск, в неземских губерниях и в Зауралье положение оставалось неопределённым [3, с. 380—381; 4, с. 29]. Таким образом, на Дальнем Востоке появилась опасность образования управленческого вакуума, поскольку прежние руководители администрации были отстранены, а новых пока не предусматривалось. Однако жизнь сама внесла коррективы в данную ситуацию. Решение не вводить институт комиссаров на Дальнем Востоке, Временное правительство вскоре само же нарушило. Вероятно, это было вызвано осоз-

нанием необходимости взять под контроль отдалённый регион.

Временное правительство назначило областных комиссаров в Приморскую и Сахалинскую области. Краевым комиссаром 8 марта стал депутат IV Государственной Думы А.Н. Русанов [5, с. 91, 99, 103; 4, с. 56].

Впрочем, позиции Центра в регионе были шаткими, о чём свидетельствует такой факт: Хабаровский КОБ отказался признать легитимность новоиспечённого комиссара, и в июне 1917 г. на областном съезде представителей КОБов был избран новый. Правительству оставалось только санкционировать это решение [5, с. 91—92]. В Амурской области должность комиссара вообще отсутствовала до сентября 1917 г., его полномочия присвоил председатель Благовещенского КОБа. На Камчатке комиссар был выдвинут на свой пост общегородским собранием Петропавловска [5, с. 97, 100; РГИА ДВ. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 1. Л. 238].

Очевидно, что Временному правительству не удалось весной 1917 г. овладеть ситуацией в регионе, взять под контроль стихийно образованные на местах органы управления. Уже в апреле МВД отказалось от политики назначения комиссаров и перешло к утверждению в таковом качестве лиц, избранных на местах [3, с. 383]. В связи с этим особые надежды Центр возлагал на земства, о введении которых в тех регионах, где их ранее не было (в том числе и в Азиатской России) говорилось в постановлении от 17 июня [3, с. 394]. Кроме того, Временное правительство рассматривало их в качестве противовеса Советам, надеясь устранить последние с политической арены [5, с. 134].

На Дальнем Востоке земства первоначально вводились везде, кроме Камчатской области: на волостном и уездном уровне — в Амурской, Приморской и Сахалинской областях, на областном уровне — только в Приморской области*. Земской считалась территория любой волости и, кроме того, Александровский и Тымовский участки Сахалинской области и ряд горных округов (Амурский,

* Для Приморья, видимо, также вначале предусматривалось образование земств на территории горных округов и выведение железнодорожных посёлков из-под земской юрисдикции, но местные управленцы опротестовали это, мотивируя отсутствием у Уссурийского горного округа собственной территории (см.: РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 1. Л. 33).

Хинганский, Зейский и Буреинский). Посёлки вдоль линии Амурской железной дороги из состава земств исключались [РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 1. Л. 22, 33]. На Камчатке волостные земства были введены 26 августа [7, с. 28—29].

Одновременно Петроград предпринял попытку законодательно оформить статус и полномочия комиссаров Временного правительства. 19 сентября было утверждено «Временное положение о губернских (областных) и уездных комиссарах». Оно распространялось и на дальневосточные территории (за исключением казачьих земель). Согласно ему, упразднялись губернаторские должности, а комиссаров отныне назначало МВД (с оговоркой о согласовании с местными общественными организациями). Губернаторские канцелярии переименовывались в канцелярии губернского комиссара. Основной функцией комиссара провозглашался «надзор за точным и повсеместным …соблюдением законов, постановлений и распоряжений правительства местными органами управления и самоуправления» [8, с. 159—160, 171—174; 3, с. 402].

Краевой комиссар А.Н. Русанов, со своей стороны, также прилагал усилия к упрочению власти Временного правительства в регионе. Он выступил против решения Владивостокского Совета упразднить должность областного комиссара и добился ликвидации Хабаровского КОБа. В сентябре 1917 г. в Амурскую область был назначен свой комиссар (это мотивировалось опасностью повторения контрреволюционных выступлений наподобие недавнего корниловского мятежа) [5, с. 103].

Однако если КОБы удалось в той или иной мере подчинить Центру, то этого нельзя было сказать о Советах. С созданием Краевого комитета Советов рабочих и солдатских депутатов (16 июня 1917 г., располагался в Хабаровске) они вышли на новый уровень самоорганизации. Комиссары комитета, направленные в органы управления и воинские части региона, должны были осуществлять контроль над их деятельностью и настроением личного состава. Впрочем, данная акция имела скорее символический характер, поскольку краевой комиссар отказался признавать краевой комитет в качестве органа власти. Он действовал как общественная организация [5, с. 104].

Ситуация усугублялась нерегулярным и недостаточным финансированием деятельности органов управления регионом со стороны столицы. Несмотря на просьбы Русанова о выделении ему 100 тыс. руб., правительство выделило лишь половину (по 25 тыс. руб. для Амурской и Приморской областей). Требовавшиеся для краевых структур 30 тыс. руб. комиссар так и не получил, вследствие чего вынужден был прибегнуть к частным займам [РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 25. Л. 166].

Итак, к октябрю 1917 г. на Дальнем Востоке сохранялось неустойчивое равновесие в области взаимоотношений центральной власти и региональных управленческих структур. Временному правительству не удалось «подмять» под себя КОБы и Советы, но и последние не сумели навязать Центру свою волю.

Вероятно, это стало главной причиной нерешительности Центра в проведении кардинальных административно-территориальных преобразований, в том числе и на Дальнем Востоке. Был реализован лишь ряд мер локального характера, принципиально не менявших общую картину административно-территориального устройства региона. Во-первых, 4 июня 1917 г. город Алексеевск Амурской области переименовали в Свободный [5, с. 107]. Такой шаг был связан, вероятно, с «революционным угаром», на волне которого произошёл демонстративный отказ от некоторых внешних атрибутов монархии (Алексеевск был назван в честь цесаревича Алексея Николаевича). Во-вторых, в апреле Николаевск-на-Амуре стал официальным центром Сахалинской области (до этого момента им формально оставался пост Александровский). В конце июня на острове был образован Сахалинский уезд, центром которого стал пост Александровский (ставший по этому случаю городом Александровском). Александровский и Тымовский участки упразднялись, вместо них на административной карте появились Михайловская, Рыбновская и Тымовская (Рыковская) волости [2, с. 113; 11, с. 5]. В-третьих, 3 июня посёлок Иман был преобразован в город [1, с. 81]. Причиной послужили, вероятно, напряжённые отношения между его жителями и Войсковым правлением Уссурийского казачьего войска: последнее обвинялось в земельных притеснениях и отсутствии интереса к нуждам посёлка.

Жители Имана жаловались на своё бесправное положение [РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 6. Л. 2, 4].

Таким образом, административно-территориальное деление Сахалинской области было приведено в соответствие с делением других дальневосточных областей, также имевших уездно-волостную схему. По существу, Временное правительство данной реформой лишь довело до логического конца преобразования 1914 г., по которым Удский уезд был присоединён к Сахалинской области. Был устранён главный их недостаток: территориальную разобщённость областных органов управления (губернатор, отныне комиссар располагался в Николаевске, а прочие учреждения — на острове). Скорее всего, именно стремление ликвидировать эту очевидную несообразность явилось причиной реформы 1917 г.

Одновременно шла разработка положения о новом общерегиональном органе власти, который заменил бы упразднённое генерал-губернаторство. Его предполагалось назвать Краевым комиссариатом. В состав его планировалось кооптировать собственно краевого комиссара и представителей дальневосточных областей (по одному на область). Реформа готовилась около трёх месяцев (июль—сентябрь), однако в стадию практической реализации так и не перешла [РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 25. Л. 346, 348, 349, 353, 389, 462].

Октябрьская революция 1917 г. привела не только к смене верховной власти в стране. Она ознаменовала собой новую эпоху в истории России, начало коренной трансформации социально-экономических отношений и политической системы. Однако первоначально перед новообразованным советским государством встала задача выживания, разгрома Белого движения и борьбы с интервенцией. Понятно, что о реформе административно-территориального деления до поры до времени пришлось забыть. Стоит учесть и тот факт, что значительная часть территории бывшей империи (включая Дальний Восток) оказалась вне контроля большевиков.

11 декабря сочувствовавшие Временному правительству силы провели съезд делегатов земских и городских самоуправлений Дальнего Востока, который избрал Временное Бюро съезда, принявшее на себя полномочия краевого комиссара А.Н. Русанова и

провозгласившее себя «единственной правомочной народной властью» [РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 1. Л. 70].

Тем не менее, просоветские силы в регионе попытались взять власть в свои руки. 12—20 декабря 1917 г. состоялся III краевой съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Он принял декларацию, в которой признал Совет Народных Комиссаров (СНК) — советское правительство во главе с В.И. Лениным — «единственной центральной властью», а её представителем — Краевой комитет Советов [6, с. 29—30]. Таким образом, на Дальнем Востоке была провозглашена власть Советов.

В последний день работы съезда был образован краевой исполнительный комитет (Далькрайисполком), подчинявшийся Краевому комитету Советов. Его председателем стал А.М. Краснощёков. В январе 1918 г. Краевой комитет упразднил должности комиссаров Временного правительства, устранив таким образом соперника в борьбе за власть [6, с. 35, 51; 9, с. 51]. По инициативе приморского областного земского собрания в состав комитета были включены представители от земств, благодаря чему он был переименован и стал официально называться Дальневосточный краевой комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и самоуправлений [6, с. 43]. В апреле—мае 1918 г. советизация региона завершилась. Большевики сумели взять под контроль важнейшие населённые пункты Дальнего Востока, а также ликвидировать сеть земств и городских самоуправлений Дальнего Востока [5, с. 182].

Что касается проблемы взаимоотношений центральной и региональных властей, то она в период осени 1917 — весны 1918 г. играла важную роль (учитывая заведомую слабость Центра ввиду нелегитимности в глазах значительной части населения страны власти большевиков). Региональная элита в условиях недееспособности Центра попыталась «выбить» для себя максимально возможную самостоятельность. Сделать это она стремилась путём организационного оформления региональных властных структур.

К таким структурам в первую очередь стоит отнести Центросибирь и Дальсовнарком. В октябре 1917 г. в Иркутске состоялся I

Общесибирский съезд Советов, на котором были представлены, в том числе и дальневосточные Советы. Он высказался за передачу всей полноты власти в Азиатской России Советам и сформировал Центральный исполнительный комитет Советов Сибири (сокращённо Центросибирь) во главе с Б.З. Шумяцким.

В феврале 1918 г. на II съезде Советов Сибири был избран новый состав ЦИКа, при этом он превратился из общественной организации в общесибирский советский орган власти. Новую Центросибирь возглавил Н.Н. Яковлев [15, с. 81, 82,86; 9, с. 37, 38, 68]. Центросибирь позиционировала себя в качестве подчинённой непосредственно Центру управленческой структуры, чья компетенция охватывает не только собственно Сибирь, но и Дальний Восток. Однако на территории последнего в первой половине 1918 г. сформировался собственный общерегиональный центр власти.

Высадка 5 апреля японских и английских войск во Владивостоке резко изменила внешнеполитическую ситуацию, что повлекло за собой обострение обстановки внутриполитической. Угроза широкомасштабной иностранной интервенции и активизации Белого движения в регионе, опиравшегося на крупных и средних предпринимателей, верхушку казачества и воинские контингенты в полосе отчуждения КВЖД, вынудила пробольшевистские силы пойти на изменение статуса общерегионального советского органа власти. IV Краевой съезд Советов, работавший в апреле, постановил переименовать Краевой комитет в СНК. 8 мая 1918 г. переименование было оформлено постановлением комитета. Отныне он назывался Дальневосточный Совет Народных Комиссаров (Дальсовнарком). Председателем ДальСНК и одновременно наркоминделом стал Краснощёков [6, с. 172—173; 9, с. 123].

Вместе с тем его предложение официально провозгласить Дальневосточную республику (ДВР) (что соответствовало бы наименованию общерегиональной властной структуры — Дальсовнарком) было съездом отвергнуто [15, с. 86; 9, с. 124].

Между Центросибирью и Дальсовнаркомом установились сложные отношения. С одной стороны, работники Центросибири полагали, что все сношения дальневосточных органов власти

с Москвой (столица была перенесена из Петрограда в Москву в марте 1918 г.) должны идти только через Иркутск, где располагался ЦИК Сибири. На малейшие проявления самостоятельности Хабаровска сибиряки реагировали крайне болезненно, характеризуя их как «сепаратистскую политику». Председатель Центросибири Яковлев в июле 1918 г. заявил, что «…по-видимому, дальневосточники считают себя независимой областью». Фактически распоряжениям Иркутска на Дальнем Востоке подчинялось только Прибайкалье и Забайкалье [15, с. 99—100].

С другой стороны, Дальсовнарком в лице Краснощёкова полагал, что никакие промежуточные властные инстанции между регионом и Центром не нужны, и Хабаровск должен подчиняться напрямую Москве, минуя Иркутск [12, с. 78; 14, с. 154]. Такая позиция подвергалась резкой критике со стороны сибиряков, указывавших на опасность децентрализации власти в условиях угрозы японской экспансии в регионе [9, с. 124].

Определённые основания обвинять дальневосточников в местничестве и сепаратизме у сибиряков имелись. Свидетельством этого стало провозглашение 10 апреля 1918 г. на Объединённом съезде Советов рабочих и солдатских депутатов с участием делегатов V областного крестьянского съезда и V Войскового круга Амурского казачьего войска автономной Амурской Советской Социалистической Республики. Съезд объявил себя «первым организационным съездом Амурской трудовой социалистической республики» [13, с. 57—58]. Таким образом, Амурская область из рядовой административно-территориальной единицы превратилась в республику в составе РСФСР. Высшей властью в республике становился съезд трудящихся, исполнительную власть представлял Совет Народных Комиссаров во главе с Ф.Н. Мухиным. Причиной столь решительного разрыва с прежней административной практикой было преобладание на съезде эсеров-максималистов, мысливших организацию будущего социалистического общества в виде «трудовой республики».

Дальсовнарком такой шаг амурчан поддержал. Об этом говорит тот факт, что Хабаровск командировал в Амурскую область М.Э. Дельвига, ставшего председателем республиканского Сове-

та народного хозяйства [13, с. 57—58]. Впрочем, существование АмССР оказалось недолговечным. К осени того же года она фактически трансформировалась в обычную область, а 18 сентября, в связи с переходом советских структур на нелегальное положение, и вовсе была ликвидирована [5, с. 176; 13, с. 57].

Дальнейшее развитие советской системы в Сибири и на Дальнем Востоке было прервано летом—осенью 1918 г. Активизация белогвардейских сил и расширение иностранной интервенции привели к прекращению работы сначала Центросибири (август), а затем и Дальсовнаркома (сентябрь) [6, с. 26; 14, с. 161]. Советская власть в регионе временно пала.

Литература и источники

1. Административно-территориальное деление Приморского края. 1856—1980 гг. Справочник. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1984. 160 с.
2. Административно-территориальное деление Сахалинской области. Ю.-Сахалинск: Дальневост. кн. изд-во. Сахал. отд., 1986 г. 135 с.
3. Административные реформы в России. История и современность / под общ. ред. докт. экон. наук, проф. Р.Н. Байгузина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 646 с.
4. Архив новейшей истории России. Серия «Публикации» / Т. VII / Журналы заседаний Временного правительства: Март—октябрь 1917 года. В 4 т. М.: Российская политическая энциклопедия, 2001. Т. 1. Март—апрель 1917 года. 448 с.
5. Дальний Восток России в период революций 1917 года и Гражданской войны. Владивосток: Дальнаука, 2003. 632 с. (История Дальнего Востока России; Т. 3, кн. 1).
6. Дальсовнарком 1917—1918 гг.: Сборник документов и материалов / под ред. А.В. Семенова. Хабаровск: Кн. изд-во, 1969. 375 с.
7. Журналы заседаний Временного правительства. В 4 т. Т. 3. Июль—август 1917. М., 2004. 416 с.
8. Журналы заседаний Временного правительства. В 4 т. Т. 4. Сентябрь—октябрь 1917 года. М.: РОССПЭН, 2004. 512 с.
9. Журналы заседаний Временного правительства. В 4 т. Т. 1. Март—апрель 1917. М.: РОССПЭН, 2001. 447 с.
10. Крушанов А.И. Октябрь на Дальнем Востоке. Часть II. Победа Великой Октябрьской социалистической революции (март 1917 — апрель 1918 гг.). Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1969. 180 с.
11. Крушанов А.И. Административное устройство и территориальное деление Дальнего Востока (1917—1960 гг.) // Материалы по истории

Владивостока. Кн. вторая. 1917—1960. Владивосток: Приморское кн. изд-во, 1960. 220 с.
12. Кузин А.Т. Сахалинский ревком: Документально-исторический очерк. Южно-Сахалинск: Сах. кн. изд-во, 2000. 200 с.
13. Мухачёв Б.И. Александр Краснощёков: Историко-биографический очерк. Владивосток: ДВО РАН, 1999. 283 с.
14. Октябрь на Амуре. Сборник документов (1917—1922). Благовещенск: Амурское кн. изд-во, 1961. 458 с.
15. Серебрякова З.Л. Областные объединения Советов России (март 1917 — декабрь 1918). М.: Наука, 1977. 230 с.
16. Якимов А.Т. Центросибирь // Борьба за власть Советов в Сибири и на Дальнем Востоке / Сб. статей. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1968. 185 с.
17. РГИА Дальнего Востока (Рос. гос. ист. арх. Дальнего Востока).

УДК: 947.084.5:614(571.6)

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ В ПЕРИОД СОВЕТИЗАЦИИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО КРАЯ

Л.А. СЛАБНИНА

Институт истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, г. Владивосток

В статье рассматривается деятельность органов советской власти по организации врачебной помощи населению Дальнего Востока. Анализируются трудности и итоги создания сети здравоохранения за три года советизации края. Автор приходит к выводу, что без ускоренного развития сети медицинского обслуживания, образования и других доступных для всех слоёв населения социальных благ, невозможно было успешное освоение и развитие региона.

Ключевые слова: Дальний Восток, здравоохранение, советизация, Общество Красного Креста.

HEALTHCARE IN THE PERIOD OF THE SOVERETIZATION OF THE FAR EASTERN EDGE

L.A. SLABNINA

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok

The article examines the activities of the bodies of the Soviet government to organize medical assistance to the population of the Far East. The difficulties and results of creating a health care network for three years of Sovietization of the province are analyzed. The author comes to the conclusion that without the accelerated development of the network of medical services, education and other social benefits accessible to all strata of the population, it was impossible to successfully develop and develop the region.

Key words: The Russian Far East, healthcare, Sovietization, Red Cross Society.

Гражданская война и интервенция нанесли значительный материальный ущерб экономике, социальной сфере Дальнего Востока. Структурная, организационная перестройка периода советизации края затронула все составляющие уровень жизни населения, в том числе и систему здравоохранения.

В крае, с суровыми климатическими условиями, остро стояла проблема организации медицинской помощи населению. Слабо была развита сеть больниц, не хватало медицинских работников, финансовых средств для создания и расширения лечебных учреждений для всех слоёв населения. Лечебная помощь оказывалась только платная, развито было знахарство, шаманство, распространение эпидемий. Малая обжитость, неравномерная плотность населения, отсутствие достаточного количества лечебных и профилактических заведений, крайне запущенное санитарное состояние городов и сёл края, являлись причиной социальных болезней: туберкулёза, венерических заболеваний, алкоголизма. Эти особенности были учтены органами советской власти при создании сети лечебных и профилактических учреждений, организации медицинской помощи населению.

Объединение медико-санитарного дела новой организацией — Дальздравом, ликвидация ведомственной медицины, а в 1924 г. — страховой, были следствием общей тенденции к плановому, единому руководству не только экономикой, но и социальной жизнью. И это давало положительные результаты. До 1918 г. в крае не было здравпунктов по оказанию первой медицинской помощи, к 1924 г. их было открыто 24, фельдшерских пунктов — 121, 38 зу-

боврачебных кабинетов, 127 родильных домов (это показатели без военных ведомств и НКВД). Окрепла финансовая база здравоохранения, расширилась сеть аптек и местных фармацевтических предприятий, санаторно-курортного лечения. На Дальнем Востоке стали открываться дома отдыха и санатории для рабочих, в 1923 г. был открыт санаторий для лечения лёгочных больных рабочих и служащих в г. Чита. Особое внимание уделялось здоровью подростков. В 1924 г. на Дальнем Востоке впервые было проведено медицинское обследование работающих подростков, 520 из 1495 — оказана медицинская помощь, 253 — получили путёвки в дома отдыха и санатории [1, с, 147].

Высокие результаты в короткие сроки стали возможны в борьбе с инфекционными болезнями — чумой, малярией, тифом. Уже в 1924 г. были зарегистрированы единичные случаи этих заболеваний. Открывались учреждения нового типа — диспансеры для борьбы с туберкулёзом и венерическими заболеваниями — в г. Чита и Владивосток. Новым шагом было создание школьно-санитарного надзора, всё шире внедрялась санитарно-профилактическая работа среди населения. Государственное финансирование введения бесплатной медицинской помощи всем категориям населения позволило не только сохранить достижения в этой области, но и быстро укрепить материальную базу здравоохранения, начать подготовку медицинских кадров на местах. Эти меры постепенно приводили к уменьшению смертности среди населения, оздоровлению, улучшению санитарного состояния населённых пунктов, ликвидации многих эпидемических заболеваний.

В отчёте Дальревкома за 1922—1925 гг. отдельно выделена работа Российского Общества Красного Креста и Красного полумесяца (СОКК и КП СССР), добровольной общественной организации, цель которой — содействие органам здравоохранения в проведении санитарно-оздоровительных мероприятий, а также оказание помощи пострадавшим от стихийных бедствий и военных действий. 7 августа 1918 г. за подписью В.И. Ленина был опубликован декрет правительства, определивший внутреннюю и международную деятельность Красного Креста. 20 ноября 1918 г.

в Москве собрание членов общества приняло Устав. В первичных его организациях работали сандружинницы, члены санитарных постов, санитарные инспекторы и другие активисты, которые помогали медицинским работникам в профилактике инфекционных заболеваний, санитарном благоустройстве городов и сёл, оздоровлении труда и быта населения.

Патронажные медсёстры, работающие при комитетах общества, обслуживали на дому одиноких инвалидов войны и труда. На Дальнем Востоке Общество Красного Креста было «подсобным» органом здравоохранения, с которым РОКК работал в полном контакте. Работа РОКК в 1925—1926 г. велась по следующим направлениям: охрана материнства и младенчества и врачебное обслуживание детей, оказание медицинской помощи туземным племенам и национальным меньшинствам, борьба с социальными болезнями, обслуживание сельского и беднейшего городского населения. Для борьбы с социальными болезнями в 1924 г. были созданы врачебно-санитарные отряды, в частности для обследования населения западного побережья Камчатки. До советизации края туземные племена на Дальнем Востоке были лишены квалифицированной медицинской помощи. Органы здравоохранения располагали ограниченными материальными средствами, не были в состоянии обслужить туземные районы и организовать там лечебную сеть. Поэтому Общество Красного Креста максимум своих сил и средств направлял в районы проживания коренного населения.

Сеть врачебно-подвижных отрядов и лечебных установок, действовавших среди туземного населения края была следующей: на Камчатке — стационар на 5 коек в Тигильском районе и подвижной врачебно-санитарный отряд, на Сахалине — подвижной врачсанотряд, имеющий стационар в с. Верещагино Рыбнинского района, фельдшерский пункт в с. Какорма Николаевского-на-Амуре округа. Во Владивостокском округе для обслуживания корейского населения имелась больница и амбулатория, для лечения крестьян содержалась больница в г. Благовещенск. Только за 1925—1926 гг. число амбулаторных посещений туземным и корейским населением составило 20 тыс., через стационар прошли

184 чел., койко-дней — 2635. Параллельно медицинская помощь оказывалась и на дому.

При громадных пространствах, больших расстояниях, разделяющих населённые пункты, трудностях передвижения и кочевом образе жизни туземцев, указанные цифры, иллюстрирующие деятельность РОКК, высоки. Одновременно с оказанием лечебной помощи проводилось обследование населения, велась санитарно-просветительская деятельность: с населением велись беседы о заразных болезнях и мерах борьбы с ними, о гигиене тела и жилища, проводились мероприятия по улучшению быта. Продуктивная деятельность общественной организации РОКК нашла широкую поддержку дальневосточников. Местные комитеты РОКК развивали пропаганду идеи общества. На собраниях рабочих и служащих предприятий и учреждений, в партийных организациях читались доклады, через избы-читальни и сельские лечебные учреждения распространялась литература, в прессе в статьях освещалась работа и задачи Общества Красного Креста. РОКК было организацией исключительно гуманитарной и привлекала внимание городского и сельского населения целью — общественное служение К 1926 г. количество членов РОКК достигло 15 тыс. чел., объединённых в 198 ячеек, из них 70 — на селе. РОКК дополняли работу здравворганов в регионах, где лечебная сеть отсутствовала или была слаборазвита, оказывал лечебную помощь туземному населению, борьбе с детской смертностью, помощь подросткам, организации врачебной помощи на селе. За 1925—1926 гг. РОКК потратил на работу в ДВК 113 000 руб. [2, с. 237].

Охрана материнства и младенчества — этого вида здравоохранения до революции в крае не было. Появилось это направление с момента советизации. О масштабах проделанной крайздравом работы можно судить по следующим данным. В 1923 г. в крае было 4 дома малютки, в 1926 г. были открыты 5 консультаций для детей, 4 консультации для беременных, 6 ясель, 4 дома малютки на 145 детей, 2 молочные кухни, на летний период открывалось 78 оздоровительных ясель и детских садов. Приведённые цифры отражают развитие дела охраны материнства и младенчества — 1923 г. — организационный период, 1924 г. — открытие учрежде-

ний в городах и 1925—1926 гг. — развёртывание сети лечебных и консультационных учреждений на селе.

Работа по врачебному обслуживанию детей осуществлялась через Детский дворец им. Ленина во Владивостоке с отделениями: детская и женская консультации, тубздравник, дневной стационар, патронаж. В с. Вяземском Хабаровского округа имелись детская и женская консультации, консультации на базе Амурской флотилии, детские больницы в г. Чита и Благовещенск, консультация для детей (с молочной кухней) в Чите. Существовали так называемые «детские гнёздышки» в сёлах Хабаровского, Сретенского, Николаевского-на-Амуре, Благовещенского округов. Только за 1925 г. консультации посетили более 20 тыс. детей. Молочными кухнями за год было приготовлено и выдано молочных смесей и молока 213 446 бутылочек, в том числе беднейшему населению выдано бесплатно 135 496 бутылочек. В крае остро стояла проблема детской заболеваемости по туберкулёзу, за год обследовались и лечились 4210 чел. Общество Красного Креста принимало участие в проведении летней лагерной кампании — врачебному обслуживанию отдыхающих детей. Были выделены средства на организацию лагерей-санаториев во Владивостокском, Хабаровском, Читинском округах.

Конечно, сегодня невозможно перенести опыт организации врачебной помощи в крае после революции 1917 г., большевики действовали в совершенно ином историческом времени. Однако уже в тех условиях медицина была обращена к проблемам и нуждам конкретного человека, отличалась высокой моральной ответственностью врачей по отношению к своим пациентам, заботой об их нуждах и потребностях.

Нормальное и эффективное функционирование системы здравоохранения без стабильной и прочно растущей материальной базы невозможно. За три года советизации края затраты на социальные нужды по бюджету ДВК увеличивались: в 1923 г. расходы на просвещение, здравоохранение из государственного и местного бюджетов составляли 2611,4 тыс. черв. руб., а в 1925/1926 г. — 4177,6 тыс. руб. [4, с. 86]. Увеличение расходов, в том числе и на здравоохранение свидетельствовали о значимости этой сферы для

населения. Без ускоренного развития сети медицинского обслуживания, образования и других доступных для всех слоёв населения социальных благ, невозможно было успешное освоение и развитие региона.

Литература и источники

1. Борьба рабочего класса за восстановление и развитие Дальневосточной области (1922—1925 гг.): Сб. документов и материалов. Хабаровск: Кн. изд-во, 1962. 417 с.
2. Отчёты Далькрайисполкома за 1925—1927 гг. / под ред. М.П. Копытина, П.Е. Терлецкого. Хабаровск, 1927. 436 с.
3. Три года советского строительства в Дальневосточном крае. Первому краевому съезду советов. Отчёт Дальревкома. Хабаровск, 1926 г. (за 1922—1925 гг.)/ под ред. М.П. Копытина и П.Е. Терлецкого. Хабаровск, 1926. 251 с.
4. Шестак О.И. Советская социальная политика и её реализация на Дальнем Востоке (1922—1941 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2004. 184 с.

УДК: 94:621.311.1(571.6)

КАДРЫ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ЭНЕРГЕТИКОВ И ИХ УЧАСТИЕ В РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ 1917 г.

А.В. МАКЛЮКОВ

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, г. Владивосток

В статье рассматриваются вопросы формирования кадров энергетиков на Дальнем Востоке России в конце XIX — начале XX в. и их участия в революционном движении 1917 г. Показано, что рабочие и служащие городских и промышленных электростанций региона активно включились в политические события, происходившие в стране в 1917 г.

Ключевые слова: российский Дальний Восток, электроэнергетика, электростанции, энергетики, революционное движение.

PERSONNEL OF FAR EASTERN POWER ENGINEERS AND THEIR PARTICIPATION IN THE REVOLUTIONARY MOVEMENT OF 1917

A.V. MAKLYUKOV
Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok

The article deals with the formation of cadres of power engineers in the Far East of Russia in the late XIX — early XX centuries and their participation in the revolutionary movement of 1917. It is shown that the workers and employees of the city's and industrial power plants in the region actively joined the political events taking place in the country in 1917.

Key words: Russian Far East, electric power industry, power stations, power engineering, revolutionary movement.

Профессия энергетика появилась вместе с открытием первых электростанций и электрических сетей в 80-е гг. XIX в. Станции и сетевое хозяйство представляли собой спектр сложных и опасных установок, нуждающихся в квалифицированном обслуживании. Возникла потребность в технически грамотных рабочих специалистах, способных монтировать, налаживать и ремонтировать электрическое оборудование, а также в квалифицированных инженерах, умеющих организовывать энергетическое хозяйство, обеспечивать бесперебойную подачу электроэнергии и контролировать процесс её расхода.

Первые курсы по подготовке специалистов для электроэнергетики были открыты в 1880 г. в Санкт-Петербурге благодаря деятельности VI «электрического» отдела Русского Технического общества. В начале XX в. подготовку квалифицированных электротехников в России осуществляли более чем в 30 реальных училищах. В Сибири в 1889 г. открылось Иркутское промышленное по механическим специальностям училище, где в программу обучения были включены такие курсы как устройство машин и электротехника. В рамках последнего курса воспитанники изучали электрический ток, сопротивление, измерительные приборы, силовые установки (динамо-машины, генераторы и трансформаторы), а также область применения электричества [4, с. 134]. В

1898 г. открыт Петербургский электротехнический институт, Киевский и Варшавский политехнические институты, которые стали готовить первых специалистов с высшим электротехническим образованием. К 1912 г. в стране насчитывалось 15 государственных инженерно-промышленных вузов: в десяти из них преподавалась электротехника [7, с. 214]. На Дальний Восток подготовка электротехнических кадров ещё не распространялась в силу малонаселённости региона и отсталости его в промышленном отношении.

Осознавая важность электротехнического образования в стране, 3 июня 1917 г. совет по электротехническим делам при Министерстве торговли и промышленности создал специальную «комиссию по вопросам электротехнического образования» под председательством профессора Н.Н. Георгиевского. В процессе работы комиссия поставила следующие задачи: налаживание тесного контакта Министерства народного просвещения с образовательными учреждениями, занимавшимися подготовкой специалистов для электростанций; всестороннее освещение положения электротехнического образования в стране, количества и качества подготовки электротехников, потребности в специалистах электрических предприятий [ГАРФ. Ф. 6832. Оп. 1. Д. 22. Л. 2]. Работу комиссии прервали революционные события 1917 г.

В конце XIX — начале XX в. на Дальнем Востоке появились первые электрические станции в городах и на промышленных предприятиях. Частные предприниматели, казённые заведения и городские управы заказывали из-за границы оборудование. На начальном этапе электрификации региона значительную роль сыграли немецкие фирмы «Всеобщая компания электричества» и «Сименс и Гальске». В 1908 г. филиалы, в которых работали командированные из центральной России русские инженеры-электротехники, открылись во Владивостоке. Под их контролем на фирменном оборудовании в регионе монтировали первые электростанции и проводили электрические сети, на предприятиях устанавливали электрические моторы и другую электротехнику [РГИА ДВ. Ф. 755. Оп. 3. Д. 310. Л. 2].

Дальневосточные электрические станции строились и эксплуатировались русскими инженерами и техниками. Квалифи-

цированных инженеров-механиков городские управы, казённые предприятия и частные предприниматели специально выписывали из центральной России. Так, Благовещенская городская управа в 1907 г. заключила пятилетний контракт с московским инженером-механиком Петром Григорьевичем Саутиным для управления городской электростанцией. Его годовое жалованье составляло 3600 руб. В январе 1912 г. Владивостокская управа для заведования отделом электрических сооружений города пригласила на три года инженера Дмитрия Николаевича Хлобыщина с годовым жалованием 5000 руб. [РГИА ДВ. Ф. 755. Оп. 2. Д. 788. Л. 1; Ф. 28. Оп. 1. Д. 410. Л. 9].

В дореволюционный период на электрических предприятиях, как правило, работали один или два инженера. Эксплуатационный персонал электростанций на Дальнем Востоке формировался в основном из русских рабочих и демобилизованных воинов. К примеру, Станислав Игнатьевич Марущак, родившийся в 1877 г. в Польше, в 1901 г. был направлен на службу в 8-й Восточносибирский стрелковый полк в с. Шкотово. Завершив службу, он остался во Владивостоке, и в апреле 1906 г. устроился слесарем по ремонту машин и турбин на электростанции механических мастерских военного порта, где проработал 12 лет до марта 1918 г. Франц Лаврентьевич Кохановский 1878 г. рождения, тоже родом из Польши, прошёл срочную службу в железнодорожном батальоне, в 1905 г. устроился в торговый дом «Кунст и Альберс», где получил опыт работы в качестве монтёра, участвовал в строительстве Владивостокской городской электростанции, на которой с 1912 г. работал сначала помощником машиниста, а затем и старшим машинистом турбины [1, с. 21].

Общее число специалистов на Дальнем Востоке, занятых на предприятиях по производству и передаче электроэнергии, к 1917 г. составляло примерно 500 чел. Всего в регионе действовала 41 электростанция, в том числе 5 городских, 36 частных и казённых [ГАРФ. Ф. 6832. Оп. 1. Д. 20. Л. 36 об. — 37]. Крупные коллективы энергетиков сложились на Владивостокской городской станции и на центральной электростанции механического мастерских военного порта и Благовещенской станции. При этом численность работающих на предприятиях быстро увеличивалась. Если в

штате Владивостокской станции в 1913 г. было 65 чел., то в 1917 г. — уже 105 [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 399. Л. 29 об.]. На Благовещенской муниципальной электростанции работали 80 чел., на Никольск-Уссурйиской — 45, Хабаровской — 40. На казённых и частных предприятиях численность коллективов не превышала 50 чел. Большинство мелких станций имели от 2 до 20 рабочих [РГИА ДВ. Ф. 755. Оп. 2. Д. 788. Л. 13 об.; 6, с. 18, 32, 42].

В профессиональном движении дальневосточные энергетики до 1917 г., как правило, участия не принимали. Это объясняется тем что, заработная плата работников электрических станций и сетей была несколько выше, чем на других промышленных предприятиях Дальнего Востока. К примеру, машинист Благовещенской городской электростанции в 1910 г. за месяц получал 150 руб., помощник машиниста — 75 руб., электромонтёр — от 55 до 100 руб., кочегар — 38 руб. Даже на промышленных электростанциях дежурным электрикам выплачивалось жалованье от 60—70 руб. [РГИА ДВ. Ф. 755. Оп. 2. Д. 893. Л. 97; Ф. 897. Оп. 1. Д. 1. Л. 1]. Такое положение, с одной стороны, связано со сравнительно большими доходами городских электрических предприятий, а с другой, стремлением сохранить квалифицированные кадры энергетиков, которых было трудно найти на Дальнем Востоке.

В то же время с началом эксплуатации муниципальных, казённых и частных электростанций возникала проблема обеспечения противопожарной безопасности, охраны труда служащих и рабочих станции и их социального страхования, которая в условиях динамичного развития электроэнергетики региона заметно обострилась, так как количество трудящихся на энергопредприятиях неуклонно росло. Случаи травмирования и гибели рабочих фиксировались фабричными инспекторами постоянно, как на частных, городских так и на промышленных электростанциях. Например, в июле 1912 г. погиб электромонтёр Владивостокской городской сети П.Ф. Забор, который по неосторожности вёл работы под напряжением. В мае 1916 г. на Владивостокской станции от удара током скончался рабочий А.А. Григорьев [РГИА ДВ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 152. Л. 12, 15]. Работа в электрическом хозяйстве была достаточна опасна. Согласно российскому законодательству жёны по-

гибших работников электропредприятий получали компенсацию по потере кормильца от городских управ или владельцев. Так, на Благовещенской городской станции в ноябре 1916 г. погиб рабочий П.И. Кириллов. По закону «О социальном страховании рабочих» от 2 июня 1903 г., ст. 12 и 19, городская управа назначила вдове Н.М. Кириловой выплату единовременного пособия по потере кормильца в размере 1126 руб. 60 коп. [РГИА ДВ. Ф. 755. Оп. 2. Д. 1055. Л. 18].

На городских электростанциях эксплуатация электрооборудования находилась в ведении инженера отдела электрических сооружений управ. В промышленности, где станции открывались в начале XX в. одна за другой, контроль долгое время не осуществлялся надзорными органами, не было даже единых общепринятых правил, регламентировавших устройство и работу источников генерации в производстве. Неправильная эксплуатация электрооборудования нередко создавала пожароопасную ситуацию на предприятиях, угрожала жизни и здоровью рабочих. 29 мая 1914 г. Министерство торговли и промышленности утвердило «Правила безопасности при сильных токах высокого и низкого напряжения для электротехнических сооружений фабрично-заводских предприятий» состоящие из 139 пунктов. В правилах прописывалось, какими должны быть помещения промышленной электростанции, огнеупорные материалы, система изоляции, приборы учёта и т.д. 29 декабря 1914 г. состоялось заседание Приморского областного по фабричным и горнозаводским делам присутствия, на котором принято решение «однозначно правила принять...» [РГИА ДВ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 3. Л. 1, 8].

Первые энергетики столкнулись с серьёзными трудностями, связанными с эксплуатацией электростанций и сетевого хозяйства, так как опыт в этом деле ещё только нарабатывался. Технически сложное импортное оборудование, новизна вида деятельности, отсутствие позитивного опыта устройства электростанции и обеспечения бесперебойного электрического освещения городских улиц, жилых домов и предприятий нередко приводили к различным проблемам, например, к аварийному выходу из строя агрегатов и массовому отключению абонентов. Только с октября по декабрь

1915 г. Владивостокская городская станция полностью останавливалась 4 раза. А с 28 по 31 декабря 1915 г. из-за разрыва паропровода город Владивосток оставался без электричества трое суток [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 503. Л. 78 а].

Первая мировая война (1914—1918 гг.) прервала поставки электрооборудования и запасных материалов из центра страны и Германии, что поставило дальневосточных энергетиков в затруднительное положение. Для замены изношенных частей и деталей работникам электропредприятий нередко приходилось заниматься изобретательством и изготавливать недостающие элементы из подручного материала. Так, монтёры Владивостокской городской сети делали самостоятельно предохранители низкого напряжения в трансформаторных подстанциях. В результате такие самодельные предохранители часто горели [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 503. Л. 78 а].

Разрастающийся к 1917 г. экономический кризис в стране, сопровождавшийся инфляцией и вздорожанием технических материалов, привёл к резкому увеличению расходов на эксплуатацию электрических станций и дальнейшему росту стоимости электрического тока. К февралю 1917 г. в городах России плата за отпускаемую электроэнергию в среднем увеличилась на 50% по сравнению с тарифами 1915 г. [8]. Росли тарифы и в городах Дальнего Востока. 28 февраля 1917 г. Владивостокская городская дума рассматривала вопрос об увеличении платы за отпускаемую электрическую энергию до 40 коп. за 1 кВт/час. Дефицит средств на эксплуатацию городской электростанции на начало 1917 г. составлял более 750 тыс. руб. [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 500. Л. 24]. В условиях тяжёлого финансового положения росло и число абонентов, имеющих задолженность по оплате за электрическую энергию. В числе должников оказались общественные и административные учреждения, военные ведомства, частные абоненты и торгово-промышленные предприятия. В частности, в Благовещенске с начала 1917 г. за электрическую энергию не платили Алексеевская женская гимназия, полицейская управа, железнодорожный вокзал, гражданская тюрьма и другие учреждения [РГИА ДВ. Ф. 755. Оп. 1. Д. 102. Л. 3, 7].

Рабочие и служащие дальневосточных электростанций оказались в сложном материальном положении. Начались задержки выплаты заработной платы, размер жалования не соответствовал ценам на продукты и товары первой необходимости. Из-за аварийного состояния энергетического и сетевого оборудования ухудшились условия труда. В январе 1917 г. с Благовещенской городской станции по собственному желанию из-за низкой заработной платы уволились 17 работников [РГИА ДВ. Ф. 755. Оп. 3. Д. 570. Л. 13]. Рабочие и служащие городских и промышленных электростанций региона включились в политическую жизнь.

Революционную активность проявили энергетики Благовещенской городской электростанции, которая находилась в ведомственном подчинении электрического отдела городской управы. Лидерами рабочего движения станции стали два социалиста Михаил Булыканов и Григорий Шалыгин. Рабочие выступали за установление 8-часовой рабочей смены на предприятии, протестовали против снижения заработной платы и тяжёлых условий труда. Они развернули борьбу против заведующего станцией инженера Владимира Ивановича Горецкого, назначенного на эту должность городской управой 2 апреля 1915 г. Первые недовольства рабочих на электростанции проявились в январе 1916 г. после утверждения старшим фабричным инспектором Амурской области новых «правил внутреннего распорядка рабочих и служащих Благовещенской городской электростанции». Энергетиков возмутило то, что в новых правилах вводились обязательные сверхурочные работы, назначаемые по распоряжению заведующего, при этом не говорилось о дополнительной оплате. В 1916 г. за требование прибавки к жалованию были уволены маслянщик Терентьев и электромонтёр Кнопков [РГИА ДВ. Ф. 755. Оп. 1. Д. 2. Л. 6].

3 февраля 1917 г. на Благовещенской городской электростанции состоялась стачка, в которой приняли участие 50 работников, требующих повышения заработной платы [3, с. 188]. 7 февраля этого же года десятерых рабочих — кочегаров, электромонтёров и электриков, принимавших во главе с М. Булыкановым наиболее активное участие в стачке, уволили по решению заведующего В.И. Горецкого. Булыканов обратился в редакцию газеты «Благо-

вещенское утро», с просьбой опубликовать новость о конфликте рабочих с заведующим городской станцией, а также сообщить жителям города, что Горецких заставлял электриков брать двойную плату за установку электрических счётчиков фирм «Чурин» и «Сименс и Шукерт». Также Булыканов написал обращение в Благовещенскую городскую управу с просьбой восстановить на предприятии его и уволенных товарищей и оградить рабочих от самоуправства заведующего В.И. Горецкого. Выступление энергетиков напугало городскую администрацию, и она вынуждена была пойти на уступки. 26 февраля 1917 г. уволенные рабочие вернулись на станцию [3, с. 188].

После свержения самодержавия в стране стали создаваться партийные, профсоюзные организации, направляющие политическую активность населения в более организованное русло. 5 апреля 1917 г. рабочие Благовещенской городской электростанции добились введения 8-часовой рабочей смены для тех категорий работников, которые работали по 9 часов. 17 мая 1917 г. состоялось первое общее собрание рабочих и служащих станции, на котором было принято решение о создании «союза рабочих и служащих городской электростанции» и «комитета внутреннего распорядка». На следующем собрании был принят устав комитета [РГИА ДВ. Ф. 755. Оп. 3. Д. 570. Л. 55]. Так, на Дальнем Востоке появилась первая профсоюзная организация энергетиков.

23 сентября 1917 г. комитет внутреннего распорядка обратился в Благовещенскую городскую управу с требованием принять новую инструкцию по управлению электростанцией, ограничивающую право заведующего предприятием В.И. Горецкого самовольно увольнять работников. Городская управа сформировала специальную комиссию «по выработке инструкции по урегулированию отношений между заведующим городской станцией и рабочими», заседание которой состоялось 10 и 19 октября 1917 г. Комиссия, пойдя на уступки рабочим, решила внести изменения в правила внутреннего распорядка предприятия в разделе «о приёме рабочих». Отныне приём, увольнение, назначение, перемещение и расценки труда работников производились заведующим, цеховым мастером и двумя представителями от рабочих, при обя-

зательном согласовании принятого решения в течение трёх суток с комитетом внутреннего распорядка рабочих [РГИА ДВ. Ф. 755. Оп. 1. Д. 2. Л. 2].

В Благовещенске, с получением центральных газет, осветивших октябрьские события в Петрограде, под руководством большевиков развернулась энергичная борьба за признание советского правительства и переход всей власти к советам. В городе прошли митинги рабочих в поддержку революционного Петрограда, в которых приняли участие и работники городской станции. 10 ноября 1917 г. состоялось очередное заседание комитета внутреннего распорядка рабочих электростанции, на котором было принято постановление об отстранении от заведования станцией инженера В.И. Горецкого, «…не пожелавшего сотрудничать с рабочими». О своём решении комитет уведомил городскую управу, отметив, что теперь «…рабочие вправе сами решать подобные вопросы» [РГИА ДВ. Ф. 755. Оп. 1. Д. 2. Л. 4].

Новые революционные изменения коснулись не только городских энергетических предприятий, но и промышленных электростанций Дальнего Востока. В частности, на Сучанском каменноугольном руднике исполком совета, разработав временные правила самоуправления, отстранил от работы инженеров и представителей администрации. Рабочие Тетюхинского рудника изгнали управляющего и взяли управление рудником в свои руки. У руководства предприятиями и электростанциями оказались некомпетентные лица, которые дезорганизовывали работу.

Борьбу за установление советской власти на Дальнем Востоке возглавляло Дальневосточное бюро РСДРП(б). В его состав входили видные большевики, среди них были и энергетики, в частности Петр Михайлович Никифоров. Свою трудовую деятельность он начал на Иркутской городской электростанции. Там он руководил революционной борьбой, а после февраля 1917 г. отправился на Дальний Восток, стал заместителем председателя Владивостокского совета и членом Дальневосточного бюро РСДРП (б) [2, с. 51].

После октябрьских событий в Петрограде, на дальневосточных городских электростанциях и промышленных предприятиях, где

станции находились на положении цехов, вводился рабочий контроль. В Приморье в конце 1917 — начале 1918 г. рабочее управление вводится на угольных предприятиях (Сучан), в торговом порту Владивостока, во Владивостокских временных вагоносборочных мастерских, в мастерских и электростанции Владивостокского военного порта, на Уссурийской железной дороге, цементном заводе Спасска, руднике Тетюхе [5, с. 198—199].

Наряду с введением рабочего контроля началась и национализация частных электропредприятий. В феврале 1918 г. была национализирована электростанция Акционерного общества «Электрической энергии г. Хабаровска» [ГАХК. Ф. 285. Оп. 1. Д. 30. Л. 15 об.]. 6 февраля 1918 г. «насильственными действиями рабочих» электростанция «Уссурийского товарищества электричества» перешла во владение городской управы, а управляющий предприятием был изгнан [РГИА ДВ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 32. Л. 1].

Таким образом, дальневосточные энергетики, как наиболее технически грамотный отряд рабочего класса, вместе с работниками других предприятий в 1917 г. активно включились в революционное движение и борьбу за свои права. Среди энергетиков были также видные руководители и борцы за советскую власть.

Энергетики обеспечивали работу первых электростанций, поставляли дальневосточным потребителям электрическую энергию. Свет в домах, уличное освещение, кино в иллюзионах, трамвайное движение, работа электромоторов и машин на предприятиях — это и многое другое в начале XX в. стало возможным благодаря труду людей новой и важной профессии.

Литература и источники

1. 90 лет Владивостокской ТЭЦ-1. Тепловые сети ООО «Дальэнерго». Владивосток: Изд-во «Дальпресс», 2002. 96 с.
2. Алексеев В.В. Электрификация Сибири. Историческое исследование. Ч. 1 (1885—1950). Новосибирск: Наука, 1973. С. 51.
3. Галлямова Л.И. Рабочее движение на Дальнем Востоке России во второй половине XIX — начале XX в. Владивосток: Дальнаука, 2004. С. 188.
4. Горощенова О.А. От навигацкой школы к техническому университету. Ч. 1. (1754—1917). Иркутск, 2009. 220 с., ил.

5. Дальний Восток России в период революций 1917 года и Гражданской войны. Владивосток: Дальнаука, 2003. 632 с.
6. Итоги Всероссийской городской переписи 1923 года на Дальнем Востоке. Серия III. Данные о промышленных заведениях. Вып. 1. Чита, 1924. 119 с.
7. Симонов Н.С. Развитие электроэнергетики Российской империи: предыстория ГОЭЛРО. М.: Русский фонд содействия образования и науки, 2016. 320 с.
8. Электричество. 1917. № 3. С. 2.
9. ГАРФ (Гос. арх. Российской Федерации).
10. ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края).
11. РГИА ДВ (Рос. гос. ист. арх. Дальнего Востока).

УДК: 93/94

ЖЕНЩИНЫ-РЕВОЛЮЦИОНЕРКИ НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В РУССКИХ РЕВОЛЮЦИЯХ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ (1905—1907 и 1917—1922 гг.)

А.А. САВЧУК
Дальневосточный федеральный университет. Школа гуманитарных наук, г. Владивосток

В данной работе рассматривается участие женщин, в первую очередь дальневосточных, в революционном движении, а впоследствии — в двух русских революциях и Гражданской войне, причины вовлечения женщин в революции, основные направления их деятельности, наказания, которым подвергались профессиональные и стихийные революционерки.

Ключевые слова: Октябрьская революция, Гражданская война, революционерки, гендерная история, гендерные исследования.

WOMEN-REVOLUTIONARIES ON THE RUSSIAN FAR EAST IN THE RUSSIAN REVOLUTIONS AND THE CIVIL WAR (1905 — 1907 AND 1917 — 1922)

A.A. SAVCHUK
Far Eastern Federal University, Vladivostok

The article is devoted to the problem of participation of the Russian women, especially on the Russian Far East, in the revolution movement and

then in the both Russian revolutions and Civil War. The author also analyzes the reasons of women's involvement in revolutions, the main forms of their participation and the forms of punishment used by the Government for women revolutionizes.

Key words. The October revolution, Civil War, women-revolutionaries, gender history, gender studies.

Для русских женщин вооружённый протест против власти не был чем-то из ряда вон выходящим. Помимо посадницы Марфы Борецкой или атаманши Алёны Арзамасской десятки простых женщин во все времена поднимали бунты против царской власти. Так, из 7000 крепостных, сосланных в Сибирь в царствование Николая I, было более трети женщин. В 1819 г., в чугуевском бунте, женщины вели восставших казаков, 29 из них были наказаны розгами и «…ни одна не попросила пощады». В судебных делах о неповиновении крепостных помещичьей власти в этот период времени — 25% женщин [1, с. 30].

Путь русских женщин в революцию начался задолго до 1917 г. Истоки его следует искать в протестном движении женщин-«шестидесятниц», которые в 1860—1870-е гг. заявили о своём желании быть кем-то большим, чем жёны и матери. Движение в «большой мир» началось для них со стремления получить высшее образование и оплачиваемую профессию, но участие женщин в студенческих беспорядках закрыло для них доступ в университеты. Что касается оплачиваемой деятельности вне дома, то и здесь поле деятельности для женщин серьёзно сужалось: фактически, им были доступны лишь скромно оплачивавшиеся профессии учительниц, гувернанток, акушерок и фельдшериц, позже — тюремных надзирательниц. Однако рост уровня образования и развитие общественно-политической мысли в России во второй половине XIX в. приводили к росту самосознания женщин из дворянской и интеллигентской среды и стремлению к общественной деятельности, а сложное экономическое положение разорявшегося в этот период дворянства — к необходимости изыскивать достойные заработки. Не имея возможности легально получить доступ к обра-

зованию и достойно оплачиваемой работе, часть женщин уходит в радикальное протестное движение.

Дорогу в радикализм для многих женщин открывали их родственники-мужчины: Надежду Суслову привёл брат, Наталью Корсини — муж, сестёр Екатерину и Александру Ивановых — их брат Дмитрий и т.д. Вера Засулич просидела два года в тюрьме по ложному обвинению в принадлежности к «нечаевскому делу» из-за неудавшейся попытки Сергея Нечаева соблазнить её и втянуть в деятельность своей организации. В 1870-х гг. женщины приходят в радикализм уже в стремлении кардинально переделать мир, построить новое социальное устройство, искоренить несправедливость и беззаконие. В итоге примерно четверть в радикальных кружках — «чайковцев», «нечаевцев», «долгушинцев» — составили женщины, большая часть из которых принадлежала к дворянскому сословию [11, с. 141]. По другим оценкам, в 1870-е гг. из 5664 революционеров женщин было всего 12,5%, но там, где присутствовала разного рода активность, в том числе и экстремистская, число женщин росло: в ходе «Процесса 50-ти» (1877 г.) было осуждено 32% женщин (16 чел.), а в составе Исполнительного комитета Народной воли — уже 33% женщин [9, с. 212]. При этом «женский вопрос» как комплекс специфических проблем, связанных с положением и ролью женщин в обществе и семье, отрицался революционерами. Решение всех специфических женских проблем — брака, семьи, сексуальной объективации — связывалось с социальной революцией. Женщины должны были участвовать в революции наравне с мужчинами и самостоятельно справляться со всеми женскими проблемами, возникавшими при «хождении в народ». Фактически женщины, вступавшие в революционное движение, отказывались от так называемого «женского начала» — создания семьи и материнства, — стремясь к переходу из категории «женщина» в категорию «человек». Впоследствии именно такой подход стал краеугольным камнем идеологии большевиков, пропагандируемый А.М. Коллонтай, И.Ф. Арманд и другими деятелями большевистской партии.

Поначалу власть довольно мягко относилась к протестовавшим женщинам. Их отдавали под опеку родственников-мужчин,

исходя из правовой системы того периода времени, считавшей женщину неполноценным правовым субъектом, находящимся под опекой отца, брата или мужа. Но чем шире становилось участие женщин в народническом движении, тем более разнообразные формы наказания применялись царским правительством в отношении революционерок, вплоть до смертной казни.

Тем не менее, до эшафота все же предпочитали доводить дело только в самом крайнем случае, например, в отношении С.Л. Перовской и Г. Гельфман. Самым распространённым видом наказания была ссылка на поселение в «отдалённейшие места Сибири» или «места Сибири не столь отдалённые» под надзор полиции или с лишением всех личных и сословных прав, в том числе и имущественных. Выбор «места», а также лишение или не лишение прав состояния зависело от тяжести предъявленного обвинения. В случае неудовлетворительного поведения ссыльной её могли отправить в ещё более отдалённые места. В этом отношении показателен случай Климентины Рахальской. Дворянка, «за политическую неблагонадёжность» по распоряжению Киевского, Подольского и Волынского Генерал-губернатора в 1878 г. была выслана в Восточную Сибирь. По обвинению в том, что при объявлении помощником смотрителя Красноярского тюремного замка известия о спасении жизни Александра II от очередного покушения, произведённого в Москве 19 февраля 1879 г., выразилась следующим образом: «Очень жаль, что социалисты не могут достигнуть своей цели», — была сослана в Якутскую область, в город Колымск, однако не сразу смогла туда выехать из-за подорванного здоровья [ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 502. Л. 126 об. — 128]. Другая ссыльная — Надежда С. — дочь генерал-майора, изначально за распространение преступной пропаганды была сослана в Иркутск, но за побег из города с государственным преступником Заком была в 1879 г. переведена в Якутск [ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 502. Л. 128 об. — 129].

Второй формой наказания стала отправка женщин-революционерок на каторгу наравне с политическими преступниками-мужчинами. В начале 1880-х гг. на Нижне-Карийских приисках для женщин было выделено специальное тюремное здание, в котором содержались революционерки, начиная с Е.К. Брешко-Брешков-

ской. Последняя вспоминала, что ещё в 1879 г., когда она впервые попала на сибирскую каторгу, для неё не нашлось тюрьмы. «… После долгой одиночки и очень «строгого» путешествия с жандармами от Петербурга до Кары, стало очень весело, когда комендант сказал: «для вас у меня помещения нет, поживите пока у ваших товарищей, до свидания». И я тут же была вручена той особе, в доме которой прожила зиму» [2, с. 4]. Однако в 1882 г., когда Брешковская за свой побег снова попала на Кару, помещение для женщин уже появилось и не пустовало — в нём сидели 12 политических каторжанок [2, с. 3]. На Карийской каторге отбывали свой срок такие видные революционерки-народницы, как Софья Лешерн фон Герцфельд, Наталья Армфельд, Екатерина Сарандович, Надежда Сигида. После протеста последней в 1889 г., повлекшего за собой самоубийство шестерых политических заключённых, «политические» каторжанки были переведены с Кары в Мальцевскую тюрьму в Акатуе, куда впоследствии были сосланы участницы первой русской революции 1905—1907 гг., в том числе и из Владивостока.

А.Я. Тебенькова-Пирогова, отсидевшая три года во Владивостокском тюремном замке и получившая по приговору 15 лет каторги за революционную агитацию среди матросов и солдат во время революционных событий во Владивостоке, была одной из четырёх женщин-дальневосточниц, осуждённых к каторжным работам (А.Я. Клещова получила 8 лет, Н.К. Сошникова — 6 лет и К.А. Лукина — 2 года и 8 мес., которые она полностью отбыла во Владивостокской тюрьме) [8, с. 147]. Пирогова, несомненно, как и Л.А. Волкенштейн, погибшая в 1906 г. во время разгона митинга во Владивостоке, была профессиональной революционеркой, для которой участие в радикальном движении являлось семейным делом — её муж также участвовал в революционных событиях во Владивостоке и был осуждён на каторжные работы. Она стала первой дальневосточницей, попавшей на Нерчинскую каторгу. Пирогову в Нерчинск сначала везли по железной дороге, а потом гнали пешком от Газимура до Зерентуя, где должны были отбывать наказание мужчины, осуждённые за политическую деятельность. От Зерентуя до Мальцевской тюрьмы, в

которой в 1907—1911 гг. размещались политические женщины-каторжанки, Пирогову вместе с двумя уголовницами везли на подводе.

В сравнении с Владивостокским тюремным замком Мальцевская тюрьма показалась каторжанке-дальневосточнице раем: «Мигом разогрели самовар, обмыли и переодели меня, так что я почувствовала себя сразу в своей среде. Этой лёгкости перехода в новую жизнь содействовало настроение какого-то камерного праздника, на который я нечаянно попала: не то чьи-то именины, не то годовщина какого-то революционного акта; наигрывали на гребенках, шумели и веселились совсем по вольному. Ясно было, что тюремного режима и гнёта здесь не было. Мрачный Владивостокский замок со смертными приговорами после восстания 1907 г., со стрельбой по окнам и виселицами в ночной тиши — остался позади» [8, с. 151]. В тюрьме Пирогова познакомилась с такими выдающимися революционерками как А. Измайлович, М. Спиридонова, М. Школьник. Помимо революционерок, в Мальцевской тюрьме содержались также и уголовницы, общее число заключённых женщин составляло 144 чел. из 161 заключённого тюрьмы по состоянию на 1909 г. [5, с. 49—50]. Само здание тюрьмы было деревянным и ветхим, хотя арестантки содержали здание внутри в чистоте и опрятности. «Вместо нар — деревянные кровати, на столе — огромный самовар, за столом — шумная, почти студенческая компания, и у каждой кровати на стене в пузырьках на веревочках садовые цветы, так что камера имела почти что праздничный вид», — вспоминала впоследствии Пирогова о 4-й камере Мальцевской тюрьмы, в которую её определили [8, с. 151]. Тем не менее, по подсчётам начальника Главного Тюремного управления С.С. Хрулева, на ремонт «Мальцевки» и постройку при ней лазарета, бани и прачечной понадобилось бы 33 500 руб., в результате оказалось проще закрыть тюрьму в 1911 г. и перевести женщин-каторжанок в Акатуй [5, с. 63].

Женская политическая ссылка становится массовой после революции 1905—1907 гг. Если мы попытаемся представить портрет среднестатистической революционерки этого времени, оказавшейся в тюрьмах Нерчинской каторги (Акатуйская и

Мальцевская тюрьмы), то получится мещанка или дворянка в возрасте от 17 лет до 31 года, обвинённая в принадлежности к военной организации, хранении и изготовлении взрывчатых веществ, работавшая до ареста по боевой линии, или в агитации и пропаганде, получившая от 4 до 20 лет каторги [7, с. 33, 36—37]. Это были профессиональные революционерки с довольно высоким уровнем образования и самосознания. Совсем другая картина предстаёт перед нами при анализе портрета революционерки-дальневосточницы в 1917—1922 гг. Здесь женщины снова приходят в революцию и партизанское движение под влиянием отцов и мужей, иногда в стремлении отомстить за их гибель (Х. Дунаева, К. Гулькова, Е. Бойчук, С. Болотина). Если партизанки попадали в руки белогвардейцев и интервентов, то никакой скидки на пол и возраст не делалось: женщин ждало насилие, пытки и смерть. Партизанка Л., бывшая во время Гражданской войны красной санитаркой и попавшая в плен под Таганрогом, впоследствии вспоминала: «Нас, весь медперсонал, забрали в плен и отправили в город Вяле в Германию. …Когда забрали в плен, была изнасилована белыми. Сколько человек было не помню» [ГАПК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 89. Л. 4]. Вообще, главной формой участия дальневосточниц в революционном движении как раз и была медицинская помощь красноармейцам. Коммунисты Владивостока организовали в 1918 г. Рабочий Красный Крест, в комитет которого вошли большевички З. Секретарева, З. Станкова, Т. Цвилева, К. Никифорова и М. Белова. Эта организация объединяла матерей, жён и сестёр арестованных красногвардейцев и партизан, занимавшихся организацией медицинской помощи и передач политическим заключённым и их семьям. Помимо этого, в обязанности членов Рабочего Красного Креста входило установление связи между партийным руководством большевиков на воле и находящимися в тюрьме товарищами, помощь сбежавшим из мест заключения политическим заключённым — документами, едой, провожатыми и т.д. Но если Рабочий Красный Крест во Владивостоке был легален, то в Благовещенске, организованный Ольгой Иогансон Рабочий Красный Крест, сразу же оказался на нелегальном положении, отвечая не только за

медицинскую и гуманитарную помощь политическим заключённым, но и организовывая их побеги [3, 11—14].

Несмотря на то, что среди большевиков Дальнего Востока насчитывалось лишь несколько десятков женщин [3, с. 11—14], но они участвовали в самых разных видах партийной работы. А.П. Ким-Станкевич, расстрелянная в 1918 г., была секретарём Хабаровского большевистского комитета, М.И. Янисова по поручению Амурского обкома большевиков получила из банка деньги, закупила на них оружие для партизан и переправила его в тайгу. З. Секретарева стала одним из членов редколлегии подпольной большевистской газеты «Красное знамя» во Владивостоке. Женщины становились начальницами, председательницами и членами тайных и явных Военно-Революционных комитетов, партизанских штабов, агитационно-информационных частей [3, с. 16], участвовали в работе телеграфных станций и даже претендовали на роль русской Маты Хари, как Анна Васильевна Сизова-Джугевн.

Она была направлена «в распоряжение ДВР» после излечения от малярии, которой Сизова заразилась на прежнем месте работы, в Бухаре, а впоследствии распределена во Владивосток, в телеграфную контору, а оттуда — в женотдел нарсвязи. В итоге Анна Сизова стала организатором по работе среди женщин ячейки № 5 2-го райкома г. Владивосток, однако женработа вскоре ей наскучила, и Сизова предложила полномочному представительству ОГПУ свои услуги в качестве советской шпионки в Китае [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 295. Л. 99]. Ещё в 1913 г. Анна Сизова, чтобы избежать повторного ареста после побега из Сибири, предложила брак влюблённому в неё квартиранту, атташе китайского посольства, Джу-Гэ-Вану. Мужу это стоило карьеры: он был отозван в Пекин, жена поехала с ним, но в 1914 г. оставила Джу-Гэ-Вана и, с маленьким сыном, вернулась в Россию, где повторно вышла замуж. В 1923 г. до Сизовой дошёл слух о смерти её первого мужа, которого она хотела привлечь к партийной работе, и она уехала в Харбин, дабы подтвердить или опровергнуть эти слухи. «Мне положительно известно, что там существует монархическая организация, предводительствуемая епископом Нестором, — пи-

сала Сизова. — Следовательно, если войти в эту организацию, то можно быть в курсе дел в белогвардейской политике и добывать иногда ценный материал» [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 295. Л. 101—101 об.]. Однако краевой отдел полномочного представительства ОГПУ в ответ на запрос Дальбюро резюмировал, что «использовать указанную гражданку по работе за кордоном по нашей линии не представляется возможным» [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 295. Л. 99].

В отличие от первой русской революции, в которую были вовлечены в основном так называемые профессиональные революционерки, Гражданская война и интервенция на Дальнем Востоке привели к вовлечению в революционную деятельность массы обычных женщин, прежде не связанных с участием в радикальном движении. Имена подавляющего большинства дальневосточниц, участвовавших в революции и Гражданской войне, упомянуты вскользь в воспоминаниях известных революционеров Дальнего Востока и даже в профессиональных исследованиях отмечаются лишь наиболее выдающиеся деятельницы [3; 10; 4]. При этом большинство воспоминаний, даже если они составлены самими участницами, выдержаны в строго формальном стиле и концентрируются на общественной работе, а не на личных мотивах и переживаниях, что характерно для воспоминаний народниц и революционерок 1905—1907 гг., например, Анны Пироговой. Впоследствии при создании образов дальневосточниц, участвовавших в революционных событиях, основной упор делался на проснувшееся классовое чутьё или на стремление отомстить за родственников-мужчин, особо отмечалась жертвенность женщин, принесших на алтарь революции самое дорогое — детей (например, Мария Сибирцева) или свою жизнь. Но чаще всего женщины погибали, будучи не подпольщицами и партизанками, а случайными жертвами белогвардейского и японского террора [6]. Именно стремление освободить родной край от оккупантов стало, на наш взгляд, в годы Гражданской войны основным побудительным мотивом для вступления женщин в революцию, наряду с состраданием к пострадавшим в результате революционной деятельности родственникам. В отличие от

дальневосточниц-революционерок 1905—1907 гг., женщины в этот период мало задумывались о социальной справедливости или достижении равноправия с мужчинами, стремясь просто защитить свой дом и свои семьи. Это не означает отсутствия профессиональных революционерок на Дальнем Востоке в данный период, но большинство вовлечённых в революцию женщин пришло с одной целью — изгнать оккупантов и установить мир на своей земле.

Литература и источники

1. Амфитеатров А. Женщина в общественных движениях России. Женева: Типография Бунда, 1905. 81 с.
2. Брешковская Е. Из моих воспоминаний. I. Ишутин и Каракозов. II. Отец Митрофан. СПб.: Издание Вл. Распопова, 1906. 40 с.
3. Дубинина Л.И. Дальневосточницы в борьбе и труде: Исторический очерк. 1917—1941. Хабаровск: Кн. изд-во, 1982. 176 с., ил.
4. За власть Советов! Сборник воспоминаний участников Гражданской войны в Приморье в 1917—1922 годах. Владивосток: Приморское кн. изд-во, 1957. 348 с.
5. Каторга в Сибири. Извлечение из отчёта Начальника Главного Тюремного управления С.С. Хрулева о служебной поездке в 1909 году, в Иркутскую губернию и Забайкальскую область // Тюремный вестник. 1910. С. 1—71.
6. Красная Голгофа. Благовещенск, 1920. 74 с.
7. Максимова В.Н. Женская политическая каторга и ссылка в Восточной Сибири (1907 — 1917 гг.). Братск: Изд-во Братского гос. ун-та, 2011. 180 с.
8. Пирогова А. На женской каторге // Каторга и ссылка. Кн. 59. М., 1929. С. 147, 151.
9. Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860—1930. М.: РОССПЭН, 2004. 616 с.
10. Этих дней не смолкнет слава… Статьи, очерки и материалы о борьбе за власть Советов в Приморье в 1917—1922 гг. Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1966
11. Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. СПб.: Алетейя, 2007. 544 с., ил.
12. ГАПК (Гос. арх. Приморского края).
13. ГАРФ (Гос. арх. Российской Федерации).
14. РГАСПИ (Российский гос. арх. социально-политической истории).

УДК: 947.084.2(571.6)

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ НАСЕЛЕНИЯ ВЛАДИВОСТОКА В 1917 г.

Т.З. ПОЗНЯК

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, г. Владивосток

Статья посвящена повседневной жизни населения Владивостока в 1917 г. Февральская революция была встречена массовой политической активностью горожан, этот процесс охватил разные слои населения. Однако большинство обывателей, в одночасье ставших гражданами «новой России», были больше озабочены выживанием в условиях экономической разрухи. В революционном году реалиями повседневной жизни были продовольственный, квартирный, санитарно-эпидемиологический, «водяной» и «топливный» кризисы, рост безработицы и преступности. Большинство этих проблем появились во время Первой мировой войны, а некоторые из них были вовсе застарелыми — водоснабжение города, зависимость его от поставок продовольствия из других регионов.

Ключевые слова: Русская революция 1917 г., история повседневности, местное общество, городское самоуправление, безработица, квартирный кризис, «топливный голод», продовольственная проблема, Владивосток

EVERYDAY LIFE OF THE POPULATION OF VLADIVOSTOK IN 1917

T.Z. POZNYAK

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok

The article is devoted to the everyday life of the population of Vladivostok in 1917. The February revolution was met with a mass political activity of the citizens, this process encompassed different segments of the population. However, the majority of the inhabitants, who suddenly became citizens of the “new Russia”, were more concerned about their survival in the face of economic ruin. In the revolutionary year, the realities of everyday life were food, housing, sanitary-epidemiological, “water” and “fuel” crises, rising unemployment and crime. Most of these problems appeared during the First

World War, and some of them were old, for example, the city's water supply, its dependence on food supplies from other regions.

Key words: Russian revolution of 1917, history of everyday life, local society, urban self-government, unemployment, housing crisis, «fuel hunger», food problem, Vladivostok

В год столетнего юбилея Российской Революции неудивителен всплеск исследовательского интереса к этой теме. Каждое обращение к ней открывает всё новые страницы её истории, тем не менее, до сих пор остаётся немало ещё неисследованных проблем, и в первую очередь это касается повседневной истории эпохи, особенно на региональном материале. Если по повседневности Москвы и Петрограда, Урала, Сибири и Европейской части России в годы Революции и Гражданской войны уже появился ряд исследований [1, 2, 9, 13, 22], то с Дальним Востоком в целом и Владивостоком в частности дело обстоит значительно хуже: опубликовано несколько статей, посвящённых тем или иным аспектам указанной темы [3, 11, 12, 16, 17, 18, 21].

Целью статьи является воссоздание повседневной жизни населения Владивостока в эпоху революционных потрясений, ввиду обширности темы будут рассмотрены лишь основные социальные и экономические проблемы жизни жителей города, а также адаптация к ним разных слоёв населения и нижних чинов Владивостокского гарнизона и Сибирской флотилии.

В конце 1916 — начале 1917 г. на Дальнем Востоке не ожидали дальнейшего столь кардинального изменения политической ситуации в стране. Рождество и Новый 1917 год Владивосток отмечал как обычно — танцевальными вечерами и маскарадами во всех крупных залах города, обширной развлекательной программой синематографов, театров. В январе—феврале 1917 г. в местных газетах основными темами были положение на фронтах, деятельность Государственной Думы, пустые полки магазинов и складов, подорожание продуктов питания и забастовка извозчиков против новой таксы, введённой городским самоуправлением [4, 1, 2, 3, 4 янв.; 5, 1, 2, 3, 4 янв.]. В начале 1917 г. журналисты в качестве ведуще-

го настроения местного общества отмечали апатию, уныние, политическое затишье, спад былой благотворительной активности. 1 января 1917 г. в газете «Дальний Восток» в передовице «Новый год» М. Лапин, подводя итоги прошлого года, писал, что с каждой сменой кабинета министров страна ожидала изменения политической атмосферы, но надежды не сбывались, всё было «…закрыто тяжёлой завесой реакционного тумана, ежеминутно уплотняющего свою массу», в которой было «трудно дышать». В этом же номере опубликована пророческая статья А. Лифантьева «1917 год»: «...вот-вот грянет откуда-нибудь еще новый страшнейший удар … Катится громадная лавина и почему-то хочется верить, что в новом 1917 году она упадет и от падения ее великого, апокалипсического содрогнется до основания древний мир. Грянет новый мир и для встречи его можно только страстно желать людям мудрости и истинной человечности…» [4, 1 янв.].

Сведения о Февральской революции в Петрограде поступали во Владивосток, но по распоряжению губернатора военная цензура на них накладывала запрет, и потому первые известия и о революции, и об отречении императора население получило одновременно и только вечером 3 марта. Революция была встречена массовой политической активностью горожан, этот процесс охватил разные слои населения. Важнейшей приметой революционной эпохи стала мобилизация и консолидация общественных сил, их самоорганизация. Эти события и процессы в регионе исследованы достаточно детально [6, с. 87—90].

Несмотря на массовую вовлечённость в общественно-политическую жизнь, большинство обывателей были больше озабочены проблемами выживания. Социально-экономические проблемы, нараставшие в годы Первой мировой войны, в 1917 г. обострились, реалиями повседневной жизни стали продовольственный, квартирный, санитарно-эпидемиологический, «водяной» и «топливный» кризисы.

Положение на продовольственном рынке Владивостока ухудшилось уже в годы Первой мировой войны: наблюдался дефицит отдельных продуктов и предметов первой необходимости. Борьба с дефицитом и дороговизной была во многом прерогативой Вла-

дивостокского городского самоуправления, в первый военный год этими вопросами занимался продовольственный отдел городской управы, с июня 1915 г. — Комиссия для выяснения причин повышения цен на предметы первой необходимости под председательством городского головы [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 706. Л. 3, 527], в марте 1916 г. эти функции перешли к городской Продовольственной комиссии [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 484. Л. 33]. Кроме того, обеспечением повседневных нужд горожан занимались общественные организации, например, местный комитет Всероссийского Союза городов (ВСГ). Первоочередными мерами были определение цен на жизненные продукты и введение такс, сбор сведений о наличных запасах продовольствия, закупка недостающих продуктов и организация продажи их населению через кооперативы, а в случае необходимости и из городских лавок и складов. 29 ноября 1916 г. Владивостокская городская дума приняла Обязательное постановление о введении карточной системы для продажи населению города и дачного района продуктов первой необходимости. Карточная система касалась не всех товаров, а только тех, которые местный комитет ВСГ заготовлял по поручению городской думы и которые специально объявлялись как реализуемые по карточкам через городские продовольственные лавки [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 484. Л. 187]. Городское самоуправление постоянно балансировало на грани интересов населения и торгово-промышленных кругов, на него с одной стороны давило население, требовавшее низких цен и борьбы со спекулянтами, с другой — предприниматели, выступавшие за свободную конкуренцию, против такс [17, с. 177—194].

За годы войны цены на разные группы товаров выросли от 2 до 5 раз, меньше всего цены повысились на таксируемые товары — муку, хлеб, мясо, крупы, картофель. Свою роль сыграли закупка городом продовольствия, создание и поддержка потребительских кооперативов, проверки торговых точек, складов на предмет укрывания товаров и создания запасов и нарушения такс торговцами. Все это позволяло несколько сдерживать инфляцию, хотя и не в той мере, как хотелось бы городскому обывателю. Например, один из самых таксируемых продуктов — печёный хлеб с середины

1915 г. до начала 1917 г. вырос в цене менее чем в два раза. В конце июля — начале августа 1915 г. во Владивостоке печёный хлеб белый стоил за фунт — 6 коп., полубелый — 5, чёрный— 4 коп. [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 706. Л. 504], в марте 1917 г. — 10, 9 и 8 коп. соответственно [4, 2 марта].

Накануне первых известий о событиях в Петрограде местные газеты сообщали о повышении с 1 марта цен на муку местными мукомолами, о росте цен на местном рынке — скотское мясо до 9 руб. за пуд, баранина — до 10 руб., повышении платы за пользование электроэнергией на 7 коп. за квт/час., с 28 до 35 коп. [5, 3 марта].

Смена власти в стране не могла волшебным образом исправить ситуацию на продовольственном рынке Владивостока, который зависел от привоза продовольствия из Амурской области и из-за границы, в первую очередь — из Маньчжурии. За 1917 г. большинство продовольственных товаров на местном рынке выросло в цене от 2 до 8 раз, рост цен зависел от запасов товаров, спроса на них и покупательской способности городского обывателя, в сравнении же с 1916 г. отдельные товары выросли в цене в 10 и более раз. Если же сравнивать с довоенным уровнем цен, то инфляция и вовсе покажется астрономической. К примеру, яйца накануне войны, 2 июня 1914 г., на Семёновском базаре стоили 13 коп. за десяток, мыло — 12 коп., сахар — 14 коп. за фунт, пшеница — 1,15 руб. за пуд, овёс — 80 коп. за пуд, спички — 12 коп. за пачку, к началу 1917 г. яйца, например, выросли в цене в 4 раза, сахар, пшеница и овёс — в 2 раза, к концу же 1917 г. — яйца выросли в цене в 21,5 раза, а спички — в 5—6 раз [4, 2 марта, 19 дек.; РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 442. Л. 5; Д. 706. Л. 15—16].

В прессе подчёркивалось, что «…жизнь в городе дорожает с каждым днём, с каждым часом. С каждым днём всё тяжелее становится влачить дни своего существования нашему обывателю, даже обеспеченному хотя бы средним заработком» [5, 10 февр.]. Со страниц местных газет не сходил образ торговца — «шкуродёра». В иллюстрированном приложении к газете «Дальний Восток» за 12 марта 1917 г. были опубликованы «современные пословицы», как нельзя лучше отражавшие отношение населения к торговцам:

«Семь раз обмерь, один раз продай», «Арест барыша не съест», «Где совесть черней ваксы, там не страшны и таксы», «Для хорошего купца пустяк продать родного отца», «Коли барыши малы, продавай из-под полы» [5, 12 марта].

Областные и городские власти и в революционный год пытались решать продовольственную проблему. В 1917 г. продовольственным делом ведал Министр продовольствия при Комиссаре Приморской области, Приморский областной и городской продовольственные комитеты, в январе 1918 г. были преобразованы в Приморскую областную продовольственную управу, подчинённую земской управе, и городской продовольственный отдел, подчинённый Городскому самоуправлению, последний после чехословацкого переворота перешёл в ведение земской управы [5, 18 марта; РГИА ДВ. Ф. Р-737. Оп. 1. Д. 1. Л. 60-63]. Основные меры борьбы с дефицитом и дороговизной остались прежними: определение запасов, таксирование цен на основные продукты и надзор за их исполнением, закупка продовольствия и реализации через городские лавки и потребительские кооперативы, однако масштабы закупок значительно расширились.

Весной 1917 г. КОБ Владивостока установил таксу на «муку размольную» — 3,11 руб. за пуд., на «сеянку» — 3,72 руб. Однако уже в июне мукомолы Владивостока и Никольска-Уссурийского обратились к Приморскому областному комиссару Временного правительства с просьбой повысить таксу на муку, так как себестоимость размольной муки на мельнице составляла 3,89 руб., а сеянной — 4,04 руб. за пуд. Расходы мукомолов росли из-за повышения жалованья рабочим, роста цен на мешки, уголь и его доставку. В условиях роста цен на пшеницу и убыточности такс они не могли закупать зерно в Маньчжурии. В марте в Харбине пшеница стоила 1,50 руб. за пуд, а в мае — уже 2,24 руб. [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 484. Л. 225, 229—229 об.; 17, с. 177—194].

Критическое положение с мукой во Владивостоке и Никольске-Уссурийском усугубилось решением продовольственных органов закупать зерно самостоятельно и продавать муку по установленным ценам, отдав местным мукомолам только перемол зерна. Панику среди населения и ажиотажный спрос вызвало по-

становление исполнительного бюро КОБ, запретившее с 10 июня 1917 г. выпечку для продажи кондитерских мучных изделий: «… мука раскупается нарасхват обывателями и пекарями из боязни прекращения снабжения в близком будущем, торговцами из тех же, а возможно и спекулятивных соображений». Постановление, видимо, игнорировалось владельцами пекарен, так как Городской Продовольственный Комитет 20 июля и Исполком Совета рабочих и солдатских депутатов (Совет) 27 июля также издали постановления с требованием всем пекарням прекратить с 5 августа выпечку кондитерских изделий всех сортов [РГИА ДВ. Ф. Р-548. Оп. 2. Д. 3. Л. 123, 190, 227].

Негативно на состоянии продовольственного рынка и ценах сказались падение курса рубля и рост железнодорожных тарифов, который хоть и не покрывал фактических расходов железных дорог, но всё же сказался на повышении цен, поскольку, несмотря на неплохой урожай 1917 г., в Приморской области собственных запасов зерна и муки не хватало, и дефицит покрывался поставками из Маньчжурии [6, с. 125—127].

К середине августа 1917 г. в городе сильно подорожали многие продукты питания, ощущалась их острая нехватка и особенно мяса [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 476. Л. 36 об., 37 об.]. Осенью положение на рынке стало критическим, как и в 1915, 1916 гг., повторились эксцессы на Семёновском базаре. Городская продовольственная управа 9 октября 1917 г. попросила Начальника милиции Владивостока назначить наряд милиционеров на базар для поддержания порядка: «На пристани Семёновского базара при покупке картофеля и других овощей первой необходимости, привозимых на шаландах, потребители чинят безобразия в отношении лиц, привозящих и продающих продукты, каковое обстоятельство может повлечь нежелательные последствия, так как торговцы эти в дальнейшем отказываются подвозить продукты потребления, милиционеров же для поддержания порядка в этом районе не имеется» [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 753. Л. 66, 67].

Рост цен и дефицит некоторых продуктов побудил городское самоуправление принять экстренные меры. 25 сентября 1917 г. на заседании Комиссии по введению карточной системы во Влади-

востоке рассматривался план работ и меры по сохранению порядка при выдаче карточек на раздаточных участках и продуктов по карточкам на распределительных пунктах. До 15 октября 1917 г. всем домовладельцам и управляющим домами предложили заполнить «ведомость о населении домовладения» для определения потребного сахара и числа карточек. 1, 2 и 3 ноября выдавали карточки и в этом же месяце приступили к продаже по ним сахара [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 753. Л. 13; Ф. Р-548. Оп. 2. Д. 3. Л. 64, 90].

После Октябрьского переворота в продовольственном деле не произошло существенных перемен: снабжением населения Владивостока занимались прежние органы. Однако из-за снижения курса рубля, нехватки финансов у городского самоуправления и невозможности получения казённых ссуд городской продовольственный комитет вынужден был сократить закупки и подвоз муки и продовольствия из Маньчжурии. В декабре 1917 г. положение с мукой и хлебом во Владивостоке было критическим, запасов в городе не было, а при стоимости зерна в Маньчжурии 11 руб. за пуд для закупки необходимого для города количества требовалось 2 млн руб. [4, 19 дек.].

В 1918 г. для Владивостока планомерные закупки в Амурской области и Маньчжурии через своих уполномоченных осуществляли Приморская областная и городская продовольственные управы, Владивосток в обмен на зерно поставлял в Благовещенск различные товары. Кроме того, город снабжался мукой с собственных складов интендантства, а также со складов в Хабаровске и Черниговке. Ежедневное потребление муки в городе составляло 4500—5000 пудов [РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 246. Л. 35].

Горожане остро переживали дефицит продовольствия и товаров первой необходимости, участились обращения в разные органы власти — Городскую управу, исполком Совета, КОБ — на недобросовестность торговцев, произвольное повышение цен и несоблюдение такс, за помощью, с критикой и предложениями по исправлению продовольственной ситуации в городе [5, 27 апр.; РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 767. Л. 117]. Население изобретало

различные способы уменьшения расходов и дополнительных заработков. Большое значение для решения продовольственных проблем и борьбы с инфляцией приобрело кооперативное движение: потребительские общества создали служащие многих учреждений — почтово-телеграфные, железнодорожные, городского самоуправления и др. Число потребительских кооперативов интенсивно росло в годы Первой мировой войны, в 1913 г. в Приморской области было 3 кооператива, в 1914 г. — 6, в 1915 г. — 17, 1916 г.— 38, в 1917 г. — 197. Потребительские общества Приморской области 19 марта 1916 г. объединились в Приамурский союз кооперативов [7, с. 12, 20]. Стремительно росли ряды членов потребительского общества «Экономист», самого большого в городе, обладавшего не только собственными средствами, но и постоянно получавшего субсидии от города на закупки продовольствия [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 753. Л. 120]. Вступление в потребительские кооперативы и создание кооперативных лавок на предприятиях в 1917 г. захватило Сибирскую флотилию (СФ) и Владивостокский военный порт (ВВП). Среди делопроизводственной документации комитетов разных команд СФ и ВВП встречаются постановления собраний о вступлении в кооперативные лавки или вложения средств в потребительские общества [РГА ВМФ. Ф. 1200. Оп. 12. Д. 240. Л. 9, 13]. Рабочие частных и казённых предприятий организовывали столовые или имевшиеся забирали в распоряжение профсоюзов или рабочих комитетов [4, 12 июня]. Летом 1917 г. во Флотилии была создана Комиссия по заготовке продуктов, председателем избрали подпоручика Филимонова, в неё от рот направили делегатов — пользовавшихся доверием матросов. Комиссия занималась заготовкой овощей на зиму, а излишки продавала семьям военнослужащих по фиксированной цене по установленным нормам [РГА ВМФ. Ф. 1200. Оп. 12. Д. 240. Л. 5, 34—46].

Дороговизна затронула не только продукты питания и предметы первой необходимости, но и цены на городской транспорт, жильё, электричество, вывозку нечистот и пр. В течение 1917 г. Городская дума была вынуждена для пополнения городского бюджета повысить цены на отпускаемое городом электричество, стои-

мость проезда в трамвае, пользование услугами ассенизационного обоза, увеличить налоги [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 500. Л. 24—24 об.; Д. 753. Л. 16—16 об.].

За 1917 г. выросла стоимость проезда на извозчиках, городская дума вынуждена была пойти на пересмотр таксы для них, в течение этого года она изменялась два раза — обязательным постановлением от 27 января 1917 г., утверждённым губернатором в начале февраля, и постановлением от 9 октября 1917 г. Повышение стоимости проезда на извозчике за год составило от 25 до 75% в зависимости от района, менее всего она повысилась в наиболее отдалённые части города — от Луговой до местного лазарета на Эгершельде, от Луговой до мыса Чуркин и Улисс, больше всего — в центральной части города, на Первую речку и в Голубиную падь [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 767. Л. 6 об., 9—10, 22—22 об.].

Неудивительно, что в условиях дороговизны со всех сторон раздавались требования повысить оплату труда. После Февральской революции повышение оплаты труда и восьмичасовой рабочий день трудовыми массами воспринимались как их неотъемлемые права, увеличению числа таких обращений рабочих и служащих или введению их явочным порядком способствовало массовое объединение в профсоюзы.

Уже в марте 1917 г. одними из первых восьмичасовой рабочий день ввели у себя рабочие Владивостокских временных мастерских по сборке вагонов, в начале апреля — за ними последовали мастеровые Владивостокского военного порта [РГА ВМФ. Ф. 967. Оп. 1. Д. 576. Л. 2—4, 25]. В апреле под давлением рабочих и во Владивостокских временных мастерских по сборке вагонов, и во Владивостокском военном порту был поставлен вопрос о повышении с 1 мая оплаты труда, но вышестоящие ведомства — Министерство путей сообщения (МПС) и Главморхоз — были категорически против повышения оплаты труда в одном отдельном предприятии, считая необходимым решать этот вопрос применительно ко всей стране и согласованно. Коллегиальное руководство Владивостокских мастерских по сборке вагонов оплату труда повысило «явочным порядком» с 1 мая 1917 г. Полученная в мастерских 25 июля 1917 г. телеграмма товарища министра Устругова о снижении вве-

дённых самовольно расценок на 20% и перерасчете за май—август вызвала недовольство рабочих и угрозу забастовки [4, 8 авг.; 10, с. 45—47]. Прошение рабочих в Министерство путей сообщения свидетельствует об их тяжёлом положении: «В течение трёхлетнего периода войны цены на предметы первой необходимости повысились с неимоверной быстротой и, наряду с этим, заработная плата рабочих Временных мастерских или не повышалась вовсе, или повышалась очень медленно, далеко не соответствуя росту цен на предметы первой необходимости. В первом полугодии 1916 года рабочий получал в среднем 64 рубля в месяц. Между тем ежемесячное содержание семьи из 3 человек обходилось в 80—90 рублей. До мая 1917 года заработная плата не повышалась, а минимум ежемесячного содержания в мае возрос до 136 рублей для такой же семьи на 3 человека». Обострение обстановки в мастерских вызвало череду митингов и собраний, на которых раздавались требования передачи всей власти Совету, переходу от рабочего контроля к национализации предприятия. В мастерских в эти дни был создан отряд Красной гвардии, в который записалось до 2 тыс. чел. [10, с. 47].

Подобные же действия в конце апреля предприняли рабочие Владивостокского военного порта и также получили отказ из Петрограда и приглашение участвовать в специальной Комиссии, где будет решаться вопрос повышения оплаты труда [РГА ВМФ. Ф. 967. Оп. 1. Д. 576. Л. 58, 121]. Решение вопроса в Петрограде сильно затянулось, и 16 августа Комиссия Союза вольнонаёмных служащих порта решила «…оклады жалованья вольнонаёмным служащим определять непосредственно на местах Союзами с утверждением Центрального Бюро Профессиональных Союзов и Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, впредь до перехода Государства на мирное положение и выработки закона или распоряжения Временного Правительства о порядке определения стоимости труда рабочего класса» [РГА ВМФ. Ф. 967. Оп. 2. Д. 344. Л. 14]. 26 сентября 1917 г. Исполком Совета утвердил нормировочную расценку вольнонаёмным служащим порта, рабочим же — содержание было увеличено Циркуляром командира порта от 9 октября 1917 г.: «…с 1 октября производить оплату поденным рабочим

по 4 р. 50 коп. в день, а мальчикам — 2 р. 50 к., выше 15 лет по виду определять как взрослых» [РГА ВМФ. Ф. 967. Оп. 1. Д. 576. Л. 317 а; Оп. 1. Д. 342. Л. 5].

Служащие городского самоуправления объединились в Союз, который осенью 1917 г. избрал стачком и стал выдвигать требования повышения оплаты труда. 9 и 10 декабря 1917 г. состоялось заседание Комиссии по рассмотрению их требований. Она признала, что материальное положение служащих необходимо улучшать, но учитывая тяжёлое положение городских финансов сделать служащим с 1 декабря 1917 г. временные надбавки в зависимости от получаемого оклада, с 1 января же 1918 г. провести сокращение, ввести новые штаты и нормировку оплаты труда служащим. Однако служащие под угрозой забастовки настаивали на немедленном повышении оплаты труда всем служащим [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 746. Л. 112—113].

Требования рабочих и служащих повысить оплату труда повсеместно натыкались на нежелание предпринимателей удовлетворить их экономические требования, нередко дело доходило до забастовок, для разрешения спора конфликтов дела передавались во Владивостокский Совет, который создавал примирительные камеры [5, 19, 20 мая]. Большевики, поддерживая требования рабочих о введении восьмичасового рабочего дня и повышении оплаты труда, зарабатывали популярность среди трудящихся масс и использовали эту проблему как повод для создания образа врага в лице местной буржуазии и обострения классовой розни.

Одной из острейших проблем революционного времени стал так называемый «квартирный вопрос». Рост цен на аренду квартир и проблемы с поиском недорого жилья во Владивостоке начались уже в 1915 г. [РГА ВМФ. Ф. 967. Оп. 1. Д. 479. Л. 199—205], в ноябре 1916 г. городские власти констатировали наличие в городе «квартирного кризиса» и в качестве одного из путей решения проблемы предложили «…отвлечение части городских жителей из непосредственных пределов городской территории» и поселение их в пригородах [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 490. Л. 8—11 об.]. Революция не способствовала смягчению квартирного кризиса. Домовладельцы во Владивостоке, как и по всей стране, требовали

«непомерной квартирной платы», квартиронаниматели в условиях постоянного роста цен на все потребительские товары были не в состоянии оплачивать жильё и задерживали оплату, мировые суды были завалены взаимными тяжбами. 5 августа 1917 г. Временное правительство издало Постановление «Об установлении предельных цен на квартиры и другие помещения», которое отменяло действие предыдущего закона 27 августа 1916 г. Оно устанавливало предельные цены на квартирные помещения, койки и углы с принадлежностями (отоплением, освещением, меблировкой и пр.) и без них в городах и селениях [19, с. 1—13].

Взаимное недовольство домовладельцев и квартиронанимателей привело к их самоорганизации, созданию союзов и обществ, призванных защищать права и интересы той и другой стороны. Союз квартиронанимателей был создан во Владивостоке в мае—июне 1917 г., Союз домовладельцев — в августе—сентябре 1917 г. [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 758. Л. 1—9; Д. 783. Л. 30, 40 г].

Городское самоуправление принимало меры по выходу из кризиса, и, в частности, руководствуясь вышеуказанным постановлением Временного правительства, создало несколько специальных органов. На заседании думы 25 сентября 1917 г. была создана Примирительная камера для разрешения споров домовладельцев и квартиронанимателей, к реальной работе она приступила только в ноябре 1917 г. С начала года при городской думе действовала Жилищная комиссия из гласных, 1 октября 1917 г. Особое совещание по жилищному вопросу постановило пополнить её представителями от Исполкома и военной секции Совета, инженерного ведомства, ЦК СФ, Исполкома ВВП, военного ведомства, Союзов домовладельцев и квартиронанимателей, солдаток и при участии Областного Комиссара [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 783. Л. 1—20, 233]. На заседании этой Объединённой жилищной комиссии 3 ноября 1917 г. в её составе было создано Квартирное бюро. Обилие органов, зачастую дублирующих друг друга, не помогало решению проблемы, знакомство с документами того времени создаёт стойкое ощущение, что вместо реальных дел превалировало создание структур, их бесконечные заседания, принятие постановлений, которые населением попросту игнорировались [18, с. 335—342].

Городские власти изобретали разные способы, могущие, по их мнению, хоть как-то разрешить «квартирный кризис» — сдача горожанам в аренду городской земли для строительства домов, приспособление под квартиры казарм. 9 октября 1917 г. дума постановила просить Временное Правительство разрешить реквизицию помещений. Временное правительство вскоре было свергнуто, и дума, не дождавшись принятия запрашиваемого закона, издала постановление на свой страх и риск [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 783. Л. 4, 9—9об., 12, 64—64 об.]. Но на практике его начали применять уже в 1918 г.

Жилищные и социальные проблемы в городе усугублялись постоянным притоком беженцев. Все свободные помещения в городе давно были заняты, под жильё переделана часть воинских казарм, помещения военного ведомства, отведённые беженцам в Гнилом углу в 1915 г., к осени 1917 г. были переполнены. Осенью «жилищная нужда» приняла «угрожающие формы», прибывавшие в город вынуждены были неделями жить на вокзале, где скопилось уже немало народу, и сложилась антисанитарная обстановка. 5 декабря 1917 г. дума приняла постановление № 224 «Об открытии временного ночлежного дома в здании гарнизонной гауптвахты [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 753. Л. 55, 221].

Ещё одной социальной проблемой 1917 г. стал рост безработицы. Летом в городе обычно происходило увеличение спроса на рабочие руки из-за роста объёма портовых и строительных работ, однако в 1917 г. даже летом число безработных быстро росло, к осени положение стало критическим: в конце августа в городе насчитывалось 3000 безработных, в сентябре — 4000, на 1 октября — уже 7000. В июле Владивостокский Совет организовал биржу труда, её заведующим назначили К.А. Суханова. 16 сентября 1917 г. общее собрание Совета обсуждало вопрос «О надвигающейся безработице», 18 октября — проблема безработицы стала одним из вопросов на конференции профсоюзов [8, 1 июля, 27 сент., 22 окт.; 10, с. 41—42].

По примеру Петрограда и Москвы, закрывших к себе въезд, осенью во Владивостоке также пытались ограничить приток беженцев и лиц, ищущих работу. В местных газетах было опубли-

ковано совместное «Обращение» Областной земской и городской управ и объединённого исполкома Совета: «С наступлением зимнего времени и прекращением прихода иностранных пароходов, в городе Владивостоке все острее и острее чувствуется безработица. В Биржу труда ежедневно являются сотни людей, ищущих работу. Слухи о баснословных заработках во Владивостоке привлекают сюда рабочих из области и из центра России. Одновременно с наплывом людей всё острей и острей становится квартирный кризис. Всё, что можно приспособить под жильё, приспособлено. Приезжающим приходится ютиться по целым неделям в переполненном людьми вокзале. Но если и дальше так будет продолжаться, то и на вокзале не будет места, и вновь прибывающие рискуют при зимних морозах остаться без всякого крова. Существующие здесь организации — Городская Дума, Объединённый Исполнительный Комитет С.Р.С. и Кр. Депутатов, Центральное бюро профессиональных союзов делают всё от них зависящее, чтобы помочь населению найти кров и работу. Но эти организации считают своим долгом заявить, что им стоит больших трудов устраивать уже осевшее во Владивостоке население; поэтому они слагают с себя всякую ответственность за то, [что] если вновь прибывшие останутся без работы и без квартиры…» [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 753. Л. 193].

Осенью 1917 г., как и в предыдущую зиму, над городом нависла угроза «топливного голода». Положение осложнилось ранним наступлением холодов, 9 октября 1917 г. городские власти вынуждены были принять постановление, обязывающее домовладельцев отремонтировать свои дома и принять меры к утеплению жилых помещений до наступления отопительного сезона, но не позднее 15 октября [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 783. Л. 11]. Ввиду ранних холодов власти города и области уже в сентябре 1917 г. озаботились нехваткой топлива и быстрым ростом цен на дрова и уголь. Основной причиной был недостаток вагонов, поставляемых под погрузку угля на пригородных копях, и перебои в работе Сучанских рудников. В сентябре 1917 г. было решено организовать Комиссию по обеспечению гор. Владивосток и края углём, в состав которой пригласить представителей властных структур, железной дороги, общественных организаций, включая Съезд горнопромышленни-

ков. Её задачами было обеспечение Владивостока и края топливом и определение цен на него. В этих целях Комиссия посчитала необходимым учредить надзор над производством и распределением угля на копях, способствовать снабжению рудников необходимыми материалами и продовольствием, а также поставке достаточного количества вагонов. Главная проблема заключалась в подаче на рудники необходимого количества вагонов, поэтому Комиссия постановила: ходатайствовать «…перед Китайско-Восточной железной дорогой о предоставлении под уголь, в месяцы наибольшего спроса, до 40 вагонов в сутки», а также собрать сведения о получении вагонов от Владивостокских временных мастерских по сборке вагонов. Кроме того, было решено в периоды наибольшего спроса, для обеспечения углём всех потребителей, войти в соглашение с различными ведомствами и в острый момент распределить весь уголь равномерно, а также обратиться к Морскому ведомству с просьбой в случае крайней надобности разрешить выпустить в продажу со своих складов часть запасов угла. Поскольку Сучанские рудники поставляли на рынок половину потребляемого в крае угля, Комиссия поручила её председателю А.С. Разинкову «…предоставить полный и беспристрастный доклад о положении Сучанских копей» [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 753. Л. 11—12]. Несмотря на попытки комиссии решить проблему, топливный кризис осенью 1917 г. стал реальностью. В конце ноября городской голова был вынужден просить Владивостокский военный порт продать свои запасы топлива для городских нужд. Участились обращения разных учреждений и обществ в городскую управу о выделении топлива по льготным ценам или просто отпустить его ввиду отсутствия на местном рынке [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 753. Л. 147—148, 168].

И даже природа отвернулась от жителей Владивостока, ко всем прочим бедствиям присоединился ещё и «водяной голод». Нехватку воды город ощутил зимой 1913/14 г., 1914/15, 1915/16 и 1916/17 г., даже, несмотря на периодические летние наводнения, например, в 1915 г., засушливая осень приводила к «водяному голоду» зимой. В тяжёлом положении было не только население города, но и железная дорога, Владивостокский военный порт и

Сибирская флотилия. КВЖД не хватало воды для заправки паровозов, тем более что работа Временных мастерских по сборке вагонов резко увеличила потребность железной дороги в воде, в результате Управление КВДЖ, водопровод которой питался водой из Первой речки, ранее отпускавшее воду городу и порту, перестало это делать в виду нехватки воды для собственных потребностей. Модернизация военного порта также вызвала повышенный спрос на воду — заправки водой требовали суда Сибирской флотилии, ледоколы, 30 береговых и плавучих кранов. Воды требовали оснащённые паровым отоплением, водопроводом, ванными офицерские флигеля и другие здания морского ведомства. Зимой 1915/16 г. начальник Владивостокского торгового порта был вынужден возить воду из Японии пароходами Добровольного флота по 1 руб. за тонну. В зимы 1915/16, 1916/17 гг. командир порта отвлекал ледоколы от непосредственных обязанностей по колке ледового покрова в заливе Золотой Рог и проводке судов для прорубания льда в Амурском заливе ко Второй речке и закачке воды насосами через шланги на борт [РГА ВМФ. Ф. 967. Оп. 2. Д. 324. Л. 3—5 об., 7—9].

В предреволюционные месяцы положение было столь же катастрофическим, уже к январю 1917 г. в Сибирской флотилии стояла угроза питания котлов на судах забортной водой, снабжение зданий порта и флотилии водой из водопровода снизилось до минимума, 100-тонный плавучий кран с начала января работал не в полную силу. Командир порта прилагал неимоверные усилия, чтобы обеспечить порт и флотилию водой: с конца осени ввели в порту и флотилии строгую экономию воды, на Первой речке устроили дополнительную временную водокачку, задействовали все старые колодцы, найдя на Улиссе и Диомиде большие ямы, заполненные водой, проложили к ним временные трубопроводы и выкачали из них всю воду [РГА ВМФ. Ф. 967. Оп. 2. Д. 570. Л. 21—22, 29, 32, 36—44].

В городе и в порту закрывались бани, жителям города, особенно окраин, уменьшилась до крайности доставка воды водовозками и водоносами [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 767. Л. 65 об.]. Жители Рабочей слободки жаловались на нехватку воды и рост цен на неё. В середине мая 1917 г. городская управа арендовала у

З.И. Излетова в Рабочей слободке 2 колодца для бесплатного отпуска воды жителям нижней части слободки, для жителей верхней части были установлены 4 пункта выдачи воды — угол Тобольской и 12-й Рабочей улиц, угол 10-й Рабочей и Селенгинской, Работный дом, угол Ботанической и 7-й Рабочей. Китайские прачечные из-за недостатка воды отказывались брать бельё в стирку. Владивостокские газеты были полны заметками и карикатурами на тему водяного голода [5, 19 мая].

Гласный А.Ф. Лаговский на заседании городской думы 18 августа 1917 г. предрекал, что, если не принять срочных мер, следующая зима станет такой же катастрофической, как и предыдущие. Правлением КВЖД спешно строились паровозосборочная мастерская в Гнилом Углу и временный водопровод со Второй Речки для снабжения их водой. Лаговский предлагал вложить городские средства, чтобы временный водопровод был приспособлен к подаче воды из Второй Речки «…в излишнем количестве против потребности мастерских для использования этих излишков на нужды жителей города» [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 767. Л. 65—66]. 1 сентября 1917 г. дума поручила управе принять меры для заключения займа в городском общественном банке на устройство водопровода 200 тыс. руб., технико-строительной комиссии — сделать детальную разработку проекта о водопроводе, финансовой комиссии — составить финансовый план займа и предложения по эксплуатации водопровода, управе разрешила израсходовать из текущих средств на предварительные работы по проектированию до 5000 руб. и заключить условие на приобретение труб [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 767. Л. 71 об.]. Однако обострение финансового положения города не позволило претворить эти планы в жизнь.

Ко всему прочему добавились катастрофическое состояние городских улиц, периодические отключения в городе электричества, остановки трамвая. Основной причиной была изношенность оборудования электрической станции, необходимость закупки его в Японии и нехватка средств в городской казне. Город пытался решить эту проблему и обратился к Временному правительству с просьбой выделить валюту для расчёта с японской фирмой, но безрезультатно.

Сильно осложняло жизнь горожанина обострение криминальной ситуации. Владивосток и ранее не был спокойным городом — полицейские сводки и до войны, и в годы войны пестрели сообщениями о многочисленных кражах, выявлении опиекурилен и банковок, многочисленных случаях задержания контрабанды спиртного и пьяных на улицах, теперь же к ним прибавились и тяжкие преступления — грабежи и убийства. По данным полицейской статистики, за 1912 г. во Владивостоке было совершено 2815 преступлений, за 1913 г. — 2886, за 1915 г. — 2796, за 1916 г. — 2344 [14; 15; РГИА ДВ. Ф. 515. Оп. 2. Д. 196. Л. 121 об.; Д. 204. Л. 12]. Небольшое падение уровня преступности в военные годы в полицейских отчётах объяснялось мобилизацией военнослужащих, уменьшением численности населения, запретом продажи спиртных напитков. Полицейская статистика за 1917 г. разрознена, поэтому доказательно говорить об увеличении или падении уровня преступности в революционный год невозможно. Судя по разделам «Происшествия», «Хроника» в местных газетах, в первый революционный месяц уровень преступности оставался таким же, как в 1916 г., по-прежнему, среди происшествий преобладали кражи — мелкие и крупные, достаточно редкими были ограбления и избиения, бытовые убийства, но уже к концу месяца начали, видимо, сказываться последствия амнистии, когда из тюрем были выпущены не только политические, но и уголовные преступники, появляются упоминания об участиях в кражах воров-рецидивистов, выпущенных из тюрем Владивостока и Никольска-Уссурийского, ограбления на окраинах [5, 9, 18 марта]. В конце апреля город потрясли несколько громких преступлений — убийство нотариуса Бужко и вооружённое ограбление конторы Скидельского. Осенью 1917 и особенно в 1918 г. город всколыхнули сообщения об ужасающих преступлениях, совершенных лицами, одетыми в солдатские шинели.

Меры по охране порядка в городе были приняты фактически сразу с образованием новой власти, при образовании КОБ была создана и секция по преобразованию полиции в милицию. 19 марта 1917 г. Исполком Совета рабочих и военных депутатов (Совет) издал постановление № 154, согласно которому «…все полицей-

ские чины немедленно заменяются воинскими чинами и милиционерами из граждан. Меру эту поручено привести в исполнение Члену Исполнительного Комитета штабс-капитану флота Петру Ивановичу Калинину. Все его распоряжения должны исполняться беспрекословно». В этот же день городской КОБ во все полицейские участки города ввёл милицию [РГИА ДВ. Ф. Р-548. Оп. 2. Д. 1. Л. 3]. Замена состава — увольнение нижних чинов и служащих полиции и пополнение новыми кадрами из военнослужащих — происходила весь 1917 г. Основные замены совершились в течение апреля, но и летом 1917 г. в приказах начальника городской милиции упоминаются увольняемые в отставку бывшие служащие полиции [РГИА ДВ. Ф. Р-548. Оп. 2. Д. 3. Л. 248, 262—266].

На заседании Исполнительного бюро КОБ 26 апреля заслушали доклад начальника милиции и постановили «…в виду участившихся случаев грабежей и вооружённых нападений» «…принять ряд экстренных мер: 1) усилить состав милиции и сыскного отделения, войдя с ходатайством в Городскую думу об ассигновании на это в экстренном порядке, 2) снестись с Комендантом крепости о порядке пешей и конной стражи, 3) оповестить население о принятых мерах» [5, 27 апр.; РГИА ДВ. Ф. Р-548. Оп. 2. Д. 1. Л. 1].

Причин быстро ухудшающейся криминальной обстановки было несколько: амнистия, ухудшение социально-экономического положения беднейших слоёв населения, рост безработицы, замена полиции военной милицией, чины которой не всегда добросовестно относились к своим обязанностям, а уровень их профессионализма и компетентности явно уступал полицейским [РГИА ДВ. Ф. Р-548. Оп. 2. Д. 3. Л. 36, 43, 51—52, 70, 116, 131, 153—154, 168, 172, 176—177, 186, 200, 201—204, 214—216, 222, 237, 239, 251, 257—258, 262, 278 об.]. Но глубинной причиной было повальное падение нравов, всеобщее пренебрежение социальными нормами — явление обычное в эпохи безвластия и социально-политических кризисов. Падение старого режима и предоставление политических свобод населению и гражданских прав военнослужащим дало городскому обывателю, солдатами и матросам ощущение свободы, которое зачастую оборачивалось настроениями вседозволенности и безнаказанности. Падение дисциплины и разложение нравов ох-

ватило армию и флот, они перестали признавать власти, проявляли хамство и неуважение к офицерам. Солдаты и матросы, самовольно уклонявшиеся от службы, бесцельно слонялись по улицам и собирались в публичных местах [РГА ВМФ. Ф. 1200. Оп. 3. Д. 657. Л. 203—204].

Бросающейся в глаза приметой революционного года стало антисанитарное состояние даже центральных городских улиц, причины были те же — падение дисциплины, ощущение безвластия и вседозволенности, усугублявшиеся тяжёлым финансовым положением как городской казны, так и обывателя. Приказы по Владивостокской городской милиции с требованиями начальникам участков и милиционерам обязать домовладельцев содержать улицы и дворы в чистоте повторялись настолько часто, что создаётся впечатление, что они игнорировались и милицией, и домовладельцами: 27 и 29 марта, 12, 14, 21 апреля, 3 мая, 29 сентября, 17, 18 октября [РГИА ДВ. Ф. Р-548. Оп. 2. Д. 3. Л. 77, 78, 120, 214, 254, 256, 262, 276, 278].

Несмотря на политизацию общественной жизни и увеличение экономических и социальных проблем весь революционный год в городской повседневности сохранялись привычные островки. В условиях бесконечной череды митингов и собраний, в заботах о хлебе насущном, казалось бы, у горожан не должно было оставаться ни времени, ни сил на развлечения, но нет — город жил обычной жизнью — проходили заседания родительских комитетов и попечительских советов учебных заведений, благотворительных обществ, горожане занимались спортом, участвовали в народных гуляниях в городских садах, устраивали пикники в дачной местности, посещали театры, иллюзионы, рестораны и кафе.

Справиться с экономическими трудностями, отвлечься от невзгод горожанам помогал синематограф и театр, кафе-шантаны, рестораны, кабаре. Популярным развлечением стали кегельбаны и биллиард, где, судя по приказам по Владивостокской городской милиции, играли на деньги, а владельцы кегельбанов не гнушались «…употреблять при игре незаконные способы заведомого обыгрывания посетителей». Милиционерам предлагалось следить, чтобы

заведения закрывались не позднее 12 ночи и указанные махинации не производились [РГИА ДВ. Ф. Р-548. Оп. 2. Д. 3. Л. 131 об., 139 об.].

Популярность и посещаемость синематографа била все рекорды, местные журналисты отмечали, что театр не в состоянии с ним конкурировать. В августе 1917 г. большой наплыв публики вызывали картины с её любимцами — «всемирной красавицей Франческо Бертини в сильной драме «Страстные песни любви и печали», комедии с участием Чарли Чаплина, в драме «Когда заговорит сердце с участием «несравненного гимнаста Гаррисона, умершего от разрыва сердца». Популярными были фильмы на злобу дня — о революции — правда, не российской, а французской. В начале августа в общедоступном театре братьев Малеванных шёл фильм «За свободу и родину» — «…драма семьи на мрачном фоне революции и Коммуны во Франции» [5, 9 авг.].

Театр наводнили прежде запрещённые произведения (часто весьма провокационного или скабрезного содержания), публика заполняла театральные залы из любопытства или чтобы быть в курсе новых веяний. Далеко не все восприняли такой «культурный поворот». 29 марта 1917 г. Э. Прей написала своей золовке Саре: «Минувшим вечером Тэд ходил в театр, чтобы посмотреть пьесу под названием «Черные вороны» — пьесу, которая прежде никогда не разрешалась и представляет собой такую ужасную вещь, показывая монахов и монахинь. Может быть, это и правда, но мне кажется, что крайне неразумно выставлять такие вещи на обозрение пребывающему в неведении населению в такое время. Не подлежит сомнению, что подобное имеет место, но, должно быть, есть и хорошие монахи, и монахини. Пьеса прошла уже три или четыре раза при переполненном зале» [5, 14, 17 марта; 20, с. 349].

Революционный год ознаменовался появлением новых праздников, новых героев и новых обрядов, которые мирно уживались с традиционными религиозными. 12 марта 1917 г. город отметил «Праздник революции» парадом и шествием, панихидой по погибшим революционерам на Покровском кладбище, гражданской панихидой представителей социалистических партий в Народ-

ном доме. А в православных церквях, еврейском и армянском молитвенных домах отслужили панихиды по павшим борцам за свободу и молебны о даровании русскому воинству победы над внешним врагом и здравия Временному правительству [5, 12, 14 марта].

Горожане продолжали участвовать, хотя и с меньшим энтузиазмом, в благотворительных мероприятиях — лотереях-аллегри, кружечных сборах [4, 10 июня; РГИА ДВ. Ф. Р-548. Оп. 2. Д. 3. Л. 217]. Веянием нового революционного времени стало увлечение сбором средств на социалистические партии и для лиц, пострадавших от царских репрессий, политэмигрантам, книг школам и библиотекам для солдат и матросов, при этом постепенно угасал интерес к пожертвованиям на нужды семей воинов и детей, оставшихся без призрения кормильцев [5, 17 марта, 9 авг.]. На страницах местных газет вернувшиеся с войны солдаты и инвалиды жаловались, что общество и население совершенно потеряло интерес и не помогает им. Автор письма в редакцию «О них не слова» сетовал, что во время манифестации 12 марта в кружки собирали средства на нужды «освободительных учреждений» и совсем забыли о раненых и семьях воинов, призванных на войну и убитых [5, 15 марта]. По предварительным подсчётам сбор 12 марта во время Праздника Свободы составил 14 тыс. руб. Однако представители социалистических партий также жаловались, что у них не было средств, кроме собранных «…самообложением, а социалистическое бюро остро нуждалось в средствах для устройства возвращающихся с каторги и ссылки политических ссыльных и политэмигрантов» [5, 18 марта].

В марте 1917 г. прекратил свою работу Владивостокский комитет помощи беженцам ввиду отсутствия средств для удовлетворения нужд беженцев и желающих работать в комитете, его руководство попросило городскую управу принять их под своё покровительство или передать дела другой общественной организации. 17 марта на заседании городской думы дела были переданы Владивостокскому отделу Всероссийского союза городов [5, 15, 16, 18 марта]. Сложности со сбором средств привели к закрытию в начале 1918 г. старейшего общества города — Владивостокского бла-

готворительного, у него не осталось денег на содержание детского приюта и богадельни. Продолжало работать, но также испытывало трудности со средствами Правление Владивостокского отделения Всероссийской лиги по борьбе с туберкулёзом. 29 мая 1917 г., как и в предыдущие четыре года, общество открыло детскую колонию около ст. Океанская, куда приняла 36 детей со слабым здоровьем из беднейших семей города. Для сбора средств 29 июня общество запланировало в Адмиральском саду лотерею-аллегри и обратилось к горожанам с просьбой пожертвовать предметы для лотереи [4, 10 июня].

Толпы беспризорных детей стали обычным явлением на городских улицах, ночевали они на городском вокзале, летом 1917 г. Совет организовал детский приют на Русском острове, куда были помещены беспризорные дети, а также воспитанники закрытого архиерейского приюта. Однако содержание приюта осложнялось отсутствием средств, и Совет уже в 1917 г. поставил вопрос о передаче приюта городскому самоуправлению. Управа ходатайствовала перед Городской думой об ассигновании из городских средств на ноябрь и декабрь на содержание приюта 14000 руб. 7 декабря 1917 г. дума постановила средства отпустить [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 781. Л. 1—2, 5—6, 10, 14—26, 44—45; Ф. Р-534. Оп. 2. Д. 22. Л. 146—148].

Февральская революция сопровождалась массовой политической активностью горожан, этот процесс охватил разные слои населения, однако большинство обывателей, в одночасье ставших гражданами «новой России», были больше озабочены проблемами выживания в условиях всё обострявшихся социально-экономических проблем. В революционном году реалиями повседневной жизни стали продовольственный, квартирный, санитарно-эпидемиологический, «водяной» и «топливный» кризисы, рост безработицы и преступности. Эти проблемы появились не в 1917 г., а во время Первой мировой войны, а некоторые из них городское самоуправление не могло решить долгие годы. Приморская область и Владивосток не обеспечивали себя собственными продуктами, а зависели от поставок продовольствия из других регионов — из-за границы, Амурской области, Европейской части страны, загружен-

ность железной дороги военными грузами сразу превратила эту зависимость в слабое место. Начавшееся в годы войны ухудшение условий жизни горожан продолжало углубляться — дефицит некоторых товаров и рост цен на продовольствие, транспорт, жильё, нехватка воды и топлива, грязь на городских улицах, постоянная угроза быть ограбленным усиливали настроение безнадёжности и разочарования революцией, но, справедливости ради, в свете дальнейшего развёртывания ситуации необходимо сказать, что революционный год был не самым худшим для жителей Владивостока, инфляция ещё не превратились в гиперинфляцию, экономические неурядицы не достигли своего апогея, самый жестокий квартирный кризис с уплотнениями и реквизициями был впереди, в городе ещё не произошли политические перевороты с многочисленными жертвами перестрелок и последовавших репрессий. До дна было далеко, но обыватель жил здесь и сейчас и, к счастью или несчастью, не мог предвидеть будущее, и ситуация 1917 г. подчас казалась ему невыносимой.

Литература и источники

1. Аксенов В.Б. Повседневная жизнь Петрограда и Москвы в 1917 году. Дис. … канд. ист. наук. М., 2002. 231 с.
2. Архипов И.Л. Общественная психология петроградских обывателей в 1917 году // Вопросы истории. М., 1994. № 7. С. 49—58.
3. Власов С.А. Повседневная жизнь жителей Владивостока в годы Гражданской войны и интервенции (1918—1922) // Гражданская война и иностранная интервенция на российском Дальнем Востоке: уроки истории. Материалы второй междунар. науч. конф., посвященной 90-летию окончания Гражданской войны и иностранной интервенции на российском Дальнем Востоке. Владивосток: ДВФУ, 2012. С. 234—237.
4. Далекая окраина. Владивосток, 1917.
5. Дальний Восток. Владивосток, 1917.
6. Дальний Восток России в период революций 1917 года и Гражданской войны. Владивосток, 2003. 632 с.
7. Иващенко В.К. Потребительская кооперация Дальнего Востока в дореволюционный период (1897—1917 гг.) // Очерки истории потребительской кооперации Дальнего Востока. Учебное пособие. Новосибирск, 1969. С. 5—28.
8. Известия Владивостокского Совета рабочих и солдатских депутатов. Владивосток, 1917.

9. Кокоулин В.Г. Повседневная жизнь Томска в 1917—1919 годах // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010. Т. 9. Вып. 1. С. 141—150.
10. Куцый Г.С. Борьба профсоюзов за установление власти Советов в Приморье (март—ноябрь 1917 г.). Владивосток, 1963. 148 с.
11. Лазарева С.И. Государственная и общественная помощь населению в городах Дальнего Востока в годы Первой мировой войны (1914—1917 гг.) // Россия и АТР. 2015. № 1 (87). С. 58—68.
12. Мухачёв Б.И. Политическая деятельность Владивостокской городской думы в марте 1917 — июле 1918 гг. // Известия Российского государственного исторического архива Дальнего Востока: Сб. науч. трудов. Владивосток, 1998. Т. III. С. 158—168.
13. Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917—1922 гг. М., 2001. 632 с.
14. Обзор Приморской области за 1912 год. Владивосток, 1914. Прил. 9.
15. Обзор Приморской области за 1913 год. Владивосток, 1915. Прил. 8.
16. Позняк Т.З. Динамика общественных настроений в городах российского Дальнего Востока в годы Первой мировой войны// Вглядываясь в прошлое: Мировые войны XX века в истории Дальнего Востока России. Владивосток: ДВО РАН, 2015. С. 141—176.
17. Позняк Т.З. Борьба с дефицитом и дороговизной в городах российского Дальнего Востока в годы Первой мировой войны // Дальний Восток России и страны Восточной Азии накануне и в годы Первой мировой войны. Владивосток, 2016. С. 177—194.
18. Позняк Т.З. Квартирный кризис во Владивостоке в годы революции 1917 г. и Гражданской войны // Владивосток — точка возвращения: Прошлое и настоящее русской эмиграции. Материалы второй междунар. науч. конф. 12—14 октября 2016 г., Владивосток. Хабаровск: ДВЮИ МВД, 2017. С. 335—342.
19. Постановление Временного правительства 5 августа 1917 года «Об установлении предельных цен на квартиры и другие помещения». Томск, 1917. 13 с.
20. Прей Э.Л. Письма из Владивостока (1894—1930) / под ред. Б. Ингемансон. Пер. А.А. Сапелкина. Владивосток, 2008. 448 с.
21. Тригуб Г.Я. Местное самоуправление на Дальнем Востоке России в период Гражданской войны и интервенции // Ойкумена. Владивосток, 2007. № 3 (4). С. 64—80.
22. Шевелев Н.Д. Томск в годы Гражданской войны: власть, общество, повседневность // Труды ТГУ. Серия. Историческая. 2005. Т. 267. С. 54—75.
23. РГИА ДВ (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока).
24. РГА ВМФ (Российский государственный архив Военно-морского флота).

УДК: 947.083(571.6)

«СТОЯТЬ НА СТРАЖЕ ОБЩИХ НУЖД ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ТОРГОВЛИ»: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЛАДИВОСТОКСКОГО БИРЖЕВОГО КОМИТЕТА ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИЙ 1917 г.

О.А. УСТЮГОВА

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, г. Владивосток

В статье рассматривается деятельность Владивостокского биржевого комитета по содействию торговле и промышленности в условиях революционных преобразований 1917 г. Биржевой комитет принимал активное участие в организации продовольственного снабжения и урегулировании рабочего вопроса. Представительские функции выполнялись им посредством делегирования своих членов в состав государственных и общественных организаций, подачи ходатайств о внесении изменений в законы, участия в работе согласительных совещаний и комиссий.

Ключевые слова: Дальний Восток России, революции 1917 г., Владивостокский биржевой комитет, промышленность, торговля.

«TO STAND ON GUARD OVER THE COMMON NEEDS OF INDUSTRY AND TRADE»: THE ACTIVITIES OF THE VLADIVOSTOK EXCHANGE COMMITTEE DURING THE REVOLUTIONS OF 1917

O.A. USTYUGOVA

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok

The article deals with the activities of the Vladivostok exchange committee on support of trade and industry under the conditions of revolutionary transformations of 1917. The Exchange committee took an active part in organizing the food supply and settling the labour question. The representative functions of the committee were carried out by delegation of its members to state and public organizations, petitions for amendments to laws, participation in conciliation meetings and committees.

Key words: The Russian Far East, revolutions 1917, Vladivostok exchange committee, industry, trade.

1917 г. стал для России годом крупных политических и экономических событий исторической важности, оказавших большое влияние на местную общественную и торгово-промышленную жизнь. В начале марта 1917 г. во Владивостоке стало известно о февральской революции. Биржевой комитет получил от председателя Государственной думы М.В. Родзянко и товарища председателя Съезда Советов биржевой торговли Н.Н. Изнара телеграммы, уведомлявшие о происшедших событиях, с призывом к энергичной творческой работе и поддержке нового строя на местах. 6 марта 1917 г. было созвано чрезвычайное общее собрание членов биржевого общества, на котором огласили обе телеграммы, а также отправили ответную — М.В. Родзянко и приветственную — председателю Совета министров Г.Е. Львову и министру торговли и промышленности А.И. Коновалову. Общее собрание постановило оказывать активную поддержку Временному правительству и Владивостокскому комитету общественной безопасности (КОБ), избрав в состав последнего в качестве представителей И.Я. Исаковича, М.С. Петереца, В.Й. Синкевича и К.К. Сабардина. Среди присутствовавших был устроен сбор средств в пользу освобождённых из тюрем политических заключённых, эмигрантов, возвращавшихся из изгнания, а также семей жертв, павших в борьбе за свободу, всего было собрано 47357 руб. [РГИА ДВ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 85. Л. 2, 5—7].

Со времени своего создания (1901 г.) Владивостокский биржевой комитет выполнял преимущественно функции представительства интересов предпринимателей перед центральными и местными органами власти по вопросам о нуждах торговли и промышленности [3, с. 82; 5, с. 220—221; 4, с. 23—24]. В условиях революционных событий он не мог ограничиться прежним масштабом деятельности, поэтому делегировал своих представителей во многие учреждения и организации, в особенности те, которые были созданы революцией, — Владивостокский КОБ, Комитет распространения займа свободы, областной и городской продовольственные комитеты и др. На Общем собрании 15 июня был избран расширенный состав биржевого комитета, увеличенный с 7 до 9 старшин, а также образованы специальные секции (транспортная, продовольственная, трудовая и промышленная), в состав которых открыли доступ всем членам

биржевого общества и другим «сочувствующим и осведомлённым лицам» [РГИА ДВ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 85. Л. 8—10]. Первоочередные вопросы, требовавшие неотложного рассмотрения, касались содействия организации продовольственного дела, урегулирования рабочего вопроса и поддержания нормальной деятельности промышленных и торговых предприятий.

В связи с принятием Временным правительством законов об ограничении денежных переводов за границу и о запрещении экспорта и импорта ряда товаров биржевой комитет немедленно возбудил в министерствах финансов, продовольствия, промышленности и торговли ряд ходатайств. В докладной записке от 13 июля 1917 г., представленной трём министрам, а также комиссару Временного правительства по делам Дальнего Востока А.Н. Русанову, Владивостокский биржевой комитет указал, что Приамурский край находится в полной экономической зависимости от иностранных рынков Монголии, Маньчжурии, Китая, Японии с Кореей и Америки в отношении предметов первой необходимости и товаров массового потребления (зерновой хлеб, фураж, мясо, овощи, сахар, платье, обувь, медикаменты и др.), а потому нуждается в срочной оплате торговых сделок валютой. Установленный законом порядок получения разрешений на валюту от министерства финансов неприменим для Дальневосточного края в силу его отдалённости от центральных органов финансового управления. Кроме того, прекращение переводов рублей в Маньчжурию могло привести к расстройству денежного обращения в регионе, поскольку русский рубль являлся не только объектом валютных сделок, но и платежным средством: служащие русских государственных и частных учреждений, находившихся в полосе отчуждения КВЖД, получали жалованье в рублях [РГИА ДВ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 85. Л. 11—13].

Исходя из этих соображений, биржевой комитет ходатайствовал: о скорейшем разрешении денежных переводов в пределы полосы отчуждения КВЖД и об обеспечении возможного получения иностранной валюты, распределение которой просил предоставить особой комиссии при Владивостокском порте. Это ходатайство было поддержано министерством финансов: из Петрограда получена телеграмма о новом порядке применения закона с разъ-

яснением, что коммерческие переводы в Харбин по действительным товарным сделкам местного характера должны производиться беспрепятственно [РГИА ДВ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 85. Л. 13].

Применение закона о воспрещении ввоза и вывоза товаров через порты Дальнего Востока также могло нанести серьёзный удар по экономической жизни края. Биржевой комитет 24 августа 1917 г. обратился к министру торговли и промышленности и к А.Н. Русанову с докладной запиской, в которой просил сохранить на будущее время прежний порядок получения разрешений на ввоз и вывоз товаров в особой комиссии при портовом присутствии [РГИА ДВ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 85. Л. 13—14].

В конце сентября под председательством товарища министра торговли и промышленности Л.Б. Кафенгауза в Москве проводилось особое совещание по вопросу о дальневосточной торговле, на которое пригласили представителей биржевых комитетов. Находившийся в то время в Москве член Владивостокского биржевого общества В.А. Гусев был уполномочен стать его делегатом. Совещание постановило: включить в список разрешённых к ввозу товаров рис, чай, фрукты, рыболовные сети, верёвки; разрешить русским банкам свободный перевод рублей из Владивостока в Харбин и обратно; возложить выдачу разрешений на ввоз иностранных товаров в Приамурье и Забайкалье на особую комиссию при Владивостокском порте в составе представителей заинтересованных учреждений, в том числе Владивостокского и Харбинского биржевых комитетов с правом пополнения её представителями комитетов других городов указанного района. В созданную по предложению министерства от 20 сентября 1917 г. начальником Владивостокского торгового порта особую комиссию, которая выдавала разрешения на тоннаж товаров для Приамурья и Забайкалья и распределяла валюту между импортёрами, вошёл старшина Владивостокского биржевого комитета А.Н. Лазариди [РГИА ДВ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 85. Л. 11, 14].

Экономическое положение региона в 1917 г. осложнилось, что вызвало ряд проблем с продовольственным снабжением. Ещё в марте 1917 г. Владивостокский КОБ обратился в биржевой комитет с письменной просьбой об оказании помощи по вопросу об

урегулировании цен на предметы первой необходимости. 29 марта 1917 г. биржевым комитетом было созвано экстренное совещание из представителей местных торговых фирм («Кунст и Альберс», «Грушко и Чернега», «О.В. Линдгольм и К°», «И.Я. Чурин и К°», Бр. Синкевич, П.Е. Бондарев, Д.А. и Х.А. Циммерман, продолжатель дел Л.Ш. Скидельского), которые пошли навстречу нуждам рабочего класса и согласились установить в течение трёх предпраздничных дней скидки на ряд товаров: на обувь и галоши — от 10 до 15%, на готовое платье, мануфактуру, бельё и галантерею — от 10 до 20%, на сажень дров — 15%, на пуд крупчатки — 15 коп. Также Биржевой Комитет предложил председателю китайского общества принять срочные меры к обеспечению бесперебойной торговли на китайском базаре в течение трёх предпраздничных дней по сниженным ценам. Китайские торговцы согласились помочь общему делу, несмотря на то, что 29 марта они вынуждены были прекратить торговлю с четырёх часов дня, так как покупатели за товар стоимостью в 1 руб. платили по 40 коп. [РГИА ДВ. Ф. 105. Оп. 1. Д. 59. Л. 28—29].

Представители Владивостокского биржевого комитета К.К. Сабардин и К.К. Куртеев также приняли участие в Хабаровском продовольственном совещании под председательством А.Н. Русанова. Представители биржевых комитетов и продовольственных управ достигли договоренности о привлечении к работе по заготовке и распределению продуктов как кооперативного, так и частно-коммерческого торгового аппарата. Участники Хабаровского совещания, за исключением двух председателей областных продовольственных управ, высказались за отмену хлебной монополии и связанных с ней ограничений. При обсуждении вопроса о введении твёрдых цен возникли разногласия: представители продовольственных управ защищали твёрдые цены, а биржевик К.К. Сабардин настаивал на их отмене. Вопрос остался нерешённым, так как ни одна из предложенных резолюций не собрала большинства [РГИА ДВ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 85. Л. 15—16].

Осенью 1917 г. повысились цены на муку, и приостановился подвоз зерна из Маньчжурии, вследствие чего продажа муки была прекращена, а население было вынуждено подмешивать в хлеб

муку из гречневой крупы. Председатель биржевого комитета вошёл в переговоры с городским головой о передаче снабжения населения хлебом в руки частных мукомольных предприятий, которые изъявили согласие принять на себя закуп зерна под контролем городской управы и биржевого комитета. 16 октября 1917 г. состоялось объединённое заседание с участием городского головы, заместителя председателя областной продовольственной управы, представителей Совета рабочих депутатов и мукомолов, на котором было признано, что такая постановка вопроса не встречает принципиальных разногласий. Была создана комиссия для разработки способа осуществления хозяйственной части дела, но вследствие непримиримой позиции, занятой в ней представителями Совета рабочих депутатов, привлечение частных лиц к продовольственному делу не состоялось [РГИА ДВ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 85. Л. 17].

Проводившаяся местными властями политика ограничения частной промышленной и торговой деятельности при одновременной поддержке кооперативных организаций вызывала недовольство биржевиков. В конце 1917 г. Приморский областной продовольственный комитет издал обязательное постановление о реквизиции товаров и запрещении их покупки и вывоза из Владивостока, а также о льготах, предоставленных кооперативам. Биржевой комитет, обсудив это распоряжение, признал, что результатом его реализации будет приостановка отдельными фирмами свободного привоза во Владивосток не только продуктов питания и предметов первой необходимости, но также мануфактурных, галантерейных, колониальных, кожевенных, скобяных, писчебумажных и прочих изделий, что приведёт к дефициту на местном рынке одних товаров и полному отсутствию других. Комитет воспринял эту меру как экономически необоснованную попытку оказать административное давление на торговцев, в то время как кооперативным организациям оказывалось исключительное покровительство, приближающееся к стремлению создать для них условия, благоприятные для монополии. Все эти соображения Биржевой комитет представил председателю земской управы и городскому голове, а в Окружном суде возбудил ходатайство об отмене этого противозаконного постановления. Продовольственная Управа поспешила

отменить обязательное постановление о реквизиции, не доводя дело до судебного разбирательства [РГИА ДВ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 85. Л. 18—20].

Особую важность в условиях революционных преобразований приобрёл рабочий вопрос. Биржевой комитет стремился принять участие в улучшении общего положения рабочих и повышении оплаты их труда. С этой целью в его составе была создана трудовая секция под председательством А.Л. Рабиновича. 19 июля 1917 г. биржевой комитет обратился в Исполнительный комитет Владивостокского Совета рабочих и военных депутатов с предложением создать постоянный орган из представителей владельцев и рабочих в одинаковом числе для сотрудничества по примирению их интересов. По предложению приглашённого на заседание биржевого комитета 2 августа представителя Совета Степанова-Бродского до создания примирительных камер совместное разбирательство споров осуществлялось в трудовой секции биржевого комитета при участии представителей рабочих [РГИА ДВ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 85. Л. 23].

Первый опыт такой совместной работы был получен в ходе урегулирования конфликта в товариществе «Грушко и Чернега». Соглашение было достигнуто, однако при составлении протокола были упущены некоторые формальности, а фирма, ссылаясь на то, что делегированные ей лица превысили данные им полномочия, не исполнила постановления согласительной комиссии и не открыла магазин, предлагая пересмотреть вопрос. 22 августа владелец фирмы И.С. Грушко был арестован членом продовольственной управы А.А. Солерж и в сопровождении милиционеров пешком доставлен в 3-й участок милиции, где его пытались обыскать, и лишь после настойчивых требований случайно находившегося при этом присяжного поверенного разрешили обратиться к прокурору, который и распорядился об освобождении И.С. Грушко. 26 августа состоялось заседание представителей продовольственного комитета и городского самоуправления, которое постановило арестовать владельцев, если они не откроют магазин. Биржевой комитет по телеграфу возбудил перед министрами юстиции, продовольствия, торговли и промышленности и прокурором Иркутской судебной палаты ходатайство об установлении во Владивостоке правовых

гарантий для владельцев предприятий и для разъяснения продовольственным органам незаконности их действий в отношении фирмы «Грушко и Чернега» [РГИА ДВ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 85. Л. 23—24]. В итоге при содействии биржевого комитета магазин фирмы был открыт в 2 часа дня 30 августа при условии удаления трёх служащих — Кислова, Попова и Туника — впредь до выяснения дела [РГИА ДВ. Ф. 105. Оп. 1. Д. 74. Л. 76]. Таким образом, ни органы городского и земского самоуправления, ни продовольственные органы не оказывали поддержки частным коммерческим предприятиям даже в случаях явно незаконного гонения на отдельные фирмы [РГИА ДВ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 85. Л. 18].

С 22 по 29 октября 1917 г. во Владивостоке проходил второй съезд представителей дальневосточных биржевых комитетов — «Дальневосточный съезд торгово-промышленных деятелей». Главная его задача была определена на совещании представителей биржевых комитетов, которое собрал в Хабаровске А.Н. Русанов, — поиск возможных путей поддержки развития промышленности и торговли в условиях военно-революционного времени. В работе съезда приняли участие свыше 100 представителей торгово-промышленных организаций, правительственных и общественных учреждений из Хабаровска, Николаевска, Благовещенска, Читы, Харбина, Никольска-Уссурийского. На съезде обсуждался широкий круг вопросов: принципы государственного вмешательства в промышленность и торговлю и обложение налогами коммерческих предприятий, торгово-промышленные палаты и представительство торгово-промышленного класса, продовольственное снабжение и рабочий вопрос. Съезд закончился во время октябрьских событий в Петрограде. Делегаты обратились ко всему торгово-промышленному классу и деловому миру с призывом продолжать полезный труд, способствующий укреплению хозяйственных сил региона [РГИА ДВ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 85. Л. 21—22; 4, с. 25].

После Октябрьской революции началось разрушение системы государственного управления в центре страны и на Дальнем Востоке России. Биржевой комитет отозвал своих представителей из учреждений и организаций, захватывавшихся большевиками, и отказался от делегирования своих представителей в новые структу-

ры, создававшиеся на месте уничтоженных. Чрезвычайное общее собрание биржевого общества, состоявшееся 14 декабря 1917 г., одобрило эту позицию биржевого комитета, осудив насильственный захват власти большевиками и признав представителями государственной власти на Дальнем Востоке России Совет представителей земских, городских и казачьих самоуправлений Приамурского края, которому А.Н. Русанов 11 декабря 1917 г. передал свои полномочия. Биржевой комитет призвал весь торгово-промышленный класс встать на защиту Учредительного собрания, отказываясь подчиняться «незаконным распоряжениям Совета самозваных народных комиссаров и прочих большевиков» [РГИА ДВ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 85. Л. 27—29].

В начале 1918 г. в состав биржевого общества входили всего 100 купцов 1-й и 2-й гильдий, поэтому биржевой комитет созвал несколько общих собраний всего торгово-промышленного класса г. Владивостока, на которых был избран особый орган под названием «Исполнительное бюро промышленности и торговли», объединивший около тысячи владельцев торговых, промышленных и ремесленных предприятий Владивостока. Бюро организовало самообложение и сосредоточило в своих руках поддержку законной власти и правопорядка и борьбу с большевиками. Биржевой комитет и Исполнительное бюро с целью противопоставить новой власти сплочённую организацию создали Объединённый комитет всех несоциалистических организаций под председательством А.И. Лякера, в состав которого вошли представители торгово-промышленных, домовладельческих, охранных и других общественных организаций. Вместе с частью умеренных социалистов Исполнительное бюро повело подготовительные работы к свержению большевизма: организовало сбор средств и оказывало материальную поддержку организации военной силы из офицеров и солдат под руководством полковника В.К. Волкова, финансировало служащих тех правительственных учреждений, которые отказались подчиниться власти, обеспечив им ежемесячное получение окладов, а также командировало за границу своих представителей для информирования об истинной сущности большевизма [РГИА ДВ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 148. Л. 1—2]. Все члены биржевого общества

были обложены дополнительным пятидесятипроцентным сбором с промысловых свидетельств на содержание политехникума и коммерческого училища [РГИА ДВ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 148. Л. 5]. Историко-филологическому факультету, коммерческому и реальному училищам, ремесленным курсам, детским площадкам, студенческому обществу, Тюремному комитету, Пожарному обществу было ассигновано 58 500 руб. [РГИА ДВ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 148. Л. 4].

Биржевой комитет смог добиться успеха в борьбе против введения большевиками рабочего контроля на предприятиях торговли. 1 марта 1918 г. общее собрание представителей торговли и промышленности города выдвинуло требование снятия в двухдневный срок рабочего контроля над всеми торгово-промышленными предприятиями, а 5 марта биржевой комитет официально объявил о прекращении торговли в городе и области. В ту же ночь Исполнительным комитетом Владивостокского Совета рабочих и солдатских депутатов были арестованы председатель биржевого комитета И. Циммерман и старшины А. Свидерский, З. Сенкевич, А. Рабинович [1, с. 88; 2, с. 50—51]. Земская и городская управы и иностранные консулы выразили протест и потребовали упразднения контроля. Большевики были вынуждены освободить арестованных. На согласительном совещании 10 марта представителями исполкома Совета, городского самоуправления, земства и биржевого комитета было решено выработать новые нормы контроля, а до тех пор он сохранялся только на промышленных предприятиях, на торговых же временно приостанавливался [РГИА ДВ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 148. Л. 2, 7—8; 2, с. 51; 1, с. 89].

Таким образом, с марта 1917 г. Владивостокский биржевой комитет принимал все зависящие от него меры для поддержки местной торговли и промышленности, а также защиты интересов предпринимателей посредством сотрудничества с органами государственного управления в условиях их революционных преобразований. После Октябрьской революции биржевой комитет фактически находился в оппозиции к власти Советов. Последовавшая затем интервенция привела к ликвидации и советской системы управления экономикой. 28 марта 1919 г. Омское правительство Колчака приняло правила об учреждении новых профессиональ-

ных организаций предпринимателей — временных торгово-промышленных палат. В декабре 1919 г. биржевой комитет принял решение о создании торгово-промышленной палаты во Владивостоке [1, с. 162, 164—165].

Литература и источники

1. Долгов Л.Н. Экономическая политика первых Советов на Дальнем Востоке России (декабрь 1917 г. — август 1918 г.) // Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны: Сб. науч. ст. Владивосток: ДВО РАН, 1998. 292 с.
2. Никифоров П.М. Записки премьера ДВР. Победа ленинской политики в борьбе с интервенцией на Дальнем Востоке (1917—1922 гг.). М.: Госполитиздат, 1963. 291 с.
3. Приморский край: Краткий энциклопедический справочник. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. 594 с.
4. Троицкая Н.А. Биржа во Владивостоке в первой трети XX века // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2010. № 2. С. 23—24.
5. Чистякова О.С. Представительская деятельность Владивостокского биржевого комитета (1901—1917 гг.) // Шестая Дальневост. конф. молодых историков. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. С. 220—227.
6. РГИА ДВ (Российский гос. исторический арх. Дальнего Востока).

УДК 94(47+57) (571.6)

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ СТРОИТЕЛЬСТВА ОРГАНОВ СОВЕТСКОЙ МИЛИЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (октябрь 1917 — начало 1920-х гг.)

Т.А. ОРНАЦКАЯ

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

Столетие российской революции — важная веха предоставляющая возможность подвести черту и провести анализ событий вековой давности. Расширение доступности архивных материалов позволяет критически оценить формирование советских органов милиции. Статья освещает трудности организационного строительства советской

милиции на Дальнем Востоке. Удалённость региона, малочисленность партийной прослойки, разгул бандитизма не позволили реализовать принципы советского строительства органов милиции, определённые руководством страны. Падение советской власти на Дальнем Востоке, предопределило переход партийных деятелей на нелегальное положение, а, следовательно, и временную приостановку деятельности советской милиции.

Ключевые слова: революция, советская милиция, РСФСР, Дальний Восток, трудности формирования, право.

ORGANIZATIONAL PRINCIPLES OF CONSTRUCTION OF THE ORGANS OF THE SOVIET POLICE AND PROBLEMS OF THEIR REALIZATION IN THE FAR EAST (october 1917 — early 1920)

T.A. ORNATSKAYA

Far Eastern Federal University, Vladivostok

A century of Russian revolution an important milestone which provides an opportunity to summaries and analyze the events of a century ago. The increased availability of archival material allows us to critically assess the formation of the Soviet police. The article highlights the difficulties for organizational development of the Soviet police in the Far East. The remoteness of the region, the small number in the party component, banditry was not allowed to implement the principles of the Soviet construction of the police defined by the government. The fall of Soviet power in the far East, determined the transition of party leaders into hiding, and, consequently, the temporary suspension of the activities of the Soviet militia.

Key words: Revolution, the Soviet police, the Russian Federation, the Far East, the difficulty of forming right.

Как известно, 1917 г. стал ключевым в российской истории XX в. С приходом большевиков к власти государственный аппарат был реорганизован. Формирование новых исполнительных органов осуществлялось на основе классовых принципов. Непринятие большевиками правовой системы дореволюционной России поставило перед обществом вопрос о необходимости создания правового поля, в условиях которого могла бы действовать

создаваемая власть. В рамках марксистской идеологии предполагалось построение бесклассового общества, в котором основным социальным регулятором станет коммунистическая мораль. Вот почему в первые годы советской власти вопросам правового становления институтов государства и подготовке юристов не уделялось должного внимания. Советская власть отдавала предпочтение пролетарским кадрам, что подразумевало не только классовое происхождение, но и знание пролетарской идеологии. Реализация коммунистической парадигмы способствовала массовому правовому нигилизму [12. с. 26].

Для охраны общественного порядка постановлением Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) РСФСР от 10 ноября 1917 г. была организована рабочая милиция. Её деятельность не предполагала определённого штата, а формирование происходило на основе принципа добровольности. Организационно милиция строилась на основе тезисов, сделанных В.И. Лениным. В своих работах он отмечал, что «…только вооружённый народ может быть действительным оплотом народной свободы», целью вооружённого давления являлась «…охрана, упрочение и расширение завоеваний революции», а для борьбы с элементами разложения старого строя «…нужно время и нужна железная рука» [9].

Введение в действие указанного выше постановления НКВД РСФСР заложило основу организации различных вооружённых формирований трудящихся. Входившие в рабочие дружины или рабочую милицию граждане осуществляли охрану революционного порядка в свободное от работы время и на безвозмездной основе. Рост социально-политической напряжённости, ухудшение экономического климата в стране, увеличение уровня преступности выявили неспособность созданных вооружённых формирований полноценно выполнять возложенные на них обязанности. Поэтому создание штатного государственного органа, занимавшегося охраной общественного порядка, уже к весне 1918 г. стало актуальным.

Народная рабоче-крестьянская милиция на штатных началах была учреждена в июне 1918 г. С августа 1918 г. она стала

именоваться советской рабоче-крестьянской милицией. 21 октября 1918 г. НКВД и НКЮ РСФСР утвердили «Инструкцию об организации советской рабоче-крестьянской милиции» [13]. В документе указывалось, что ведомство возглавлялось Главным управлением милиции НКВД РСФСР. На него возлагались задачи по осуществлению общего руководства деятельностью милиции, изданию правовых актов, определяющих внутреннюю структуру милиции, подбору и расстановке кадров, надзору за деятельностью низовых аппаратов советской милиции. В Инструкции регламентировались требования к занятию должностей сотрудников милиции, однако специальное образование не являлось обязательным условием.

В соответствии с декретом Совета народных комиссаров РСФСР от 26 декабря 1919 г. «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР» и утверждённым в июне 1920 г. СНК РСФСР «Положением о Рабоче-Крестьянской милиции» был установлен критерий грамотности для всех принимаемых на службу лиц. Введение этого требования повлекло необходимость организации обучения сотрудников в школах и курсах профессиональной подготовки [1; 7, с. 101—102]. Все курсы подготовки милицейских кадров одновременно являлись школами 1-й ступени единой трудовой школы. Уровень образовательной подготовки кадров был явно низким. К началу 1920-х гг. даже в главном аппарате милиции работали «…4,2% лиц с высшим образованием, 50% — со средним, а остальные были малограмотными» [18, с. 182].

В относительно короткие сроки была развернута сеть школьно-курсового обучения сотрудников милиции. Ещё с 1918 г. в Москве действовала школа комсостава милиции, которая в октябре произвела первый выпуск курсантов. В январе 1919 г. были организованы шестимесячные курсы для руководящего состава милиции. Позднее эти учебные заведения преобразованы во Всероссийскую школу инструкторов милиции и Центральную школу советской и партийной работы [16, с. 102]. В конце 1918 г. в Петрограде открылись факультеты уголовного розыска и милиции в рабоче-крестьянском университете, слушатели которых изучали

Конституцию РСФСР, теорию и практику охраны, уголовное право и основы расследования преступлений. В 1919 г. на базе университета была создана инструкторская школа, где одновременно могли обучаться до 200 слушателей. С осени 1919 г. при Главном управлении милиции начали работу Всероссийские курсы уголовного розыска с 3-месячным сроком обучения. Их целью объявлялась реализация возможности «…сотрудникам уголовного розыскных отделений Республики пройти теоретический и практический курс уголовного розыска в его научной постановке» [7, с. 107]. Согласно плану изучения дисциплин занятия проводились по советскому законодательству, криминологии и основам расследования преступлений, судопроизводству и судоустройству, а также дактилоскопии.

На Дальнем Востоке события февраля 1917 г. в связи с удалённостью региона от основных политических событий Петрограда и Москвы стали известны лишь 3 марта. Решением, пришедшего к власти в стране Временного правительства, полицейские управления, охранные отделения и отдельный корпус жандармов были упразднены. Правоохранительным органом новой власти становилась милиция, находившаяся под контролем правительственной администрации — губернских комиссаров, в Приамурском крае им стал эсер А.Н. Русанов. Формирование милиции, подчинённой органам местного самоуправления, поручалось созданным в марте—апреле 1917 г. комитетам общественной безопасности. Так, во Владивостоке милиция, подчинённая органам местного самоуправления, и сформированная в соответствии с инструкциями Временного правительства, была образована 15 марта 1917 г. [17, с. 72].

Ликвидация органов правопорядка Российской империи и создание новых ставило вопрос об их финансировании. Временное правительство полагало сохранить выделение денежных средств правоохранительным органам в дореволюционных объёмах. Однако сложная социально-политическая обстановка в стране, противоречивость внутренней политики Временного правительства привели к недофинансированию региональных структур. Финансовые поступления сократились в дальневосточную милицию в

целом. Начальник городской милиции Николаевска-на-Амуре, обращаясь к центральному, региональному и муниципальному руководству, сообщая о кадровом голоде, просил денег для выдачи жалованья оставшимся сотрудникам [ГАРФ. Ф. Р-1791. Оп. 5. Д. 32. Л. 1—6].

Весной 1917 г. на Камчатке также происходило формирование органов народной милиции, подчинённых местному самоуправлению. Общий штат предполагал лишь 28 милиционеров. К занятию должностей допускались лица «вполне грамотные», а для замещения должности начальника милиции устанавливался образовательный ценз «не ниже среднего образования» [10, с. 27]. Классовая принадлежность не являлась препятствием для занятия вакансий. Введённый Временным правительством запрет на комплектование милиции жандармами и полицейскими заставил руководство местными подразделениями милиции принимать на службу «случайных людей», не имевших специальных знаний и опыта правоохранительной деятельности. Осознавая масштабность проблемы, министерством юстиции новой власти предпринимались попытки организации специальных курсов [3]. Однако события октября 1917 г. сделали их несбыточными.

Известие о переходе власти в руки большевиков также как и в феврале пришло с некоторым опозданием. Комиссар Временного правительства А.Н. Русанов отстранён от власти по итогам работы III съезда Советов Дальнего Востока лишь 20 декабря 1917 г. Управление регионом перешло в руки Дальневосточного краевого комитета Советов (с апреля 1918 г. — Дальневосточный совет народных комиссаров) под председательством А.М. Краснощекова. В полосе отчуждения КВЖД 29 ноября (12 декабря) 1917 г. возглавляемый М.Н. Рютиным Харбинский совет отстранил от власти управляющего дорогой Д.Л. Хорвата, а в Забайкалье 24 января 1918 г. создан коалиционный эсеро-меньшевистский Народный совет Забайкалья. В конце февраля 1918 г. в Амурской области большевикам удалось сформировать Совет рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов под руководством Ф.Н. Мухина. Установление советской власти на Камчатке осуществлено лишь 20 марта 1918 г. образованием Областного Со-

вета рабочих и крестьянских депутатов под председательством И.Е. Ларина.

После октября 1917 г. советская милиция в регионе формировалась в соответствии с постановлением НКВД РСФСР «О рабочей милиции» [14, с. 15]. Однако документ не устанавливал конкретных форм существования милицейского аппарата. Как известно В.И. Лениным выдвинута идея о замене «постоянного войска всеобщим вооружением народа» [8, с. 113], а Красная гвардия должна была выполнять функции пролетарской милиции. На Дальнем Востоке краевой комиссариат Красной гвардии создан в феврале 1918 г. во главе с большевиком К.Д. Кусманом. Большевистские красногвардейские отряды сформировались по всей территории Дальнего Востока. Одним из обязательных условий приёма на службу являлись рекомендации советских, партийных или профсоюзных организаций [6, с. 186—190]. Зачисление на службу иностранных коммунистов было запрещено [4].

Советизация милиции, отказ от сотрудничества с прежними работниками, стоявшими на иной политической платформе, её комплектование на основе классового принципа, преимущественно членами партии большевиков привели к снижению качества профессиональной подготовки милиционеров. Так, например, начальником Хабаровской городской милиции стал большевик М.Е. Попко, в хабаровском уезде её возглавил Г.К. Гнатенко, согласно анкетным данным бывший крестьянин-батрак. В Амурской области пост главы милиции занял большевик Г.И. Митин [2, с. 14; 17, с. 74]. Основной задачей народной милиции было поддержание советской власти, в этой связи на неё возлагались задачи по охране существующего строя, борьбе не только с уголовным, но и с политическим бандитизмом, соблюдению интересов и прав трудящегося населения региона.

В апреле 1918 г. Дальневосточный краевой комитет Советов принял название «Дальсовнарком» и, с мая этого же года, под его руководством началось формирование советской милиции на штатных началах. Основой кадрового состава могли стать только представители рабочих или крестьян, преимущественно члены РКП(б).

Стоит подчеркнуть, что реорганизация милиции происходила в сложных социально-политических условиях: начало иностранной интервенции, непринятие частью дальневосточного населения экономической и аграрной политики большевиков, захват Транссибирской магистрали военнослужащими чехословацкого корпуса, ведение боевых действий с войсками Верховного правителя России А.В. Колчака, противостояние войскам атамана Г.М. Семенова, пытавшимся захватить власть в Забайкалье. Создание штатных дальневосточных милицейских органов было сопряжено с отсутствием инструкций из Центра, несформированностью централизованного руководства милицейским аппаратом на всём Дальнем Востоке, низким процентом числа партийного актива относительно центральных регионов РСФСР.

В связи с этим, дальневосточные органы милиции формировались разнонаправленно, находились в подчинении различных исполнительных структур. Так, городские отделения стали основой милиции в Амурской области, а с июня 1918 г., как и в Приамурье, милиционеры подчинялись военному командованию. Сложной была система формирования милиции в Приморье, где одновременно существовали «летучие отряды» по борьбе с пьянством и вольнонаёмная милиция. Основная масса милиционеров набиралась «по впечатлению» [17, с. 75], что не способствовало высокому уровню профессионализма. Это вынуждало милицейское начальство организовывать с подчинёнными вечерние занятия [5].

На территории Северного Сахалина органы милиции, сформированные Временным правительством, просуществовали до конца мая 1918 г., а с началом иностранной интервенции советизация острова была прервана. Руководство милиции в Александровске 28 августа 1918 г. открыто заявило о непризнании советской власти, перейдя под руководство Департамента милиции Министерства внутренних дел Временного Сибирского правительства. Лишь на короткое время, с 14 января по 22 апреля 1920 г., власть и милиция на Северном Сахалине снова стали советскими. Однако захват японцами северной части острова, в качестве компенсации за так называемый «Николаевский инци-

дент», установление оккупационного режима прервали процесс советизации и формирование правоохранительного органа на основе классового принципа.

Своеобразной была и ситуация с формированием милиции на Камчатке. На полуострове милиционеры, помимо основных обязанностей выполняли функции контрразведки и чрезвычайной следственной комиссии, таможни, санитарного и противопожарного контроля, а также роль прокуратуры в части контроля над исполнением постановлений советской власти. В соответствии с решением Петропавловского Совета рабочих и крестьянских депутатов от 28 апреля 1918 г. численность милиции составляла всего 9 чел., которые набирались исключительно по классовому принципу. Показателен тот факт, что при явной недостаточности штата (на территорию около 2 млн кв. км с населением чуть более 30 тыс. чел.) его увеличение было невозможным в связи с «…отсутствием людей вполне достойных к нанятию в милицию» [11, с. 9]. Тем не менее, исполнительным комитетом Камчатского Совета была разработана «Временная инструкция», определявшая права и обязанности местной милиции [15].

Милиция Камчатки обладала некоторыми особенностями, не специфичными для других дальневосточных подразделений. Отдалённость региона от революционных событий, почти полное отсутствие пролетариата делало милиционеров единственной вооружённой силой областного народного революционного комитета. С закрытием навигации, связью с «материком» были лишь телеграфные сообщения, поэтому решение текущих вопросов проводилось в соответствии с принципами революционной законности, а не с директивами руководства и законодательной базой.

Осенью 1918 г. советская власть на Дальнем Востоке в результате иностранного вмешательства была свергнута. Сотрудники советской милиции вынужденно ушли в подполье, а на оккупированных иностранными войсками территориях была восстановлена милиция, сформированная на принципах комплектования Временного правительства.

Литература и источники

1. Вестник НКВД. 1918. № 21—22.
2. Воробьев Р.А. Советская милиция Приамурья (1917—1925 гг.) Хабаровск, 1989. 90 с.
3. Голос Приморья. 1917. 8 нояб.
4. Голос Приморья. 1918. 10 мая.
5. Голос Приморья. 1918. 20 июля.
6. Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны. Владивосток, 2003. 632 с.
7. История советской милиции: Советская милиция в период строительства социализма. Т. 1. М., 1977. 346 с.
8. Ленин В.И. Войско и революция // Полн. собр. соч. Т. 12. 567 с.
9. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 203; Т. 11. С. 18—19; Т. 36. С. 195.
10. Пасечник А.Ф. Формирование милиции на Камчатке в марте 1917 — июле 1918 гг. // Труды Камчатского филиала Дальневосточного государственного университета. Петропавловск-Камчатский, 2004. Вып. 2. 124 с. С. 26—28.
11. Первый Совдеп: документы и материалы о Петропавловском Совете рабочих и крестьянских депутатов. Петропавловск-Камчатский, 1967. 144 с., ил.
12. Рощин Б.Е. Юридическое образование в Советской России (октябрь 1917—1922 гг.): организационно-правовой аспект // Вестник Костромского государственного университета им Н.А. Некрасова, 2014. Т. 20. № 6. 377 с.
13. Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 75. Ст. 813.
14. Сонин В.В. Великий Октябрь и становление советской государственности на Дальнем Востоке (1917—1922 гг.). Владивосток, 1987. 261 с.
15. Сонин В.В. Государство и право Дальневосточной республики (1920—1922 гг.) Владивосток, 1982. С. 55.
16. Степанов М.М. Особенности милицейского образования в России в годы Гражданской войны (1918—1920 гг.) // Ленинградский юридический журнал. 2011. №1. С 101—108.
17. Шабельникова Н.А. Исторический опыт формирования дальневосточной милиции в 1917—1922 гг. // Вестник ДВЮИ МВД России. 2014. № 2 (27). С. 71—82.
18. Шабельникова Н.А., Бакшутов С.Н. Формирование системы профессионального обучения кадров милиции на Дальнем Востоке России в 1920-е гг. // Теория и практика общественного развития. 2015. № 21. С. 182—185.
19. ГАРФ (Гос. арх. Российской Федерации).

УДК: 930:355/359.07

ГЕРОЙ РЕВОЛЮЦИИ ЕДЕТ НА ВОСТОК. ВИЗИТ А.И. ГУЧКОВА В ПРИАМУРСКОЕ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВО В 1911 г.

Р.С. АВИЛОВ

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, Владивосток

На материалах ГАРФ впервые в отечественной историографии подробно рассматривается история визита Александра Ивановича Гучкова на Дальний Восток в 1911 г. В это время он был лидером крупнейшей в стране партии «Союз 17 октября», депутатом и председателем III Государственной Думы, в которой занимал также должность председателя Комиссии по государственной обороне. Исследуется проблема ознакомления А.И. Гучкова с обороноспособностью Приамурского военного округа, ходом строительства Владивостокской крепости и возведения казарменных сооружений, экономикой региона, а главное — с местными общественными и политическими деятелями. Полученные данные позволяют констатировать, что собранные во время визита сведения очень пригодились А.И. Гучкову в спорах с представителями законодательной и исполнительной власти, а также использовались им в политической борьбе.

Ключевые слова: Дальний Восток России, А.И. Гучков, Февральская революция 1917 г., русская армия, Приамурское генерал-губернаторство, Государственная Дума, партия «Союз 17 октября».

THE HERO OF THE REVOLUTION GOES TO THE EAST. ALEXANDER I. GUCHKOV MAKES A VISIT TO PRIAMUR GENERAL-GOVERNORSHIP IN 1911

R.S. AVILOV

Institute of history, archaeology and ethnography of the peoples of the Far East FEB RAS, Vladivostok

Using sources from the NA RF, this report examines the visit of Alexander I. Guchkov to Priamour General-Governorship in 1911. That time he was a leader of one of the biggest political party in Russian Empire The Union of October 17, the deputy of 3rd State Duma, and the chairman in Dumas Commission of State Defense. Having investigated the problem of Alexander

I. Guchkov interests in the Russian Far East, we must emphasize that he was interested in defense capacity of Priamour Military District, the process of the reconstruction of Vladivostok Fortress and the casern building, the regional economy, and primary in communication with regional publics and politics. Used the archival sources, it is possible to conclude that all information, he had collect in time of his visit, stand Alexander I. Guchkov in good stead in debates with the legislative and executive power, and had been used in political campaign.

Key words: Russian Far East, Alexander I. Guchkov, March Revolution, Russian Army, Priamur General-Governorship, State Duma, Union of October 17.

Череда юбилеев эпохальных для России событий начала XX в.: Русско-японской войны 1904—1905 гг., Первой мировой войны 1914—1917 гг. и революционных потрясений 1917 г. привела к резкому всплеску научного и общественного интереса к этим событиям, а значит и многократному увеличению количества посвящённых им публикаций, появлению новых теорий и гипотез. При этом упор, в значительной степени, был сделан не столько на введение в научный оборот новых архивных материалов, сколько на глубокое переосмысление (часто на основе новой методологии) уже имеющихся. Последнее, безусловно, необходимо, однако, без ввода в научный оборот новых архивных документов, представляется, как минимум, малоэффективным.

Особый интерес в этой связи вызывает вопрос: а насколько сами основные действующие лица революционных событий 1917 г. были знакомы со страной, её отдалёнными регионами и интересами проживающего в них населения? Посещали ли они окраины, и если да, то каковы были цели поездки, круг интересов и общения, а главное — какие выводы выносили они из таких путешествий?

Попробуем хотя бы отчасти ответить на эти вопросы, рассмотрев историю визита на российский Дальний Восток Александра Ивановича Гучкова в 1911 г., тем более, что история эта была совершенно обойдена вниманием не только советских и современных отечественных историков, но и самого Гучкова, ни разу не упомянувшего о ней в своих воспоминаниях [5]. Будучи

личностью разносторонней и далеко неоднозначной, он был известным русским общественным деятелем. К 1911 г. он был лидером крупнейшей в стране партии «Союз 17 октября», депутатом и председателем III Государственной Думы, в которой занимал также должность председателя Комиссии по государственной обороне [4].

В беседе с редактором одной из газет* он сформулировал цель поездки как «…ближайшее изучение современного состояния Приамурья и его нужд» [ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 576. Л. 1], поскольку в Государственной Думе очень часто приходится решать важные вопросы, касающиеся дальневосточной окраины, и, конечно, «…является естественная потребность на месте ознакомиться с тем, что и как здесь делается, как расходуются те огромные суммы, которые расходуются государством» [ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 576. Л. 1]. При этом больше всего его интересуют «…вопросы обороны, колонизации и экономики» [ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 576. Л. 1].

Последнее вполне закономерно, поскольку вопрос текущего положения обороноспособности российского Дальнего Востока, всё ещё находящейся в плачевном состоянии после неудачной Русско-японской войны 1904—1905 гг. и потрясений Первой русской революции 1905—1907 гг., был в тот период одним из наиболее обсуждаемых в Петербурге. Таким образом, знакомство с ним на месте, получение сведений из первых рук и запас личных впечатлений, позволяли любому участнику политической борьбы увереннее чувствовать себя в спорах и отстаивать свою точку зрения более аргументировано. Причём в спорах с представителями не только законодательной власти, но и исполнительной.

Посетивший регион в том же году во второй раз военный министр генерал-адъютант В.А. Сухомлинов [6; ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 474. Л. 1—37; 1, с. 191—200; 2, с. 49—52], предлагал А.И. Гучкову провести часть поездки совместно. Сохранилась написанная простым карандашом на официальном бланке телеграмма «из Петербурга № 02366 в Харбин Александру Ивановичу Гучкову»: «16/го апреля выезжаю на Восток. 25 числа буду Харбин. Жела-

* Какой точно, установить, пока не удалось.

тельно повидать. Владивосток можем осмотреть вместе. Сухомлинов» [ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 1123. Л. 1]. Она была принята в Харбине 14 апреля 1911 г. и вручена адресату* [ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 1123. Л. 1]. Однако, судя по всему, встреча в пути так и не состоялась — ярому критику Военного министерства и лично министра было выгоднее осматривать Приамурский военный округ и Владивостокскую крепость в одиночку.

Готовился он к осмотру крепости очень тщательно, а прибыв на место получил некоторые документы, имеющие непосредственное отношение как к казарменному, так и к оборонительному строительству во Владивостоке. В их числе и подготовленная старшим контролёром контроля по казарменным и крепостным сооружениям в Южно-Уссурийском крае Дмитрием Леонтьевичем Яжгуновичем «Справка к ответу Главного Контролера на письмо члена от Военного Министерства в составе Владивостокской временной крепостной распорядительной комиссии, от 14 апреля 1911 года за № 49» [ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 212. Л. 1]. В ней указывалось, что предполагалось израсходовать на постройку казарменных сооружений во Владивостоке за три первых года (1909—1911 гг.) деятельности войсковых строительных комиссий 6 184 550 руб. При этом, за два года работы — 1909 и 1910 — было израсходовано 3 239 908 руб. 71 коп., в том числе «на администрацию» около 170 000 руб., т.е. 5,3% от общей суммы расходов. Кредит переводился Петербургом «по мере надобности» [ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 212. Л. 1].

Строительные предположения с подробным описанием всех построек, которые предполагалось возвести в первые три года, т.е. 1909, 1910 и 1911 г., имелись непосредственно в войсковых строительных комиссиях. Главная Казарменная Комиссия предполагала, что некоторые жилые постройки будут возведены уже в 1909 г., однако «…в действительности до настоящего времени нет ни одного здания, которым пользовались бы войска» [ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 212. Л. 1]. По имеющимся в Государственном Контроле данным, к 1 января 1911 г. комиссиями «…исполнено около 35% работ, предположенных к возведению за первые три

* Отложилась в личном фонде Гучкова в ГАРФ.

года», а более подробные сведения имелись только в делах самих войсковых строительных комиссий [ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 212. Л. 1—1 об].

От того же Д.Л. Яжгуновича А.И. Гучков получил и «Справку об успехе работ по постройке казарменных сооружений Владивостокскими войсковыми строительными Комиссиями за 1909 и 1910 годы», подготовленную к 1 января 1911 г. [ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 212. Л. 2—2 об]. Последний документ изучался Александром Ивановичем особенно тщательно и весь испещрён множеством мелких карандашных пометок, сделанных его рукой.

Наглядным подтверждением интереса А.И. Гучкова к Владивостокской крепости служат не только приведённые выше документы, сохранившиеся в его личном архиве, но и воспоминания военного инженера Петра Павловича Унтербергера, спроектировавшего и возводившего в то время Форт № 2, сильнейший форт сухопутного обвода Владивостокской крепости проекта 1910 г. Строился он на горе Варгина — самой высокой на п-ове Муравьёв-Амурский, так что туда, как на образцово-показательную стройку и прекрасную видовую площадку, постоянно возили всех высоких и дорогих гостей, в числе которых оказался и депутат Государственной Думы.

Унтербергер, вспоминал годы спустя: «…Также и Государственная Дума внезапно проявила определённое любопытство по отношению к нашим работам, и послала председателя военной комиссии Гучкова во Владивосток для сбора на месте информации о стройке, которая стоила так много денег. Получилось хорошо в том смысле, что Гучков принадлежал к правой партии — “Партии 17 октября”* — которая, вероятно, ориентировалась на принцип конституционной монархии, однако в целом поддерживала власть. За исключением Гондатти** он был единственным гражданским лицом, которого я видел на стройке, и он произвёл на меня очень благоприятное впечатление: смуглый человек, с умным, одухотворенным лицом и спокойным степенным поведением. Также, благодаря своей работе в военной комиссии, он не был малосве-

* Точнее — «Союз 17 октября»

** Приамурский генерал-губернатор в 1911—1917 гг. Николай Львович Гондатти.

дущим в военных делах и глупых вопросов не задавал, что имеют обыкновение делать профаны. К задаче по осмотру он тоже приступил очень серьёзно и осведомлялся обо всём достойном изучения очень добросовестно и тщательно» [7], составив этим яркий контраст с визитом на форт военного министра В.А. Сухомлинова весной того же года.

Последний произвёл совершенно иное впечатление, поскольку «…появился на форту в сияющей форме Царскосельского гусара, которая совершенно неуместно выделялась на фоне дикого пейзажа сопок. Я повёл общество через большой туннель и далее через подземный переход к высшей точке огневой линии, откуда были видны все предполагаемые позиции противника и ряд наших опорных точек. Но господин военный министр огляделся вокруг, встал спиной к фронту, и всё, что он произнёс, было: “Прекрасный ландшафт, не правда ли?”… Ну, никто лучше меня не знал, что он был прекрасен, ибо я наслаждался его видом каждый день снова и снова, все с той же радостью, однако я не мог не подумать, что вопрос о предполагаемых позициях противника и об общей идее нашего фортификационного сооружения, был бы более естественным и подходящим для первого генерала в армии. Следующее его замечание уже совершенно переходило всякие границы: “Где, собственно, мы можем позавтракать?”

Было только около 10 часов утра и ещё добрых два часа до завтрака. Я незаметно переместился на задний план, поскольку было вполне очевидно, что этому визитёру мои объяснения не потребуются. Я полагаю, что далее последовал ещё небольшой обмен ничего не значащими замечаниями, о вещах, которые не имели никакого отношения к крепости, и затем большой господин уехал» [7].

В беседе с журналистом А.И. Гучков констатировал: «…Довольно подробно я ознакомился с положением крепости Владивосток и могу сказать, что теперь там приняты серьёзные меры к устранению некоторых дефектов в результате начатой работы, крепость даже с будущего года станет совершенно неприступной в серьёзном смысле слова» [ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 576. Л. 1]. После начала в 1910 г. активной фазы строительства новой главной

линии сухопутной обороны крепости и кардинального усиления её берегового фронта [1, с. 203—297; 2, с. 233—497], это мнение во многом разделялось штабом крепости и самими военными инженерами.

Однако одним Владивостоком его знакомство с Приамурским генерал-губернаторством и одноимённым военным округом не ограничилось. Не менее насыщенным было и пребывание в Хабаровске, куда он прибыл в мае 1911 г.

Утром 23 мая А.И. Гучков предполагал посетить Командующего войсками Приамурского военного округа, но узнав, что генерал-лейтенанта П.А. Лечицкого «нет дома», так как он проводил в это время смотр 22-го Сибирского стрелкового полка, Гучков «…вместе с г. Холмским поехал в арсенал, что и заняло первую половину дня». В Хабаровском окружном арсенале он обошёл и подробно осмотрел все отделения, беседовал с чинами арсенала, и его начальником полковником Семеном Николаевичем Ванковым. По полученным журналистом сведениям «…арсенал произвёл на А.И. Гучкова большое впечатление и он высказал, что вполне разделяет мнение о том, чтобы военное ведомство старалось давать арсеналу больше чем теперь работы, так как арсенал работает не в полном объеме своей нормальной производительности» [ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 576. Л. 3].

Попутно ознакомившись с положением в арсенале рабочего вопроса и ремесленной школы, А.И. Гучков высказался за необходимость «…насаждения в крае профессионального практического образования. Как председатель общества Красного Креста он нашёл целесообразным капитал, пожертвованный гр. Орловым-Давыдовым на больницы и ремесленные школы распределить так: больницы выстроить во Владивостоке, а большое ремесленное училище в Хабаровске» [ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 576. Л. 3].

Затем А.И. Гучков делал визиты некоторым лицам, а также принимал сам. Посетил его и Командующий войсками округа генерал П.А. Лечицкий, с которым они разминулись в первой половине дня. После этого он побывал на совещании в Городской думе, а в 10 час. вечера успел съездить ещё и на совещание с военными чинами [ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 576. Л. 3].

На совещании в думе стоит остановиться подробнее: «…К 7 часам в большой думский зал, убранный по парадному, начали собираться приглашённые биржевым обществом местные сведущие люди из торгово-промышленного мира. Среди приглашённых были несколько человек чиновников, как бывших, так и настоящих…

Ровно в 7 часов А.И. Гучков вместе с г. Холмским прибыли на совещание. Их встретили городской голова И.И. Еремеев и председатель биржи С.Ф. Висневский. А.И. Гучков в сопровождении их обошёл всех собравшихся и со всеми перезнакомился. Тотчас же началось заседание. Вступительную часть произнес г. Висневский приветствовавший дорогого гостя и пригласивший собравшихся выяснить очередные местные вопросы» [ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 576. Л. 4].

Затем ответную весьма тёплую речь произнёс А.И. Гучков, отметивший, что он предпринял поездку по Приамурскому краю с двумя целями: 1) ближе ознакомиться с краем, о котором часто приходится решать вопросы во время законодательной работы и собрать материал; 2) установить и завязать «контакты» с местными общественными практическими деятелями, «…знающими и любящими край и верящими в его будущность». Для законодателей необходимо выяснить общий руководящий взгляд на нужды края и способы их постепенного удовлетворения [ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 576. Л. 4].

После этого «…произошёл интересный живой обмен мнениями по различным вопросам: о сибирском земельном банке, о земельной собственности, о рабочем и жёлтом вопросах, о земстве для Приамурья, о нуждах николаевской рыбопромышленности, о нуждах города Хабаровска и проч.», в котором приняли участие кроме А.И. Гучкова Хабаровский городской голова Иннокентий Иванович Еремеев и гласные Хабаровской Городской думы, избранные на четырёхлетие 1910—1914 гг., а также управляющий отделения Государственного банка в Хабаровске, начальник Хабаровского Окружного арсенала, сотрудник газеты «Новое Время» Т. Холмский, редактор газеты «Приамурье» К.К. Куртеев и др. «По окончании А.И. Гучков в тёплых выражениях поблагодарил собра-

ние и уехал на совещание с военными». На следующий день ему предстояла поездка на базу Амурской речной флотилии [ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 576. Л. 4].

После Хабаровска он собирался проехать вдоль всей линии строящейся Амурской железной дороги и подробно на местах ознакомиться с ходом работ по сооружению этой «…важной и необходимой дороги за постройку которой так твёрдо высказалась Государственная Дума» [ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 576. Л. 1].

Он поделился с журналистом: «…Китай произвёл на меня большое впечатление теми успехами, которые сделал он за самое последнее время. …России необходимо быть на Дальнем Востоке сильной и оружием и культурой. Эти два элемента должны озабочивать и правительство и общество. Потому и приветствую как разделение в крае военных и гражданских забот на двух лиц, так и самое назначение на эти посты высших руководителей каждым делом испытанного боевого генерала П.А. Лечицкого и испытанного администратора Н.Л. Гондатти» [ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 576. Л. 1—2].

Некоторую заминку в торгово-промышленной сфере, вызванную отчасти недостатком русских рабочих рук, на которую А.И. Гучкову указывали во Владивостоке, он заметил и в Хабаровске. «…Я подметил и должен сказать, что всецело стою за планомерную организацию доставки сюда русских рабочих из центральной России на разумных основаниях. Например, для крепостных работ во Владивостоке генерал Вернандер выписал тысячи три рабочих на очень разумных основаниях. Характерной чертой заключённых с рабочими контрактов является то, что рабочие из 40 рублей месячного жалования 15 вносят в артель на содержание (пища обильная и сытная, артельщики выбираются самими рабочими), а на руки получают лишь несколько рублей на мыло, одежду, сапоги. Вся же главная, наибольшая часть жалованья переводится от имени рабочего в волостное правление, где и выдаётся его семье. Поэтому никакого пьянства или мотовства не наблюдается, рабочие работают исправно и будут очень довольны, когда получат с родины письма от жён и матерей с благодарностью за деньги. Привоз рабочих сюда и отправление обратно производится

за счёт казны» [ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 576. Л. 2; 2, с. 96—110; 3, с. 200—201, 204—207].

Многим из тех, с кем он встретился в Хабаровске, пришлось отвечать на самые разнообразные вопросы, поскольку Александр Иванович подробно расспрашивал о местной жизни и нуждах края. Очень интересовался жизненными силами и богатствами Приамурья, расспрашивал о том, чем живёт Хабаровск, как город, о его торговле, промыслах, снабжении мукой, мясом, товарами; о зависимости от Маньчжурии. С полковником А.Ю. Савицким он долгое время вспоминал войну, её события, затем беседовал по казачьим и земельным вопросам. Сотрудник «Нового Времени» Т. Холмский подробно высказал ему первые свои впечатления и сообщил о собранных в Хабаровске материалах. «…Видно было, что А.И. Гучков желает составить полное, исчерпывающее представление о крае», — констатировал журналист [ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 576. Л. 2]. Сам председатель Государственной Думы резюмировал происходящее следующим образом: «…Наблюдая жизнь окраины и знакомясь с её нуждами я не только пользуюсь тем материалом, который может быть почерпнут из официальных источников, но беседую с местными практическими деятелями, которые показывают мне и ту другую сторону дела, которую самому мне вследствие краткости времени, увидеть не пришлось бы. Результатами своей поездки я в общем доволен» [ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 576. Л. 1].

Не подлежит сомнению, что важнейшей составляющей визита было, в том числе и налаживание политических связей на территории Приамурского генерал-губернаторства, и расширение избирательной базы, о чём свидетельствует и продолжительная встреча в Городской думе Хабаровска.

В личном фонде А.И. Гучкова в ГАРФ сохранилось панегирическое стихотворение Н.А. Гаврилова «…в память посещения г. Хабаровска бывшему Председателю Государственной Думы Александру Ивановичу Гучкову», датированное 24 мая 1911 г. [ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 614. Л. 1].

Стихотворение отражает не только опасения новой войны с Японией, будоражившие дальневосточное общество в пери-

од между Русско-японской 1904—1905 гг. и Первой мировой 1914—1918 гг. войнами, но и слабую политическую грамотность, выражавшуюся в полнейшем непонимании некоторыми слоями населения реального отношения «депутата Первопрестольной» к императору, которое идеализировалось при полном отсутствии к тому каких бы то ни было оснований (то, что А.И. Гучков к этому времени стал непримиримым противником Николая II и личным врагом императрицы Александры Федоровны было хорошо известно). Ошибочность подобного заблуждения и верность опасений, относительно притязаний Японии на территории Сибири и российского Дальнего Востока станет очевидной позднее, в период Русской революции 1917 г. и Гражданской войны 1917—1922 гг.

Литература и источники

1. Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Ч. II. Уроки Порт-Артура. 1906—1917 гг. Владивосток: Дальнаука, 2014. С. 191—200.
2. Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Ч. III. «Крепость трех измерений». Владивосток: Дальнаука, 2016. С. 49—52.
3. Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Ч. IV. Инженеры Владивостокской крепости: счастливые люди. Владивосток: Дальнаука, 2015. С. 200—201, 204—207.
4. Александр Иванович Гучков. Председатель Государственной Думы // 3-й Созыв Государственной думы. Портреты. Биографии. Автографы. — СПб., 1910.
5. Александр Иванович Гучков рассказывает… М.: ТОО Редакция журнала «Вопросы истории», 1993. 144 с.
6. Всеподданнейший доклад Военного министра о поездке его на Дальний Восток в Апреле и Мае 1911 года. Б.м., б.г.
7. Семейный архив Эрики Георгиевны Унтербергер (Erika Unterberger), г. Гмунден, Австрия (Gmunden, Österreich). «Zwischen zwei Stülen» Betrachtungen, Gedanken und Erinnerungen von P.F. Unterberger («Между двух стульев» Наблюдения, размышления и воспоминания П.Ф. Унтербергера).
8. ГАРФ (Гос. арх. Российской Федерации).

УДК: 94(47). 084

СОВЕТСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА (ОПЫТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 1920-е гг.)

Н.Н. БИЛИМ

Российская правовая академия Министерства юстиции РФ (Дальневосточный филиал), г. Хабаровск

В статье исследуется процесс разработки национальной политики партией большевиков в новых, постреволюционных условиях. В основу этой деятельности были положены теоретические изыскания руководителей советского государства. Предпринята попытка на примере Дальнего Востока рассмотреть основные направления осуществления государственной политики в отношении коренных народов региона: ликвидация их хозяйственной, политической, культурной отсталости.

Ключевые слова: Дальний Восток, кочевые народы, национальный вопрос, национальная политика, национализм, равноправие наций.

SOVIET NATIONAL POLICIES (THE EXPERIENCE OF THE FAR EAST IN 1920-IES.)

N.N. BILIM

The Russian legal Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (the far eastern Branch), Khabarovsk

The article examines the process of developing the national policy by the Bolshevik Party under new, post-revolutionary conditions. The basis for this activity was the theoretical research of the leaders of the Soviet state. An attempt has been made, with the example of the Far East, to consider the main directions for the elimination of their economic, political, cultural blacwardness.

Key words: The Far East, nomadic peoples, the problem of nationalities, national politics, the national, equality of nations.

Основу формировавшейся в 1920-е гг. национальной политики молодого советского государства составляло марксистское представление о пролетарском интернационализме, адаптированное большевиками к условиям политической трансформации страны.

В начале XX в. В.И. Ленин обосновал место и роль национального вопроса в революционном преобразовании мира, рассматривая его через призму классовых интересов пролетариата. Подчинение национальных требований интересам классовой борьбы являлось фундаментом ленинского подхода к национальному вопросу. Принятая в 1903 г. на II съезде РСДРП Программа партии большевиков провозглашала полное национальное равноправие всех граждан России и объединение рабочих всех национальностей в единые классовые организации. Одним из важнейших программных требований партии стал лозунг о праве наций на самоопределение [3, с. 40].

В одной из первых статей И.В. Сталина, опубликованной в газете «Пролетариатис Брдзола» («Борьба пролетариата») 1 сентября 1904 г., разъясняется позиция социал-демократов по национальному вопросу. Отмечая наличие разных подходов к этой проблеме у национальных социал-демократических организаций Российской империи, он подчёркивал, что каждый класс по-разному понимает национальный вопрос, а «национальный вопрос» в разное время служит разным интересам, всё зависит от того, какой класс его выдвигает. С появлением пролетариата возник «национальный вопрос» пролетариата, который кардинально отличается от национального вопроса предшествующих эпох. Национальный интерес здесь тесно переплетается с классовым интересом, поэтому для победы пролетариата «…необходимо объединение всех рабочих без различия национальности» [6, с. 32, 36].

Свои фундаментальные теоретические изыскания по национальному вопросу И.В. Сталин изложил в работе «Марксизм и национальный вопрос» (1913). В ней дано развёрнутое определение нации, отмечается, что она, как всякое историческое явление, имеет свою историю и только «…наличие всех признаков, взятых вместе, даёт нам нацию» [7, с. 297]. Кроме того, автор подверг критике национальные теории австрийских социал-демократов Р. Шпрингера и О. Бауэра, отождествлявших нацию с национальным характером и не связывавших её с экономической жизнью. В статье характеризуется национальное движение, появление которого связано с развитием капитализма и созданием национальных государств.

Сталин также считал, что одним из важнейших принципов интернационализма является право нации на самоопределение, поскольку «…только сама нация имеет право определять свою судьбу…» [7, с. 310]. Развивая это положение, он показывал в каких формах нация может определять свою судьбу — «…автономия, федерации или сепарация?» [7, с. 313].

Идея бундовцев и австрийских социал-демократов о культурно-национальной автономии изначально была отвергнута И.В. Сталиным, как неприемлемая для нашей страны, поскольку «…осью политической жизни России является не национальный вопрос, а аграрный» [7, с. 318]. Он считал, что культурно-национальная автономия не могла решить национальный вопрос, но могла обострить его, и способствовать обособлению рабочих по национальному признаку. В его трактовке национальный вопрос выступал не как основной, а как составная часть более важного вопроса демократизации страны.

После Октября 1917 г. И.В. Сталин продолжил теоретически обосновывать национальную политику партии большевиков и создание советского государства. Этому посвящены были его доклады на X и XII съездах РКП(б), на X Всероссийском съезде Советов, на I съезде Советов СССР и статьи. В докладе «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» на X съезде партии (1921, март) он анализировал условия разрешения национального вопроса, уделив особое внимание третьему, советскому, периоду развития национального вопроса, периоду «… уничтожения капитализма и ликвидации национального гнёта. В докладе ставится главная задача текущего момента в национальном вопросе — «…уничтожить ту фактическую отсталость (хозяйственную, политическую, культурную) некоторых наций, которую они унаследовали от прошлого…», чтобы они встали вровень с другими народами страны [8, с. 35, 39]. Некоторые теоретические положения его доклада были закреплены в нормах Конституции СССР 1924 г.

Весной 1921 г. газета «Правда» напечатала статью И.В. Сталина «К постановке национального вопроса», в которой отмечены несколько важных, на взгляд автора, признаков, характеризую-

щих новое понимание национального вопроса. Среди них выделена необходимость «…внесения в национальный вопрос нового элемента фактического (а не только правового) выравнивания наций… как одного из условий установления братского сотрудничества между трудящимися массами разных наций». Национальное равенство само по себе важно, но может «…остаться пустым звуком, если нет в наличии достаточных ресурсов и возможностей для использования этого весьма важного права» [8, с. 58, 59]. Поэтому необходимо проводить в жизнь практические мероприятия по развитию культуры отсталых наций, заниматься их политическим просвещением, изучать быт и хозяйственное развитие. Высказанные им положения имели прямое отношение к решению многих проблем малочисленных народов советского Севера.

В тезисах к XII съезду РКП(б) «Национальные моменты в партийном и государственном строительстве» (1923, апрель) подчеркнута невозможность разрешения национальных противоречий в условиях капитализма. Одновременно И.В. Сталин замечает, что определение пути решения проблемы ещё не означает её решения. Необходимо преодоление пережитков прошлого — великодержавного шовинизма, хозяйственного и культурного неравенства национальностей страны, старых национальных обид некоторых народов. Процесс этот длительный, поэтому необходима помощь «…русского пролетариата отсталым народам Союза в деле их хозяйственного и культурного преуспеяния» [8, с. 186—189].

Отвечая на вопрос членов первой американской делегации (1927, сентябрь) о политике партии по отношению к национальным меньшинствам, лидер партии большевиков отметил, что советское государство принципиально отличается от капиталистических стран отсутствием в СССР национального гнёта и национального порабощения. Равноправия и суверенитета всех наций страны удалось достичь поскольку были уничтожены классы, носители и проводники национального угнетения. Причём идея самоопределения наций не декларативная, а реальная, когда «…удалось вытравить взаимное недоверие трудящихся масс различных наций СССР» [9,

с. 125]. Результатом этой национальной политики и стало создание советского государства — СССР.

К этому же времени относится ответ на письмо Л. Михельсона. Принципиальным в ответе является разъяснение позиции по вопросу о сохранении национальных и государственных различий «…даже после победы диктатуры пролетариата во всемирном масштабе…» [9, с. 151]. Одновременно будет идти развитие «…у национальностей СССР и национальной культуры (по форме) и общечеловеческой культуры (по содержанию)…» [9, с. 150].

В 1929 г. И.В. Сталин в ответ на полученные им письма написал работу «Национальный вопрос и ленинизм», в которой отметил, что марксисты имеют свою теорию нации; что нации бывают разные — не только буржуазные, но и социалистические. Ликвидация буржуазных наций не означает ликвидацию наций вообще, на их развалинах возникают новые, социалистические нации. Смешение в современном политическом дискурсе понятий «уничтожение национального гнёта» и «ликвидация национальных различий» являлось, по его мнению, ошибочным. Ведь в СССР, где национальные перегородки были ликвидированы, нации не слились и национальные языки не исчезли. Не менее существенным ориентиром для политики ВКП(б) в национальном вопросе стало и его утверждение о том, что национальный вопрос является частью общего вопроса социально-политического развития общества, характер и задачи национального движения меняются в зависимости от момента. С этим связана и политика партии по национальному вопросу [9, с. 349, 350]. Отмечается, что в момент написания работы политика партии в национальном вопросе определялась помощью нациям страны «…встать на ноги во весь рост, оживить и развить свою национальную культуру, …выращивать свои, национальные партийные и советские кадры…». В связи с чем И.В. Сталин указал на необходимость первого шага в этом направлении — «…сделать прежде всего начальное образование обязательным для всех граждан страны, без различия национальности, а потом и — среднее образование» [9, с. 353, 354].

Не менее важной в работах И.В. Сталина представляется и проблема единства патриотизма и интернационализма пролетариата. Так, в докладе VII расширенному пленуму ИККИ в декабре 1926 г. он, отвечая оппозиции, отметил, что национальные и интернациональные задачи пролетариата страны соединяются в общую задачу — освобождение пролетариата других стран от капитализма. Следовательно, интересы пролетариата СССР тесно связаны с интересами революционного движения в других странах, поэтому «…противопоставлять «национальные» задачи пролетариев той или иной страны задачам интернациональным» есть большая политическая ошибка [5, с. 28].

Как отмечает В. Тишков, советская этническая политика, которая стала называться «национальной политикой», радикально порывала с политикой Российской империи и «…носила модернизационный и антиколониальный характер». Автор выявил наличие в этой политике двух тенденций. Одна из них учитывала «… сложную этническую структуру населения, интересы этногрупп и их элит…», другая — стремилась «…к концентрации в центре функций контроля и унификации культурной сферы…», чтобы реализовать главную задачу власти — социалистическое строительство [10, с. 32, 34].

Одним из показательных примеров реализации советской национальной политики служит Дальний Восток. Здесь переплетались взаимоотношения коренных народов Севера, китайцев и корейцев, переселенцев из центральных губерний России.

Коренные народы Крайнего Севера занимали в составе населения Дальнего Востока особое место. От Кольского полуострова до Камчатки и Чукотки жили 26 народов Севера. В основном это были кочевые народы. До 1917 г. они считались наиболее обездоленной частью населения Российской империи, отличались значительной социально-экономической и культурной отсталостью и были обречены на вымирание. К примеру, в Камчатской губернии 80% коренного населения болело сифилисом, чахоткой и проказой [РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 1049. Л. 5]. Поэтому и путь к социализму у этих народов был более длительным и определялся советскими историками с 1917 по 1940 г. [2] Теоретические осно-

вы перехода от докапиталистического к социалистическому укладу были заложены основоположниками марксизма. В частности, В.И. Ленин говорил о возможности перехода отдельных народов к социализму, минуя капитализм [4].

В 1921 г., в условиях продолжающейся Гражданской войны и иностранной интервенции на Дальнем Востоке, СНК РСФСР выделил для Камчатской области 500 тыс. золотых руб., что было лучшим подтверждением заинтересованности молодого советского государства в развитии национальных районов.

В правительстве Дальневосточной республики (ДВР) было создано Министерство национальных дел. После вхождения этой территории в состав РСФСР, Председатель Дальревкома Кобозев и бывший министр Амагаев поставили вопрос о необходимости сохранения органа, «ведающего делами защиты интересов нацменьшинств и туземных племен», и в декабре 1923 г. при отделе Управления Дальревкома появился подотдел туземных племён [РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 61. Л. 1, 9].

Особенности народов Крайнего Севера и конкретные задачи по созданию нового общества обусловили специфику форм, средств и методов работы с этими категориями населения. По решению ВЦИК СССР от 20 июля 1924 г. создавались комитеты Севера. Они были призваны оказывать содействие в ликвидации отсталости северных народов, организовывать культурные базы (культбазы), кочевые школы и т. п.

В 1924 г. Дальревком разработал первый региональный документ, подробно определявший основы государственного управления на Крайнем Севере — «Временное положение об управлении туземных племён, проживающих на территории Дальневосточной области». В дальнейшем он стал основой для разработанного Комитетом Севера и утверждённого ВЦИК и СНК РСФСР в 1926 г. «Временного положения об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР», положившего конец спорам о пути развития этих народов. В монографии В.Г. Балицкого отмечается, что в начале 1920-х гг. некоторые учёные для развития народов Севера хотели использовать так называемый «американский опыт». Например, В.Г. Богораз-Тан предлагал создать для

них резервации, опасаясь негативных последствий при соприкосновении коренных северных народов с иной жизнью, которые уже наблюдались в некоторых зарубежных странах. Однако партийно-советское руководство нашей страны отказалось от такого решения вопроса. Был, в частности, изучен опыт ДВР по работе с национальными меньшинствами и разработана форма работы с ними, которая сочетала в себе новый уклад жизни с элементами старого. Председатель Дальревкома Я.Б. Гамарник указывал на необходимость «…при сохранении общих основ Конституции РСФСР приспособления отдельных положений ее к особенностям быта туземцев, с тем чтобы в уклад их жизни было внесено возможно меньше ломки» [1, с. 78].

В этот период власти региона многое сделали для налаживания жизни коренного населения. Прежде всего, решались бытовые проблемы, посредством государственной торговли и кооперации налаживалась торговля необходимыми товарами. Однако такая работа среди инородцев только приблизительно удовлетворяла нужды населения, запросы которого, кстати, были неприхотливы. Столь медленное удовлетворение нужд коренного населения было связано с объективными причинами — «… малочисленность, кочевой образ жизни населения, его запуганность, бандитизм…, скудность средств самой кооперации и госторговли», кроме того, «преступно-непростительные ошибки» допускали руководители, «принимая и узаконивая старые дореволюционные методы работы в торговле». Очень громоздким был аппарат управления. Так, например, в Туруханском крае в 1923 г. факторий и отделений было больше, чем жилых помещений, республика несла большие убытки. Работали там большей частью люди случайные, включая оставшихся на окраинах белогвардейцев и спекулянтов. Подрывалось доверие к советской кооперации и торговле и потому, что товарообменные операции велись, как правило, через бывших купцов, получивших прозвище «тунгусники». Они обманывали и спаивали охотников. Но самой большой проблемой было то, что весь товарообмен «… осуществлялся посредством спирта, который является осью вокруг которого движется вся жизнь северного населения». Знание

условий и обычаев позволяли торговцам использовать спирт для обмена на товары: после 7—8 месяцев пребывания в тайге «… охотник-иноверец… обязательно встречал тунгусника и за вечер пьянства рассчитывался месяцами труда» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 177. Л. 20, 21, 22].

В процессе реализации национальной политики советского государства преодолевалась образовательная отсталость коренных народов Севера. На первом месте стояла просветительская работа, и, прежде всего, это относилось к молодёжи, способной быстрее освободиться от пережитков прошлого. В декабре 1925 г. по решению Наркомпроса прошла проверка работы ДальОНО. В отчёте отмечалось, что дело народного образования в ДВО являлось чрезвычайно трудным в силу специфики этой территории: слабая связь с центром, разобщённость отдельных частей региона, особые традиции населения и учительства и др.

Вопрос о просвещении национальных меньшинств выделялся особо: «…ещё не сформировался советский нацмен, т.к. нет определённых форм по его просвещению» [РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 474. Л. 21]. В связи с чем, актуализировалась работа по организации школ-интернатов и созданию культбаз в районах проживания кочевых народов.

В то же время развитие культурно-просветительской работы и образования тормозилось у многих народов Севера из-за отсутствия национальной письменности. Назрела необходимость постановки «…перед Академией наук вопроса о письменности для наиболее многочисленных туземцев» [РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 474. Л. 27 об.], что должно было содействовать их просвещению. Задача была поставлена, и уже в 1932 г. была создана письменность на 14 языках коренных народностей Севера, появились и первые учебники на этих языках. Вслед за букварями и учебными пособиями начался массовый выпуск на национальных языках переводной литературы: политической, производственной, специальной, художественной, детской.

В национальных округах начала складываться сеть культурно-просветительных учреждений. Для дальнейшего развития этих территорий и ликвидации неграмотности среди кочевого населе-

ния необходимо было воспитать национальную интеллигенцию. Самыми перспективными здесь были, конечно, молодые люди, более свободные от груза условностей и пережитков прошлого. Первоначально подготовка национальных кадров — учителей, культработников и других — проходила в уже имеющихся учебных заведениях и на специальных курсах.

Всё новое и передовое не сразу и не просто пробивало себе дорогу. Очень сильны были у народов Дальнего Востока пережитки прошлого, особенно шаманизм. Шаманы и родоплеменная верхушка умело использовали предрассудки и суеверия, запрещали детям и взрослым посещать школы, красные яранги, слушать радио, смотреть кинофильмы. Достаточно прочным положение враждебно настроенных шаманов оставалось ещё и потому, что были допущены ошибки в борьбе с ними. Первоначально она велась чисто административными и репрессивными методами: изъятием предметов культа, арестами. Кроме того, негативный опыт общения с чиновниками до 1917 г. заставлял местное население первое время относиться с недоверием к учителям, врачам, культработникам.

Советское государство решило многие проблемы в сфере межнациональных отношений. Одним из важнейших результатов осуществления государственной национальной политики в 1920-е гг. явилось сохранение этнической самобытности коренных народов Дальнего Востока.

Литература и источники

1. Балицкий В.Г. От патриархально-общинного строя к социализму. М.: Изд-во «Прогресс», 1969. 220 с.
2. Зибарев В.Н. Советское строительство у малых народов (1917—1932). Томск: Изд-во Томского ун-та, 1968. 324 с.
3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. В 2 ч. М.: Государственное изд-во полит. лит., 1953. Ч. 1. 462 с.
4. Ленин В.И. Интернационал молодежи (Заметки) // Полн. собр. соч. Т. 30. Изд. пятое. М.: Государственное изд-во полит. лит., 1962.
5. Сталин И.В. Доклад на VII расширенном Пленуме ИККИ. 7 декабря 1926 г. Соч. Т. 9. М.: ОГИЗ. Гос. изд-во полит. лит, 1948. С. 28.
6. Сталин И.В. Как понимает социал-демократия национальный вопрос. Соч. Т. 1. М.: Государственное изд-во полит. лит, 1953. С. 32, 36.

7. Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос. Соч. Т. 2. М.: Государственное изд-во полит. лит, 1953. С. 297, 310, 313, 318.
8. Сталин И.В. Об очередных задачах партии в национальном вопросе. Соч. Т. 5. М.: Государственное изд-во полит. лит, 1953. С. 35 39, 58, 59, 186—189.
9. Сталин И.В. Товарищу М.И. Ульяновой. Ответ товарищу Л. Михельсону. Соч. Т. 10. М.: Государственное изд-во полит. лит, 1949. С. 125, 150, 151, 349, 350, 353, 354.
10. Тишков В. Переименование как перерождение: начало советской этнополитики // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы междунар. науч. конф. М.: РОССПЭН, 2011. С. 28—50.
11. РГИА ДВ (Рос. гос. ист. арх. Дальнего Востока).
12. РГАСПИ (Рос. гос. арх. социально-политической истории).

УДК: 947.084:[551.48:359](571,6)″1917/1922″

ВЛИЯНИЕ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 1917—1922 гг. НА РОЛЬ ГИДРОГРАФИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ МОРЕПЛАВАНИЯ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ МОРЯХ РОССИИ

Р.В. КОЛЕСНИК

Морской государственный университет им. адм. Г.И. Невельского, г. Владивосток

В статье, анализируются изменения, прошедшие в Гидрографической службе Тихоокеанского флота в революционный период и годы Гражданской войны 1917—1922 гг. Обращается внимание на тот факт, что благодаря передовым взглядам и мировоззрению большинства руководящего состава Гидрографической службы были сохранены основы инфраструктуры Гидрографии на Дальнем Востоке России, материалы практически всех гидрографических работ и люди, выполнявшие эти работы. Сохранённые, материалы, силы и средства послужили основой для возрождения Гидрографии на Дальнем Востоке России уже в новой качественной форме.

Ключевые слова: Дальний Восток, Гидрографическая служба Тихоокеанского флота, революция и Гражданская война в России 1917—1922 гг.

THE INFLUENCE OF REVOLUTION AND CIVIL WAR OF 1917—1922 FOR THE ROLE OF HYDROGRAPHIC SERVICE IN ENSURING THE SAFETY OF NAVIGATION IN THE FAR EASTERN SEAS OF RUSSIA

R.V. KOLESNIK

Maritime State University named after adm. G.I. Nevelskoi, Vladivostok

The article examines the changes that have taken place in the Pacific fleet's hydrographic service in the revolutionary period and the years of civil war 1917—1922. The attention to the fact that, thanks to the advanced views and ideology of most of the senior staff of the hydrographic service were retained basis infrastructure of hydrography in the far east of Russia, materials of virtually all Hydrographic works and people providing these works. Saved, materials, resources and tools provided the basis for the revival of hydrography in the far east of Russia, already in the new high-quality form.

Key words: the Far East, Hydrographic service of the Pacific fleet, Revolution and civil war in Russia 1917—1922.

Изучение дальневосточных морей России и обеспечение безопасности мореплавания осуществляли Дирекция маяков и лоции Восточного океана, Гидрографическая экспедиция Восточного океана и Владивостокская Морская Обсерватория. Дирекции маяков и лоции Восточного океана подчинялись два лоцмейстерства (Охотского и Берегового морей и Владивостокское), мастерская мореходных инструментов, инструментальная камера, депо карт и книг, 13 маяков. Гидрографические работы Дирекции обеспечивали транспорты «Камчадал», «Аякс», «Фарватер» и катер «Павел» [РГА ВМФ. Ф. Р-2193. Оп. 1. Д. 8. Л. 15], в подчинении Экспедиции — судно «Охотск»* [1, с. 607]. Все подразделения базировались во Владивостоке.

К 1917 г. коллекция морских навигационных карт России на регион Тихого океана состояла из 80 карт, в т.ч. на дальневосточные моря, Японское и Охотские моря — 16 путевых карт, от м. Лопатка до м. Дежнева — 7 мелкомасштабных карт. Все-

* «Охотск» — гидрографическое судно, водоизмещение — 1600 т, запас угля — 500 т., суточный расход — 10 т., автономность плавания — 50 сут. Построено в Англии в 1908 г. специально для выполнения гидрографических работ.

го 4 лоции: Лоция северо-западной части Восточного океана от п. Фузан (Пусан) в Корее до Амурского лимана, Лоция Охотского моря (три части) издания 1902—1906 гг.; Лоция Командорских островов и восточного берега Камчатки издания 1898 г. [2, с. 452]. Учитывая географическую протяжённость Дальнего Востока и его слабую цивилизационную обжитость, данного количества карт на этот регион было крайне мало. Поэтому перед Гидрографией стояли задачи интенсивного и профессионального изучения новых районов, поддержания на высоком уровне эксплуатационной готовности плавучих навигационных средств и маяков на побережье, обеспечения высокого профессионального выполнения лоцманских и лоцмейстерских работ в порту Владивосток и устье р. Амур.

Прошедшие в стране Февральская и Октябрьская революции 1917 г. не вызвали больших социальных потрясений во Владивостоке. Военнослужащие и гражданский персонал гидрографических частей в целом не принимали массового участия в революционном движении и были больше заняты выполнением прямых профессиональных обязанностей. Лица, возглавлявшие Дирекцию маяков и лоции Восточного океана в революционный период и последующие годы Гражданской войны (1917—1922), оставаясь при власти и должности, максимально содействовали полноценному функционированию всех подразделений гидрографии. Этому способствовал ещё и тот факт, что руководители Дирекции маяков и лоции Восточного океана одновременно занимали ещё и более высокую должность — должность командира Владивостокского порта [3, с. 41—52]. Высокий статус Дирекции в военном руководстве в Приморье обеспечивал финансирование и материальное обеспечение маяков на побережье для выполнения экспедиционных гидрографических работ.

Происшедшие в России в 1917 г. революции были неоднозначно восприняты разными социальными слоями населения страны. Развернувшаяся борьба за власть породила в стране продолжительную гражданскую войну, этому же способствовала и иностранная интервенция. На Дальнем Востоке этот смутный период закончился в конце ноября 1922 г.

В это время все тринадцать имеющихся в Дирекции маяков неоднократно подвергались разорительным нашествиям и экспроприациям различных вооружённых группировок, материально-технического снабжения и обеспечения продовольствием дальних маяков не было, половина из них не работала [4, с. 101, 104, 108, 112, 118, 126, 127, 130, 137, 140, 144, 147, 152, 154]. Маяк Жонкиер находился под управлением японских оккупационных войск, контролировавших Северный Сахалин и устье Амура. Работа Гидрографической экспедиции Восточного океана по изучению Дальневосточных морей продолжалась в море до 1920 г. без перерыва, несмотря на революционные события, происшедшие в стране. Только на зимний период, для сдачи наработанных во время полевого сезона материалов и подготовки к новому сезону, экспедиционное судно «Охотск» возвращалось в порт Владивосток. В 1918 г. экспедиция выполняла гидрографические работы в районе Шантарских островов в западной части Охотского моря, в 1919—1920 гг. — в Карагинском заливе Восточного побережья Камчатки. В следующий год из-за отсутствия средств проведение гидрографических исследований дальневосточных морей было свёрнуто. С целью сохранения коллектива и продолжения профессиональной деятельности личный состав экспедиции в сокращённом составе был задействован на камеральной обработке собранных ранее материалов. Гидрографическое судно «Охотск», как и другие гидрографические суда, в начале 1922 г. по распоряжению контр-адмирала Г.К. Старка передано в непосредственное подчинение Сибирской флотилии. В июне 1922 г. транспорт «Камчадал» был продан. В ноябре 1922 г. Г.К. Старк увёл за границу все корабли и суда, оказавшиеся на ходу, в том числе и «Охотск».

Послереволюционный период для гидрографии ознаменовался общим разорением, разграблением, гибелью и рассеиванием людей, имевших профессиональную причастность к гидрографии. За годы Гражданской войны на Дальнем Востоке количество маяков сократилось, большая часть прекратила полноценное функционирование, по итогам гидрографических работ не было создано ни одной морской карты, безопасность

мореплавания отечественными силами практически не обеспечивалась.

С установлением советской власти, вхождением Дальневосточной республики в состав РСФСР и введением штата Управления по обеспечению безопасности кораблевождения на Дальнем Востоке (УБЕКО ДВ) после выхода приказа Командующего Красным Флотом № 544 от 23 ноября 1922 г. начался новый период развития Гидрографии на Дальнем Востоке. Благодаря людям, преданным своей профессии и сохранившим материалы гидрографических работ, Гидрография получила дальнейшее развитие.

Уместно вспомнить имена тех, кто, находясь при власти, смог максимально сохранить имущество, материалы, традиции и исследовательский дух гидрографии.

Подьяпольский Вениамин Иванович, контр-адмирал, последний «царский» и первый советский начальник Дирекции маяков и лоций и Управления по обеспечению безопасности кораблевождения на Дальнем Востоке. Одновременно с должностью директора исполнял обязанности начальника штаба Сибирской флотилии. В 1922 г. остался во Владивостоке, впоследствии репрессирован. Реабилитирован 27 декабря 1989 г. посмертно [3, с. 47—49].

Давыдов Борис Владимирович, полковник Корпуса Гидрографов Императорского флота, с 1913 г. по 1922 г. возглавлял Гидрографическую экспедицию Тихого океана. Дальше продолжал служение Гидрографии и Родине в должности начальника Управления по обеспечению безопасности кораблевождения на Дальнем Востоке. Благодаря ему сохранены все материалы полевых работ экспедиции за лихое пятилетие. На основании этих обработанных материалов в 1923 г. в СССР после значительного перерыва издана «Лоция побережий РСФСР Охотского моря и Восточного берега полуострова Камчатки с островом Карагинским включительно», начат выпуск шести морских карт и пяти планов бухт по восточному берегу Камчатки, 22 планов бухт и якорных стоянок Охотского моря [РГА ВМФ. Ф. Р-2192. Оп. 2. Д. 3671. Л. 1—2], восстановлен навигационный контроль за устьем р. Амур и суверенитет СССР над островом Врангеля.

Владимирский Николай Петрович, имея теософское воспитание и обучение, после сдачи экстерном экзаменов по математике, физике и иностранному языку в 1907 г. зачислен в число студентов Санкт-Петербургского университета на физико-математический факультет. С 1916 г. принял руководство гидрометеорологической станцией во Владивостоке, в 1918 г. — избран в состав Исполнительного комитета г. Владивосток. С приходом во Владивосток осенью 1922 г. Красной Армии повторно утверждён в должности Начальника Владивостокской Морской Обсерватории [РГА ВМФ. Ф. Р-2192 Оп. 2. Д. 3671. Л. 1—2].

Они знатные именитые люди, с яркой биографией и значительным послужным списком, настоящие патриоты страны и своего народа, в годы революционных потрясений и смутного времени Гражданской войны благодаря своим передовым взглядам и мировоззрению сохранили преданность профессии, своему долгу перед Отечеством.

Благодаря им, появилась возможность создания Управления по обеспечению безопасности кораблевождения на Дальнем Востоке, дальнейшее его развитие и функционирование.

С 1925 по 1957 г. во Владивостокском порту было судно с именем легендарного гидрографа — ледокол «Капитан Давыдов». Жаль, что традиция имени на корабельном борту не продолжилась в последующие годы.

Литература и источники

1. История Гидрографической службы Российского флота в 4 т. / отв. ред. А.А. Комарицын. СПб.: ГУНиО МО, 1997. Т. 1. Гидрографическая служба Российского флота (1696—1917гг.) / гл. ред. В.Г. Романов. СПб. : ГУНиО МО, 1997. 628 с. История Штурманской службы флота России / Гл. ред. Е.Г. Бабинов. М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. 599 с.
2. Кобылинский. Л.В. Командный и начальствующий состав Гидрографической службы Тихоокеанского флота (1856—2014). Биографический справочник. СПб.: ООО «Типография Феникс», 2014. 691 с.
3. Комарицын А.А., Корякин В.И., Романов В.Г. Маяки России (исторические очерки). СПб., 2001. 514 с.
4. РГА ВМФ (Российский гос. арх. Военно-Морского флота).

УДК: 312 (571.6)

ВЛИЯНИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ НА ИММИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ РЕГИОНЕ

Г.А. ТКАЧЁВА

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

В статье на основе архивных источников проанализирована миграционная политика Советского государства, выявлены особенности применения политико-доктринальных, правовых и программно-целевых технологий в процессе её реализации, представлены статистические данные изменения её численности на Дальнем Востоке СССР к середине 1920-х гг.

Ключевые слова: Дальний Восток СССР, модернизация, трансформация, миграционная политика, переселение, иммиграция, народонаселение.

INFLUENCE OF REVOLUTIONARY EVENTS ON IMMIGRATION PROCESSES IN THE FAR EAST REGION

G.A. TKACHEVA

Institute of History, Archeology and Ethnography of the Far East FEB RAS, far Eastern Federal University, Vladivostok

In article on the basis of archival sources migration policy of the Soviet state is analyzed, features of application of political and doctrinal, legal and program and target technologies in the course of its realization are revealed, its statistical these changes are presented number in the Far East the USSR to the middle of the 1920th.

Key words: Far East USSR, modernization, transformation, migration policy, resettlement, immigration, population.

Необходимость защиты национальных интересов России в Азиатско-Тихоокеанском регионе определила основные направления социально-экономических преобразований восточных терри-

торий, обусловила рост численности населения Дальнего Востока, прежде всего за счёт мигрантов. Доля иностранных подданных в миграционных процессах второй половины XIX в. определяется приблизительно, но по масштабам она уступала крестьянскому и промышленному переселению из европейской части России. По переписи населения 1897 г. в регионе (пересчитано в административных границах 1926 г.) проживали 709,7 тыс. жителей (102,3 тыс. — в городских и 607,4 тыс. — сельских поселениях). В Приамурском крае (Приморская и Амурская области) насчитывалось 38,5 тыс. китайцев, 25,9 тыс. — корейцев, 2,3 тыс. — японцев, составляя соответственно 67%, 99%, 88% лиц данных национальностей в Российской империи [7].

С 1897 по 1913 г. зарегистрировано 50,3 млн случаев перехода границы, как по паспортам, так и по краткосрочным документам, иностранными подданными в пределы Российской империи и 48,9 млн — покинувших. Огромное количество — (около 9/10 всех передвижений через границу) приходится на переезды на короткий срок, но неучтёнными осталась часть иммигрантов по азиатской границе. В пределы империи незаконно проникало немало китайцев и корейцев и их число нельзя определить даже приблизительно [11].

С 1910 по 1914 г. численность китайцев увеличилась примерно с 80 тыс. до 100 тыс. чел., а корейцев — с 54,1 тыс. до 64,3 тыс. Размещались они преимущественно в Приморской области, меньше — в Амурской и совсем мало — в северных районах. В Приамурском крае оседлых японцев в 1909 г. насчитывалось 4,1 тыс., сезонных — 9,1 тыс. чел. На западном побережье Камчатки в 1914 г. на рыбных промыслах были заняты 10,6 тыс. рабочих, из которых на долю русских приходилось только 1,6 тыс. чел. [3, с. 63].

Активное привлечение для освоения восточных территорий трудовых мигрантов из Китая и Кореи привело к увеличению их численности на юге Амурской и Приморской областей. После начала Первой мировой войны иммигранты добровольно или принудительно покидали пределы Российской империи и численность выходцев из Кореи, Китая и Японии не превышала 20% населения Дальнего Востока.

Смена власти в России в 1917 г., Гражданская война, дезорганизация производства сказались на миграционных процессах. Население региона значительно увеличилось за счёт беженцев, военнопленных и военнослужащих. Большинство покинули пределы края, но некоторые закрепились и вошли составной частью в число мигрантов, учёт которых практически в этот период не проводился.

После вхождения в ноябре 1922 г. Дальневосточного края в состав РСФСР национальная политика осуществлялась в соответствии с законодательством советской России. Вселение граждан другого государства в пределы страны регламентировалось постановлениями Совета Труда и Обороны от 2 февраля, 16 марта 1923 г., 17 февраля 1925 г., а также постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 31 марта 1925 г. [8, с. 290—292, 309—310].

Декреты ЦИК и СНК от 26 июня 1921 г., от 28 сентября 1925 г. устанавливали равенство в правах между гражданами страны и иммигрантами, принявшими гражданство СССР. В соответствии со статьёй девятой земельного кодекса, иностранцам земля предоставлялась исключительно на договорных началах, причём, помимо налогов, государственных повинностей, исполняемых наравне с населением РСФСР, с них взималась арендная плата. Иммигрантам, занятым в сельском хозяйстве и промышленности предоставлялись льготы наравне с переселенцами [ГАХК. Ф. 1228. Оп. 1. Д. 5. Л. 6, 43].

Сначала въезд в пределы России был разрешён только политическим, а впоследствии и трудовым иммигрантам, лояльным к советской власти. Для регулирования и содействия сельскохозяйственной и промышленной иммиграции и эмиграции в 1922 г. Совет Народных Комиссаров РСФСР создал из представителей различных ведомств и организаций Постоянную Комиссию Совета Труда и Обороны (КОМСТО). В пределах своей компетенции Комиссия имела право издавать для руководства центральных и местных органов власти постановления, инструкции, распоряжения, определяющие условия устройства и распределения иммигрантов на всей территории Советского Союза.

Управление миграционными процессами осуществлялось центральными и местными органами исполнительной власти, профильными административными структурами. Несмотря на общие цели, решаемые в рамках административно-командной системы управления, между ведомствами существовали различия, как по компетенции, так и по функциональным возможностям. Для всеобщего сведения публиковалась лишь малая часть принятых законов и постановлений. Существовали и претворялись в жизнь циркуляры различных ведомственных структур, противоречившие один другому и законодательным актам.

Численность мигрантов, их расселение и адаптация в дальневосточной социально-территориальной общности определялись нормативно-правовыми, финансово-экономическими, идеологическими факторами, исходя из задач ускоренной модернизации страны. По переписи 1923 г. на территории Забайкальской, Амурской, Приморской губерний проживали около 1,6 млн чел. По национальному признаку преобладали славянские народности — 86,2% населения, группа восточных — 10,3% (см. табл. 1).

В 1923 г. в Благовещенске по сравнению с 1897 г. численность китайцев сократилась с 2928 чел. до 2495 чел.; японцев — с 242 до 8 чел.; число корейцев увеличилось с 68 до 283 чел., однако общий процент этих национальностей уменьшился с 9,86% до 4,82%. Во Владивостоке представители Китая, Кореи и Японии в 1897 г. составляли 43,8%, в 1916 г. — 48,3%, 1923 г. — 27,6% населения (здесь нужно иметь в виду, что в 1916 г. воинские части не переписывались). Перепись 1923 г. зафиксировала по отношению к 1916 г. отток китайцев с 39 860 чел. до 23 159 чел. (с 40,2 до 21,7%); японцев с 3668 до 932 чел. или с 3,8% до 0,9% и увеличение числа корейцев с 4180 до 5333 чел., что составляло соответственно 4,3 и 5% учётного населения [12, с. 5—6].

К началу 1924 г. в Забайкальской, Амурской, Приморской губерниях, без Камчатской и Сахалинской областей, зарегистрировано 50 183 китайца, 110 480 корейцев и 1095 японцев, составляя соответственно 3,2%, 7% и 0,07% населения. Если же произвести подсчёты, исключив Забайкалье, впоследствии не входившее в территориальные рамки Дальневосточного края, то это соотношение

составит 4,4; 10,7; 0,1%. Бóльшая часть иммигрантов сосредоточилась в южных районах, причём в Приморской губернии (нынешние Приморский и Хабаровский края) проживали 81,7% выходцев из Маньчжурии, 93% — из Кореи и 97% — из Японии [13 (подсчит. авт.)].

По переписи населения 1926 г. в административных районах Дальневосточного края (ДВК) проживали 1790,6 тыс. чел., в том числе 19,6 тыс. — не указали место рождения, 949,2 тыс. — местные по рождению и 821,8 тыс. — пришлые. Перепись в границах Читинского, Зейского, Сретенского, Амурского, Николаевского, Хабаровского, Владивостокского, Камчатского, Сахалинского округов зафиксировала 168 009 корейцев, в том числе 83 078 (49,4%) иностранных подданных; 72 005 китайцев (94,9%) иностранцев, что составляло соответственно 9,7% и 4,2% населения Дальневосточного края [1, с. 8, 54—55 (подсчит. авт.)]. По различным источникам численность иммигрантов колебалась до середины 1930-х гг. в пределах от 160 тыс. до 180 тыс. чел. корейской национальности и от 50 тыс. до 70 тыс. чел. — китайской, и не превышало 10% населения Дальнего Востока [3, с. 13; 2, с. 39].

Таким образом, с 1923 по 1926 гг. произошло увеличение численности иммигрантов на территории дальневосточного региона, причём темпы прироста корейского населения значительно превосходили темпы прироста китайского. По предварительным подсчётам к 1936 г. трудовая и латентная иммиграция должна была увеличить численность корейцев до 204,6 тыс. (5,4% общей численности населения), китайцев — до 77,5 тыс. (2,1% населения) [14].

Иное положение занимала японская иммиграция. Постоянно живущих в крае японцев было мало, однако на рыбную путину прибывало много сезонных рабочих. В 1925 г. в рыбной промышленности Дальнего Востока были заняты 22,6 тыс. японцев. В 1929 г. их число увеличилось до 30,5 тыс. и к началу 1930 г. достигло 38,6 тыс. чел., что приводило к утечке валюты и не способствовало заселению края. К 1933 г. завоз японских рабочих прекращается [10, с. 78, 80].

Таблица 1

Численность населения Дальневосточного края в административных границах середины 1920-х гг. по переписям населения 1897, 1923, 1926 гг., чел.

Округ	Годы	Население				
		городское	сельское	мужчин	женщин	всего
Читинский	1897	12157	185053	101486	95714	197200
	1923	—	—	178436	170947	349383
	1926	91708	294450	196293	189865	386158
Сретенский	1897	6638	140610	76566	70682	147248
	1923	—	—	98251	92557	190808
	1926	22170	181773	104441	99502	203943
Зейский	1897	—	14677	9310	5367	14677
	1923	—	—	18675	16853	35528
	1926	21053	29339	27734	22358	50392
Амурский	1897	32834	70938	58484	45288	103772
	1923	—		181082	172413	353495
	1926	97484	298299	204950	190833	395783
Хабаровский	1897	14971	27568	30775	11764	42539
	1923	—	—	76217	64101	149318
	1926	61431	126929	103616	84744	188360
Владивостокский	1897	28933	100791	36958	29766	129724
	1923	—	—	270185	217783	487968
	1926	166125	405906	320587	251444	572031
Николаевский	1897	5991	20203	16128	10066	26194
	1923	—	—	16067	13409	29476
	1926	8048	29819	21194	16673	37867
Сахалинский	1897	—	9558	14303	5255	19558
	1923	—	—	4624	4209	8833
	1926	2748	9111	7021	4838	11859
Камчатский	1897	830	28022	14465	14387	28852
	1923	—	—	—	—	30606
	1926	1691	33267	18245	16713	34958
ДВК	1897	102344	607420	414288	295481	709764
	1923	—	—	—	—	1626415
	1926	472458	1408893	1004081	877270	1881351

Источник. Дальневосточный край в цифрах. Справочник. Хабаровск, 1929. С. 36. Исчисления 1897 г. произведены исходя из административного деления на 1926 г. составителями сборника: Стат. ежегодник. Хабаровск, 1926. Ч. 1. С. 10—12; Всесоюзная перепись населения 1926 г. Дальневосточный край. Якутская АССР. М., 1928. Т. 7. С. 5, 34, 66, 80, 90, 93, 96, 99, 102, 106, 115 (сост. авт.).

В последующие годы численность выходцев из Маньчжурии неуклонно сокращалась, причём с начала всё ускоряющимися темпами, а из Кореи — увеличивалась с тенденцией замедления. Примечательно, что при разработке перспективного плана индустриализации Дальневосточного края предполагалась стихийная иммиграция этих групп населения.

Иммигранты Дальнего Востока условно подразделялись на ранее проживавших в различных административно-территориальных районах России и вновь прибывавших по трудовому соглашению, составляя особую социальную группу трудовых ресурсов, обусловленных источниками существования (рабочие, крестьяне, кустари, торговцы и сезонники, бродячий элемент).

Значительная часть иммигрантов на Дальнем Востоке являлась земледельцами: огородничество и садоводство — у китайцев, полеводство — у корейцев, при преобладании последних. В зависимости от времени заселения и разных форм наделения землёй, наблюдались резкие различия в их экономическом положении. Корейское крестьянство, исключая старожилов, в основной массе было малоземельное и безземельное, довольствовалось арендой 1—2 десятин. В корейской деревне в 1923 г. из 10 643 обследованных корейских дворов 74% были бедняцкими, 20% — середняцкими и 6% — кулацкими. В единственном корейском селе Благословенном, наделённом в своё время стодесятинным наделом, 19,3% дворов бедняцкие, 72% — середняцкие и 8,7% — кулацкие [5, с. 148].

По данным переписи 1923 г., крупные корейские хозяйства получали больше половины своих доходов от сдачи земли в аренду, а средние — 47,26%. Доход корейцев зависел от разных условий — 27% нанимались на работу к собственникам земли, 36% —занимались лесными и прочими промыслами, случайными заработками.

Кредит занимал в составе доходов корейских хозяйств среднего уровня 12,8% [ГАПК. Ф. П-61. Оп. 1. Д. 704. Л. 139].

Малоземельные корейские и китайские хозяйства зачастую не обеспечивали не только внутреннего накопления, но и простого воспроизводства ресурсов. По данным переписи, в 1929 г. в Приморье проживало 44% корейских семей, заселившихся в период с 1848 по 1910 г.; 24,4% — с 1911 по 1922 г.; 15,9% — с 1923 по 1929 г. и 15,9% семей являлись уроженцами дальневосточного региона. Сельскохозяйственным трудом занимались 27 509 корейских и китайских хозяйств общей численностью (включая иждивенцев) 160 213 чел., они использовали 63 347 га земли, что составляло в среднем 2,3 га на хозяйство. Своей землёй владели лишь 7238 хозяйств (31%), обрабатывавших 46,6% земли [6; 9, с. 12;4, с. 7].

Из-за слабой подготовки земельных фондов и недостатков в организационно-хозяйственных мероприятиях, расселение малоземельных и безземельных не было осуществлено. Корейцы южных районов Приморья, где малоземелье ощущалось особенно остро, несмотря на принудительные меры (запрещалось сдавать землю в аренду, принимать на работу на производство) не переселялись в отведённые районы.

В 1923 г. в городских поселениях Амурской и Приморской губерний более половины иммигрантов являлись рабочими по найму, 9,4% — прислугой, 9,6 — служащими, 18,6 — хозяевами, 0,2 — лицами свободных профессий (медики, педагоги, художники, служители культов) и 4% других занятий. Восточные рабочие составляли в городских поселениях этих губерний 47,2% всех наёмных рабочих: из них работали 28,2% — местными транспортниками (носильщиками, грузчиками), 7,1% — горнорабочими, 4,6% — пищевиками, 5,6 — кожевниками, 3,6 — строителями, 2,6 — сельскохозяйственными рабочими, 2,4% — металлистами и использовались в основном для малоквалифицированного труда. В общей численности рабочих восточники преобладали в текстильной (87,4%), пищевой (62,8), местно-транспортной (61,5), горной (59,8%) отраслях и среди сельскохозяйственных рабочих — 61,1% (см. табл. 2).

Таблица 2

Население Дальневосточной области по переписи 1923 г., чел.

Показатели	Всего	В том числе по национальному признаку		
		корейцы	китайцы	японцы
Численность населения:				
обоего пола	1568786	110480	50183	1095
мужчин	824569	58939	46842	707
женщин	744217	51541	3341	388
Распределение населения по месту жительства:				
в городах и посёлках городского типа	428047	12250	42586	1026
сельских поселениях	1140739	98230	7597	69
Самодеятельное городское население				
в т. ч. рабочие	57268	1095	20192	97
из них, сельско-хозяйственные рабочие	2236	342	922	13
горнорабочие	2962	29	1480	-
кожевники	2086	19	1287	5
местно-транспортники	10227	276	5711	10
прислуга	10411	71		119
Служащие	33324	264	3652	205
из них торгово-служ. хоз. персонал	6066	72	2964	62
лица свободных профессий	1044	26	37	9
в т. ч. служ. культов	303	11	12	2
Хозяева	23251	875	7978	171
из них хозяева с наёмными рабочими	3756	70	2372	75
хозяева-одиночки	15270	547	4445	81
Прочие	41961	501	1362	82
Безработные	16958	349	2038	74

Примечание. Исчисления произведены без Камчатки и Сахалина, включая Забайкальскую, Амурскую, Приморскую губернии. Стат. ежегодник. 1923—1925 гг. Хабаровск, 1926. Ч. 1. С. 21, 23, 38 (сост. авт.).

Процент самодеятельного населения среди восточников был гораздо выше, чем среди русскоязычного населения. По переписи 1926 г. самодеятельными являлись 64,6% восточных народов, в том числе 88 966 чел. (53%) — иммигрантов из Кореи, 65 998 чел. (91,7%) — из Маньчжурии. Среди русских и украинцев, составлявших 86,3% населения региона, этот показатель равнялся 49,9%.

При анализе самодеятельного населения выясняется, что 20,6% выходцев из азиатских стран — рабочие, причём 73% из них китайской национальности. Всего наёмных рабочих насчитывалось 99 273 чел., восточники составляли 32,1%. Они были заняты: в сельском хозяйстве — 30,1%, причём среди корейских рабочих этот показатель составлял 71,3%, фабрично-заводской промышленности — 19,1%, кустарно-ремесленной — 11,6%, на железнодорожном — 7%, других видах транспорта — 7,1%, прочих — 21,6%.

Рабочие-корейцы в основном занимались сельскохозяйственным трудом, в незначительных количествах — в качестве лесозаготовителей, рыболовов и охотников (около тысячи чел.). Китайские рабочие на сельскохозяйственные работы почти не нанимались, а большая часть их трудилась в фабрично-заводской промышленности: 2813 чел. — горнорабочими, 1206 — забойщиками, 999 — откатчиками, 512 — чернорабочими и 512 чел. — местнотранспортниками.

В кустарно-ремесленной промышленности китайские рабочие составляли 60,6% занятых, преобладали почти во всех видах производства. На транспорте восточники использовались как местные транспортники — 49% этой категории рабочих, грузчики — 53%, то есть на работах, не требующих высокой квалификации.

Выходцы из азиатских стран работали в качестве младшего обслуживающего персонала, 1196 чел. — личной прислугой, 1057 — поварами, кухарками. В то время как среди корейцев насчитывалось 407 культурно-просветительных работников, 387 учителей, а среди китайского населения такими видами работы были заняты единицы.

Хозяева с наёмной рабочей силой составляли среди иммигрантов Маньчжурии 28,9%, среди выходцев из Кореи — 13,9%. Хозяева, работающие только с членами семьи и артели — 20,3% самодеятельного населения иммигрантов. Наибольшее представительство среди занятых имели помогающие члены семьи — 31,2%, причём

98% из них — на сельскохозяйственных работах. На третьем месте стоит группа одиночек (14,1% самодеятельного населения).

В 1917 г. среди корейцев, сдававших свои дома в аренду, насчитывалось 511 домовладельцев. В числе зажиточной и привилегированной части корейского населения были и подрядчики, владеющие капиталами, промышленными и торговыми предприятиями. Во Владивостоке их насчитывалось 59 чел., в Никольске-Уссурийском — 17.

Из всех заведений, охваченных городской переписью 1923 г., 52,1% — принадлежало иностранным подданным (1380 предприятий) и 57,9% всех частных промышленных. Из общего количества промышленных заведений иностранцев, 1252 принадлежали восточникам, однако по числу работников, занятых в них, можно заключить, что это мелкие предприятия кустарно-ремесленного типа. Выходцы из соседних стран имели 668 заведений по производству предметов одежды и туалета, 227 — пищевых продуктов, 186 — металлообработки, 49 — обработки дерева, 35 — кожевенной и меховой продукции.

В 1926 г. иммигранты из азиатских стран также играли большую роль в торговле, составляя 35,9% всего торгово-служащего персонала дальневосточного региона при преобладании лиц китайской национальности (8109 чел., или 96%). Наибольший вес они имели в розничной торговле и наименьший — в оптовой: 1198 чел. являлись торговцами с наёмной рабочей силой, 1415 — одиночки, 2005 — продавцы, 886 — разносчики, 881 чел. — младший обслуживающий персонал (см. табл. 3).

Таблица 3

Распределение иммигрантов по отраслям народного хозяйства Дальневосточного края в 1926 г., чел.

Показатели	По национальному признаку	
	корейцы	китайцы
Численность иммигрантов, из них	168009	72005
Самодеятельные, в т.ч.:	88966	65998
Рабочие, из них в	8598	23271

сельском хозяйстве	6134	3458
фабрично-заводской промышленности	267	5835
кустарно-ремесленной промышленности	66	3626
железнодорожном транспорте	208	2035
прочих видах транспорта	298	1966
Служащие, из них в	1107	5844
сельском хозяйстве	45	41
фабрично-заводской промышленности	31	234
кустарно-ремесленной промышленности	7	391
торговле и кредитах	154	2999
Лица свободных профессий	47	115
Хозяева с наёмными рабочими, из них	3542	3832
хозяева, работающие только с членами семьи и членами артели	21952	9453
Одиночки, из них в	5348	16603
сельском хозяйстве	4686	3195
кустарно-ремесленной промышленности	422	4283
строительстве	76	1976
транспорте	58	4640
торговле	100	2427
Члены семьи, помогающие в занятии, из них в	46648	1808
сельском хозяйстве	46604	1334
Лица, не имеющие или не указавшие занятие	568	1954
Безработные	1059	3107
Военнослужащие	97	-

Источники. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Дальневосточный край. М., 1928. Т. 7. С. 54—55; Всесоюзная перепись населения 1926 г. Дальневосточный край. Якутская АССР. Занятия. М., 1930. Т. 4. С. 2—3. Перепись 1926 г. проводилась в Читинском, Зейском, Сретенском, Амурском, Николаевском, Хабаровском, Владивостокском, Камчатском, Сахалинском округах (сост. авт.).

Основным условием влияния китайского торгового капитала являлись непосредственные связи с заграницей и опора на торговые базы китайских промышленных рынков. Напротив каждого населённого пункта на сопредельной территории были транзитные лавочки и крупные торговые предприятия с дешёвыми товарами, обильно снабжавшими приграничную полосу контрабандой, и принимавшими вывозимые ценности. По подсчётам экономистов в 1920-х гг., на Дальний Восток проникало контрабандного товара на сумму 20 млн руб. в год. Экспортная контрабанда охватывала преимущественно золото и пушнину (примерно 50% их добычи), что не способствовало развитию региона [ГАХК. Ф. 1228. Оп. 1. Д. 42. Л. 2].

Китайская иммиграция давала, преимущественно, взрослых лиц мужского пола, не имела естественного прироста и оседала в основном в городах и городских поселениях, распределяясь по отраслям промышленности. Корейское же население переселялось семьями, при незначительном преобладании мужчин, и более 90% их оседали в сельской местности. Китайцы почти не подвергались ассимилирующему воздействию среды. Накопление сбережений и возвращение на родину для большинства из них составляло единственную цель пребывания в крае. В их среде имелся относительно высокий процент преступных элементов.

Иммигранты представляли собой резко разграниченные в правовом отношении категории. Первая — граждане СССР. Независимо от оснований приобретения гражданства, теоретически обладали всеми социально-экономическими, политическими и личными правами, декларированными законодательством. Вторая — легально прибывшие с национальным паспортом и имеющие визы полномочных советских представителей. Эта категория считалась иностранными подданными с постоянным или временным проживанием с обязательным получением «Вида на жительство». Формально они находились под покровительством государства, чьими подданными являлись, но фактически всецело зависели от политической ориентации советского правительства по национальным вопросам и местной администрации.

Можно выделить ещё одну категорию. Это иммигранты, перешедшие границу нелегально, проживающие без национальных

виз и паспортов. При благоприятных условиях, вновь прибывшие образовывали небольшие хутора или присоединялись к уже обосновавшимся сородичам, и всецело зависели от обстоятельств. Проникшие в пределы России без разрешения предавались суду, карались лишением свободы или высылались.

В целях определения правового положения иммигрантов, помимо паспортизации и прописки, проводились регулярные проверки с привлечением советского и административно-хозяйственного аппарата. Наличие иностранцев в качестве постоянных жителей по политическим, военным и экономическим соображениям было невыгодно. По международным законам иностранца нельзя было мобилизовать в армию или арестовать, не известив об этом заинтересованное государство, привлекать к прочим повинностям, взимать определённые виды сборов и налогов. Частная собственность, полностью конфискованная у советских граждан, в некоторых случаях могла оставаться за иностранцами.

Программы перспективного развития региона предусматривали, в первую очередь, оптимизацию численности трудоспособного населения. Использование внешних трудовых ресурсов обусловливалось социально-политическими изменениями в СССР после революции 1917 г., изменениями геополитической ситуации и ухудшением социально-экономического положения различных социальных слоёв в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Иммиграция на Дальний Восток формировала трудовые ресурсы в первую очередь для сельского хозяйства, металлообрабатывающей, топливно-энергетической, лесной, рыбной отраслей Дальневосточного края. Легальная и нелегальная иммиграция, изменяя свои параметры под влиянием социально-политических, демографических, национальных и международных факторов, стала массовым явлением и вызывала необходимость ужесточения государственного контроля, самовольный въезд иностранцев запрещался, усиливалась охрана границ.

Решая государственные задачи обеспечения социальной и политической безопасности СССР, советское правительство стремилось, во-первых, защитить рынок труда от стихийного притока мигрантов, а во-вторых, обеспечить рациональное рас-

пределение иностранной рабочей силы по отраслям, которые не обеспечивались внутренними трудовыми ресурсами. С другой стороны, активно велась подготовка коммунистов для пропаганды революционных и национально-освободительных идей в Корее и Китае.

Литература и источники

1. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Дальневосточный край. М., 1928. Т. 7. Вып. 7. 111 с.
2. Дальневосточный край в цифрах. Справочник. Хабаровск, 1929. 281 с.
3. Дальневосточный край в цифрах. Хабаровск, 1932. 262 с.
4. Итоги переписи корейского населения Владивостокского округа в 1929 г. Хабаровск — Владивосток, 1932. 91 с.
5. Ким Сын Хва. Очерки по истории советских корейцев. Алма-Ата, 1965. 252 с.
6. Основные итоги работы Далькрайисполкома за 1928/29 г., 1929/1930 г. К перевыборам Советов в 1930 г. Хабаровск, 1930. С. 20.
7. Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. Т. II. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведённой 28 января 1897 года. С-Петербург, 1905. Таблица XIII. Распределение населения по родному языку. Расчеты Демоскопа Weekly. http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_26.php?reg=2 (дата обращения: 24.04.2018).
8. Переселенческое дело. Сб. декретов и распоряжений по переселению. М., 1927. 360 с. X, XI, 4 вклад. л. табл.
9. Районы Дальневосточного края / без Камчатки и Сахалина / Хабаровск, 1930. Табл. 12;
10. Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М., 1990. 167 с.
11. Сифман Р.И. Динамика численности населения России за 1897—1914 гг. //URL:http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/polka/gold_fund05.html (дата обращения: 8.05.2018).
12. Статистический вестник Дальнего Востока. Чита, 1924. Кн. 1. С. 5—6.
13. Статистический ежегодник. 1923—1925. Ч. 1. С. 22—25.
14. Ярмош А.М. Движение населения ДВК за десятилетие 1926—1936 // Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1927. № 1—2. С. 100.
15. ГАПК (Гос. арх. Приморского края).
16. ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края).

УДК: 951.8.:947.084.2

ВЛИЯНИЕ ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА И ЕЁ ПОСЛЕДСТВИЙ НА ЭМИГРАЦИЮ И ЖИЗНЬ РУССКИХ КАЗАКОВ В МАНЬЧЖУРИИ

Ю.В. АРГУДЯЕВА

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, г. Владивосток

Освещаются влияние Великой российской революции 1917 г. и её последствий на эмиграцию русских казаков Забайкалья в Маньчжурию, трансляция на маньчжурские земли культурного наследия русских. Рассматриваются проблемы адаптации забайкальских казаков к местным условиям, их вклад в сохранение и развитие русской культуры в Северо-Восточном Китае. Анализируется демографическая ситуация, особенности хозяйствования, национальные традиции в материальной культуре, семейном и общественном быту; уделено внимание характеристике культурных контактов с местным населением.

Ключевые слова: Русские, казаки, Забайкалье, Маньчжурия, хозяйство, материальная культура, семья, быт, традиции, культура, трансляция, взаимовлияние культур.

THE INFLUENCE OF THE GREAT RUSSIAN REVOLUTION 1917 AND ITS CONSEQUENCES ON EMIGRATION AND LIFE OF THE RUSSIAN COSSACKS IN MANCHURIA

Y.V. ARGUDIAEVA

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok

There elucidated the influence of the Great Russian revolution 1917 and its consequences on emigration of the Russian Cossacks of Transbaikalye to Manchuria, translation of cultural heritage to Manchuria lands. There considered the problems of adaptation of Transbaikalye Cossacks to local conditions, their contribution in preserving and development of the Russian culture in North East China. There analyzed demographic situation, peculiarities of economy, national traditions in material culture, family and social mode of life; there is given attention to the characteristics of cultural contact with local population.

Key words: Russians, Cossacks, Transbaikalye, Manchuria, economy, material culture, family, mode of life, traditions, culture, translation, inter influence of cultures.

Область на северо-востоке Китая — Маньчжурия, включающая в своей северо-западной части Баргу и её северной части — Трёхречье, издавна была заселена различными местными монголоязычными и тунгусоязчными народами (эвенки, хамниганы, солоны, орочоны, якуты, чапчины, олоты, дауры, маньчжуры, монголы, хэчжэ и др.). С XVII в. здесь появились китайцы и русские, в первой трети XX в. — японцы. Для нас важно охарактеризовать жизнедеятельность на этой территории, в частности, в районе Трёхречья (территория бассейна трёх рек — Гана, Дербула и Хаула) русского сельского населения — забайкальских казаков, прибывших сюда в основном в первой трети XX в. после Октябрьской революции 1917 г., Гражданской войны и начала коллективизации в России, хотя отдельные отряды русских казаков появились в Барге ещё в конце XVII в. [10, с. 12]. Значительный приток русских рабочих и мастеровых в Маньчжурию произошёл в конце XIX в. в связи с постройкой Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД).

По сведениям известного исследователя Трёхречья А.М. Кайгородова заселение и освоение собственно Трёхречья практически началось в конце XIX в. с появления там первых охотничьих заимок и избушек, созданных забайкальскими казаками. Они были сезонными и служили укрытием от непогоды и местом проживания только на время покоса (казаки ездили заготавливать сено на маньчжурскую сторону р. Аргунь) или в период зимнего охотничьего сезона. Впоследствии практически все первые заимки переросли в хутора, посёлки и деревни [3, с. 121—134]. Первые русские заимки появились по Хаулу — реке, самой близкой к пограничной с Россией р. Аргунь. Хозяева хуторов и заимок, пережив Первую мировую войну, перестали возвращаться к себе на родину в левобережные приаргуньские казачьи станицы, вывезли из Забайкалья свои семьи и стали постоянно проживать по р. Хаул.

В годы революции и Гражданской войны в России, в Трёхречье устремился поток беженцев, отходили разгромленные красными ча-

сти атамана Семёнова и других вожаков белого движения. В этот период казаки, не принявшие советскую власть, с семьями, скотом и имуществом переправлялись через р. Аргунь на китайскую сторону. В прибрежных районах р. Хаул рыли землянки, строили дома, сеяли хлеб, косили сено. Но в 1929 г. отряды забайкальских партизан во главе с С.И. Толстокулаковым совершили несколько рейдов на правобережье р. Аргунь и р. Хаул. Русские посёлки в этой местности были сожжены, погибло немало людей. Уцелевшие поселенцы, побросав всё имущество, бежали на Дербул и Ган. Бассейн р. Хаул опустел, лишь в его верховьях осталась одна китайская деревня Караванная, где многие китайцы имели русских жён [6, с. 4—5]. На реке Дербул появились посёлки Дубовая, Ключевая, Тулунтуй, Попирай, Караганы, Щучье. На берегах Гана — Светлый Колуй, Челотуй, Лабдарин, Усть-Кули, Усть-Урга, Покровка, Ширфовая. Несколько посёлков было основано возле ключей, родников и небольших речушек — это Верх-Кули, Верх-Урга, Барджакан, Лапцагор, Драгоценка [13, с. 20]. Подавляющее число жителей этих посёлков состояло из забайкальских казаков, бежавших в Трёхречье после Октябрьской революции 1917 г. и Гражданской войны, но перебрались сюда и некоторые жители пристанционной полосы КВЖД, и рабочие из Европейской части России, что в определённой степени было обусловлено слабой заселённостью территории Трёхречья и возможностью обустроить здесь свою жизнь. Значительный приток беженцев-казаков из Забайкалья в Маньчжурию наблюдался и в период коллективизации. По данным А.М. Кайгородова, в 1945 г. — ко времени прихода в Маньчжурию Красной Армии, русское население Трёхречья составляло 11 тыс. чел, включая жителей 16-ти посёлков и трёх выселков [8, с. 141]

По конфессиональной принадлежности в трёхреченских посёлках поселились преимущественно приверженцы официально признанного православия, но были и старообрядцы-поповцы и старообрядцы-беспоповцы [2, с. 61—64].

Географически Трёхречье делится на таёжную, лесостепную и степную части, что и определило основу хозяйственной направленности в населённых пунктах той или иной зоны — земледелие, скотоводство, охота, рыболовство. Ориентация только на опреде-

лённые виды деятельности, в связи с природно-экологическими условиями, тем не менее, позволяла, путём торгово-обменных операций, иметь все необходимые для обеспечения традиционной жизнедеятельности продукты питания.

Адаптация первых переселенцев-казаков в рассматриваемых районах Маньчжурии проходила сложно. Средства к жизни казаки получали исключительно от занятия скотоводством и охотой. Однако от возникшей эпидемической вспышки стада значительно уменьшились. Стали возникать проблемы и с охотничьими угодьями из-за постоянных стычек с аборигенами-орочонами. В итоге, и скотоводы, и охотники-промысловики постепенно стали переходить к земледелию, ежегодно увеличивая распашки [12, с. 66]. Но и здесь были свои сложности. Землю под посевы нужно было арендовать и то, при условии получения у местных властей разрешительного свидетельства и принятия китайского подданства, либо причисления к китайским общинам наёмными рабочими. Казаки выбрали последнее [11, с. 44].

Земледелие оставалось экстенсивным. Оно велось по старинке, как и в Забайкалье, без применения удобрений. Не было ни агрономов, ни ветеринарных врачей. Выращивание зерновых осуществлялось как и в Забайкалье. Землю обрабатывали при помощи лошадей и волов, используя первоначально плуги и бороны. Сеяли преимущественно пшеницу, овёс, ячмень, гречиху. Яровых хлебов, как и в Забайкалье, высевали мало из-за сурового климата. Уборка зерновых начиналась с середины августа. Урожай убирали серпами и косами, к обмолоту хлебов приступали с наступлением холодов, помол зерна осуществляли при помощи конных и водяных мельниц. Впоследствии стали применять разнообразную сельскохозяйственную технику преимущественно зарубежного производства — трактора, дисковые бороны, конные грабли, жнейки, молотилки, веялки, сноповязы [13, с. 205], которые приобретали в Хайларе и Харбине.

Важной работой в летнем календаре был сенокос. Им занимались с середины июля до середины августа.

Скотоводство и животноводство превалировало в южной части Трёхречья. Казаки разводили лошадей, рогатый скот, овец, коз, свиней. Скотоводство подразделялось на чисто-пастбищное и стойловое, чередующееся с пастбищным. Скот считался валютой:

им платили подати, на него выменивались продукты и предметы первой необходимости. С конца 1920-х гг. значительное развитие получило молочное животноводство и на его основе — маслоделие. Были созданы и успешно функционировали несколько маслодельных предприятий, которые в 1944 г. выработали 235 т масла [1, с. 158]. Определённый доход получали жители Трёхречья и от других видов занятий — охоты, рыболовства, пчеловодства и работы на лесных концессиях.

В материальной культуре придерживались традиций русской культуры, принесённых из Забайкалья. Устройство усадьбы — комплекс жилых, хозяйственных и иных, необходимых в повседневной жизни построек и площадок для размещения сельскохозяйственной техники, сооружений для хранения продукции сельского хозяйства и содержания домашнего скота и птицы было практически полностью транслировано русскими казаками из Забайкалья в Трёхречье. Поселения строились по такому же принципу, как и на родине. Планировка и внешний облик отдельных посёлков практически были одинаковые: широкие прямые улицы, деревянные рубленые, построенные в северорусских и среднерусских традициях, а в южных районах Трёхречья — саманные жилища, крытые преимущественно драньём или берестой, с фасадом, выходящим во двор и небольшим палисадником [3, с. 131]. В качестве строительного материала применяли и тальник (разновидность ивы). Из него в безлесных районах Трёхречья строили избы, но чаще использовали при сооружении различных надворных построек.

Демографическая ситуация и демографическое поведение в первые годы освоения Трёхречья выступала как составляющая адаптации. Причём в адаптационном процессе особенно важно было соотношение мужчин и женщин и доли лиц фертильного возраста. В определённой степени половозрастная структура русского населения Трёхречья на первых этапах его освоения оказалась разбалансированной: преобладало мужское население. Это было связано с тем, что в зарубежье уходили не только казачьи семьи, но и значительная доля молодых неженатых казаков, эмигрировавших в Маньчжурию, в том числе в Трёхречье, вместе с воинскими подразделениями отрядов Семёнова и других вожаков Белого движения.

Некоторые девушки в приграничной с р. Аргунь местности выходили замуж за китайцев. Иногда к этому приводил ряд жизненных обстоятельств — нередким явлением в 1920-е гг., поощряемым китайской полицией, было насильственное умыкание русских девушек замуж за китайцев [14], были и прямые домогательства со стороны китайских мужчин, заканчивавшиеся трагедией [5].

По составу и структуре трёхреченские казачьи семьи были, как и в Забайкалье, разными — разделёнными и неразделёнными, имевшими четыре—девять детей. В некоторых неразделённых семьях жили два—три женатых сына со своими жёнами и детьми, и другие родственники [1, с. 344—346]. По сложившейся исстари традиции, семейным коллективом руководил глава семьи — чаще отец семейства, хотя могла главенствовать и женщина-вдова. У каждого члена семьи, в том числе с раннего возраста и у детей, были свои обязанности, часть из них делилась на мужские и женские.

Пища и набор пищевых продуктов казаков Трёхречья были такими же как пищевые пристрастия и пищевой рацион в Забайкалье. Этому способствовали и природно-экологические условия жизнедеятельности, практически не отличающиеся от забайкальских, и традиции этой части материальной культуры, полностью перенесённые в Трёхречье. Их пищевой рацион складывался из продукции зерновых и огородных культур, скотоводства, охотничьего и рыболовного промыслов, дикоросов и некоторых покупных продуктов. Хлебные злаки преимущественно выращивали сами, особенно в лесостепной зоне. Если не удавалось, в силу природных условий, обеспечить себя полностью зерном, его выменивали на другую продукцию, или покупали. Трёхреченцы в пище строго придерживались постов — и еженедельных и в течении календарного года [3, с. 131—132]. В праздничные, не постные дни, особенно на большие календарные и церковные праздники, столы ломились от разнообразной пищи [7].

Непременным напитком, как и в Забайкалье, был чай-сливан, приготовленный из листового зелёного чая, заправленный молоком, сливками и сливочным маслом [16, с. 347].

Неотъемлемой частью материальной культуры трёхреченцев была одежда. Повседневная нательная одежда казачьего населения Трёхречья, так же, как и в Забайкалье, была традиционной: у муж-

чин — холщёвая рубаха и штаны. У женщин — рубаха и юбка, иногда платье, на голове косынка или платок; девушки ходили и без платка [16, с. 341]. Праздничная одежда женщин отличалась нарядностью. Мужчины надевали форму Забайкальского казачьего войска — гимнастёрки и брюки с лампасами, фуражки с околышком и кокардой, зимой — папахи из каракуля с жёлтым верхом, сапоги. На гимнастёрке были блестящие пуговицы, два больших накладных нагрудных кармана, воротник-стойка; подпоясывалась гимнастёрка или ремнём, или боевиком — узеньким кожаным ремешком. Он завязывался на узел, а на конце металлическая пластинка — боёк [15].

Транслированная из Забайкалья русская культура проявлялась не только в повседневной жизни, но и в различных календарных и церковных праздниках — Рождество, Святки, Масленица, Пасха и др. К церковным праздникам — Рождеству, Пасхе и др. готовились основательно. В Рождество по посёлкам ходили христославщики со звездой, в святки — скоморохи [3, с. 132]. На Пасху пекли куличи, делали сырную пасху (творожную), красили яйца, запекали свиной окорок, христосовались, играли в лапту, городки и другие игры, качались на качелях [4, с. 34—35]. На Масленицу «брали» снежные городки, катались на лошадях [9]. Особенно важным для казаков был праздник, устраиваемый тридцатого марта в день Алексея человека Божия, покровителя Забайкальского казачьего войска. В этот день в центральную станицу, Драгоценку, съезжались казаки со всего Трёхречья — устраивали парад, казачьи скачки и джигитовки на призы [1, с. 387—401]. Отметим ещё один важный факт в жизнедеятельности трёхреченских казаков — их контакты с местным аборигенным населением. В частности, для пастьбы обширных стад в южной части Трёхречья казаки использовали труд пастухов-монголов и бурят. В лесной части этой территории крепкие торгово-обменные контакты установились с охотниками-эвенками, называвшими казаков «андак» (друг, товарищ) и которые переняли от русских многие продукты питания и одежду.

Анализ имеющихся архивных и опубликованных материалов показал, что русские казаки не только транслировали из Забайкалья в Трёхречье традиционную русскую культуру, но и в условиях ино-

этничного и инокультурного окружения, сумели лучше, чем оставшиеся в СССР их посельщики, сохранить традиционную культуру русских. Практически без изменений остались материальная культура (способы строительства жилища, одежда, пища, основные средства передвижения), брачно-семейные отношения, духовная культура и общественный быт (брачные традиции и традиции большесемейного строя, включение в трудовой процесс детей с раннего возраста, разделение домашних обязанностей по признаку пола, главенство в семейном коллективе, проведение религиозных и сугубо казачьих праздников). Что касается хозяйственного быта, то он претерпел определённые изменения, выразившиеся как в овладении определёнными орудиями землепашества, так и в освоении новых отраслей хозяйствования (пчеловодство, маслоделие и др.). Усилиями трёхреченских жителей в Северо-Восточной Маньчжурии появились некоторые не выращиваемые здесь ранее зерновые, овощные, бахчевые и технические культуры — гречиха, овёс, ячмень, кочанная капуста, репчатый лук, свёкла, лён. Забайкальские казаки и их потомки культивировали в Трёхречье племенной скот и лошадей, успешно занимались промысловой охотой на копытного и пушного зверя, рыболовством, лесозаготовительной промышленностью. В результате, хозяйственная деятельность казачьей эмиграции в Трёхречье играла заметную роль в экономическом развитии Северо-Западной Маньчжурии в 1920—1940-е гг., прежде всего — в её продовольственной безопасности.

Изучение истории формирования и развития русского населения в Северо-Западной Маньчжурии и её северной части — в Трёхречье, после российской Октябрьской революции 1917 г. и Гражданской войны в России, вне рамок исконной этнической территории, Забайкалья, важно сегодня как с позиции выявления общих закономерностей и специфики социально-демографических, этнических и культурных процессов, происходивших в осваиваемых районах, так и той основы, на которой базируются современные общемировые тенденции развития этносов, их миграций, трансляции традиционной культуры и адаптации её в принимающих странах. При этом важно помнить, что все сферы сельскохозяйственного производства (полеводство, животноводство, переработка сельско-

хозяйственной продукции) в Трёхречье испытали практическое и в определённой степени интеллектуальное влияние русских и неправомерно забывать, что основа аграрного благополучия китайского сельского населения, проживающего на территории современного «Русского Трёхречья», была заложена русскими казаками. Важно также помнить, что основа межкультурной коммуникации и взаимодействия культур русских с основными и коренными малочисленными народами на севере Маньчжурии также была заложена русскими казаками из Забайкалья.

Литература и источники

1. Аргудяева Ю.В. Русские казаки в Трёхречье (первая половина XX в.). Благовещенск: Изд-во АмГУ; ООО «ИПК «ОДЕОН», 2016. 478 с.
2. Аргудяева Ю.В. Русские старообрядцы в Маньчжурии. Владивосток: ДВО РАН, 2006. С. 61—64.
3. Аргудяева Ю.В. Русское население в Трехречье // Россия и АТР: Владивосток, 2006. № 4. С. 121—134.
4. Буторин Г.И. Казаки станции Хакэ // Русская Атлантида. Челябинск, 2006. № 19. С. 34—35.
5. Зоркальцев С.Г. Вспоминая Трёхречье // Русская Атлантида. Челябинск, 2010. № 37. С. 55.
6. Кайгородов А. Потерянная земля (Историко-этнографический очерк). Рукопись. М., 1990—1994 гг. С. 4—5.
7. Кайгородов А. Русские заимки в Трёхречье // Советское Приаргунье. 1993. № 58. 28 июля. С. 4; № 59. 30 июля. С. 4.
8. Кайгородов А.М. Русские в Трёхречье (по личным воспоминаниям) // Советская этнография. 1970. № 2. С. 141.
9. Кайгородов А.М. Снежный городок // Советское Приаргунье. 1993. № 100. 21 дек. С. 4; № 101. 24 дек. С. 4.
10. Кормазов В.А. Барга. Экономический очерк. Харбин: Типогр. КВЖД, 1928. С. 12.
11. Кормазов В.А. Трёхречье (Из путевых заметок) // Вестник Маньчжурии. 1929. № 5. С. 44.
12. Кормазов В.А. Трёхречье (За период 1924—1933 гг.) // Вестник Маньчжурии. 1934. № 5. май. С. 66.
13. Пыхалов П.А. Уголок среди сопок Хингана // Русская Атлантида: Челябинск, 2006, № 21. С. 19—26.
14. Почекунин И.И. Казачий уголок в Маньчжурии // Наш путь. Харбин, 1933. № 65. 8 дек. С. 3.
15. Прокопьев Сергей. Драгоценная моя Драгоценка // URL: http: www.proza.ru/2012/108/11/1147 (дата обращения: 10.06.2015).

16. Чайкина-Борескова Марина. Трёхреченские зарисовки (с натуры) // Рубеж. Владивосток, 2010. № 10. С. 339—348.

УДК: 947.084:314.743(94)″1917/1920″

ВЛИЯНИЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ НА СУДЬБЫ РУССКИХ АВСТРАЛИЙЦЕВ

И.К. КАПРАН
МБОУ Средняя общеобразовательная Школа № 76,
г. Владивосток

Статья посвящена исследованию судеб русских эмигрантов, вследствие Октябрьской революции и Гражданской войны в России оказавшихся в Китае и прибывших в 1950—1960-е гг. в Австралию. На основе жизненных историй прослеживается значение деятельности русских эмигрантов этого периода для сохранения в русской общине Сиднея национальной идентичности своих потомков, воспитанию их в любви к своей исторической родине — России.

Ключевые слова: революция, Гражданская война, эмиграция, национальная идентичность.

THE INFLUENCE OF THE OCTOBER REVOLUTION AND THE RUSSIAN CIVIL WAR ON THE FATE OF RUSSIAN AUSTRALIANS

I.K. KAPRAN
MBOU secondary school № 76,
Vladivostok

The article is devoted to the study of the fate of Russian emigrants, due to the October revolution and the Russian civil war caught up in China and arrived in 1950-60-ies in Australia. Based on the life stories traces the value of the activities of Russian immigrants of this period for conservation in the Russian community of Sydney national identity of their offspring, nurturing their love for their historical motherland-Russia.

Key words: revolution, civil war, immigration, national identity.

Последствием Октябрьской революции и Гражданской войны в России стала мощная волна русской эмиграции, которая затронула многие страны мира, не исключая, и такие отдалённые, как Австралия. Вопросы истории русской общины в Австралии затрагивались в работах как российских учёных — Г.И. Каневская [8], так и австралийских исследователей — Н.В. Райан [10]. Исторические материалы и воспоминания об истории развития русской общины в Австралии были собраны и опубликованы в 1—4 томах «Истории русских в Австралии», изданных в Сиднее, в 2004—2013 гг., редакционной коллегией журнала «Австралиада» [6].

В своей книге Г.И. Каневская предложила следующую периодизацию истории русской эмиграции в Австралии: конец XIX в. — Первая мировая война; 1923 г. — Вторая мировая война; 1947—1954 гг. — послевоенная иммиграция (перемещенные лица); середина 1950-х — вторая половина 1980-х гг. — эмиграция из Китая и Европы; конец 1980-х и до настоящего времени [8, с. 9]. Данная статья касается судеб представителей русской эмиграции четвёртого периода, прибывших в Австралию из Китая, благодаря помощи международных организаций Всемирного совета церквей, Международной организации по делам беженцев и перемещённых лиц (ИРО) и др. В период с 1952 по 1986 г., по мнению Г.И. Каневской, в Австралию въехало 15 тыс. русских из Китая, составивших основную массу очередной волны русской эмиграции, которую можно рассматривать как продолжение белой эмиграции [8, с. 239]. Во время пребывания в Сиднее (15—26 мая 2017 г.) группы представителей Дальневосточного информационного центра «Русское зарубежье» ПРО РГО — ОИАК [3], в составе которой была, и автор статьи, нам удалось встретиться с представителями русских, прибывших из Китая в 1950—1960-е гг. В основе статьи лежат рабочие материалы, собранные во время поездки: записи интервью с представителями русской общины Сиднея, статьи из австралийской периодической печати и русских изданий. В Австралию нас пригласил директор 1-го Русского музея в Австралии Михаил Моисеевич Овчинников на празднование первой годовщины музея. М.М. Овчинников (1946 г. рожд.) родился в семье забайкальских казаков, старообрядцев, до революции живших в селе

Доно в Забайкалье, на границе Монголии и Китая, на берегу реки Аргунь [12]. Родители — Моисей Иванович и Екатерина Тихоновна во время Гражданской войны, спасая свою многодетную семью (пять дочерей и трое сыновей), покинули территорию России и поселились в Китае, в районе Трехречья. В 1962 г., после начала Китайской культурной революции, семья приехала в Австралию. В настоящее время, М.М. Овчинников генеральный директор торговой компании «KELSO», председатель Христорождественской общины Русской Православной Старообрядческой церкви в г. Сиднее, атаман Сводно-казачьей станицы в штате Новый Южный Уэльс. Став одним из крупнейших предпринимателей Австралии, он занимается общественной и благотворительной деятельностью, направленной на сохранение исторической и культурной памяти русской общины Австралии. На собственные средства приобрёл здание, музейное оборудование, а благодаря энтузиастам русской общины, собрал и объединил ценные архивные, книжные, изобразительные, предметные коллекции и в 2016 г. открыл 1-й Русский музей в Австралии [1]. Сейчас в рамках работы музея, проводятся экскурсии, памятные вечера в честь знаменательных дат русской истории, встречи с видными представителями русской общины и официальными лицами РФ.

В музее нас познакомили с Иннокентием Николаевичем и Натальей Борисовной Суворовыми. Они оба родились в Китае, куда их предки бежали от последствий революции и Гражданской войны. Прадед И.Н. Суворова по матери — Алексей Алексеевич Антонов, был генерал-майором царской армии. Уже И.Н. Суворов, благодаря послужному списку, полученному из архива, смог узнать военную биографию своего прадеда. Копией послужного списка А.А. Антонова на 9 июня 1917 г., мы располагаем [РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 172398. Л. 4]. Из этого документа следует, что А.А. Антонов, родился 3 января 1854 г., происходил из дворян Тверской губернии, закончил Александровское военное училище и служил в Восточно-Сибирской артиллерийской бригаде с 1874 по 1891 г. В чине капитана в 1891 г. назначен на должность начальника Читинского окружного артиллерийского склада и командиром подвижного артиллерийского полупарка (так в документе) Приамурского военного округа. До

1895 г. служил в г. Чита, занимая различные командные должности. В 1901 г. получил чин полковника и назначение начальником передового артиллерийского запаса маньчжурской армии. Участвовал в русско-японской войне. В 1906 г. получил назначение в Читу начальником артиллерийского склада, а затем занял такую же должность в Казани, где прослужил по 1912 г. В том же году назначен начальником Томыловского артиллерийского склада и произведён в генерал-майоры. С этой должности ушёл в отставку в июне 1917 г. Был женат на дочери купца Реина, Марии Оттовне и имел большую семью 6 дочерей и 4 сына. На одной из дочерей — Александре женился Абрамов Иван Константинович (дед И.Н. Суворова), 1881 г. рожд. Из его послужного списка [9] стало известно, что он окончил в 1899 г. Михайловское артиллерийское училище, затем в 1904 г. Электротехнические офицерские артиллерийские курсы. Служил в Загражской и Петербургкой крепостях с 1901 по 1904 г. В 1904 г. в составе команды вспомогательных технических средств Восточно-Сибирского осадного артиллерийского полка прибыл в Маньчжурию. Участвовал в сражениях русско-японской войны. В 1906 г. получил назначение в Читу командиром команды вспомогательных технических средств 1-го Восточно-Сибирского осадного артиллерийского полка. Участвовал в Первой мировой войне. В сентябре 1916 г. был ранен осколком снаряда и отравлен удушливыми газами, подлежал эвакуации, но остался в строю. В сентябре 1917 г. произведён в подполковники и отправлен в состав офицерской артиллерийской школы в г. Киев. С марта по август 1918 г. состоял в Читинской организации Временного Сибирского правительства. В августе 1918 г. большевиками посажен в тюрьму и приговорен к расстрелу. Его дочь Елена Ивановна по профессии парикмахер, дамский мастер жила вместе со своей матерью Александрой Алексеевной Антоновой (дочь генерала А.А. Антонова) в Харбине, в районе Модягоу. Отец Иннокентия Николаевича, Суворов Николай Иванович до революции закончил Читинское военное училище, служил подпоручиком. Впоследствии, с отступающими белыми частями, оказался в Харбине. В 1943 г. по предложению японских властей осваивать целину уехал из Харбина с группой русских в район Тооген. Он был арестован в сентябре 1945 г. Управлением контрразведки «Смерш» 2-го Дальневосточного

фронта по обвинению предусмотренном ст. 58-14 УК РСФСР (оказание помощи международной буржуазии). Военным трибуналом Дальневосточной армии ПВО 15 декабря 1945 г. по статьям 58-6 и 58-13 УК РСФСР (шпионаж и борьба против революционного движения во время Гражданской войны) осуждён к 15 годам лишения свободы в ИТЛ [13]. В конце 1954 г. семья получила от него письмо о том, что он освобождён по амнистии и живёт на Украине у брата. В письме был намёк на то, что нужно ехать «за речку» т.е. за границу, а не в СССР [14, с. 153—156]. В 1999 гг., И.Н. Суворов получил справку от Управления по Хабаровскому краю ФСБРФ с информацией, что его отец официально освобождён из мест заключения 30 августа 1956 г. из Ангарлага. 27 августа 1998 г. по заключению военной прокуратуры ДВО Н.И. Суворов был реабилитирован в соответствии со ст. 3 Закона РФ от 18 октября 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий». В 1957 г. мама и Иннокентий по поручительству П.И. Стукова из Брисбена, знавшего отца И.Н. Суворова ещё по Чите, приехали в Австралию, в Сидней. Только в 1965 г., после двадцатидвухлетней разлуки, к ним прибыл из Советского Союза Н.И. Суворов [14, с. 155—156]. В Сиднее И.Н. Суворов работал на фабрике и учился на вечерних курсах архитекторов. Затем много лет работал в разных архитектурных компаниях. С молодости и до настоящего времени поёт в церковном хоре Петропавловского Кафедрального собора. В Австралии он встретил Н.Б. Остасевич (Суворова) [4]. Её дед о. Антоний (Галушко) был приходским священником в г. Маньчжурия. Отец Борис Петрович Остасевич служил на КВЖД. В семье Иннокентия и Натальи Суворовых родились трое детей. Наталья Борисовна начала работать в русской школе при Петропавловском кафедральном соборе в начале 1970-х гг., когда старшая дочь Вера пошла в школу. Работала в школе до конца 1980-х гг., когда младшая дочь Маргарита закончила обучение. В 2000 г. вновь вернулась в школу как преподаватель русского языка в младших классах, а затем с 2012 по 2017 г. работала завучем. Сейчас Н.Б. Суворова не работает, иногда её приглашают на замещение отсутствующих учителей и как «почётного» советника. Суворовы активно участвуют во всех общественных и культурных мероприятиях русской общины, часто выезжают к родственникам в Россию.

Во время посещения Русского клуба в Стратфилде мы познакомились с Татьяной Сергеевной Гартунг [5]. История её семьи непосредственно связана с г. Владивосток. Её дед, Семён Яковлевич Буровников, вахмистр Приморского драгунского полка, кавалер четырёх степеней Св. Георгия, был родом из Курска. Будучи раненым, после Русско-японской войны 1905 г., остался в Харбине работать в охране на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД), привезя себе жену Надежду Максимовну Феодосову из родного Курска. Отец Т.С. Гартунг, Сергей Семёнович Буровников, родился в 1911 г., окончил известный на весь мир Харбинский Политехнический Институт, получил диплом инженера механика. В Харбине он был активным общественным деятелем, в частности, много лет был бессменным председателем общества взаимопомощи компании «Чурин и Ко» [7, с. 191].

Мать Татьяны Сергеевны — Вера Николаевна Буровникова, (ур. Стасиневич), родилась в 1914 г. в Варшаве. Её отец, Николай Степанович Стасиневич, был генеральным контролёром привисленских железных дорог. Его жена — Людмила Вячеславовна Стасиневич (ур. Ганус), родилась в поместье своего отца недалеко от Варшавы. После революции 1917 г. семья Стасиневич отступала на восток с частями Белой Армии сначала в Смоленск, затем в Омск. Старшие братья В.Н. Стасиневич, Александр и Димитрий, были кадетами Омского кадетского корпуса, и в 1920 г., вместе с кадетским корпусом, вся семья была вывезена на Русский остров в город Владивосток. В 1922 г. с приходом большевиков семья покинула Россию, перейдя границу, обосновалась в Харбине. В.Н. Стасиневич, училась во Французском Конвенте Св. Урсулы, а затем окончила гимназию им. Ф.М. Достоевского и Первую Харбинскую Музыкальную Школу по классу фортепиано. В течение 10 лет, с 1935 по 1945 г., она работала диктором на Харбинской радиостанции и во время Второй Мировой Войны слушала советские передачи. Вышла замуж за С.С. Буровникова, родились две дочери Вера и Татьяна (1943 г. рожд.). В 1957 г. приехали в Австралию. По приезде в Австралию В.Н. Буровникова [7, с. 99] несколько лет проработала в конторе Тюремного департамента НЮУ. Она принимала активное участие в жизни Русской православной церкви,

а также работала волонтёром в начальной школе, безвозмездно занимаясь с детьми музыкой. Испытывая патриотизм к России, в период 1990-х гг., первая наладила контакт с детскими домами в г. Курск и начала организованную помощь восстановлению церквей и нуждающимся детям и семьям в России. За свой неутомимый труд на благо России В.Н. Буровникова была награждена медалью от российской организации «Родина».

Татьяне Гартунг было 14 лет, когда её семья прибыла в Австралию, где она закончила среднюю школу и поступила в Сиднейский университет. В 1966 г. получила диплом Бакалавра Гуманитарных Наук в области психологии и философии, а в 1968 г., — диплом Магистра Гуманитарных Наук в области психологии. В 1976 г. Татьяна Сергеевна вышла замуж за Игоря Ивановича Гартунга, который, родился в Шанхае [2]. Его отец, Иван Николаевич Гартунг, офицер Белой Армии, с её частями прошёл Ледяной Поход и попал в Харбин, где выучился на провизора, а после женитьбы и переезда в Шанхай получил профессию архитектора. Прадед И.И. Гартунга со стороны матери, Аксель Вальден, прибыл из Финляндии на Дальний Восток в XIX в. на шхуне капитана Гека и стал одним из основателей г. Владивосток. Он открыл золотые прииски на острове Аскольд и сделал большие вклады в строительство Владивостока, одно время, занимая пост заместителя городского головы. Дед И.И. Гартунга, Франс Акселевич Вальден, был известным юрисконсультом в Китае. Семья Гартунгов, как семья белого офицера, по окончании Второй мировой войны была вывезена американскими военными в Японию, до того, как в Шанхай вошли коммунисты. Впоследствии семья Гартунгов попала на Филиппинский остров Тубабао и в 1949 г. прибыла по контракту на работы в Австралию. Более 40 лет И.И. Гартунг проработал специалистом по индустриальным алмазам.

Тридцать четыре года Татьяна Сергеевна Гартунг была психологом сначала в Департаменте образования, а затем в Департаменте здравоохранения, специализируясь в отрасли детской и семейной психологии [7, с. 101]. Последние одиннадцать лет она возглавляла Отдел здравоохранения ребёнка и семьи. В течение этого времени также получила диплом библиотекаря от Университета НЮУ в

1982 г., а после выхода в отставку получила аккредитацию переводчика русского языка в 2005 г. С конца 1980-х гг. Татьяна Сергеевна и Игорь Иванович активно занялись общественной деятельностью, направленной на укрепление контактов между Австралией и Россией. Став вице-президентом, основателем Русского Этнического Представительства в штате НЮУ в начале 1990-х гг. [7, с. 113], Т.С. Гартунг возглавила Комитет по обмену школьников между Россией и Австралией и была координатором программы обучения. По этой программе восемь школьников старших классов из России получили годовое обучение в престижных сиднейских школах с 1993 по 2000 гг. И.И. Гартунг был верным помощником Татьяны Сергеевны во всех общественных делах до последнего дня своей жизни — он скончался в 2015 г. Т.С. Гартунг продолжает заниматься общественной работой: состоит в редколлегии журнала «Австралиада», принимает участие в ежегодном кинофестивале русского кино «Русское Возрождение» (инициатор и бессменный директор Фестиваля — ее племянник Николай Олегович Максимов) [7, с. 113]. Являясь активным членом Русского клуба в Стратфилде, Т.С. Гартунг принимает активное участие в благотворительных проектах в пользу России и других общественных мероприятиях русской общины Сиднея. По представлению Дальневосточного информационно-культурного центра «Русское зарубежье» ПРО РГО — ОИАК, Т.С. Гартунг стала участницей 20-й Дальневосточной выставки-ярмарки «Печатный Двор» — 2017 (26—28 сентября 2017 г., г. Владивосток), на которой от редколлегии журнала «Австралиада — русская летопись» представила многотомное издание «История русских в Австралии» и получила почётный диплом. С большим интересом участники выставки знакомились с русскими изданиями из Австралии, представленными Татьяной Сергеевной, и слушали её выступление о многолетней деятельности редколлегии по документированию истории русских жителей пятого континента.

По мнению Нонны Владимировны Райан (ур. Голицина, она эмигрировала в Австралию из Харбина в 1958 г.), русские из Китая сохранили свою идентичность, так как ни китайский язык, ни инокультурное окружение не повлияли на неё. Оказавшись в обстановке доминирования английской языковой среды и культуры,

они стремились не только сохранить русский язык и культурные традиции, но и передать их своим детям и внукам. В Австралии, при поддержке Австралийско-Новозеландской епархии РПЦЗ, русские построили православные церкви, открывали прицерковные и родительские школы, где дети учатся по субботам, отсюда их название субботние. Построили русские клубы, создали литературные, музыкальные, исторические, театральные общества. Издавали свою периодическую печать (сейчас в Сиднее выходят газеты «Единение» и «Горизонт»).

По данным Н.В. Райан [10, с. 186], к началу 2000-х гг. 80% учеников русских этнических школ родились в Австралии. Большинство из них четвёртое и пятое поколение, родившееся за рубежом, в смешенных семьях, где первый язык — английский, поэтому в школах русский язык преподаётся как иностранный. Основная цель этнических школ — развить у детей интерес к русскому языку, культуре. В настоящее время этнические школы существенно влияют на сохранение русского языка среди молодого поколения эмигрантов, австралийцев с русскими корнями, как они себя называют. На сегодняшний день в Австралии работают 50 русских этнических (субботних) школ, в которых обучаются около 2000 учеников. В этом году самую большую школу — имени Св. Александра Невского в Хомбуше (г. Сидней) — посещают 185 учеников [15]. Русский язык преподаётся также и заочно в государственных австралийских школах. Многие учащиеся и выпускники субботних школ активно участвуют в культурно-просветительских мероприятиях Русского клуба в Стратфилде.

Таким образом, знакомясь с жизненными историями русских австралийцев, можно заключить, что события революции и Гражданской войны в России повлияли не только на судьбу первого поколения эмигрантов, оказавшегося в Китае, но и на судьбы их потомков, проживавших вне своей исторической родины в Китае и в Австралии. Несмотря на то, что процесс ассимиляции продолжается и молодое поколение русских, родившихся в Австралии, осознает себя австралийцами, заслуга русских прибывших из Китая в 1950—1960-е гг., потомков послереволюционной волны (белой) эмиграции, состоит в активной многолетней деятельности по

сохранению русской идентичности, которую и в настоящее время продолжают их потомки.

Литература и источники

1. Годовщину первого Русского музея в Австралии отметили в Сиднее. Единение, 2017 г. 6 июня. URL: http://www.unification.com.au/articles/read/3762/.
2. Гартунг И.И. Моя семья: Гартунги — Вальдены. Австралиада. 2014. № 79. С. 2—6.
3. Гости из Владивостока. Единение, 2017 г. 29 мая. URL: http://www.unification.com.au/articles/read/3755/.
4. Интервью с Суворовыми. Сидней, 2017. 15—26 мая. Из личного архива И.К. Капран.
5. Интервью с Т.С. Гартунг. Сидней, 2017. 15—26 мая. Из личного архива И.К. Капран.
6. История русских в Австралии. Сидней, 2004—2013. Т. 1—4.
7. История русских в Австралии. Сидней, 2013. Т. 4. С. 99—191.
8. Каневская Г.И. «Мы еще мечтаем о России…». История русской диаспоры в Австралии (конец XIX в. — вторая половина 80-х гг. XX в.). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2010. 372 с.
9. Послужной список командира 2-го Восточно-Сибирского лёгкого артиллерийского дивизиона полковника Абрамова Ивана Константиновича. Составлен 30 июня 1919 г. (копия). Из личного архива И.Н. Суворова.
10. Райан Н.В. Россия — Харбин — Австралия: Сохранение и утрата языка на примере русской диаспоры, прожившей XX век вне России. М.: Русский путь, 2005. 208 с.
11. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 172398. Л. 4. Послужной список начальника Томыловского артиллерийского склада генерал-майора Антонова. Составлен 9 июня 1917 г.
12. Слово. Сидней. 2012. Спец. выпуск к Всемирному конгрессу казаков. Новочеркасск, 2012 г. 28—30 сент. С. 48.
13. Справка ФСБУ по Хабаровскому краю № 10/2-843 от 2.04.1999 (копия). Из личного архива И.Н. Суворова.
14. Суворов И.Н. Почему мы решили ехать в Австралию? // История русских в Австралии. Сидней, 2004. Т. 1. С. 153—156.
15. Школы русского языка играют особую роль в сплочении русской общины / URL: http://russkiymir.ru/publications/226549/ .
16. РГВИА (Рос. гос. военно-исторический архив).

Раздел III. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

УДК: 947.05(571.6)

КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ГОРОДОВ В 1917 Г.

Г.А. АНДРИЕЦ

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, г. Владивосток

В статье рассматривается культура досуга дальневосточных городов в период революционных событий 1917 г. Характеризуется театральное творчество любителей и культурная деятельность молодёжных организаций, показана роль культурно-зрелищных мероприятий в досуге горожан. Автор приходит к выводу, что сохранение культурного пространства дальневосточных городов в новых условиях было особенно важно для построения нового общества.

Ключевые слова: Культурное пространство; город; Дальний Восток; досуг.

THE CULTURAL SPACE OF FAR EASTERN CITIES IN 1917

G.A. ANDRIETS

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS, Vladivostok

The article deals with cultural and entertainment events that took place in the leisure time of the townspeople, theatrical art of amateurs and cultural activities of youth organizations are characterized. Author comes to the conclusion that the preservation of cultural space of the Far Eastern cities in 1917 was vital.

Key words: cultural space; city; Far East; leisure.

Революционные изменения 1917 г. затронули все сферы российского общества и оказали существенное влияние на повседневную жизнь дальневосточных городов. Происходило проникновение низших слоёв населения во все сферы общественной жизни и культуры, переход их из состояния пассивного объекта

воздействия в состояние активного субъекта строительства жизни. Возрастание интереса простого народа к культуре в связи с получением широкого доступа к её массовому очагу можно назвать характерной чертой того времени.

Вместе с этим отмечался всеобщий упадок культуры повседневности. Устоявшаяся система общественных отношений рушилась под влиянием революции. Утрачивались старые жизненные ориентиры, а новые только начинали вырабатываться. Сохранение культурного пространства, вовлечение широких слоёв населения в культурный процесс с целью его просвещения были жизненно необходимы, как в центральной России, так и на её окраинах. Немаловажное значение в этой связи приобретала культура досуга.

Ещё в начале XX в. в театральном творчестве Дальнего Востока было введено особое разрешение для постановки спектаклей. Список драматических произведений, одобренных к представлению на сценах народных театров дальневосточных городов, включал 107 пьес: «Васса Железнова», «Мещане», «На дне» М. Горького, драмы А.И. Сумбатова «Соколы и Вороны», «Старый закал», «Цепи», сказки Н.И. Тимковского «Царевна Горошина» и Н.В. Денисова «Подснежник», исторические пьесы А. Ульянова «Враг Отечества» и В.А. Мазуркевича «Наполеон после Бородина» и др. [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 454. Л. 1—7]. В январе 1917 г. Военный губернатор Приморской области разрешил Никольск-Уссурийскому обществу содействия просвещению провести три лекции на тему «Красота человека», «Красота жизни» и «Духовная нищета», которые были прочитаны 4, 5 и 6 июня лектором Г.С. Петровым [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 12. Д. 774. Л. 1, 3, 6—8]. В феврале 1917 г. было удовлетворено ходатайство за № 7145 редактора научно-педагогического журнала «Сибирская школа» И.Л. Симанина о прочтении в Народном доме г. Владивосток 9, 10, 11 марта педагогических лекций «Грамотность без грамматики. Новые методы обучения русскому языку», «Детское литературное творчество» и «Первородный грех школы» [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 12. Д. 774. Л. 12—13, 18].

Театральные постановки по-прежнему были популярны в культурном досуге горожан. В 1917 г. на сцене Народного дома

Владивостока любители драматического искусства под руководством режиссёра О.М. Акуловой ставили драму Колышко «Дельцы» (в 4-х д. и 5 карт.), комедию Островского «Не всё коту масленица» (в 4-х д.) и др. В Пушкинском театре были отмечены «За Родину» (мин. в 2-х д., соч. Белой), «Начало карьеры» (комедия в 4-х д., соч. Рышкова), а также спектакль Союза десятников «Волчьи души» (пьеса в 4-х д. Джека Лондона), социалистическая пьеса в 5-ти д. «Перед восходом солнца» (соч. Гауптмана) и драма в 4-х д. «Жан-Руль» (соч. Октава Мирбо), показывающая современную жизнь в промышленном городе. Спектакли были организованы социал-демократической рабочей партией [ХКМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1602. Л. 110—122]. Наиболее интересная актёрская игра в исполнении любителей драматического искусства была отмечена 27 ноября 1917 г. на спектакле, поставленном по пьесе А.Н. Островского «Лес» в Собрании приказчиков (Пушкинский театр) в пользу Союза раненых и эвакуированных с фронта. На спектакле присутствовали американские гости: адмирал Найт с адъютантом и консул мистер Колдвэллд, играл оркестр американского крейсера [2].

Общественная жизнь, несомненно, отражалась в многообразии и сущности историко-культурного процесса военного времени. В годы Первой мировой войны стали особенно актуальны лекции и чтения по истории России, её международном положении, которые расширяли познания горожан о текущем моменте и заставляли задуматься над различными аспектами жизни. Так, в феврале 1917 г. во Владивостокском Морском собрании прошёл ряд лекций по военной тематике: «Япония и Приамурье», «Китай и современная Европейская война», «Морской бой 20—21 мая 1916 г. и его влияние на войну», «Обзор морских событий в 1916 г.», «Подводная война» и др. Первые две лекции читал профессор Восточного института Н.В. Кюнер [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 12. Д. 774. Л. 11]. Лекции о влиянии войны на жизнь общества позволяли осмыслить невзгоды, вызванные войной, что способствовало приобщению горожан к благотворительности и самореализации на основе просветительства. 19 марта 1917 г. в Народном доме состоялось бесплатное второе чтение о святых местах Палестины (В.П. Богус-

лавский), сопровождавшееся световыми картинами под руководством А.Г. Лебедева и пением хора [1].

В военно-революционное время приветствовалось сохранение действующих библиотек и открытие новых книжных домов. Так, в феврале 1917 г. Иманское общественное Собрание открыло библиотеку-читальню для всех желающих, которая работала ежедневно с 5 до 8 час. вечера, за исключением праздничных дней Нового года, первых трёх дней Св. Пасхи и Рождества Христова. Заведующим библиотекой стал инспектор народных училищ статский советник Н.Г. Рындыч; председателем Совета старшин Иманского общественного собрания в то время был Печеркин [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 12. Д. 781. Л. 9—10, 32].

Среди массовых культурно-зрелищных мероприятий особой популярностью пользовалось кино. МВД Департамента полиции (Циркуляр от 26 января 1917 г. за № 11493) допустило демонстрацию в кинематографах в течение первой и четвёртой недель Великого поста картин, одобренных военной цензурой и «имеющих научное и патриотическое (военная хроника) значение»: «Знамёна победно шумят» (вторая серия картины «Под русским знаменем»), «Лилия Бельгии» (патриотическая картина), «Взятие Эрзерума», «Трапезунд» (сдача города), «Экспедиция капитана Шредера к Северному полюсу» и другие картины военной хроники, одобренные местными администрациями. На таких сеансах не было музыкального сопровождения, развлечений и наружной иллюминации театров [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 505. Л. 381].

Важную роль в культурной жизни горожан играли общественные организации, объединявшие людей по интересам, так называемые «собрания» — общественное, военное, морское, коммерческое и пр. В начале XX в. по тому же образцу стали создаваться общественные собрания для китайского населения. Попытка организации Китайского национального общественного собрания во Владивостоке в 1908 г. не дала положительного результата, но «Маньчжурский клуб в Харбине» и «Китайский клуб на станции Пограничная» функционировали достаточно успешно.

9 сентября 1917 г. Благовещенская Городская Дума приняла решение об открытии Общественного собрания в китайском квар-

тале города (запись в журнале заседаний 222-4), членам которого предоставлялась «…возможность за дешёвую плату иметь приятное и полезное развлечение» [РГИА ДВ. Ф. 755. Оп. 3. Д. 547. Л. 4, 8, 11 об.]. Членство в клубе стоило 25 руб. в год, плату разрешалось вносить 2 раза: в январе и июле. Собрание располагало библиотекой книг и периодических изданий, музыкальными инструментами; его члены устраивали литературные вечера с лекциями по вопросам науки и искусства, промышленности и сельского хозяйства, благотворительности и нравственности, ставили спектакли. Для членов Собрания и его гостей разрешали все русские и китайские коммерческие игры: преферанс, безик, лото, домино, китайские четыре палочки, четыре точки и кости. При этом, азартные игры, такие как русский штос (род банковки), китайская банковка, рулетка и проч., были запрещены [РГИА ДВ. Ф. 755. Оп. 3. Д. 547. Л. 12]. Можно предположить, что таким образом организаторы пытались ограничить тягу китайцев к азартным играм.

В 1917 г. для русского населения Владивостока активную работу вели образовательная, театральная и библиотечная комиссии Общества народного просвещения (бывшее Общество народных чтений). Было организовано несколько музыкальных утренников, на которых читали лекции научного и художественного беллетристического содержания, и утренников, посвящённых памяти Пушкина и Шевченко. Лекционное бюро образовательной комиссии провело цикл тематических лекций: «Великий Сибирский Путь», «Лекция по геологии», «По химии», «По истории искусства», «Песнь о соколе» Горького, «О кооперации», «Михайловский и его литературная деятельность», «О Пушкине» и др. В силу политических изменений намеченные лекции по общественно-политическим вопросам не состоялись [РГИА ДВ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 23. Л. 2].

Изучение протоколов образовательной комиссии Владивостокского Общества народного просвещения выявило частую смену её членов, из-за чего осталась невыполненной часть заявленных мероприятий (устройство классов пения, оркестра балалаечников, собственного хора, образование художественного совета), что в целом снижало эффективность её работы и тормозило деятельность всей организации [РГИА ДВ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 23. Л. 2].

После переворота 27 февраля театральный зал Народного дома, как один из наиболее удобных в городе для массовых митингов, был всецело задействован под собрания. Лишь изредка театральная комиссия Общества могла использовать его для постановки спектаклей. Всего в 1917 г. ею было поставлено на сцене Народного дома 32 пьесы, в том числе: «Женитьба Белугина», «Рабочая слободка», «Светит да не греет», «Бесприданница», «Последняя жертва», «За Родину», «Чёрные вороны», «Дельцы», «Король жизни», «Власть тьмы», «Тартюф», «Не всё коту масленица» и др. [РГИА ДВ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 23. Л. 2 об.]. Репертуар подбирался как из русской, так и иностранной классики.

В библиотеке Общества народного просвещения Владивостока в 1916 г. было 93 читателя, в 1917 г. добавилось 137 чел., и общая численность составила 230 читателей, к 1 января 1918 г. в библиотеку записались ещё 118 чел. Таким образом, за короткий промежуток времени число читателей библиотеки увеличилась почти в 4 раза. В том числе среди подписчиков членов общества было 90 чел., военных — 50 чел., воспитанников учебных заведений — 90 чел. Члены Общества и военные пользовались книгами бесплатно. В течение всего года было выдано 2827 книг. Наиболее читаемым был январь 1917 г. (выдана 301 книга), менее всего — октябрь (181 книга) [РГИА ДВ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 23. Л. 3].

Из периодических изданий Обществом выписывались следующие газеты и журналы: «Русские ведомости», «Сибирская жизнь», «Современное слово», «Школа и жизнь», «Дело народа», «Земля и воля», «Новая жизнь», «Социал-демократ», «Рабочая газета», «Правда», «Единство», «Внешкольное образование», «Естествознание и география», «Нива», «Природа и люди», «Театр и искусство», «Украинская жизнь», «Экономическое обозрение» и проч. [РГИА ДВ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 23. Л. 3].

Общей революционной обстановкой в стране были продиктованы некоторые праздничные мероприятия. Так, 12 марта 1917 г. во Владивостоке прошёл всенародный праздник Великой русской революции, в котором приняли участие городские школы. На соборной площади был отслужен молебен. Учащиеся старших клас-

сов совершили торжественное шествие со школьными знамёнами, национальными трёхцветными флагами и красными революционными флагами в сопровождении педагогического персонала. В состав комиссии по устройству праздника вошли Г.В. Подставин, И.С. Пеляничкин, И.А. Циунчик, С.О. Митич и др. [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 4. Д. 39-а. Л. 68].

После Октябрьской революции 1917 г. в дальневосточных городах получили развитие новые формы социального творчества, создавались молодёжные организации — Союз студентов, Союз молодёжи, кружки самообразования, детские общества, многие из которых учреждали собственные издания. Например, в Хабаровске выходила школьная газета «Мысли учащихся», а в Благовещенске — «Единение» [3, с. 97—98]. В 1917 г. ученики шестого класса Владивостокского коммерческого училища выпускали журнал «Муравейник», в Благовещенске — ежемесячный журнал учащихся средних школ «Голос реалиста», редактором которого был ученик 7 класса Благовещенского реального училища В. Косицын. Издавались ученические журналы, отражающие школьную жизнь: «Приамурский школьный листок» (г. Хабаровск, 1917 г., редактор — директор реального училища А.Г. Кедроливанский, 7 номеров), «Осколки» (г. Никольск-Уссурийский, 1917 г.) и др. [5, с. 34, 39, 65].

Особое внимание уделялось подрастающему поколению. Активизировалась работа обществ содействия и устройства детских развлечений и занятий, действовавших почти во всех дальневосточных городах с начала XX в. Они заполняли досуг детей и подростков, устраивая спектакли, концерты, драматические, музыкальные и литературные вечера, выставки детских работ, чтения рефератов, проводя детские праздники, экскурсии, гуляния, обустраивая детские площадки для игр, катки и организуя спортивные мероприятия всех видов. Например, Общество содействия и устройства детских развлечений и занятий во Владивостоке, переименованное в 1917 г. в Общество «Детский труд и отдых», устроило и содержало детские площадки на Первой речке, в Жариковском овраге, в Рабочей слободке. При Обществе был образован 1-й Владивостокский отряд бойскаутов, воз-

главляемый преподавателем Владивостокского коммерческого училища В.П. Емельяновым. Ставя своей целью развитие общественных, физических и духовных принципов нуждающихся детей школьного возраста, Правление общества «Детский труд и отдых» 19 ноября 1917 г. при 16-м местном городском одноклассном училище открыло Детский клуб на 35 мест. Первый Детский клуб для детей Западного района принимал всех желающих по понедельникам, средам, пятницам и воскресеньям. Обществом издавались журналы «Владивостокский Скаут» и «Детский Труд и Отдых». В декабре 1917 г. были проведены новогодние ёлки в коммерческом училище для приготовительных классов, в Алексеевском и 16-м городском училищах для учащихся, у Владивостокских бойскаутов первого отряда, в Детском клубе Западного района и др. В состав правления Общества в 1917 г. входили В.П. Емельянов (председатель), Н.К. Помилуйко (казначей), И.П. Ищенко (секретарь), Е.И. Бобровникова, А.И. Пережогина, Я.Т. Кислицын, Л.В. Чубаров, Н.Г. Ягодинская, М.Я. Посеченко, В.М. Шаршунова, А.Ф. Иванова, Т.А. Шитикова, А.Я. Макаревич (члены правления). Председателем ревизионной комиссии был Ф.Д. Стецюк [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 4. Д. 39-а. Л. 10—10 об., 19].

В отрядах скаутов большое внимание уделялось нравственному воспитанию в сочетании с физическими упражнениями и тренировками, причём важное значение придавалось поощрению активности и самостоятельности детей. В физическом воспитании скаутов применялись методы сокольской гимнастики, проводились занятия по легкоатлетическим видам спорта, устраивались футбольные матчи. Внутри отрядов и между ними часто проводились соревнования, что способствовало проникновению духа состязательности в молодёжную среду [4, с. 37].

После захвата власти во Владивостоке большевиками в ноябре 1917 г. события стали выходить из-под контроля, и осенью 1918 г. союзники начали действовать. Через три дня после высадки канадские части захватили Пушкинский театр — построенное в стиле модерн здание, в котором располагалось весьма почитаемое в городе культурно-просветительское общество —

Собрание приказчиков. К этому времени его стараниями была основана публичная библиотека, открыты школа и курсы для взрослых, регулярно проводились театральные и музыкальные вечера. Канадцы распорядились Пушкинским театром по-своему: у входа поставили охрану, внутри — бильярд и игорные столы для офицеров. 3 ноября в театре был устроен концерт для союзнических армий [3, с. 171]. Захват здания Собрания приказчиков крайне разозлил городских купцов — их не устраивали большевики, но и мириться с тем, что иностранцы распоряжаются по своему усмотрению не принадлежащим им городским имуществом, они тоже не хотели [3, с. 170]. Однако изменить ситуацию они уже не могли.

Таким образом, в 1917 г. на Дальнем Востоке, несмотря на революционную обстановку, деятельность отдельных любителей и культурных организаций была направлена на просвещение широких слоёв населения. Соответствуя духу времени культурно-зрелищные мероприятия составляли основу досуга горожан, являясь неотъемлемой частью культурного пространства городов, сохранение которого в новых условиях было особенно важно для построения нового общества.

Литература и источники

1. Амурский лиман. Николаевск-на-Амуре, 1917. 19 марта.
2. Голос Приморья. Владивосток, 1917. 30 нояб. (13 дек.).
3. Иситт, Бенджамин. Из Виктории во Владивосток: Канадская Сибирская экспедиция: 1917—1919 гг. / перевод с англ. С. Панич; Промышленно-торговая фирма «Корпус». Владивосток: Дальнаука, 2013. 392 с.: 42 ил.
4. Кашуба С.А. Физкультура и спорт в Благовещенске. Конец XIX — начало XX вв.: Серия «Благовещенск. Из века в век». Благовещенск: ОАО «Амурская ярмарка», 2006. 144 с.: 36 ил.
5. Стрюченко И.Г. Периодическая печать Дальнего Востока и Забайкалья эпохи капитализма (1861—1917 гг.). Аннотированный библиографический указатель. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1983. 121 с.
6. РГИА ДВ (Рос. гос. исторический архив Дальнего Востока).
7. ХКМ (Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова).

УДК: 37.014.3

РЕФОРМА РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ ЕДИНОЙ ШКОЛЫ

С.Б. БЕЛОГЛАЗОВА

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, г. Владивосток

В статье рассмотрен региональный аспект реформы единой школы. Концептуальной основой исследования является идея преемственной связи советской реформы единой трудовой школы, начатой в 1918 г., с предшествующими ей этапами реформы единой школы П.Н. Игнатьева (1915—1916) и Временного правительства (1917).

Ключевые слова: реформа образования, единая школа, Министерство народного просвещения, Приамурский учебный округ, КВЖД.

REFORM OF THE REGIONAL GENERAL EDUCATION SYSTEM IN THE CONTEXT OF THE UNIFIED SCHOOL CONCEPT

S.B. BELOGLAZOVA

Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS, Vladivostok

The article investigates the regional aspect of the reform of the unified school. The conceptual basis of the study is the idea of the continuity of the Soviet reform of the unified labor school, which began in 1918, with the previous stages of the reform of the unified school of P.N. Ignatiev (1915—1916) and the Provisional Government (1917).

Key words: education reform, unified school, Ministry of public education, school district of Amur, the Chinese Eastern railway.

Современное состояние отечественной системы образования вызывает неоднозначные оценки в российском обществе. Ретроспективная рефлексия по поводу итогов проведённой в постсоветский период реформы образования усиливает интерес к переосмыслению исторического феномена советской школы и актуализирует обращение к историческому опыту реформ национальной системы образования. Сложившаяся в советский период

исследовательская традиция увязывала реформу единой школы с преобразованиями советской власти, противопоставляла её дооктябрьскому периоду и отрывала от связанных с ней событий предшествующих лет. Современный тренд в изучении проблемы, формирующийся под влиянием исторического ревизионизма, переключает внимание исследователей на изучение истории образования в имперский период, но опять-таки на основе традиционного противопоставления имперского и советского этапов.

Концептуальной основой данной статьи является идея преемственной связи советской реформы единой трудовой школы, начатой в 1918 г., и предшествующих ей этапов реформы в 1915—1917 гг. [1, с. 58]. Задача исследования — показать региональный аспект реформы единой школы в 1915—1918 гг. Предметная область исследования ограничена общеобразовательной школой Министерства народного просвещения. Географические рамки статьи включают южные территории Приамурского учебного округа и территории, находившиеся в ведении администрации Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД).

Участие России в Первой мировой войне отчётливо показало отсталость её индустриального и научно-технического потенциала в сравнении с другими мировыми державами (Великобритания, Франция, Германия и США). В этих условиях министр народного просвещения П.Н. Игнатьев выдвинул проект школьной реформы, призванной модернизировать национальную систему образования, которая предполагала переход к единой школе, построенной на основе преемственности начальной и средней школ; привлечение общественности к управлению образованием и введение школьного самоуправления; пересмотр учебных программ и перестройку учебно-воспитательного процесса на основе трудового воспитания и обучения [5, с. 3].

Школа предполагалась семилетней, состоящей из двух преемственно связанных между собой ступеней: I-я ступень (начальная школа) с трёхлетним курсом обучения, II-я ступень (средняя школа) — с четырехлетним курсом [5, с. 4].

С I-й ступенью единой школы соотносились 1—4 классы народной школы, 1—3 классы высших начальных училищ (ВНУ)

и I-я ступень гимназий и прогимназий (1—3 классы) [5, с. 4]. На территории Приамурского учебного округа и в полосе отчуждения КВЖД имелись все вышеперечисленные формы учебных заведений. На линии дороги функционировали также двухклассные железнодорожные школы, являвшиеся повышенными начальными школами с пятилетним сроком обучения. Первые три года учёбы в них составляли 1-й класс, по содержанию соответствовавший обучению в 1-ом классе народного училища Министерства народного просвещения (МНП). Обучение во 2-ом классе было рассчитано на два года. Деятельность одноклассных поселковых школ определялась «Инструкцией для двухклассных и одноклассных сельских училищ Министерства народного просвещения» (1875) с трёхлетним сроком обучения.

Таким образом, находившиеся в ведении Учебного отдела КВЖД начальные училища совпадали по срокам обучения в них с I-й ступенью единой школы, хотя не имели статуса высших начальных училищ. Кроме того, в Приамурье и на КВЖД работали несколько частных учебных заведений 2-го разряда, которые, согласно существовавшей тогда градации, были с трёхгодичным курсом обучения и соответствовали первой ступени гимназии, а, следовательно, и I-й ступени единой школы по реформе П.Н. Игнатьева.

Заметим, что ВНУ в реформе отводилось особе место. Согласно «Положению о высших начальных училищах» от 25 июня 1912 г. они вводились взамен трёхклассных и четырёхклассных городских училищ. Будучи учебными заведениями с четырёхгодичными сроками обучения, ВНУ принимали выпускников начальной школы и, в принципе, открывали им возможность поступления во второй и третий классы средней школы. Хотя учебные программы высших начальных училищ отличались от программ I-й ступени гимназий, а их выпускникам для поступления в среднюю школу требовалось сдавать экзамены по иностранным и древним языкам, но при соответствующей корреляции программы ВНУ и I-й ступени гимназии могли стать идентичными, не противоречащими принципу единства школы. В этом контексте высшие начальные училища считались наиболее оптимальным типом учебного за-

ведения при структурировании I-й ступени новой модели российской школы и наиболее подходящим для перехода на II-ю ступень.

По отзывам современников программы для начальной школы, введённые в 1897 г., заключали в себе, весьма скудный общеобразовательный материал, за что подвергались критике как не отвечающие современным потребностям умственного, эстетического, физического и нравственного формирования подрастающего поколения. В связи с чем, реформаторы разделили учебные дисциплины на образовательный и воспитательный циклы. К образовательному отнесли русский язык, математику, историю, географию, естествоведение и Закон Божий; при этом изучение иностранных и древних языков переносили на II-ю ступень. Цикл воспитательных дисциплин включал рисование, черчение, пение, музыку, физические упражнения (гимнастика, танцы) и ручной труд [5, с. 5].

Впервые в основу учебно-воспитательного процесса был положен принцип трудового обучения. Подчёркивая его значение, П.Н. Игнатьев на совещании попечителей учебных округов в феврале 1915 г. говорил о необходимости «…через школу способствовать развитию производительных сил страны: школа должна служить жизни и нуждам населения... С точки зрения запросов жизни и надлежит рассматривать школьное дело... Трудовой принцип во всей толще нашей жизни чуть ли не с колыбели — единственное наше спасение» [3, с. 565].

Для средней школы (II-й ступени) предусматривалась бифуркация (разделение) на три направления: гуманитарно-классическое, реальное и новогуманитарное [5, с. 4]. Концепция бифуркации означала, что традиционная классическая гимназия как основной тип среднего учебного заведения в России утратила прежнее значение. Модернизация образовательных программ для школ II-й ступени предусматривала существенное сокращение часов на преподавание древних языков в гуманитарно-классической гимназии и отсутствие таковых в программах новогуманитарной и реальной гимназий. Закон Божий оставался в учебной программе как образовательная дисциплина, но часы на его преподавание также сокращались.

Инициированная П.Н. Игнатьевым реформа получила поддержку в IV Государственной Думе, у прогрессивных педагогов

и вообще либерально настроенной части российского общества, но была отвергнута его консервативной частью и правительством, от решений которого и зависела перспектива модернизации национальной системы образования. 28 декабря 1916 г. П.Н. Игнатьева отправили в отставку. Тем не менее, задел на будущее был сделан.

В 1915 г. подготовлен проект Устава Родительской Организации при средних учебных заведениях, нацеленный на включение родительской общественности в учебно-воспитательный процесс и внутреннюю жизнь школы. К этому времени в России уже имелся десятилетний опыт деятельности родительских организаций, но предложенный проект Устава значительно расширял полномочия Родительского Комитета, предоставив ему право голоса в Попечительских и Педагогических Советах, Хозяйственных Комитетах и разных школьных комиссиях.

В апреле 1915 г. для публичного обсуждения представлены проекты программ для I-й и II-й ступеней средней школы. В 1916 г. работа над программами для школ I-й ступени завершилась. Традиционная предметная группировка учебного материала заменялась в них распределением его по четырём комплексам: физика и химия, землеведение, ботаника, зоология. «Закон Божий» позиционировался как дисциплина по выбору, и по заявлениям родителей ученики могли быть освобождены от его изучения.

На территории Приамурского учебного округа первые ВНУ на основании положения 1912 г. открыли в Ольгинском уезде (с. Шкотово и Владимиро-Александровское) в 1914 г. [8, с. 160, 170]. В 1915—1916 гг. в ВНУ преобразовали городские училища Благовещенска, Хабаровска, Владивостока и Черниговки [6, с. 69; 8, с. 38, 90, 144; 9, с. 42, 94, 137; 10, с. 36, 76, 110]. Появление данных четырёх училищ по времени совпало с реформой П.Н. Игнатьева, что даёт нам основание предполагать непосредственную связь, существующую между этими событиями.

В полосе отчуждения КВЖД сеть училищ повышенного типа, соответствовавших I-й ступени средней школы, начала формироваться в 1916 г. Из переписки начальника Учебного отдела Китайско-Восточной железной дороги Н.В. Борзова с дирекцией народных училищ Забайкальской области по поводу открытия

высших начальных училищ для русскоподданых в Маньчжурии известно, что данная сеть включала 14 учебных заведений, расположенных на станциях Пограничная, Хайлар, Мяньдухэ, Имяньпо, Бухэду, Хорго, Чжалайнор и Маньчжурия [ГАИО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 739. Л. 31, 31 об, 32]. Училище повышенного типа на линии Уссурийской железной дороги было открыто в 1916 г. на станции Никольск-Уссурийский [10, с. 96].

Кроме того, на 1914 г. установлено наличие 8 железнодорожных училищ на линии среднего участка Амурской железной дороги [7, с. 204], но данных о том, коснулись ли их какие-либо преобразования, связанные с реформой единой школы, не выявлено.

После Февральской буржуазной революции для выработки государственного плана, руководящих принципов, законопроектов и общих мер в области реформы народного образования при Министерстве народного просвещения Временного правительства в мае 1917 г. был учреждён Государственный Комитет по народному образованию. Итог его пятимесячной деятельности представлен более чем 40 отдельными законопроектами, в совокупности составившими развёрнутую программу социально-педагогических преобразований, включавшую следующие положения:

- создание единой школы, с преемственностью всех её ступеней;
- разгосударствление образования, привлечение общественности к управлению образованием, введение школьного самоуправления;
- предоставление местному самоуправлению обширных полномочий в школьном деле, а самой школе — автономии;
- признание религии частным делом граждан, вследствие чего её преподавание в школе становилось необязательным;
- гарантия равенства прав всех граждан на образование, доступность и бесплатность школы, отмена всех сословных, национальных, конфессиональных и прочих ограничений;
- обеспечение всеобщего и обязательного начального образования;
- введение совместного обучения.

Таким образом, программа Государственного Комитета по народному образованию включала и положения школьной реформы П.Н. Игнатьева.

5—10 апреля 1917 г. в Хабаровске работал первый съезд учителей Дальнего Востока, принявший ряд резолюций по реформе региональной системы образования. В частности, реформа управления учебными заведениями предусматривала его децентрализацию посредством передачи управленческих функций областям: Амурской, Приморской, Сахалинской, Камчатской и в полосе отчуждения КВЖД. Единоличное управление учебными заведениями заменялось новыми школьными правлениями коллективного характера на выборных началах — автономными Школьными Советами. Новый орган управления школой состоял из педагогов и воспитателей конкретного учебного заведения, а также из представителей общественности: родителей учащихся и представителей от тех общественных организаций, которые участвовали в содержании школы [11, с. 5]. Количественный состав Школьных Советов формировался на паритетных началах. В определённых случаях в работе школьного самоуправления могли участвовать ученики старших классов.

Полномочия школьного самоуправления распространялись на учебно-воспитательную часть школы, избрание её педагогического персонала, заведывание финансово-хозяйственной частью, делопроизводством и учебно-воспитательными учреждениями (библиотеками, кабинетами, мастерскими и др.).

В представлении о единой школе депутаты поддерживали идею преемственной связи между её ступенями, но считали, что всех школьных ступеней должно быть четыре: I-я — начальное образование, II-я и III-я — среднее и IV-я — высшее [11, с. 16]. Расхождение касалось также и сроков обучения. Так, на I-й и II-й ступенях длительность обучения определялась по четыре года на каждой, на III-й — не менее трёх лет, что мотивировалось спецификой местных условий и опытом земской и западно-европейской школы.

Модернизация учебных программ предусматривала упрощение орфографии, введение в программу I-й ступени в качестве

самостоятельных учебных дисциплин естествознания, географии, истории, искусства и физкультуры, а также признание необязательным изучение церковно-славянского языка и Закона Божьего [11, с. 18].

Воплощение в жизнь резолюций съезда в революционных условиях проходило явочным порядком, что создавало трения между старыми и новыми органами управления и дестабилизировало работу учебных заведений. В связи с чем, делегаты съезда учителей Приморской области, проходившего 28—30 мая 1917 г., специально обратились к комиссару Временного правительства в Приамурском крае с просьбой содействовать в экстренной реализации решений хабаровского съезда учителей Дальнего Востока. Однако вовлечение профессионального сообщества в политическую и общественную работу, его стремительная поляризация по идейно-политическим предпочтениям и разрастание на этой почве межгруппового противостояния не способствовали продвижению реформы.

Ситуация в полосе отчуждения КВЖД принципиально отличалась от ситуации, сложившейся в бывшем Приамурском учебном округе. Учебный отдел КВЖД сохранил свои руководящие позиции и сумел расширить сеть ведомственных школ. К осени 1917 г. на станциях Уссурийской железной дороги работали четыре, а на линии КВЖД 22 учебных заведения, соответствовавших I-й ступени средней школы [ГАХК НСБ. Ед. хр. 2303. 1917. Приказ по личному составу КВЖД № 10 от 8.11.1917. С. 35—37; 4, с. 17].

С сентября 1917 г. начались занятия по новым программам, подготовленным в период реформы П.Н. Игнатьева в 1916 г. В начальных школах — по проекту специальной подкомиссии по начальному образованию при Учебном Отделе Общества Распространения Технических Знаний (Москва), в высших начальных училищах — по программам для ВНУ, утверждённым П.Н. Игнатьевым 17 августа 1916 г. [ГАХК НСБ. Ед. хр. 2303. Приказы по КВЖД. 1917. Приказ № 353 от 23 сентября 1917 г. «Новые временные программы школ Китайской Восточной и Уссурийской железных дорог». С. 1]. Программы предусматривали возможность отказа от изучения Закона Божия по заявлению их родителей, и

впоследствии эту дисциплину в школах, подведомственных Учебному отделу КВЖД, не преподавали.

Приказом от 20 октября 1917 г. вводились одобренные Государственным Комитетом по народному образованию правила об упрощении русского правописания. Впрочем, тогда они не получили статуса обязательных, а позиционировались как полезные школе и обществу, и были рекомендованы для применения в служебной переписке на Уссурийской и Китайско-Восточной железных дорогах.

Введение школьного самоуправления, менявшего старый иерархический принцип управления учебными заведениями, осуществлялось под контролем администрации дороги. Новая система управления учебными заведениями была введена на линии Уссурийской железной дороги приказом управляющего КВЖД генерала Д.Л. Хорвата 31 августа, а на КВЖД — 12 сентября 1917 г. [ГАХК НСБ. Ед. хр. 2303. Приказы по КВЖД. 1917. Приказ № 331 от 31 августа 1917 г. «О заведовании образовательными учреждениями Уссурийской железной дороги. С. 1—4; Приказ № 342 от 12 сентября 1917 г. «С объявлением правил о заведовании образовательными учреждениями на Китайской восточной железной дороге». С. 1—8]. Общее руководство школами возлагалось на комитет образовательных учреждений (КОУ), сроки действия которого предполагались до введения общегосударственного закона по народному образованию. Комитет являлся выборным учреждением с довольно большим числом участников. В его состав входили: представитель от управляющего КВЖД, 5 представителей от союза мастеровых, рабочих и служащих дороги, 6 выборных представителей от педагогической общественности КВЖД, по одному представителю от комитета образовательных учреждений Уссурийской железной дороги, от школьных врачей и преподавателей поселковых школ, представители от школьных инструкторов и секретарь школьного комитета [ГАХК НСБ. Ед. хр. 2303. Приказы по КВЖД. 1917. Приказ № 342 от 12 сентября 1917 г. «С объявлением правил о заведовании образовательными учреждениями на Китайской восточной железной дороге». С. 3].

Непосредственное руководство каждым учебным заведением сосредоточивалось в руках автономного Школьного Совета в

составе всех преподавателей, такого же числа представителей от родителей учащихся и союза мастеровых, рабочих и служащих дороги (на паритетных началах), а также школьного врача. Полномочия Школьного Совета касались решения всех учебно-воспитательных и хозяйственных вопросов, делопроизводства школы, распределения выделенных на школу ассигнований, составления годовых смет и отчётов, избрания кандидатов на должности учителей и др. [ГАХК НСБ. Ед. хр. 2303. Приказы по КВЖД. 1917. Приказ № 342 от 12 сентября 1917 г. «С объявлением правил о заведовании образовательными учреждениями на Китайской восточной железной дороге». С. 6].

С приходом к власти большевиков непосредственным проводником реформы в регионе стал Народный Комиссариат Просвещения Дальнего Востока, созданный в январе 1918 г. Первые его мероприятия были направлены на вывод региональной системы образования из финансового кризиса и укрепление материальной базы учебных заведений. Однако в условиях начавшейся экономической разрухи формирование бюджета образования являлось трудно решаемой задачей для новой государственной власти, которая вынужденно ограничивалась выдачей целевых субсидий учебным заведениям или прибегала к сборам пожертвований от граждан на нужды народной школы [2, с. 169, 187, 229, 334], что в целом слабо способствовало решению проблемы.

Из-за сопротивления консервативно настроенной части учителей организация районных комиссариатов просвещения продолжалась в июне 1918 г. [2, с. 210] и к началу Гражданской войны завершена не была.

В мае—июне проводились мероприятия по формированию государственной сети школ. Приказом Войскового Совета Уссурийского казачьего войска и Дальсовнаркома (20 мая 1918) школьный отдел УКВ передал подведомственные ему учебные заведения отделам народного образования местных советов. Основанием для данного нормативного акта послужили решения, принятые учителями казачьих школ и постановления пятого войскового круга. В соответствии с этим распоряжением было передано 70 казачьих школ. Из них отделу народного образования при Никольск-Уссу-

рийском Совете рабочих и крестьянских депутатов передали 23 казачьи школы; отделу народного образования при Хабаровском Совете крестьянских депутатов — 25 школ; отделу народного образования при Совете рабочих, крестьянских и казачьих депутатов города Имана и Иманского уезда — 22 школы [2, с. 182—183].

Решение о введении единой общеобразовательной школы комиссариат просвещения Дальсовнаркома принял 20 июня 1918 г., школьное самоуправление вводилось приказом от 22 июня.

В советской версии реформы структура единой школы включала три последовательные ступени, соответствующие начальному училищу с четырёхгодичным курсом обучения (I-я ступень), II-я ступень соответствовала совокупности первых четырёх классов средних учебных заведений или ВНУ с четырёхгодичным курсом, III-я ступень именовалась «гимназией», т.к. соответствовала последним трём классам средних учебных заведений с трёхгодичным курсом обучения [2, с. 218]. На III-й ступени предполагалась бифуркация по учебным циклам: с преобладанием математики и физики на первом, естествознания — на втором, словесности и истории — на третьем. Трудовой принцип принимался как основа обучения и воспитания. Все сословные привилегии и ограничения отменялись. Религиозные учения ни в какой форме не допускались [2, с. 220].

В целом, принятая структура единой школы и принципы её организации совпадали с предложениями хабаровского съезда учителей Дальнего Востока в апреле 1917 г. Статус Школьного Совета, его состав и полномочия также были идентичны принятым тогда решениям [подр. см.: 2, с. 222—226].

Последние решения комиссариата просвещения были приняты 6 июля 1918 г. уже во время военных действий. Они касались перевода общеобразовательных школ на государственное содержание и платы за обучение, которая отменялась в школах Дальнего Востока с начала 1918/1919 учебного года [2, с. 252]. Данными актами советская власть стремилась сделать образование более доступным для простых трудящихся.

В заключение отметим, что в условиях начавшейся Гражданской войны перспектив сохранения начатых преобразований не

было, но нужно отдать должное советской власти, которая даже в этих обстоятельствах оставалась креативно настроенной по отношению к школам и стремилась завершить начатое прогрессивной педагогикой России дело модернизации национальной системы образования.

Литература и источники

1. Белоглазова С.Б. Реформа ведомственных школ на Китайско-Восточной железной дороге во второй половине 1920-х годов // Вестн. Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 58—66.
2. Дальсовнарком. 1917—1918 гг.: сб. документов и материалов. Хабаровск, 1969. 375 с.
3. Днепров Э.Д. Российское образование в XIX—XX века. Т. 1. М.: Мариос, 2011. 648 с.
4. Краткий обзор деятельности Учебного отдела дороги // Экономический вестник Маньчжурии. Харбин. 1923. № 23—24. С. 16—20.
5. Материалы по реформе средней школы: примерные программы и объяснительные записки, изданные по распоряжению г. Министра народного просвещения. Петроград: Сенатская тип., 1915. 553 с.
6. Памятная книжка — Адрес-календарь Амурской области. 1916 год / изд. Амурского областного статистического комитета. Благовещенск: Типо-литография «Благовещенск», 1916. 258 с.
7. Памятная книжка Амурской области на 1914 год / изд. Амурского областного статистического комитета. Благовещенск: Тип. «Амурский край», 1914. 247 с.
8. Памятная книжка Приморской области на 1914 год / изд. Приморского областного статистического комитета. Б.м.: Тип. Приморского областного правления, 1914. 338 с.
9. Памятная книжка Приморской области на 1915 год / изд. Приморского областного статистического комитета. Б.м.: Тип. Приморского областного правления, 1915. 297 с.
10. Памятная книжка Приморской области на 1916 год / изд. Приморского областного статистического комитета. Б.м.: Тип. Приморского областного правления, 1916. 282 с.
11. Резолюции съезда учителей Дальнего Востока (5—9 апреля 1917 года). Хабаровск, 1917. 80 с.
12. ГАИО (Государственный архив Иркутской области).
13. ГАХК НСБ (Государственный архив Хабаровского края. Научно-справочная библиотека). Ед. хр. 2303.

УДК: 947.084.3:792.2(571.6)

РЕВОЛЮЦИЯ И ТЕАТР: СПЕЦИФИКА ФОРМ И СОДЕРЖАНИЕ ТЕАТРАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА НА ПУТИ СОВЕТИЗАЦИИ

Э.В. ОСИПОВА

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, г. Владивосток

В статье рассматривается особый, рубежный этап истории Дальнего Востока России. Театральная культура региона только на пути к советизации. Революция властно определила сложный, запутанный процесс внутренней её перестройки. Но по мере создания государственных органов управления театрами специфические черты постепенно исчезали, и театральная культура региона формировалась как часть советской социалистической культуры.

Ключевые слова: Дальний Восток, театр, советизация, революция, Гражданская война, Дальневосточная республика, антреприза, государственный театр.

REVOLUTION AND THEATRE: SPECIFIC CHARACTER OF FORMS AND SUBSTANCE OF THE FAR EASTERN THEATER CULTURE ON THE WAY OF SOVETIZATION

E.V. OSIPOVA

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS, Vladivostok

The article elucidates a special stage of the history of the Far East of Russia. Theatre culture of the region is only on the way of sovetization. The Revolution imperiously determined a complex, knotty process of its inner reformation. But as far as possible while creating state bodies of governing theaters there are being disappeared specific features, and the regional theater culture was forming as a part of Soviet socialist culture.

Key words: Far East, theater, sovetization, Revolution, Civil War, Far Eastern Republic, impresario managing, state theater.

Революция, открывшая новую эру всемирной истории, положила начало и новому периоду развития художественной культуры,

которая, оказавшись в руках большевиков, изменила социальное и эстетическое предназначение искусства. После победы социалистической революции культурное строительство назвали третьим фронтом. Однако и в его пределах жизнь определила внутреннюю последовательность, особый путь развития региональной культуры в целом и специфику форм и содержания театрального дела*, в частности [9, с. 4].

Региональные исследователи, начало процесса становления театральной культуры региона связывают уже со второй половиной XIX в., то есть почти сразу после присоединения дальневосточных территорий к Российской империи. Ввиду изначальной малочисленности творческих сил зарождение театральной культуры началось с любительских постановок. Анализируя природу увлечений любительским творчеством городского населения региона, исследователь Г.А. Андриец отмечает, что культурный досуг жителей крупных городов был основан «…на глубинной потребности проводить свободное время интересно и с пользой, т.к. создавал благоприятные условия для самореализации и самосовершенствования личности и вместе с тем удовлетворял базисные, в том числе гедонистические, устремления человека, вносил в его жизнь веселье, радость, а также ощущение собственной ценности и самодостаточности» [1, с. 87].

Популярность сценического любительства в дальневосточной провинции была ошеломительной: сохранились источники, подтверждающие «свирепую страсть» к любительским спектаклям [12, с. 335—340]. Самодеятельных творческих объединений было довольно много, они легко создавались, иногда недолго просуществовав, закрывались, на их месте открывались другие. С конца XIX в. деятельность всех общественных организаций стала упорядочиваться, ответственные лица должны были получать разрешение на их открытие [1, с. 87]. Формализация и регламентация деятельности творческих объединений выразились в появлении таких организационных структур, как Собрания.

* Театральное дело — это процесс идейно-художественного и организационно-экономического развития театрального искусства.

После первой русской революции дальневосточный социум получил определённые возможности для демократического развития. Центрами общественно-политической и культурной жизни становятся Народные дома, открытые во всех крупных городах Дальнего Востока и отличавшиеся высокой концентрацией творческой энергии, культурного просвещения и образования. Простые горожане осваивали новые виды культурной деятельности и активно вовлекались в ранее недоступные для них сферы досуговых рекреаций.

Экономический подъём, переживаемый крупными промышленными городами Дальнего Востока России в конце XIX в., сделал Владивосток, Хабаровск и Благовещенск центрами притяжения творческих сил профессиональных артистов театральных жанров. Гастролёры из Иркутска, Хабаровска, Благовещенска, Москвы, Петербурга (в чём не последнюю роль сыграло и строительство железной дороги) в последнее десятилетие уходящего века буквально заполонили театральные подмостки дальневосточных городов, которых с каждым годом становилось всё больше. Театральные залы, большие и малые, разместившиеся в отдельно предназначенных для театра деревянных или каменных зданиях и в Народных домах были уже приметой городского культурного пространства, не говоря уже о многочисленных миниатюрных сценах при гостиницах, ресторанах и кафе-шантанах. Провинциальный зритель откликался на приезд знаменитостей. В эти годы Дальний Восток посетили В.Ф. Комиссаржевская, М.М. Петипа, В.Н. Давыдов, К.А. Варламов, Е.Н. Рощина-Инсарова. Профессиональное искусство известных исполнителей и творческих коллективов, безусловно, оказало большое влияние на местную музыкально-театральную жизнь [7]. Вместе с тем, по мнению исследователя А.В. Шавгаровой актёрское искусство продолжало находиться в глубокой зависимости от всё определявших зрительских вкусов, что держало его в рамках наивного реализма [13, с. 213].

Февральская революция 1917 г. изменила многое в культурной жизни региона. Ослабление цензурного надзора позволило ставить спектакли по ранее запрещённым пьесам. Изменилась и театральная аудитория: зрительные залы активно заполняли ра-

бочие и мелкие служащие [3, с. 16]. Большевики, пришедшие к власти в октябре 1917 г., провозгласили необходимость создания нового, революционного репертуара и передачи театральных зданий из частных рук в государственные, однако начавшаяся Гражданская война помешала реализации этих планов на территории Дальнего Востока. Сложность, запутанность и неоднозначность складывающейся военно-политической обстановки обусловливались территориальными просторами региона и разбросанностью основных городских центров (Владивосток, Хабаровск, Чита, Благовещенск).

Судьба театрального дела в конкретном городе целиком зависела от конкретной власти, в чьих полномочиях оказались держатели театров. Политические взгляды власть предержащих и определяли требования к антрепренёрам как в финансовом, так и в художественном плане. В самом выгодном в этом отношении оказались владивостокские театралы. Несмотря на то, что город довольно скоро принял позицию большевиков, антрепренёров здесь долго не трогали. Владельцы театров и нанимающиеся к ним постановщики в своих художественных программах заняли нейтральную позицию, активно развлекали публику, недостатка в которой не испытывали из-за притока интеллигенции, стремящейся к эмиграции за границу, и присутствия контингента иностранных войск. Приметой времени стали резко возросшие налоги на увеселительные учреждения, ухудшившие их материальное положение, и некоторая милитаризация искусства. Руководить театрами военное ведомство назначало офицеров, репертуар приспосабливался к вкусам военных. Старейший театр региона «Золотой Рог» во Владивостоке даже изменил своё название — с осени 1919 г. стал Военным драматическим театром Приамурского округа; руководил им поручик Сорокин-Глебов [4, с. 203—210]. Здания некоторых театров были отданы под нужды военного ведомства.

В более сложных условиях оказались театры Хабаровска: занявший город атаман И. Калмыков предпочитал террор в качестве основного метода правления, заставив бежать всех антрепренёров. Подобная ситуация сложилась и в Благовещенске. Любитель театрального искусства атаман Г. Семёнов, захвативший власть в

Чите, диктовал идейно-художественную направленность ответственным за театральное дело в городе — требовал ставить строго антибольшевистские пьесы. Любовь к сценическому искусству привела его даже к мысли создания своего собственного театра — Мариинского [3, с. 17].

Тем не менее, в начале 1919 г. во Владивостоке удалось создать при местном Обществе народного просвещения театральную комиссию, пытавшуюся в новых военно-политических условиях приблизить театр к «низам». Одним из значимых её решений было приглашение на руководство Народным театром профессионального режиссёра М.Н. Нининой-Петипа, с 1903 г. руководившей Общедоступным театром во Владивостоке, известной демократическими настроениями.

В центральной части России большевистские преобразования в области культуры по сравнению с дальневосточным краем были очевидны. Одна из важнейших задач культурной революции сформулирована в программе РКП(б), принятой в 1919 г. на VIII съезде партии: «…открыть и сделать доступными для трудящихся все сокровища искусства, созданные на основе эксплуатации их труда и находившиеся до сих пор в исключительном распоряжении эксплуататоров» [5, с. 49]. Применительно к театральному искусству этот пункт программы партии следует понимать как стремление новой власти сделать театр общедоступным для самых широких масс трудящихся, и в центре России к моменту принятия программы эта задача в значительной мере была уже выполнена или, во всяком случае, выполнялась.

На длинном, неизведанном пути превращения «запасов культуры» из орудия капитализма в орудие социализма особенно сложно решался вопрос с кадрами управленцев и творческих сил для учреждений культуры. Как известно, далеко не все приняли революцию. Значительная часть актёров бывших императорских театров враждебно встретила свержение Временного правительства и не признала советскую власть. Поэтому бывший аппарат управления императорскими театрами был расформирован, а театры перевели в ранг государственных учреждений, которые начали давать бесплатные спектакли для нового зрителя.

Опубликованная в «Известиях» программная статья Наркомпроса «О задачах государственных театров» обнародовала позицию новой власти относительно искусства: художник должен подчинить своё творчество интересам трудящихся. В феврале 1918 г. при Наркомпросе начал работать совещательный Театральный совет. В июне учреждён Театральный отдел и определены его функции как первого государственного органа «…для осуществления культурно-просветительных задач в области театра и зрелищ, объединения общего руководства, а также наблюдения за правильною и целесообразною постановкою всего дела, касающегося театра на 99 территориях Российской Федеративной Республики» [8, с. 41]. Полагаем, не последнюю роль в этом сыграла личность наркома просвещения А.В. Луначарского — глубоко образованного гуманиста, чьи этические взгляды позволяли мягко, даже с несколько либеральных позиций решать проблемы культурной политики советской власти. Любовь наркома к театру и всему, что с ним связано, спасла его от разрушения «до основанья…», решила вопрос со старыми кадрами, позволив даже на некоторое время задержаться театральному предпринимательству.

В отличие от центральных и некоторых крупных городов Сибири в городах Дальнего Востока к приходу большевистской власти театральная культура с устоявшимися сценическими традициями, сформировавшейся актёрской школой, различного уровня частными антрепризами и мощными высокопрофессиональными театральными домами не сложилась. Несмотря на включённость в единую общероссийскую провинциальную систему театральная жизнь дальневосточных городов обладала рядом специфических особенностей. Именно региональным явлением назвала исследователь театра А.В. Шавгарова дальневосточный театр по той причине, что он проходил идентичные этапы развития «в непохожих городах по сходному принципу» [11, с. 201]. Иными словами, в основании дифферента, который образовался в театральной жизни различных городов Дальнего Востока, лежал исключительно временной признак. Театральная жизнь до начала XX в. состояла здесь в основном из выступлений, сменявших друг друга многочисленных антреприз и товариществ, не задерживавшихся долго

на одном месте, но при этом выделяется ряд лиц, чья антрепренёрская деятельность на протяжении многих лет оставалась связанной с регионом. Одним из первых организаторов театрального дела на дальневосточной окраине был владивостокский купец А. Иванов (кафе-шантан «Калинка» при гостинице «Ориенталь»); развитие музыкального театра на рубеже XIX—XX вв. связано с именами И. Яворского и К. Мирославского, занимавшихся ещё и организацией гастролей на Дальнем Востоке; драматические и музыкальные спектакли ставили антрепренёры И. Арнольдов и Е. Долин; опереточно-драматические труппы в Благовещенске возглавляли поочерёдно П. Станиславская и А. Северская-Сигулина, традиции МХАТ продолжила во Владивостоке М. Нинина-Петипа.

В послереволюционные годы и в период Гражданской войны социокультурную ситуацию в крупных городах Дальнего Востока характеризовали несколько взаимодействующих факторов: хороший результат подготовленной культурной почвы на предыдущем историческом этапе, «взрыв» демократизации, революционное раскрепощение всех социальных слоёв населения и рост активности творческих деятелей, многие из которых прибыли из центральных городов России вследствие военно-политических событий, а также из эмиграционных центров в Китае. Театральное дело в городах юга Дальнего Востока находилось в частном владении, обременённом налогами и полной зависимостью от состоятельной публики.

Владивосток, Хабаровск и Благовещенск отличались не только уровнем социально-экономического развития, но и преобладанием потенциального зрителя: здесь были и представители иностранных компаний, и торговцы, и предприниматели, и крупные промышленники. Безбедная публика в большинстве своём «тянулась к лёгким жанрам» [10, с. 205] и диктовала спрос на художественную продукцию. Эта особенная аура культурной жизни городов оказалась весьма органичной и вполне приемлемой для ДВР (1920—1922), буржуазно-демократической буферной республики, созданной по инициативе большевиков. Благодаря политической сделке революционные преобразования в культурной жизни региона, несмотря на большевистское присутствие, были отодвинуты на целых два года.

Созданное Министерство просвещения ДВР, призванное осуществлять управление культурой и искусством, в сложившихся политических условиях не везде имело возможность реально воздействовать на ситуацию в театральном искусстве. Во Владивостоке, Благовещенске и Хабаровске — ведущих культурных центрах региона тон культурно-развлекательной части жизни задавали представители старых взглядов, которые не могли отказать себе в удовольствии поглумиться над советской властью, иногда в скрытых аллегориях, иногда довольно откровенно. Так, на театральных сценах появились лубки «Карьера Краснощёкова», «Революция на Олимпе», «Перелёт Москва-ДВР» и др.

В Чите, в части Сахалина и на Камчатке, где власть практически оказалась в руках Советов, несмотря на официально признанный буржуазно-демократический статус, функционеры демонстративно отказывались от культурного наследия прошлого. Классовый подход толкал большевиков на политические перегибы, на принятие порой абсурдных, ничем не обоснованных запретов. Так, в Петропавловске-Камчатском учащимся театральной студии запретили ставить на сцене «Горе от ума», посчитав пьесу «буржуазным пережитком» [2, с. 3]. Учащимся Читинского музыкального техникума запретили постановку «Евгения Онегина» как «вредную для советского зрителя» [6, с. 124] и рекомендовали заняться «перевоспитанием преподавателей, участвующих в подготовке этого спектакля». В Чите был создан первый государственный революционный театр, названный модной в те годы аббревиатурой — «ИСКУССТВАРЬ». Рецензии на спектакли, проходившие на его сцене, отличались ярко выраженным классовым подходом. Здесь министерство продвигало в жизнь новые идеи организации народно-революционного искусства: занималось организацией самодеятельных театрально-концертных коллективов, агитбригад для обслуживания частей НРА, укрепляло и создавало новые клубы для просвещения населения. Борьбу с частной антрепризой вели с особым ужесточением налогового бремени при послаблении оного в отношении учреждений искусства революционного толка. Именно сюда, в Забайкалье впервые гастролировали театральные коллективы из советских Москвы и Петрограда [3, с. 17].

Таким образом, политический статус отдельной дальневосточной области, входившей в состав ДВР (Забайкальская, Амурская, Приморская, Камчатская области и Северный Сахалин), предоставлял или исключал политический компромисс в сценическом искусстве. В целом, на территории дальневосточной окраины России с победой Октябрьской революции сложилась уникальная ситуация для постепенного перехода от буржуазного искусства к новому, пролетарскому. Несмотря на то, что после падения буферной республики пришедшие на смену капиталистам-антрепренёрам «революционные романтики» объявили войну «нэпорылому индивидуализму» и в регионе была подготовлена почва для утверждения советской театральной системы, разнообразие театральной жизни сохранялось здесь и в первое пятилетие после 1917 г.

После ликвидации ДВР и включения её территории в состав РСФСР вместо Министерства просвещения ДВР был создан Дальневосточный отдел народного образования (ДальОНО), который осуществлял руководство сферой культуры и искусства, в том числе и театральной. Цель ДальОНО состояла в упорядочении системы управления театрами, которая к 1923 г. была полностью децентрализована. Вследствие этого, в том же году все имеющиеся в дальневосточных городах театральные помещения перешли в ведение ГубОНО. Управленцы намеренно ужесточили налоговые сборы в восемь раз, дабы проще и скорее избавиться от частного капитала в театральной сфере. В результате резко сократилось число частных театров, артистические силы, по большей части не поддерживающие новую власть бросились в эмиграционные потоки. Часть артистов, и довольно значительная, осталась на Дальнем Востоке советской России.

В 1925 г. происходит очередная реструктуризация: организуется единый координирующий центр театров Дальнего Востока — Краевое театральное объединение (КрайТЕО)*. Рассматриваемый период в искусствоведческих, исторических, культурологических трудах вполне справедливо рассматривается как отдельный и

* КрайТео, затем преобразовалось в ОкрОНО (1927 г.), затем в КрайУЗП (1929 г.), далее КрайУТЗП и так до организации краевых (областных) управлений культуры, в компетенцию которых были включены театры, принадлежащие данным территориям.

особый, рубежный этап истории Дальнего Востока. Театральная культура только на пути к советизации, большевистские преобразования, заметно задержавшись, приводят её сначала к разнообразным конструктивистским разработкам в области массовой культуры и лишь затем к традиционным ценностям русского классического театра. Революция властно определила сложный, чрезвычайно интенсивный процесс внутренней перестройки всей художественной жизни страны, включая театральную сферу. Но по мере создания государственных органов управления театрами специфические черты постепенно исчезали, и театральная культура региона формировалась как часть советской социалистической культуры.

Литература и источники

1. Андриец Г.А. Культурная деятельность городских кружков и обществ на юге Дальнего Востока (конец XIX — начало XX вв.) // Ойкумена. 2009. № 3. С. 86—101.
2. Вечерняя газета. Владивосток, 1921. 8 окт.
3. Гамалей С.Ю. Государственная политика в области театрального дела на советском Дальнем Востоке (20—30-е годы XX века): автореф. дис. … канд. ист. наук. Хабаровск, 2005. 26 с.
4. Иванов А.С. Театральная культура Дальнего Востока до 1917 г. // Проблемы истории художественной культуры Дальнего Востока: Сб. науч. тр. Владивосток: Дальнаука, 1996. С. 203—210.
5. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898— 971). Изд. 8-е, доп. и испр., Т. 2. М.: [б.и.], 1970. 534 с.
6. Королёва В.А. У истоков // Забытые имена. Владивосток: Дальнаука, 1994. 184 с.
7. Монахова С.А. Гастрольно-концертная жизнь юга Дальнего Востока России (1895 — февр. 1917 г.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Владивосток, 1999. 29 с.
8. Русский советский театр 1917—1921: советский театр: документы и материалы / отв. ред. А.З. Юфит. Л.: «Искусство. Ленингр. отд-ние», 1968. 548 с.
9. Дымникова А.И. Становление системы государственного руководства театральным делом в СССР (1921—1928 гг.): Учеб. пособие / А.И. Дымникова; Ленингр. гос. ин-т театра, музыки и кинематографии им. Н.К. Черкасова. Л.: ЛГИТМИК, 1988. 53 с.
10. Театральная жизнь // История культуры Дальнего Востока России XIX в. — 1917 г. Владивосток: Дальнаука, 2011. 299 с.

11. Шавгарова А.В. Зарождение театральной культуры на Дальнем Востоке (1890—1890-е годы) // История культуры Дальнего Востока России XVII — начала XX века. Владивосток: Дальнаука, 1996. 256 с.
12. Шавгарова А.В. Становление театральной культуры на Дальнем Востоке (конец XIX — начало 10-х гг. XX в.) // Дальний Восток России: исторический опыт и пути развития региона (Первые Крушановские чтения. Владивосток, 1998 г.). Владивосток: Дальнаука, 2001. С. 335—340.
13. Шавгарова А.В. Становление и развитие театральной культуры на Дальнем Востоке России (втор. пол. XIX — начало XX в.): дис. … канд. ист. наук. Владивосток, 2002. 242 с.

УДК: 283/289

АДВЕНТИСТЫ СЕДЬМОГО ДНЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И ИНОСТРАННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

С.М. ДУДАРЁНОК

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

В статье на основе архивных источников рассматривается история церкви Адвентистов Седьмого Дня на Дальнем Востоке России в годы Гражданской войны и иностранной интервенции. Обращается внимание на сложности возрождения религиозной жизни в тех условиях. Отмечается особая роль адвентистских благовестников и конфессиональной прессы в восстановлении религиозной жизни.

Ключевые слова: религия, церковь, верующие, адвентизм, свобода совести, Гражданская война, благовестники.

SEVENTH-DAY ADVENTISTS IN THE FAR EAST OF RUSSIA DURING THE CIVIL WAR AND FOREIGN INTERVENTION

S.M. DUDARENOK

Far Eastern Federal University, Vladivostok

In the article on the basis archival sources discusses the history of the seventh-day Adventist Church in the East of Russia during the Civil War

and foreign intervention. Draws attention to the complexity of the revival of religious life in those conditions. Notes the special role of Adventist blagovestnikov and religious press in the restoration of religious life.

Key words: religion, Church, believers, Adventism, freedom of conscience, The Civil War, evangelists.

Церковь Адвентистов Седьмого Дня восторженно восприняла Февральскую революцию 1917 г., увидев во Временном правительстве государственную власть, которая дала обществу демократические свободы, в том числе, свободу совести и вероисповедания. В апреле 1917 г. вышел специальный номер адвентистского журнала «Благая весть», называвшийся «Номер свободы» с оценкой значения Февральской революции для России: «…Свершилось знаменательное событие для всех сынов России, в особенности же для бывших в ней гонимыми за свои религиозные убеждения. Деспотизм старой власти герметически закрывал все скважины, сквозь которые мог проникнуть луч света в темноту. Ныне он волею Всевышнего, сим похоронен…

Божии вестники, страдавшие в местах ссылки и заточения, лишённые возможности совершать Божье дело, услышали от Бога, через ангела его — Временное правительство — как ответ на свои и наши о нём молитвы: “Можете быть свободны”» [2, с. 78].

После выхода указа Временного правительства об амнистии всех политических заключённых, включая отбывавших наказание по религиозным убеждениям, началось возвращение из Сибири сосланных туда адвентистских проповедников, и Отто Рейнке — представитель Генеральной Конференции — развил бурную деятельность по воссозданию разрушенной войной и царскими указами церковной организации, сформировав Западно-Российский и Восточно-Российский унионы. Западно-Российский унион возглавил его переводчик и советник Г.И. Лебсак, а Восточно-Российский — И.Ф. Гинтер, до этого руководивший Волжским и Уральским миссионерскими полями.

19—24 июля 1917 г. в Саратове в здании местной гимназии состоялся Всероссийский съезд адвентистов седьмого дня, на ко-

торый прибыли представители Церкви АСД из восстановленных О. Рейнке унионов [11, с. 152—155]. Среди участников съезда были русские, украинцы, немцы, латыши, эстонцы и армяне.

В обзорном докладе И.Ф. Гинтера о деятельности Церкви за последние два года, подчёркивалось, что, несмотря на затруднения, связанные с войной и ужесточением режима, распространение «трехангельской вести» в общем не пострадало, о чём свидетельствовало значительное увеличение финансовых средств. Съезд принял решение об организации пятимесячных библейских курсов для подготовки служителей. Было решено также направить специальное письмо Временному правительству с предложениями от конфессии Адвентистов Седьмого Дня в связи с предполагаемой подготовкой нового вероисповедного законодательства. После завершения съезда служители Церкви АСД активизировали деятельность по восстановлению разрушенной войной церковной организации. В августе и сентябре 1917 г. руководители Церкви Отто Рейнке и И.Ф. Гинтер посетили миссионерские поля в Сибири и провели ряд съездов в Омске, Иркутске, Владивостоке и, позднее, в Баку.

Всюду отмечались перемены в общественно-политической ситуации. Общество дышало воздухом свободы. Об этом необычном времени в отечественной истории журнал «Благая весть» восторженно писал: «…Солнце правды восходит в нашей стране, и исцеление в лучах его» [1, с. 106]. Данный журнал сравнивал политику Временного правительства с политикой Линкольна в период гражданской войны в Америке [1, с. 106]. К сожалению, свобода эта продолжалась недолго. Приближался Октябрь 1917 г., время бурных потрясений для всех народов нашей страны, и Церковь Адвентистов Седьмого Дня, как и все другие религиозные организации, оказалась в совершенно других условиях.

Октябрьскую революцию руководство конфессии встретило настороженно. События 1917—1918 гг. российские адвентисты рассматривали сквозь призму своей эсхатологической доктрины. Все политические изменения журнал «Благая весть» толковал как «признаки последнего времени», указывающие на «близость кончины мира» [3]. Однако вскоре лидерам Церкви АСД стало ясно,

что новые политические реалии им придётся принять. К тому же они увидели в них целый ряд возможностей, которые могли бы послужить на пользу адвентизму.

23 января 1918 г. был издан декрет СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», который вызвал доброжелательное отношение адвентистов к этому закону, и предопределил на ближайшие годы поворот их в сторону лояльности и даже поддержки нового строя. С отделением Церкви от государства в России более не было государственной религии. В этих условиях адвентисты переставали быть «гонимыми» и получали право отправлять свой культ, как и другие верующие, открыто, не боясь преследований, и, любой, кто ранее опасался примкнуть к ним, отныне мог сделать это безбоязненно. Декрет, таким образом, удовлетворял основные политические и религиозные требования адвентистов седьмого дня, за исключением представления права юридического лица религиозным общинам. Религиозную свободу гарантировала также статья 13 новой Конституции, принятой 10 июля 1918 г., по которой, адвентисты, как и другие протестантские конфессии, получали небывалые по сравнению с царской властью возможности для проповедования своих идей на всей территории страны [7, с. 553].

Мероприятия, затрагивающие интересы религии и церкви, на российском Дальнем Востоке начали проводиться в жизнь несколько позднее, чем в западных регионах страны. Причиной этого стало позднее установление в регионе советской власти. 12(25) февраля 1918 г. Дальневосточный краевой исполнительный комитет запретил исполнение религиозных обрядов в школах края и упразднил должность учителя Закона Божьего. С 1 марта 1918 г. церковным организациям прекратили выдачу денежных средств, то есть фактически исключили их из государственного бюджета. Проведение в жизнь декретов, ограничивающих деятельность религиозных организаций, прежде всего, касалось Русской православной церкви, но начавшаяся весной 1918 г. Гражданская война надолго отсрочила проведение советской политики в области религии на дальневосточной оконечности страны.

Военные действия на Дальнем Востоке продолжались значительно дольше, чем в других регионах страны. И, если в европейской части страны и в Сибири они закончились в 1920 г., то на Дальнем Востоке продолжались вплоть до 25 октября 1922 г. «… Революция и Гражданская война перепахали поле национального самосознания с небывалой до того в российской истории глубиной. Происходившее отражало насилие и противоречия, существовавшие в старом обществе, и неизбежно порождало новое насилие — ещё более жестокое, грубое, новые противоречия — ещё более острые» [10, с. 98]. Предельно обострила и ожесточила военное противостояние иностранная интервенция. Приморье, благодаря наличию порта Владивосток и Уссурийского участка Транссибирской железной дороги, стало исключительно привлекательным для иностранного военного вмешательства.

В годы Гражданской войны на Дальнем Востоке России активизировали свою деятельность протестантские конфессии (баптизм и евангельские христианство и пр.). Благодаря помощи иностранных миссионеров, выросла община пресвитериан и появилась община методистов, которой раньше здесь не было. Широкое распространение на Дальнем Востоке России адвентизма началось с конца 1917 г. Этому способствовало посещение в августе—сентябре 1917 г. Сибирского миссионерского поля руководителями российских адвентистов — О.Э. Рейнке и И.Ф. Гинтером. Они провели съезды АСД в ряде городов Сибири и Дальнего Востока [11, с. 154—155], что положительно сказалось на росте интереса к вероучению адвентистов среди населения региона и количестве адвентистских общин.

В период Гражданской войны наиболее известными проповедниками АСД на Дальнем Востоке России были Г. Гебель — председатель Амурского миссионерского поля, М.О. Демидов, возглавлявший Амурско-Забайкальское миссионерское поле и проповедник из Владивостока И.А. Гайдишар, вернувшийся из ссылки в Иркутскую губернию, где он провёл около года. Они разъезжали по огромной территории с проповедями «трёхангельской вести» и помогали местным верующим организовывать общины и группы.

В то неспокойное время быть разъездным благовестником было не безопасно: они подвергались нападкам, как со стороны «белых» и «красных» властей, так и со стороны населения, воспитанного в «антисектантском» духе и настроенного агрессивно по отношению к адвентизму. На территории, контролируемой партизанами, благовестников обвиняли в проведении антисоветской пропаганды и агитации, а также в призывах не оказывать сопротивление интервентам [8, с. 77]; на территории «белых» — в шпионаже в пользу партизан. О таких трагических ситуациях неоднократно сообщалось на страницах «Благовестника» [4, с. 75; 5, с. 180—182; 6, с. 17 и др.].

К концу Гражданской войны на Дальнем Востоке работали 11 общин, объединивших 350 членов Церкви, и 4 библейских работника [11, с. 122]. Самые крупные общины находились во Владивостоке и Хабаровске. В них чаще всего бывали И.А. Гайдишар и М.О. Демидов. Кроме вышеназванных благовестников в 1918—1923 гг. на территории Дальнего Востока нес служение Г.И. Гадюкин из Таганрога, который большую часть времени работал в Приморье [11, с. 25].

Благовестники уделяли пристальное внимание религиозному и духовно-нравственному воспитанию детей, обучали руководителей субботних школ и давали им методические рекомендации по проведению уроков.

Центром дальневосточного адвентистского движения в годы Гражданской войны и иностранной интервенции являлся Владивосток, где в 1918—1919 гг. адвентисты седьмого дня собирались на молитвенные собрания в помещении, расположенном на улице Китайской [9].

Провозглашение Временным правительством свободы вероисповедания позволило дальневосточным адвентистам открыто проявлять свой пацифизм и обращаться во властные структуры с просьбой об освобождении от воинской повинности служителей Церкви АСД. Насколько массовыми были такие просьбы, выяснить не удалось, но то, что такие ходатайства имели место и иногда удовлетворялись правительством, можно судить по следующему документу:

«Министерство Исповеданий.
Департамент по делам инославных и иноверных исповеданий,
20 сентября 1917 года за № 4618.

Приморскому Областному Комиссару
Временного Правительства

Препровождая при сём отношении Генерал-Квартирмейстера Штаба Петроградского Военного Округа от 8 сентября с.г. за № 77444 с перепиской по ходатайству последователей секты Адвентистов Седьмого Дня г. Владивостока о возвращении из войска Даниила Гайдамака для удовлетворения религиозных потребностей названных сектантов, Департамент по делам инославных и иноверных исповеданий просит не отказать, с возвращением приложений, сообщить заключение по содержанию означенного ходатайства и уведомить: сколько последователей секты адвентистов проживает в указанной местности, состоял ли помянутый Гайдамак их духовным наставником до призыва в войско, не имеется ли в настоящее время иных лиц, которые отправляли бы религиозные требы просителей и насколько представляется действительно необходимым для существования данной общины освобождения из войска Даниила Гайдамака» [РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 209. Л. 271].

В 1919 г. дальневосточные общины АСД объединились с Китайской Адвентистской Миссией в Харбине, включённой в структуру Дальневосточного дивизиона АСД, которым в тот период руководил И.Г. Эванс [РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 1651. Л. 16; 12, p. 17]. Среди харбинских адвентистов было много русских эмигрантов. Именно поэтому, дальневосточные адвентисты могли поддерживать тесные связи с единоверцами из Китайской Адвентистской Миссии в Харбине вплоть до 1937 г. [ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 10. Д. 253. Л. 1].

Сунгарийская (в последствии Сунгаро-Монгольская) русская миссия АСД в Харбине была организована в 1920 г. отдельно от Дальневосточного миссионерского поля. Миссионерское слу-

жение в ней нёс с 1918 по 1928 г. известный российский проповедник, сын первого русского проповедника АСД Ф.А. Бабиенко — Феофил Феофилович Бабиенко [11, с. 25].

Бабиенко Ф.Ф. работал в Харбине вместе с другими выходцами из России. В 1918 г. он пригласил в Маньчжурию для помощи в издательском деле М.Я. Попова, знакомого ему по работе в Канаде, также эмигранта из России. Были подготовлены к печати книги Ф.Ф. Бабиенко «Катастрофа мира» (вышла в 1923 г. в Харбине в издательстве «Альфа и Омега»), серия «66 проповедей», а также «Примирительная жертва Христа». В том же году в Харбине в издательстве «Спутник жизни» начали издаваться ежемесячные журналы на русском языке — «Источник жизни» и «Семейный Друг». Неизвестно, сколько времени они издавались, но точно известно, что М.Я. Попов оставил Харбин в 1936 г.

В 1919 г. М.Я. Попов женился на Валентине Демидовой, дочери М.О. Демидова, который вместе с таганрогцем Г.И. Гадюкиным был разъездным благовестником в 1918—1923 гг. на российском Дальнем Востоке [11, с. 25]. Миссионерская работа М.Я. Попова давала значительные результаты. Общины верующих АСД возникали во многих населённых пунктах региона. В 1919—1921 гг. количество верующих только Владивостокской общины достигало 200 чел. [ГАПК. Ф. П-61. Оп. 1. Д. 685. Л. 14].

В начале 1920 г. российские адвентисты остались без иностранной помощи и руководства: страну покинули главные руководители Церкви АСД в России Ю.Т. Бетхер и Д.П. Исаак; не выдержав тяжёлых испытаний Гражданской войны умер О.Э. Рейнке. Для решения сложнейших задач, стоявших перед Церковью АСД, 29—30 сентября 1920 г. в Москве собралась Всероссийская Конференция адвентистов седьмого дня. Дальневосточных адвентистов представлял Роговский [11, с. 178—179]. На конференции было принято решение о создании в России Всероссийского униона (Союза союзов) христиан адвентистов седьмого дня (ВСАСД). Председателем униона избрали Г.И. Лебсака, секретарем-казначеем — Л.Л. Войткевича.

Помимо верующих Владивостокской общины, активную миссионерскую деятельность в 1919—1922 гг. вели верующие Спасской общины АСД, создавшие в Спасском районе 2 общины и 18 групп АСД [РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 1651. Л. 18]. К 1922 г. на территории Приморья общины адвентистов седьмого дня действовали в городах Владивосток, Спасск, Никольск-Уссурийский, Иман и Бикин; в сёлах Орехово, Степановка, Зиньковка, Черниговка, Лутковка, Евсеевка, Чугуевка [РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 1651. Л. 25, 29]. Небольшие же религиозные группы распространялись повсеместно.

Так, в 1921 г. братья Иван Григорьевич и Федор Григорьевич Бабкины создали в селе Цветковка религиозную группу АСД, ставшую со временем одной из наиболее активных адвентистских общин Дальнего Востока [ГАПК. Ф. 1588. Оп. 2. Д. П-32854. Л. 3, 17 об.]. На молитвенные собрания верующие собирались поочередно в домах членов общины, чаще всего, в домах братьев Бабкиных и Елизаветы Яновны Мейн, эстонки по национальности [ГАПК. Ф. 1588. Оп. 2. Д. П-32854. Л. 3]. Так как И.Г. и Ф.Г. Бабкины не были рукоположены, то для совершения религиозных обрядов из Спасска в общину приезжали подготовленные проповедники А.В. Калашников и А.А. Хрульков [ГАПК. Ф. 1588. Оп. 2. Д. П-32854. Л. 19]. Во время войны верующие старались не афишировать приезд проповедников, чтобы не вызывать подозрений и желания мобилизовать их в действующие армии противоборствующих сторон. В 1921 г. за отказ брать в руки оружие «белые» осудили Ф.Г. Бабкина на 1 месяц принудительных работ [ГАПК. Ф. 1588. Оп. 2. Д. П-32854. Л. 14]. Когда о приезде в Цветковку Калашникова узнали партизаны и хотели арестовать за антисоветскую деятельность, Ф.Г. Бабкин его «отвёз на лодке по реке Улахэ на Уссури» [ГАПК. Ф. 1588. Оп. 2. Д. П-32854. Л. 2, 11]. Вероятно, община в Цветковке была многочисленной и активной, так как в 1937 г. 12 верующих из этой общины привлекли к уголовной ответственности за «антисоветскую деятельность» [ГАПК. Ф. 1588. Оп. 2. Д. П-32854. Л. 33].

Проповедники проживали в общине по месяцу, читали проповеди, проводили обряды крещения и хлебопреломления, орга-

низовывали занятия воскресной школы, знакомили с решениями (ВСАСД), рассказывали об успехах кооперативного движения. В 1922 г. верующие адвентисты с. Цветковка по примеру адвентистской сельскохозяйственной коммуны «Братский труд» (Украина, недалеко от г. Красноград) организовали свою артель-коммуну. Однако, после окончательного восстановления советской власти и начала массовой коллективизации, община распалась [ГАПК. Ф. 1588. Оп. 2. Д. П-32854. Л. 33 об.].

За пределами Приморья на дальневосточных территориях в годы Гражданской войны и иностранной интервенции распространение адвентизма было не столь значительно. Тем не менее, за период определённой религиозной свободы адвентисты смогли не только возродить деятельность своих общин, но и увеличить их количественный и качественный состав.

Литература и источники

1. Благая весть. 1917. № 6.
2. Благая весть. 1917. № 4.
3. Благая весть. 1918. № 11—12.
4. Благовестник. Ежемесячный журнал пробуждения и освещения духовной жизни. 1921. № 5.
5. Благовестник. Ежемесячный журнал пробуждения и освещения духовной жизни. 1921. № 10.
6. Благовестник. Ежемесячный журнал пробуждения и освещения духовной жизни. 1921. № 1—2.
7. Декреты Советской власти. Т. 2. М., 1959.
8. Евтушевский А.Г. Идеологическая интервенция США на советском Дальнем Востоке и борьба с ней (1917—1922 гг.): дисс. … канд. ист. наук. Владивосток, 1980.
9. Краткая история о начале проповеди Слова Божия в городе Владивостоке, составленная А.М. Боримским // Архив РС ЕХБ.
10. Ципкин Ю.Н. 80 лет окончания Гражданской войны в России: осмысление прошлого // Из истории гражданской войны на Дальнем Востоке (1918—1922 гг.): сб. науч. ст. Вып. 3. Хабаровск, 2002.
11. Юнак Д. История Церкви христиан АСД в России: В 2 т. Т. 1. Заокский, 2002.
12. Lohne Alf. Adventists in Russia. R and H., 1987.

УДК: 390 + 930 (571.6) «1917—1922»

РОЛЬ ФОЛЬКЛОРНОГО НАСЛЕДИЯ В СОХРАНЕНИИ И ТРАНСЛЯЦИИ ПАМЯТИ О СОБЫТИЯХ 1917—1922 гг. НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Л.Е. ФЕТИСОВА

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, г. Владивосток

Фольклор, посвящённый Октябрьской революции и Гражданской войне, рассматривается как своеобразная форма исторической памяти. Приводятся примеры устных рассказов, песен и частушек. Подчёркивая субъективный характер подобных источников, автор напоминает, что они являются неотъемлемой частью региональной народной культуры, которую необходимо изучать и осмысливать.

Ключевые слова: российский Дальний Восток, Октябрьская революция, Гражданская война, иностранная интервенция, фольклор, историческая память.

THE ROLE OF FOLKLORE HERITAGE IN PRESERVING AND BROADCASTING THE MEMORY OF THE EVENTS OF 1917—1922 IN THE RUSSIAN FAR EAST

L.E. FETISOVA

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS, Vladivostok

Folklore devoted to the October revolution and Civil War is considered as a form of historical memory. The examples of oral narratives and songs are given. Emphasizing the subjective nature of such sources the author recalls they are an integral part of regional folk culture, which we should study and comprehend.

Key words: Russian Far East, the October revolution, Civil War, folklore, historical memory.

Год 1917-й стал для России годом двух революций, первая из которых определялась как буржуазно-демократическая, тогда как вторая на протяжении 70 лет носила название Великой Октябрь-

ской социалистической революции. Спустя столетие имеется возможность оценить результаты «битвы за историю», принимая во внимание мнение разных участников процесса, в том числе именуемых «народными массами».

Февраль 1917-го памятен тем, что ознаменовался падением монархического режима. Однако на восточную периферию информация из центра шла долго. Так, для доставки газет требовалось не менее двух недель. Сведения, поступившие с телеграфа, первоначально были закрыты (отметим, что аналогичная ситуация возникла и после октябрьских событий). Запрет был снят только после образования Временного правительства [9, с. 89]. В силу этих причин содержание местных СМИ оставалось неизменным до начала марта. Газеты сообщали новости с театра военных действий, но практически не писали о внутренних проблемах. Например, в разделах о культуре традиционно обсуждались вопросы организации художественной выставки, сообщалось о благотворительных спектаклях [1, с. 15—25; 2, с. 113—123], а также о гастролях оперной труппы А. Кастаньяна и И. Палиева. Газета «Дальний Восток» отмечала, что зрительскому ажиотажу в связи с приездом оперной труппы не смогла помешать даже забастовка извозчиков [7, 6 янв. 1917]. Пожалуй, лишь эта информация позволяет предположить, что на самом деле жизнь во Владивостоке не была абсолютно безмятежной.

С марта 1917 г. не только содержание, но и тон газетных публикаций разительно меняются, чему способствовала отмена жёстких цензурных ограничений. Радикальные перемены были поддержаны всеми слоями российского общества, даже священнослужителями РПЦ. На смену описанию культурных мероприятий и типичных городских проблем пришла информация о бурной политической жизни. Как писал А.А. Фадеев, «…новое чувствовалось и в прислуге… в кухне теперь только и говорили о царе, о войне, о земле» [17, с. 104]. Вместо концертов и спектаклей в залах Пушкинского театра и Народного дома проводились многолюдные митинги и собрания. По инициативе Совета рабочих и военных депутатов на могиле Людмилы Волкенштейн, погибшей при расстреле демонстрации зимой 1906 г., была организована гражданская панихида в память обо всех жертвах старого режима [7, 12 марта

1917 г.]. Газета «Дальний Восток» сообщала о главном вопросе на апрельской повестке дня собрания социал-демократов — праздновании Международного дня солидарности трудящихся, которому Временное правительство присвоило официальный статус всенародного праздника [7, 15 апр. 1917 г.]. Как видим, политическое «брожение» в центре затронуло и Дальний Восток, оказав существенное влияние на содержание местной общественной жизни.

Остались многочисленные свидетельства реакции дальневосточников на информацию о Февральской революции. В стихийных демонстрациях по случаю падения монархии участвовали представители всех сословий: *«Идём шеренгами, вплотную друг к другу, ни спереди, ни сзади никому к нам не протолкаться. Поём "Марсельезу", "Интернационал", всё, что поёт колонна, и где не знаем слов, не стесняемся просто выпевать мотив… А с балконов свисают ковры и флаги, ковры и флаги… И на груди у нас красные банты, а в голове счастливый сумбур…»* [8, с. 153]. Это воспоминания гимназистки выпускного класса. Вместе с тем дальнейшие события показали, что российские граждане по-разному видели будущее своей страны.

Как свидетельствуют исследования историков, в частности Л.И. Галлямовой, несмотря на малочисленность пролетариата, рабочее движение на Дальнем Востоке существовало, хотя политические требования выдвигались лишь незначительной частью рабочих [5, с. 127]. Наряду с большевиками активную пропагандистскую работу вели эсеры и кадеты, не удивительно, что Октябрьская революция вызвала неоднозначную реакцию местного населения, которое отдавало предпочтение «умеренным социалистам» [9, с. 146—147].

Гражданская война расколола на «белых» и «красных» всех россиян, но для дальневосточников не последнюю роль в этом процессе сыграл фактор интервенции, прежде всего японской, поскольку ещё не было забыто тяжёлое поражение в Русско-японской войне 1904—1905 гг. Руководители белого движения и значительная часть казачества связью с интервентами дискредитировали себя в глазах местного населения, даже в глазах крестьянства — не самого политически грамотного российского сословия [10, с. 610]. В 1992 г. жительница с. Тамбовка (Тамбовский район Амурской

области) Е.А. Тюменева с осуждением говорила автору статьи о сотрудничестве казаков с японцами. По её словам, в годы интервенции пострадали многие крестьянские селения, тогда как ни одна казачья станица не была разрушена.

Обращаясь к жанру воспоминаний, непременно следует учитывать авторский субъективизм в оценке тех или иных явлений, как с одной, так и с другой стороны [4; 8], но именно мемуары позволяют воссоздать колорит конкретной эпохи, понять, какие эмоции испытывали свидетели и участники масштабных исторических событий. Фольклорное наследие, связанное с периодом 1917—1922 гг., также можно считать своеобразной формой исторической памяти.

Устные рассказы, посвящённые Гражданской войне и иностранной интервенции, получили повсеместное распространение на Дальнем Востоке и записывались неоднократно, в том числе автором данной статьи. Все группы белогвардейского сопротивления были известны жителям региона. По воспоминаниям П.Т. Шевченко, 1895 г. рождения, жителя с. Струговка (Октябрьский район Приморского края), в его родном селе бывали и каппелевцы, и семёновцы, и японцы; приходили также разведчики-партизаны. Б.А. Гнеченко, другой старожил Струговки (1905 г. рождения), заметил, что *«…каппелевцы почти в каждом дому стояли»* [Архив ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 136. Л. 126—128]. Лесник из с. Новонежино (Шкотовский район Приморского края), В.С. Ларченко, 1883 г. рождения, убеждённый сторонник советской власти, в 1970 г. с гордостью рассказывал, как помогал партизанам, приходившим за продовольствием, и как однажды спас их от расправы, когда в село неожиданно нагрянули японцы: *«…Я партизан переодел — идите дрова рубить для школы… Японцы не догадались… Были бы русские, сообразили бы, а эти непривычные»* [Архив ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 7. Л. 149].

Уроженец Приморья А.А. Подобрей (1953 г. рождения; с. Лазаревка Яковлевского района) вспоминал, что некий «дядя Коля» (Николай Марков) из Лазаревки, ещё будучи подростком, помогал партизанам. Японцы закопали его в землю живым. После их ухода односельчане откопали и откачали подростка, но с тех пор он слег-

ка «повредился умом». Пасечник А.С. Подобрей (отец А.А. Подобрея), 1896 г. рождения, любил рассказывать, как в соседнее село Кронштадтка пришли американцы в сопровождении «беляков». Некоторое время спустя из леса вышли три парламентёра от местных партизан с белым флагом. Они велели американцам покинуть село через час, пригрозив в противном случае атаковать их. Те ответили, что могут уйти лишь спустя два часа, поскольку ещё не готов обед. И действительно, ушли сразу после обеда [Личный архив автора].

А.С. Подобрей отмечал, что отряды американцев и японцев всегда появлялись в сопровождении белогвардейцев. Вместе с тем известно, что активные действия японцев, выдававшие стремление Страны восходящего солнца к экономическому захвату части российской территории, противоречили интересам крупных американских компаний на Дальнем Востоке [9, с. 509]. Это привело к обострению американо-японских отношений и, возможно, послужило причиной инертности контингента американских войск в годы Гражданской войны.

Заслуживают внимания свидетельства фольклористов, накануне 10-летия Октябрьской революции отметивших угасание партизанской тематики [14, с. 32]. Однако спустя годы тема борьбы за Советскую власть заняла прочное место в народном репертуаре. Появились новые культовые фигуры, в числе которых следует назвать С.Г. Лазо. На протяжении длительного времени считалось, что он был сожжён японцами в паровозной топке. Версию, якобы записанную со слов машиниста паровоза, привёл в своём очерке писатель Н.К. Костарев [12]. Однако размеры топки заставляют усомниться в этой версии. Тем не менее, и в коллективной монографии 2003 г. читаем: «…От рук бочкарёвцев, как гласит народная молва, в мае 1920 г. в паровозной топке погибли С. Лазо, А. Луцкий и В. Сибирцев» [9, с. 517]. Правда, в этом случае, устная традиция связывает гибель большевистских руководителей с деятельностью есаула В. Бочкарёва, одного из предводителей калмыковских казачьих отрядов, известного своей крайней жестокостью.

Мифологизации некоторых личностей способствовала их гибель в годы массовых репрессий, но отнюдь не высокий про-

фессионализм. К таким фигурам современные историки относят В.К. Блюхера, военного министра Дальневосточной республики, Главнокомандующего Народно-революционной Армии и Флота. Многолетние изыскания полковника Г.Г. Лёвкина позволили развенчать большинство легенд о красном маршале Василии Блюхере, в значительной степени созданных им самим [13]. Одновременно исследователь обратил внимание на видную роль партизанских руководителей «из народа» — И.П. Шевчука и А.Ф. Петрова-Тетерина.

Мнение Г.Г. Лёвкина совпадает с народной оценкой, данной этим людям: *«партизан лихой Шевчук»*, *«хитрый наш Петров-Тетерин»*. Последняя характеристика отнюдь не случайна. 20 декабря 1921 г. конная группа белогвардейцев под командованием генерал-майора Н.П. Сахарова вышла с юга к Волочаевке и пыталась взорвать железнодорожный мост. В этот момент со стороны станции появился импровизированный бронепоезд, изобретение А.Ф. Петрова-Тетерина, — два маленьких танка, установленные на платформах товарного поезда, вели огонь по противнику. Второй «бронепоезд» представлял собой прицепленную к обычному паровозу платформу с орудием и пулемётами. Знаменитые «клещи» Петрова-Тетерина заставили конницу генерала Сахарова отступить [13, с. 95]. Этот бой считается переломным в ходе военных действий.

Превращение реальных личностей в литературных героев может, к сожалению, привести к их «дегероизации», что и произошло с трагически погибшим комсомольцем Виталием Баневуром, которому посвятил свой роман «Сердце Бонивура» Д.Д. Нагишкин. В качестве примера приведём «юбилейный» рассказ П. Александрова, научного сотрудника музея им. В.К. Арсеньева: *«…Что же до Баневура, то я был знаком с человеком, другом моего прадеда, который служил в одном отряде с Баневуром. Так вот он рассказывал: пришёл какой-то юнец (ему было от силы 20 лет), покрутился среди партизан, затем исчез, а потом у дороги нашли труп и решили, что это он. Говорят, Баневур и ещё пара партизан шли с задания, решили переночевать в зимовье, там нашли бутылку самогона, выпили, и в итоге просто все уснули, не поставив до-*

зора. А проснулись уже окружёнными казаками. Они выскочили и бросились бежать, но вот Баневуру это не удалось. Ну, а насчёт вырванного сердца — это точно красивый советский миф» [3, с. 17]. В связи с этим хочется сказать следующее: устная традиция, претендуя на владение «подлинной» информацией (что далеко не всегда соответствует действительности), нередко даёт легендарным персонажам нелицеприятные характеристики, но учёный-историк не должен излагать факты языком обывателя. Напомним также народную мудрость — «мёртвые сраму не имут».

Наряду с устными рассказами неотъемлемую часть дальневосточного фольклора составляют песни, отразившие великое противостояние. Учительница из Дальнереченска Е.Н. Сыстерова отметила особую популярность в Имано-Вакской долине таких песен периода Гражданской войны и иностранной интервенции, как «Отец мой был природный пахарь», «Красноармеец был герой», «Пришла зима, замёрзли реки» [18, с. 169]. В частности, отмечалось, что последнюю песню часто пели в партизанском отряде И.Я. Мелехина:

Пришла зима, замёрзли реки,
И сопки снегом замелись
[в оригинале: *«Под снегом сопки улеглись»* — Л.Ф.].
И партизанские набеги
В борьбе за волю начались… [18, с. 172, 271]

Е.Н. Сыстерова также вспоминала, что нередко на знакомые мелодии распевались стихи, напечатанные в газетах [18, с. 169]. Именно так в репертуаре бывших партизан Иманской долины появился текст о С.Г. Лазо:

Горы дальние в тумане,
Пахнет бурей и грозой,
На Имане, на Сучане
Воевал Сергей Лазо…
В жаркой топке под Иманом
Большевик погиб в огне… [18, с. 172—173].

С 1930-х гг. стала пользоваться популярностью баллада о смертельном противостоянии родных братьев, оказавшихся по разные стороны баррикады. Неизвестный автор, явный сторонник

«красных», использовал библейский сюжет о Каине и Авеле. Наша исполнительница Е.Х. Иващенко из с. Ариадное Дальнереченского (Иманского) района (1915 г. рождения) не видела этой связи, поэтому в её варианте братоубийца *«долго-долго стоял точно воин»* [Архив ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 22. Л. 124], тогда как в оригинале — *«точно Каин»*. Как видим, песенный репертуар, посвящённый революции и Гражданской войне, пополнился за счёт произведений, созданных в последующие годы.

Однако наиболее широко революционная тематика была представлена в малых песенных формах — частушках, в силу особенной продуктивности этого молодого жанра. Художественным символом эпохи стал частушечный цикл «Яблочко»:

Эх, яблочко, *Эх, яблочко,*
Сбоку зелено, *Покатилося,*
Нам не надо царя, *А Советская власть*
Надо Ленина *Укрепилася.*

[Личный архив автора] [18, с. 514].

На тот же мотив исполнялись припевки, начинавшиеся строкой «Пароход идёт»:

Пароход идёт. *Пароход идёт*
Вода пенами, *Между скалами,*
Нам не надо попов, *Мы пойдём воевать*
Надо Ленина. *С генералами.*

[Личный архив автора] [16, с. 109].

Не меньшее распространение имели четверостишия с начальными строками «Во саду ли, в огороде» и «Я на бочке сижу»:

Во саду ли, в огороде *Я на бочке сижу,*
Бегает фазанка. *А пад бочкой мышка,*
Мой милёнок партизан, *Скора красные придут,*
А я партизанка *Каппелевцам крышка*

[Личный архив автора] [6, с. 269].

Подобные тексты неоднократно записывались на протяжении всего XX в.

Таким образом, фольклорное наследие сторонников Советской власти представлено достаточно полно, но этого нельзя

сказать об устном творчестве участников белого движения. Тем не менее, имеющиеся материалы дают возможность увидеть типологическую общность художественного мышления, не зависящего от политических пристрастий. Как и красноармейцы, белая гвардия не обошла вниманием жанр частушки. Многие «белые» и «красные» песни исполнялись на один мотив, в их основе лежал общий художественный прототип. Чаще всего использовались популярные романсы «Чайка» и «Белая акация». К «Песне сибирских стрелков» времён Первой мировой войны восходят и марш белой Дроздовской дивизии, и гимн дальневосточных партизан «По долинам, по загорьям», написанный П.С. Парфёновым, но в наши дни более известный в обработке С.Я. Алымова — «По долинам и по взгорьям». Примечательно, что в ряде случаев невозможно сразу определить политические взгляды автора. Например, припев одной из песен Добровольческой армии начинался строкой «Смело мы в бой пойдём». Однако далее следовало: «За Русь святую» [15].

Как видим, идеологическая риторика обеих сторон опиралась на тезис о необходимости защиты интересов Отечества и народа, однако воспринимались они с разных точек зрения. Полярность оценок наиболее заметна в характеристиках военачальников. В частности, атаманы Калмыков и Семёнов рассматривались большевиками исключительно как «кровавые палачи», тогда как участниками белого движения есаул Семёнов, не дававший пощады «изменникам-злодеям», воспринимался как «луч света, блеснувший с востока» [11, с. 199].

Подводя итоги, надо подчеркнуть, что использовать фольклорный фонд как исторический источник следует с большой осторожностью, после тщательной проверки. Не исключено, что в советский период продлению жизни революционной тематики способствовал «идеологический заказ» и активная деятельность культпросветработников. Вместе с тем многие произведения, созданные в годы Октябрьской революции, Гражданской войны и интервенции, закономерно вошли в народный репертуар как отголосок эпохи. Устное творчество этого периода является неотъемлемой составляющей фольклорной культуры региона, требующей объективного исследования и осмысления.

Литература и источники

1. Андриец Г.А. История культурной жизни городов юга Дальнего Востока России (вторая половина XIX — начало XX века): автореф. дис. … канд. ист. наук. Владивосток, 2012. 27 с.
2. Андриец Г.А. Повседневная и праздничная культура дальневосточных городов: сфера досуга (вторая половина XIX — начало XX века) // Вестник ДВО РАН. Владивосток. 2013. № 4. С. 114—124.
3. Берчанская Л. 1917—1922-й: пять лет как век // Владивосток. 2017. 11 окт.
4. Бучко Н.П. Мемуары белых генералов как источник по истории Гражданской войны на востоке России // Из истории Гражданской войны на Дальнем Востоке (1918—1922 гг.): Сб. науч. статей. Вып. шестой: к 90-летию окончания Гражданской войны. Хабаровск: Краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2013. С. 212—215.
5. Галлямова Л.И. Рабочее движение на Дальнем Востоке России во второй половине XIX — начале XX в. Владивосток: Дальнаука, 2004. 192 с.
6. Георгиевский А.П. Частушка Приморья // Зап. Владивостокского отдела ГРГО. Владивосток, 1929. С. 246—272.
7. Дальний Восток. Владивосток. 1917.
8. За советский Дальний Восток: очерки и воспоминания о Гражданской войне на Дальнем Востоке. Вып. 4. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1989. 326 с.
9. История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 1. Дальний Восток России в период революций 1917 года и Гражданской войны. Владивосток: Дальнаука, 2003. 632 с.
10. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. — февраль 1917 г.). М.: Наука, 1991. 471 с.
11. Коваленко А.И. Культура казачества восточных окраин России (XVII — начало XX вв.). Благовещенск: Производственно-коммерческое изд-во «Зея», 2008. 208 с.
12. Костарев Н. Три рассказа. М., 1937. 47 с. / Библиотека «Огонёк». № 54 (1041).
13. Лёвкин Г.Г. Волочаевка без легенд. Хабаровск: Приамурское географическое общество, 1999. 287 с.
14. Попова А. Партизанские песни // Сибирская живая старина. 1926. Вып. 1 (V). С. 29—37.
15. Русский Восток. Владивосток. 1993. Нояб. № 16.
16. Тропами таёжными: Песни и частушки гражданской войны на Дальнем Востоке. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1969. 159 с.
17. Фадеев А.А. Последний из удэге // Собр. соч. в 7 т. Т. 2. М.: Изд-во «Художественная литература», 1970. 576 с.
18. Фольклор Дальнеречья, собранный Е.Н. Сыстеровой и Е.А. Ляховой. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1986. 288 с.

УДК: 39:947.084.2(571.6)

КУЛЬТУРА ШАМАНИЗМА В ЗЕРКАЛЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

М.В. САВЕЛЬЕВА

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, г. Владивосток

В работе рассматривается влияние революционных событий на Дальнем Востоке на культуру шаманизма. Господствовавший в период советской власти воинствующий атеизм был направлен на борьбу с шаманами как «служителями религиозного культа» и «классовыми врагами». Шаманы жестоко преследовались, к ним и их семьям применялись репрессивные меры.

Ключевые слова: шаманизм, репрессивные меры, шаман, воинствующий атеизм.

THE CULTURE OF SHAMANISM IN THE MIRROR REVOLUTIONARY EVENTS IN THE FAR EAST OF RUSSIA

M.V. SAVELYEVA

Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS, Vladivostok

In this paper we consider one aspect in the cultural history of shamanism in Russia, namely the culture of shamanism as a reflection of revolutionary events in the Far East. In the Soviet period was dominated by militant atheism aimed at dealing with shamans as “Ministers of a religious cult” and “class enemies.” Shamans were severely persecuted; they and their families used repressive measures.

Key words: repressive measures, shaman, the Komsomol.

Шаманизм, являясь одной из самых древних религий мира, составлял основу духовной культуры в традиционных обществах коренных малочисленных народов Дальнего Востока. В дореволюционную эпоху каждый род или племя имели своих шаманов, которые заботились о здоровье, благополучии и процветании своего

народа, хранили и вырабатывали его духовную силу, защищали от злых духов и иноплеменников, сохраняли и транслировали в социум обычаи предков. Христианизация коренных народов сократила сферу влияния шаманизма, частично ослабила влияние шаманов в традиционных обществах, но полностью древний культ не уничтожила.

С момента установления советской власти на Дальнем Востоке России культура коренных народов подвергалась существенной трансформации, а в некоторых областях даже ломке. Установка на классовый подход к культуре в процессе социалистических преобразований жизненного уклада коренных малочисленных народов Дальнего Востока обусловила цензуру традиционных ценностей. Шаманизм, как религиозное явление, несовместимое с коммунистической идеологией, подвергся жёсткому идеологическому воздействию. В свете новой политики шаманам, как идейным оппонентам, была объявлена война. «Правительство призывает всех шаманов оставить своё постыдное занятие и стать равноправными и честными тружениками. Все советские органы, общественные организации на местах призывают на борьбу с шаманизмом, на которую они должны направить максимум своего внимания и сил… Шаманизм — опиум для народа»[2].

Кампания по борьбе с шаманами началась с циркуляра Губревкома от 20 ноября 1920 г., в котором волостным и сельским ревкомам вменялось в обязанность строго преследовать всех шаманов и их семьи. Так, по сведениям информаторов, в самых экстремальных условиях выживания после военной разрухи шаману-лишенцу на семью из пяти человек в порядке наказания выдавали только «30 фунтов (12 кг) муки, полкилограмма масла, 1 кг сахара, одну плитку чая и одну коробку спичек» на всю долгую зиму. Все это время семья шамана балансировала на грани жизни и смерти.

К концу 1920-х гг. в борьбу с шаманизмом включился активно заявивший о себе Союз воинствующих безбожников. На Дальнем Востоке краевой съезд союза прошёл в апреле 1929 г., где собрались делегаты, представлявшие 11 000 дальневосточных «безбожников» [9]. Председатель областного совета Союза воинствующих безбожников Н. Шуба выступил с обращением «ко всем работни-

кам кооперации», в котором призывал: «Попам и шаманам, как носителям и распространителям религиозной заразы, нужно создать изоляционную обстановку в обществе, лишив их и их семьи товаропродуктов из кооперации». То есть речь уже шла не об упомянутом скудном пайке, а вообще о полном запрете покупки в сельских магазинах. Выжить в таких условиях было почти невозможно, налицо наблюдалось физическое и моральное уничтожение шаманов и их семей новой властью.

Организация воинствующего атеизма — Союз воинствующих безбожников — устраивала театрализованные общественные суды над шаманами с вынесением приговоров в духе времени — в виде «каторги» или «расстрела». Для подобных спектаклей привлекались самодеятельные артисты, изображавшие «судью», «прокурора», «адвоката», «шамана», но иногда на сцену силком вытаскивали настоящих шаманов и публично требовали от них «раскаивания». Очень часто местные идеологи не ограничивались подобными «раскаиваниями», «клеймили и разоблачали» шаманов, заставляя выступать с сеансами «саморазоблачения».

Публиковавшиеся в печати заявления диктовались шаманам чуть более (а иногда и менее) грамотными коммунистами и, по сути, были чем-то средним между унизительной клеветой на самого себя и агиткой за большевистскую власть. Вот как, например, звучало «добровольное письмо» в газету: «Я во время царизма, когда был умалишенным, находясь в религиозном предрассудке, имел специальность шаманить. Я действительно отказываюсь и говорю всю правду, что во время шаманства не было замечено, что существует чёрт или какая-нибудь тёмная таинственная сила. В настоящее время при славной советской власти все люди, занимающиеся наглым обманом, должны отказаться от такового. Благодаря существующего обмана и лжи существует и угнетение, а потому призываю и всех других шаманов последовать моему примеру...» [4].

Своего апогея борьба с шаманизмом и хранителями его культа достигла в первой половине 1930-х гг., когда на Дальнем Востоке, как и по всей стране, развернулась широкая антирелигиозная пропаганда. В этот период численность шаманов в регионе стала быстро сокращаться. Грозная волна репрессий обрушилась на

шаманов в годы коллективизации, когда произошло значительное сокращение скота из-за неблагоприятных климатических условий и массового забоя, как формы протеста против его обобществления. Региональные власти обвиняли шаманов в инсценировании многочисленных случаев жертвоприношений как неотъемлемой части ритуалов. Государство воспринимало культовую практику как враждебную кампанию, наносящую ущерб экономике.

Репрессивные меры и коллективизация способствовали сближению шаманов с антикоммунистическим сопротивлением. Шаманисты требовали от советской власти независимости, закрытия русских школ и интернатов, снятия налогов, возвращения стад. Недовольство росло, так как предъявленные требования не выполнялись. Народы стали объединяться против «начальников с Большой земли».

Борьба с контрреволюционными силами на Дальнем Востоке вылилась в борьбу с шаманами и их сторонниками. Для подавления протестов под началом НКВД были созданы специальные дружины. Среди приверженцев традиционных культов сеяли страх и панику. Не вдаваясь в подробности, к шаманам причисляли всех, у кого имелся бубен. Повсеместно шаманов, как саботажников, отдавали под суд, отправляли в ссылку, с 1937 г. стали приговаривать к расстрелам [3]. В неизвестном направлении исчезали целые стойбища. Шаман Бата из села Агзу, не дожидаясь облавы, увёл свой народ подальше, в безлюдную местность; олонецкого шамана из рода Заксули схватили представители советской власти и посадили в тюрьму [8]. Одной из главных обвинительных причин выступало сопротивление шаманов внедрению медицинского обслуживания коренного населения Нижне-Амурской области. Так, нивхи не принимали никаких мер лечения заболевшего сородича — оставив в сарае ему «немного воды и пищи, а затем, забрав все вещи, уходят по наветренной стороне, каждый с глиняным горшком с горящими углями», наотрез отказавшись от медицинской помощи. «Многие женщины стали жертвой этого дикого обычая, поддерживаемого шаманами» [5].

В докладной записке 1937 г. «Об итогах проверки работы Дадинского сельского Совета и правления колхоза «записано: «Плохой работой сельского Совета и правления колхоза восполь-

зовались шаманы… Шаман Бельды Пельха (единоличник) своим влиянием на отдельных колхозников разлагает колхоз».

Новая власть довольно круто расправлялись с шаманами. Они лишались избирательных прав и не имели права голоса на общественных собраниях. В Ульчско-Негидальском районе в 1932 г. из 11 хозяйств, лишённых избирательных прав, три были определены как кулацкие, а девять принадлежали шаманам. Нивхские и ульчские шаманы были лишены избирательных прав согласно пункту 15 «Положения о выборах в сельские, поселковые Советы» [ГАХК. Ф. Р-1213. Оп. 2. Д. 11. Л. 256; Д. 15. Л. 23, 207].

Лишение избирательных прав автоматически вело к исключению их из рядов колхоза и лишало средств к существованию. Одновременно полагались конфискация имущества, дополнительные налоги и «задания по заготовкам», запрет на вступление в колхозы и кооперативы, выделение охотничьих, рыбацких и сенокосных угодий, снабжение снастями, орудиями лова и припасами. Лишение избирательных прав происходило очень быстро, на общем собрании селян, простым голосованием под давлением какого-нибудь «уполномоченного» из райцентра. А вот восстановление могло состояться только после принародного покаяния шамана, публикации его «отказного» заявления в газете, испытательного срока в 5 лет и долгого хождения документов по вышестоящим инстанциям. Так, Павла Киле лишили прав как сына шамана-кулака и выгнали с работы [ГАХК. Ф. П-390. Оп. 1. Д. 396. Л. 31].

Отдельные сельские советы принимали решения о выселении шаманов из села. Так общее собрание колхоза «Нанайский партизан» постановило выселить шамана Одзяла Исунги (Василия) с территории Болонского сельского совета [ГАХК. Ф. Р-1747. Оп. 1. Д. 125. Л. 125].

Детей шаманов запрещено было принимать в интернаты, им разрешалось получать только начальное образование, и нередко на них распространялись все ущемления прав, которым подвергались родители.

Давление на шаманов было таково, что они сами отказывались от обрядовой практики и сдавали свои шаманские принадлежности. Так на заседании Кербинского райисполкома рассматривалось

заявление В.Д. Максимова об отказе от шаманства и сдаче шаманского костюма, постановили: принять заявление шамана, а «…костюм сдать на хранение в склад РИКа» [6].

Борьбу с шаманством возглавляли советские, партийные и комсомольские организации. Комсомольцы и коммунисты ходили по сёлам, отбирали и сжигали атрибуты шаманов. Лишь в отдельных случаях конфискованные шаманские атрибуты попадали в музеи. Например, в 1930 г. в фонды Хабаровского краевого краеведческого музея были переданы «шаманский компас» и «шаманское знамя», отобранные туземным советом у шамана Кешки Оненко из стойбища Дондон «при манифестации его по стойбищу» [ГАХК. Ф. П-399. Оп. 1. Д. 396. Л. 40].

Как говорила Ч.Г. Вальдю: «…комсомольцам поручили не давать шаманам шаманить. Они ходили, наблюдали, поэтому шаманы, когда надо было шаманить, начинали поздно, часов в 12 ночи» [6]. Были случаи, когда дети шаманов, вступившие в комсомол, отбирали у родителей шаманские атрибуты. Например, Павел Тумали забрал у своего отца Подя Тумали пояс, бубен и утопил в Амуре, при этом он сказал: «Не позорь нас». По свидетельству информанта (прим. автора) «…приходили комсомольцы в дома, всю одежду собирали, забирали фигурки сэвэнов и сжигали во дворе дома. Чтобы избежать преследования, шаманы и все заинтересованные в проведении шаманского обряда выезжали на луг, в лес и там шаманили потихоньку» [7].

А.Н. Бельды рассказывала, что в Нанайском районе Хабаровского края к шаманам применялись административные меры, за проведение обрядов их штрафовали, но они продолжали шаманить, занавешивая окна. Советское правительство, наряду мероприятиями по борьбе с шаманизмом, разработало ряд судебно-административных мер по привлечению к уголовной ответственности шаманов за совершение ими преступных деяний во время камлания и в процессе лечения. Любой шаман или целитель мог быть обвинён по полутора десяткам статей Уголовного кодекса и с лёгкостью стать контрреволюционером, провокатором, шантажистом, мошенником, взяточником, насильником и даже убийцей. Так, шамана Оненко Богдана Лондовича из села Найхин арестовали

12 сентября 1937 г. и расстреляли 21 октября 1937 г. [1]. В 1932 г., в период коллективизации, власти организовали в посёлок Улунга специальную карательную экспедицию, в неё вошла и часть удэгейцев. Под лозунгом «борьбы с вредным наследием религиозного фанатизма» были репрессированы наиболее активные шаманы в удэгейской среде [3]. Это оставило глубокую рану в истории не только удэгейцев, но и всего Приморского края. Следует, однако, отметить, что массовых масштабов репрессий нами не выявлено.

Рассмотренные аспекты в истории культуры шаманизма коренных народов Дальнего Востока требуют дальнейшего тщательного исследования. Однако уже сейчас можно подвести некоторые итоги репрессивных мер советской власти по отношению к шаманам: лишение шаманов избирательных прав; исключение из рядов сельчан, колхозников, снятие с работы; насильственное уничтожение шаманского снаряжения и атрибутов; Запрет на шаманскую деятельность (камлание); наложение штрафов, привлечение к уголовной ответственности, аресты.

В целом, организованная массовая антишаманская пропаганда и репрессивные меры привели к разрушению шаманизма как целостной системы традиционного мировоззрения коренных народов Дальнего Востока России.

Литература и источники

1. Бакаев Ю.Н. Власть и религия: история взаимоотношений (1917—1941). Хабаровск, 2002. 199 с.
2. Васильев В.П. Время выбирать // Вопросы истории. 1997. № 2. С. 15—26.
3. Дальневосточная политика Советской России (1920—1922 гг.): Сборник документов Сибирского бюро ЦК РКП(б) и Сибирского революционного комитета / сост.: М.П. Малышева, В.С. Познанский. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. 371 с.
4. Ильяхов П.Н. Борьба с шаманизмом в Якутии (1920—1930 гг.), Якутск, 1995. 77 с.
5. Крючков Е.В., Сивенков И.И. Нижне-Амурская область. Хабаровск: Дальгиз, 1940. 84 с.
6. Культурное строительство на Дальнем Востоке (1917—1941 гг.): Документы и материалы. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1982. 495 с.
7. Полевые материалы автора из г. Хабаровск, 1998.

8. Полевые материалы автора из с. Агзу и с. Олон, 1995 г., рукопись.
9. Федирко О.П. Дальневосточный «Союз безбожников»: История создания и основные этапы деятельности // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 5. С. 139—144.
10. ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края).

УДК: 947.084.22(571.6):333.32

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. И РЕШЕНИЕ ЖИЛИЩНЫХ ПРОБЛЕМ ТРУДЯЩИХСЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

С.А. ВЛАСОВ
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, г. Владивосток

На примере Дальнего Востока рассмотрено, как в Советской России, после революции 1917 г. решалась проблема по обеспечению трудящихся жильём. Установлено, что, несмотря на декларации о нуждах народа, властные структуры были вынуждены проводить дифференцированную жилищную политику — комфортабельным жильём в первую очередь обеспечивалась советская элита. Кардинальное решение жилищной проблемы рядовых граждан началось спустя сорок лет после свершения революции.

Ключевые слова: Перераспределение жилья, жилищная кооперация, жилищное строительство, дома для специалистов, индивидуальное строительство.

THE REVOLUTION OF 1917 AND THE SOLUTION OF THE HOUSING PROBLEMS OF THE WORKING PEOPLE IN THE FAR EAST

S.A. VLASOV
Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FER RAS,
Vladivostok

The example of the Far East examined how in Soviet Russia after the revolution of 1917 the problem of providing housing for workers was solved. It was established that despite declaration about the needs of the people, the

power structures were forced to pursue a differentiated housing policy — the comfortable housing was primarily provided by the Soviet elite. A cardinal solution of the housing problem of ordinary citizens began after forty years of the revolution.

Key words: Redistribution of housing, housing cooperation, housing construction, houses for professionals, individual construction.

В годы советской власти в отечественной историографии широко использовался термин «трудящиеся», который означал социально-классовую принадлежность людей к категории лиц, работающих по найму, живущих за счёт заработка от своего труда. Согласно официальной стратификации в СССР к трудящимся относились: рабочий класс, колхозное крестьянство, трудовая интеллигенция. Партийно-хозяйственная номенклатура и часть высших слоёв интеллигенции (выдающиеся деятели науки и культуры) негласно не относились к трудящимся. Поэтому, в широком смысле под термином «трудящиеся» применительно к советскому обществу можно понимать широкие народные массы, ради интересов которых (по версии большевиков) в 1917 г. и произошла революция.

В данной статье предпринята попытка проанализировать (на примере Дальнего Востока), как смена власти в 1917 г. способствовала решению важной социальной проблемы трудящихся — жилищной.

До 1917 г. обеспечение жильём граждан России находилось в прямой зависимости от их социально-классовой принадлежности. Зажиточные горожане, буржуа занимали особняки, многокомнатные квартиры, где даже на прислугу выделялись отдельные комнаты. В то же время подавляющая часть населения страны проживала в условиях ужасающей скученности в домах с низким качеством жилого фонда.

На Дальнем Востоке ситуация с жильём была ещё хуже, чем в европейской части России: теснота, антисанитария, отсутствие водопровода и канализации.

С установлением в октябре 1917 г. советской власти жилищная политика кардинально изменилась. Основой её стала поли-

тическая идеология, в которой стержнем было огосударствление собственности, «экспроприация экспроприаторов», ликвидация капиталистической системы хозяйствования в целом, в том числе жилищной собственности — не только особняки, но и отдельные квартиры и жилые помещения богатых становились собственностью государства.

В 1919 г. на VIII съезде РКП(б) была принята новая Программа партии, где большевики брали на себя задачу «…всеми силами стремиться к улучшению жилищных условий трудящихся масс; к уничтожению скученности и антисанитарности старых кварталов, к уничтожению негодных жилищ, к перестройке старых, постройке новых, соответствующих новым условиям жизни рабочих, к рациональному расселению трудящихся» [3, с. 57].

В том же году по рекомендации Наркомздрава РСФСР была официально установлена минимальная санитарная норма в 8,25 кв. м жилой площади, необходимая одному человеку для нормальной жизнедеятельности. Со временем норма незначительно увеличилась. В июне 1923 г. постановлением ВЦИК и СНК РСФСР она повысилась до 9,1 кв. м. Эта цифра и стала ориентиром в дальнейших расчётах и решениях по распределению жилья для органов власти, занимающихся распределением жилья. Все, у кого жилая площадь превышала установленные нормы, обязаны были потесниться и сдать излишек жилой площади для заселения нуждающимися, либо самостоятельно вселить к себе на излишки площади любого человека, даже не родственника. Таким образом, за счёт перераспределения жилья улучшались жилищные условия трудящихся.

На Дальнем Востоке все изменения в жилищной политике, происходившие в советской России с октября 1917 г., стали осуществлять только с 1923 г., после завершения здесь Гражданской войны и вхождения Дальневосточной республики в состав советской России. К этому времени жилой фонд по сравнению с дореволюционным временем сократился, ухудшилось его состояние. За годы Гражданской войны отдельные города и посёлки подверглись разрушению. Так, в Николаевске-на-Амуре из 1200 домов в довоенное время к 1922 г. осталось не более 50. Практически весь

жилой фонд даже в городах Дальнего Востока (за исключением центральной части Владивостока и Хабаровска) был представлен одноэтажными деревянными постройками, которые к тому же на протяжении длительного времени (с 1914 по 1922 г.) не ремонтировались.

Перед новой властью стояла крайне сложная проблема, для решения которой требовались большие финансовые и материально-технические ресурсы.

Одним из главных направлений улучшения жилищных условий трудящихся стала конфискация жилья у зажиточных горожан и перераспределения его в пользу бедных. Так, в результате проведённой в 1923—1925 гг. муниципализации, в распоряжение Владивостокского горсовета было передано 32% от всего жилфонда города. В муниципальный фонд отчуждалась жилая площадь в домах, имеющих не менее 4-х комнат — в основном в центральной части города. В Никольске-Уссурийском было муниципализировано 22,5% общегородского жилищного фонда, в Спасске — 6,8%, в Сучане — 1,4% [4, с. 30].

Приобретение новых квартир муниципальным фондом не дало свободной жилой площади, так как вся она уже была заселена, и муниципалитет лишь получил возможность закрепить её за собой и распределять между рабочими и служащими по мере её освобождения. Таким образом, передача жилья муниципалитетам жилищной проблемы не решила. По оценке Н.Г. Кулинич, которая ссылается на данные Всесоюзной переписи населения 1926 г., в среднем на 1 чел. в дальневосточных городах приходилось: во Владивостоке — 4,48 кв. м, в Хабаровске — 4,1 кв. м [4, с. 32], что было менее половины жилищно-санитарной нормы, определённой властью.

Для улучшения обеспечения жильём необходимо было осуществлять жилищное строительство, но оно велось в ограниченных объёмах. В основном им занимались предприниматели-нэпманы, возводившие небольшие деревянные домики (35—45 кв. м), рассчитанные на одну семью, которые затем продавали или сдавали в аренду.

В 1920-е гг. наряду с разрешением купли-продажи мелких жилых строений, сдачи жилья в аренду, дозволялась деятельность

жилищных кооперативов. 19 августа 1924 г. было принято постановление ЦИК и СНК СССР «О жилищной кооперации», согласно которому гражданам СССР предоставлялось право объединяться в жилищно-кооперативные товарищества для удовлетворения потребности в жилье. Жилищно-кооперативные товарищества подразделялись на жилищно-арендные кооперативные товарищества, рабочие жилищно-строительные кооперативные и общегражданские жилищно-строительные товарищества [8].

Жилищная кооперация не получила развития на Дальнем Востоке. С 1924 по 1926 г. было построено всего 2796 жилых зданий (большинство в частном секторе), из них на долю кооперации приходилось лишь 32 строения [2].

Жилищная политика в те годы, помимо ярко выраженной проблемы дефицита жилья, определялась рядом других факторов, в том числе идеологическим. С самого начала советская власть декларировала, что «…задача РКП(б) состоит в том, чтобы не задевая интересы некапиталистических домовладельцев, всеми силами стремиться к улучшению жилищных условий трудящихся масс» [6, с. 117]. В конце 1920-х гг. этот идеологический постулат принял силу закона. В начале 1928 г. выходит постановление ЦИК и СНК СССР «О жилищной политике», которое предписывает предоставить промышленным и транспортным предприятиям «…право полного освобождения в административном порядке жилых помещений, находящихся на территории предприятий, от лиц, не работающих на данном предприятии» [9, с. 702]. Этим постановлением было положено начало формированию сталинской жилищной политики — жильё предоставлялось лишь тем, кто работал на государственных предприятиях и в учреждениях. Лица, не занятые в народном хозяйстве, жильём не обеспечивались.

При этом, с 1929 г., когда началась ликвидация нэп, государство ужесточает контроль над распределением жилья. Даже простейшее жилище в виде комнаты в бараке можно получить только в случае устройства на работу на государственное предприятие, или от местного муниципалитета на тех же условиях — работа в государственной конторе, организации, учреждении.

Таким образом, дефицит жилья усугублялся тем, что получить его можно было только «из рук государства». Сохранялся незначительный теневой рынок сдачи жилья в аренду частными лицами, но в условиях жёсткого государственного контроля за его наличием и распределением, этот способ решения жилищной проблемы практически не работал.

Жилищная проблема на Дальнем Востоке обострилась после вооружённого конфликта на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД) в 1929 г., когда часть советских служащих, работающих на КВЖД, была вынуждена бежать на советскую территорию. Это побудило ВЦИК и СНК РСФСР 9 сентября 1929 г. принять специальное постановление «О мероприятиях для смягчения жилищного кризиса в городах Дальневосточного края». В нём предписывалось заселять лицами командного состава РККА и беженцами — советскими гражданами из Китая — все свободные помещения, вне зависимости от того, кому они принадлежат, а также уплотнять и перемещать государственные учреждения, кооперативные и другие общественные организации. При этом допускалось, что в ходе уплотнения будет снижена установленная санитарная норма до 6 кв. м на человека [7]. До конца 1929 г. по данному постановлению в городах Дальневосточного края было расселено до 3580 чел. [ГАХК. Ф. 85. Оп. 4. Д. 7. Л. 242]

С началом индустриализации все материально-технические, финансовые ресурсы были подчинены одной главной цели — в кратчайшие сроки создать в СССР мощную промышленность. На кардинальное решение жилищной проблемы у государства средств и возможностей не было. Тем не менее, игнорировать её было невозможно, но решалась она не в интересах широких народных масс, а исходя из сугубо прагматичных экономических задач, решаемых государством.

В стране негласно стала проводиться дифференцированная жилищная политика, в рамках которой нужные государству социальные группы (номенклатура) и отдельные представители из широких народных масс (передовики производства, высокопрофессиональные специалисты) обеспечивались комфортным благоустроенным

жильём. В крупных городах Дальнего Востока развернулось строительство многоквартирных домов с коммунальными удобствами, которые предназначались для партийно-хозяйственных руководителей, квалифицированных инженерно-технических кадров, передовиков производства — всех тех, кого можно было причислить к советской элите того времени.

Для поселения семей социалистической элиты возводились «дома специалистов». 25 марта 1932 г. вышло постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О постройке домов для специалистов», в котором намечалось, начиная с весны 1932 г., строить в разных городах СССР, включая Владивосток и Хабаровск, дома с благоустроенными квартирами [5].

Широкие массы рабочего класса и служащих, привлекаемые для работы на строящихся фабриках и заводах, обеспечивались простейшим жильём в виде комнаты на семью в коммунальных квартирах или бараках, для одиноких людей — койко-мест в общежитиях. Значительная часть жилья строилось как временное (в виде бараков), без коммунальных удобств, что было вызвано нехваткой финансовых и материально-технических ресурсов. Так, во Владивостоке в 1934 г. было построено 40 тыс. кв. м жилой площади, из них более половины (28 тыс. кв. м) — барачного типа [ГАПК. Ф. 85. Оп. 1. Д. 114-а. Л. 23].

Плохие жилищные условия отчасти компенсировались дешевизной жилья, так как квартплата определялась в соответствии не только с количеством квадратных метров, но и зарплатой квартиросъёмщика. В среднем в бюджете трудящихся в 1930-е гг. на оплату жилья уходило всего 4—5% расходов семьи [6, с. 125].

Помимо государственного жилья для подавляющего большинства рядовых граждан основным способом решения жилищной проблемы было так называемое индивидуальное строительство, когда семья рабочего или служащего с помощью государственного кредита строила небольшой домик без коммунальных удобств.

Индивидуальное жилищное строительство получает развитие после того, как в декабре 1928 г. вышло постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О политике и практике рабочего жилищного строительства в городах и рабочих поселках». В нём говорилось о

том, что с 1929 г. будет увеличено кредитование индивидуальных застройщиков из рабочих и служащих, но при соблюдении обязательного условия — осуществления строительства на коллективных началах при неизбежной финансовой и организационной поддержке предприятий, на которых работают застройщики.

Индивидуальное жилищное строительство осуществлялось при прямом государственном участии — застройщик получал государственный кредит, а предприятие, где он работал, помогало ему в получении стройматериалов и их доставке. К тому же земельные участки под строительство выделялись не отдельным лицам, а производственным коллективам, которые распределяли их исходя из того, как трудился рабочий или служащий, желающий построить себе домик. Так, во Владивостоке в 1937 г. под индивидуальную застройку было выделено 40 га земли в черте города и несколько гектаров в пригородной зоне. Для работников Дальзавода был выделен район, расположенный в восточной части города, где только за 1937 г. было построено 74 индивидуальных дома [1, с. 136].

Индивидуальное строительство было продолжением государственной жилищной политики, предусматривающей обеспечение жильём в первую очередь рабочих и служащих «нужных» государству отраслей экономики. Работники образования, культуры, торговли и других «второстепенных» сфер народного хозяйства оказались вне этого процесса.

Таким образом, к началу 1930-х гг. в СССР сложилась модель обеспечения жильём, по которой осуществлялось жилищное строительство на всей территории страны, включая Дальний Восток, и действовала она вплоть до конца 1950-х гг. Фактически понадобилось сорок лет (при этом, безусловно, нужно учитывать четыре года войны и почти пять лет восстановительных работ по ликвидации её последствий), чтобы приступить к решению жилищной проблемы. Тем не менее, вывод очевиден — революция 1917 г. не могла сразу существенно улучшить жилищные условия широких народных масс. Понадобился большой временной период, чтобы в стране сложились объективные возможности, позволяющие приступить к кардинальному решению жилищной проблемы.

Литература и источники

1. Власов С.А. Очерки истории Владивостока. Владивосток: Дальнаука, 2010. 252 с.
2. Контрольные цифры народного хозяйства Дальневосточного края на 1927—1928 гг. Хабаровск, 1927. С. 59.
3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1970). Т. 2. 1917-1924. 8-е изд. доп. и испр. М.: Политиздат, 1970. 543 с.
4. Кулинич И.Г. Повседневная культура горожан советского Дальнего Востока в 1920—1930-е годы. Хабаровск: Изд-во Тихоокеанского гос. ун-та, 2010. 375 с.
5. О постройке домов для специалистов. Постановление СНК СССР (Утверждено Политбюро ЦК ВКП(б) 23.03.1932 г.) [Электронный ресурс]. URL: // http://istmat.info (дата обращения: 2.06.2017).
6. Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. 317 с., ил.
7. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 09.09.1929 г. [Электронный ресурс]. URL: // http://lawru.info (дата обращения: 2.06.2017).
8. Постановление ЦИК и СНК СССР от 19.08.1924 г. «О жилищной кооперации» [Электронный ресурс]. URL: // https://ru.wikisource.org (дата обращения: 9.06.2017).
9. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сб. документов. Т. 1. М.: Политиздат, 1967. 783 с.
10. ГАПК (Гос. арх. Приморского края).
11. ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края).

УДК: 94(571.6)

РАЗРАБОТКА ДЕПУТАТАМИ ПРИАМУРСКОГО НАРОДНОГО СОБРАНИЯ ПОЛОЖЕНИЯ О ВЫБОРАХ НА УЧРЕДИТЕЛЬНЫЙ СЪЕЗД

В.Л. ЗЕМЛЯНСКИЙ

Аспирант АмГПГУ, г. Комсомольск-на-Амуре

В статье рассматривается работа депутатов Приамурского Народного собрания над созданием положения о выборах в Учредительный съезд. Учредительный съезд должен был стать всенародно избранным представительным органом, созванным с целью решения вопроса о власти в При-

морье. В итоге, принятие парламентариями положения стало одной из причин роспуска Народного собрания правительством С.Д. Меркулова.

Ключевые слова: Приамурское Народное собрание, Временное Приамурское правительство, Приамурское государственное образование, Приморская область.

DEVELOPMENT OF DEPUTIES OF THE NATIONAL ASSEMBLY OF THE AMUR PROVISIONS ON ELECTIONS TO THE CONSTITUENT CONGRESS

V.L. ZEMLYANSKY

Graduate student of AMGPGU, Komsomolsk-on-Amur

The article discusses the work of deputies of the Priamursky National assembly on the creation of provisions on elections to the Constituent Congress. The founding congress was to be popularly elected authority convened to address the issue of power in the Priamursky state formation. As a result, the adoption of provisions was one of the reasons for the dissolution of the government of the National Assembly.

Key words: Priamursky National assembly, Provisional Priamursky government, Priamursky state formation, Primorye region.

Приморская область в годы Гражданской войны находилась в особом политическом положении по причине сложной международной обстановки на Дальнем Востоке. Наличие иностранных войск в Приморье обусловило легальную деятельность несоциалистических организаций. К 1920 г., когда на большей части России существовала советская власть, в дальневосточном регионе образовалась Дальневосточная республика. Вошедшее в состав ДВР в конце 1920 г. Приморье имело автономию, которая заключалась в наличии регионального парламента — Приморского областного Народного собрания.

В мае 1921 г. в результате переворота была свергнута власть ДВР и к власти во Владивостоке пришло несоциалистическое Временное Приамурское правительство (ВПП) во главе с председателем С.Д. Меркуловым. 28 мая 1921 г. С.Д. Меркулов в интервью корреспонденту газеты «Голос Родины» заявил, что правительство

создано на короткий промежуток времени и не позднее чем через три месяца будет созван Учредительный съезд [3, 29 мая, с. 3]. Избранный на основе всеобщего избирательного права Учредительный съезд и должен был в конечном итоге избрать верховную власть в Приморье.

Летом 1921 г. правительство взамен распущенного Приморского областного Народного собрания постановило произвести выборы в высший представительный орган власти — Приамурское Народное собрание. С.Д. Меркулов заявил по поводу компетенции Народного собрания в интервью правительственному официозу «Вечерней газете», что депутаты будут заниматься текущей законодательной работой с приоритетом выработки закона об Учредительном съезде, и, что правительство не допустит попыток парламентариев узурпировать права, им не принадлежавшие [2, 17 июня, с. 3]. «Вечерняя газета» отмечала, что основной задачей Временного Приамурского правительства являлось доведение края до Учредительного съезда [2, 30 июня, с. 1].

Согласно принятому в июле 1921 г. положению о Приамурском Народном собрании только Учредительный съезд мог избрать постоянные органы власти Приморья [5, с. 143]. Депутаты отстранялись от разработки и принятия законопроектов, посягавших на изменение высших органов управления, политических прав и свобод, а также основных вопросов общественного устройства, как подлежавших рассмотрению съезда. Предполагалось, что ВПП в ближайшее время после открытия Народного собрания в срочном порядке внесёт в парламент закон о выборах в Учредительный съезд.

21 июля 1921 г. состоялось открытие Приамурского Народного собрания [6, с. 83]. С речью выступил С.Д. Меркулов, заявивший, что правительство будет работать совместно с Народным собранием, задачей которого станет разработка положения о выборах в Учредительный съезд [3, 22 июля, с. 2]. Большинство фракций (национал-демократическая, казачья и др.) поддержали идею выработки такого положения и дальнейшего созыва Учредительного съезда [ГАПК. Ф. Р-1495. Оп. 1. Д. 25. Л. 54 об.; 2, 30 авг. с. 2].

Однако спустя три месяца после создания Временного Приамурского правительства закон об Учредительном съезде не был

внесён в Приамурское Народное собрание. Данное обстоятельство в первую очередь было выгодно правительству, так как оно обладало верховной властью вплоть до созыва съезда.

В начале августа председатель правительства в интервью корреспонденту «Голоса Родины» подробно остановился на вопросе о съезде. С.Д. Меркулов сообщил, что в случае, если правительство Дальневосточной республики будет реконструировано на началах, присущих Временному Приамурскому правительству, последнее, возможно, пойдет на переговоры с читинским правительством с целью избрания единой центральной власти. Разрабатывая положение об Учредительном съезде, правительство положило в его основу закон о выборах во Всероссийское Учредительное собрание.

Только 23 сентября 1921 г. депутаты Приамурского Народного собрания приступили к рассмотрению законопроекта об Учредительном съезде. Парламентарии постановили образовать специальную комиссию для разработки указанного законопроекта [ГАПК. Ф. Р-1495. Оп. 1. Д. 8. Л. 1—4]. Парламентская комиссия по разработке закона об Учредительном съезде была избрана 7 октября, а её первое заседание состоялось 11 октября 1921 г.

Правительственная редакция закона о выборах в Учредительный съезд предполагала выборы депутатов от населения Дальнего Востока, в том числе и на территории Дальневосточной республики. Однако члены комиссии постановили произвести выборы только на территории подвластной правительству С.Д. Меркулова. В ноябре 1921 г. член комиссии от проправительственного большинства С.П. Руднев внёс предложение включить в положение о выборах статьи о задачах и цели Приамурского Учредительного съезда. Национал-демократическая фракция предложила до создания единого Всероссийского правительства объявить Приамурскую государственность автономной и выработать её конституцию.

После разработки конституции Учредительный съезд приступил бы к решению вопроса о верховной власти. Парламентарии от оппозиционных фракций выступили против данного предложения С.П. Руднева, считая, что Приамурское Народное собрание не имеет права предопределять работу Учредительного съезда, имея задачу только разработать закон о выборах в этот съезд [3, 10 нояб.,

с. 4]. Проправительственным депутатам пришлось отказаться от своих планов по подготовке проекта основного закона Приамурского государственного образования.

С середины ноября 1921 г. в комиссии происходило сближение позиций проправительственного большинства и оппозиции по наиболее важным вопросам, что было обусловлено постепенным отходом депутатов-несоциалистов от поддержки правительства. Так, 14 ноября 1921 г. на заседании комиссии члены национал-демократической фракции и фракции, стоящей на платформе несоциалистического съезда, предложили исключить из положения статьи, которые запрещали участвовать в выборах в Учредительный съезд членам партий коммунистов, анархистов и левых эсеров, а также обязывали депутатов Учредительного съезда давать подписку о непринадлежности к указанным партиям. Данное предложение встретило поддержку оппозиции.

Кроме этого, комиссия приняла предложение крестьянской фракции об отмежевании выборов военнослужащих по сельским районам. Было предложено провести выборы по армии по двум округам с центрами во Владивостоке и Никольске-Уссурийском. Голосование армии в сельских районах должно было происходить отдельно от крестьянского населения, а результаты голосования относились бы к Владивостокскому или Никольск-Уссурийскому избирательным округам [3, 16 нояб., с. 4]. 5 декабря 1921 г. комиссия приняла в окончательной редакции 1, 2 и 3 статьи Положения.

К концу 1921 г. бывшее проправительственное большинство в Приамурском Народном собрании перешло к активным действиям против С.Д. Меркулова. На заседании Приамурского Народного собрания 24 декабря подавляющая часть депутатов проголосовала за пожелание о скорейшем созыве Учредительного съезда для выбора постоянной власти [1, с. 453]. К середине января 1922 г. комиссия по Учредительному съезду рассмотрела более половины статей положения.

На заседании 6 марта 1922 г. комиссия рассмотрела вопросы, связанные с участием военнослужащих в выборах и ограничением избирательных прав коммунистов и примыкающих к ним группировкам. Комиссия пришла к окончательному решению причислить

всех изъявивших право голоса военнослужащих к Владивостоку и Никольск-Уссурийскому. Армия не должна была выдвигать своих списков и избирала депутатов по пропорции один парламентарий на каждые 2000 военнослужащих [4, 7 марта, с. 4]. По вопросу ограничений избирательных прав большевиков большинство членов комиссии высказались против данной нормы, но окончательного решения 6 марта 1922 г. принято не было.

Положение о Приамурском Учредительном собрании (вместо первоначального названия Учредительный съезд) было принято депутатами 2 мая 1922 г. Выборы в Учредительное собрание на территории Временного Приамурского правительства объявлялись всеобщими, равными, прямыми при тайном голосовании из расчёта избрания одного депутата от 4000 гражданского населения и одного члена Учредительного собрания от 2000 чинов армии и флота. Положение устанавливало выборы депутатов в городах на основе пропорциональной, а в сельской местности — мажоритарной избирательной систем.

Избирательным правом в Приамурское Учредительное собрание обладали российские граждане с 21 года. Правом быть избранным могли воспользоваться граждане, которым исполнилось 25 лет. Самое важное в принятом положении было отсутствие статьи по ограничению права участия и избрания представителей «противогосударственных партий» [5, с. 144]. Таким образом, согласно положению, отсутствовали барьеры для участия в выборах в Приамурское Учредительное собрание радикальных левых партий и группировок, включая и большевиков.

В ответ на постановление парламента о созыве Учредительного съезда глава правительства С.Д. Меркулов 9 мая 1922 г. предложил созвать представительный орган власти по типу Земского собора [6, с. 145]. Дальнейшее развитие событий привело к вооружённому противостоянию сторонников Приамурского Народного собрания и Временного Приамурского правительства, вошедшего в историю как «нарсобовский недоворот».

Таким образом, конфликт депутатов с правительством С.Д. Меркулова повлиял на работу комиссии по разработке положения в Учредительный съезд, где демократическая оппози-

ция смогла организовать деловую работу с несоциалистическим большинством. Принятие положения о выборах в Приамурское Учредительное собрание, согласно которому в голосовании могли принять участие и представители радикальных социалистических партий, привело к открытой борьбе между представительной ветвью власти и Временным Приамурским правительством.

Литература и источники

1. Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты: Воспоминания (Из цикла «Шесть лет» 1917—1922 гг.). Новониколаевск: Сибкрайиздат, 1925. 562 [4] с.
2. Вечерняя газета. Владивосток, 1921.
3. Голос Родины. Владивосток, 1921.
4. Голос Родины. Владивосток, 1922.
5. Ляхов Д.А. Вопрос о созыве Приамурского Учредительного собрания в деятельности антибольшевистских сил Приморья (май 1921 г. — июнь 1922 г.) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. № 1 (46). С. 143—147.
6. Ципкин Ю.Н. Белое движение на Дальнем Востоке (1920—1922 гг.). Хабаровск: ХГПУ, 1996. 182 с.: ил.
7. ГАПК (Гос. арх. Приморского края).

УДК: 94(47).084.3

ДЕТСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ И БОРЬБА С НЕЙ НА СОВЕТСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х гг.

Я.Е. КОЗЕНКОВА

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

В статье раскрываются и анализируются структура и система борьбы с детской преступностью, выявляются формы и методы деятельности советского руководства по преодолению данного явления. Раскрывается работа комиссий по делам несовершеннолетних на ранних этапах их существования, преступность несовершеннолетних и её причины.

Ключевые слова: Дальний Восток, несовершеннолетние, беспризорность, комиссии по делам несовершеннолетних, подростковая преступность.

CHILD CRIMINALITY AND THE FIGHT AGAINST IT IN THE SOVIET FAR EAST IN THE FIRST HALF OF THE 1920s

Y.E. KOZENKOVA

Far Eastern University, Vladivostok

The article reveals and analyzes the structure and system of activities to combat child crime. Identifying the forms and methods of the Soviet leadership in overcoming child crime. An analysis of the activities of commissions for minors in the early stages of its existence. Juvenile delinquency and its causes.

Key words: the Far East, minors, homelessness and the commission on juvenile, juvenile delinquency.

Преступность несовершеннолетних, являясь составной частью преступности в целом, имеет свои особенности, что позволяет считать её самостоятельном объектом изучения. Молодое поколение является естественным резервом социального развития, а нарушение установленных правил свидетельствует о недостатках воспитания. Именно поэтому предупреждение преступности среди несовершеннолетних рассматривается в масштабах мирового сообщества как важнейший аспект предупреждения преступлений в обществе в целом.

Забота о несовершеннолетних всегда являлась одной из государственных проблем. Первым изданием, в котором затрагивались права несовершеннолетних, была «Русская Правда» Ярослава Мудрого. Так, ст. 99 обязывала опекунов «печаловаться» — заботиться — о сиротах. Однако направления по предупреждению преступности несовершеннолетних сформировались только в эпоху судебных реформ, которые обеспечивались исключительно силой общественности. Эта деятельность была направлена на предохранение детей от влияния тюрем, организацию обучения и воспитания, создание специальных учреждений для несовершеннолетних осуждённых, чтобы избежать криминального заражения их при контакте с тюрьмой, где они содержались вместе со взрослыми.

С развитием законодательства создаются суды для несовершеннолетних. Съезды представителей исправительных заведений для несовершеннолетних активно развивали разработку вопро-

сы предупредительной деятельности. Так, закон «О воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних» от 19 апреля 1909 г. указывал на их исключительно воспитательно-предупредительный характер и обязывал именоваться воспитательно-исправительными. Тем не менее, режим части заведений всё ещё походил на тюремный [3, с. 92].

Мировая и Гражданская война, интервенция, всеобщий голод привели несовершеннолетних к бродяжничеству, преступности. Число уголовных дел, заведённых на беспризорных, стремительно увеличивалось. Если в 1920 г. на территории РСФСР их было 12 500, то в 1925 г. уже 32 635 [1, с. 13].

За третий квартал 1924 г. в Амурской, Забайкальской, Камчатской и Приморской губерниях 67 несовершеннолетних совершили преступления различной степени тяжести (всего за этот период в регионе на учёте состояли 1377 несовершеннолетних преступников). Хотя количество уголовных преступлений, совершаемых несовершеннолетними на Дальнем Востоке, было сравнительно невелико (всего 5—6% от всех преступлений), однако у этого вида преступности была угрожающая тенденция — рецидив. Так, согласно статистическим данным за 1922—1924 гг., по Владивостоку и уезду рецидив среди несовершеннолетних вырос в два раза, тогда как количество преступлений, совершаемых этой категорией лиц, несколько уменьшилось. Примерно такая же ситуация с детской преступностью складывалась в других городах Дальнего Востока. Вызывало тревогу и то, что процент преступников-рецидивистов среди взрослого населения был в два раза меньше, чем среди несовершеннолетних [1, с. 35].

Анализируя опыт борьбы с преступностью на состоявшемся в ноябре 1926 г. съезде административных работников, начальник уголовного розыска Дальнего Востока Л.И. Домбровский уделил особое внимание рецидивной преступности как опасному социальному явлению: «Новые рецидивы в преступном мире выросли из безработицы и беспризорных — особенно в городах. В деревнях преступность падает. Надо изучить преступность беспризорных, и тогда мы искореним её» [7, с. 35].

В 1918 г. был издан Декрет о комиссиях для несовершеннолетних [8, с. 27]. Декрет упразднял суды и тюремное заключение несовершеннолетних. Комиссии о несовершеннолетних вели дела детей, не достигших возраста 17 лет. Подлежали пересмотру все дела, находящиеся в производстве каких-либо судов, либо те дела, которые закончились осуждением. Членами Комиссии были врач и педагог, а также юрист, согласовывающий действия Комиссии по делам несовершеннолетних с существующим советским законодательством [6, с. 63].

Для малолетних правонарушителей (их ещё называли морально-дефективными) предполагалось создание особых детских учреждений. С 1919 по 1921 г. сеть специализированных детских домов по Советскому союзу значительно разрослась. Так, в 1919 г. их было — 58, 1920 г. — 69, в 1921 г. — 66 единиц [4, с. 47].

На Дальнем Востоке также существовало несколько типов учреждений — детские приёмники, детские дома, трудовые колонии, колонии для трудновоспитуемых, детские ночлежки. И если в 1925 г. таких учреждений в регионе насчитывалось лишь 22, то в 1928 — уже 62. В 1925/1926 уч. году общее число воспитанников составило 2453 чел., в 1927/1928 г. — 1798 чел. [1, с. 14]

Сама сеть учреждений для исправления и перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей развивалась в двух направлениях. Во-первых, в Советском Союзе для трудных подростков открывались закрытые учреждения интернатского типа со строгим педагогическим режимом, обязательной школьной учёбой и обучением профессии. К 1925 г. было 258 таких учреждений, где содержались 16 тыс. воспитанников.

Наряду с закрытыми воспитательными учреждениями создавались трудовые дома в городах и колонии в сельской местности, имевшие воспитательно-карательный характер. В начале 1920-х гг. по инициативе Ф.Э. Дзержинского получил развитие ещё один тип учреждений для несовершеннолетних преступников — трудкоммуны ОГПУ (Объединённое государственное политическое управление). Они строились как учреждения открытого типа на началах сознательной дисциплины и широкого самоуправления. В них правонарушители-рецидивисты приобретали профессии, приобщались к коллективному труду индустриального типа.

Из Инструкции Комиссиям 1920 г. за подписью Народных комиссаров просвещения, здравоохранения и юстиции видно, какие конкретно действия они могли применить в отношении несовершеннолетнего. Это беседа, замечание, внушение, оставление на свободе под присмотром родителей, родственников, обследователей, определение на работу, помещение в школу, детский дом, специальные изоляционные отделения психиатрических лечебниц, отправка на родину, передача дела в суд [2. с. 76].

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод, что беспризорность несовершеннолетних напрямую связана с преступностью. Именно поэтому с момента введения комиссий о несовершеннолетних работа велась в двух направлениях — борьба с преступностью и борьба с беспризорностью. Несовершеннолетних «отделяли» от взрослых — создание специальных тюрем, комиссий, упразднение судов и тюремных заключений. Кроме того, создавались специализированные детские дома, интернаты для трудных подростков — данные учреждения как бы отделяли юных преступников от общества для того, чтобы минимизировать влияние преступной среды на несовершеннолетних. Кроме того, данные учреждения значительно улучшили борьбу с рецидивной преступностью, изолировав данную категорию от общества. Исходя из проведённой работы, можно сделать вывод, что государство осознавало проблему детской беспризорности с самого её появления и вело непрерывную работу за её искоренение.

Литература и источники

1. Билим Н.Н. Беспризорность на Дальнем Востоке в 1920—1930-е годы // Общество и право. 2011. № 2. 310 с.
2. Голяков И.Т. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917—1952 гг. М., 1953. С. 76.
3. Кривоносов А. Н. Исторический опыт борьбы с беспризорностью // Государство и право. 2003. № 7. С. 92.
4. Маслова О.Б. Система правового воздействия на несовершеннолетних правонарушителей в советской России в начале 1920-х гг. // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 11. С. 47.
5. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917—1952 гг. / под ред. И.Т. Голякова. М.: Госюриздат, 1953. 463 с.

6. Сборник законов и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. С 1 января по 1 апреля 1918 г. Вып. 2. М.:, 1918. 192 с.
7. Шабельникова Н.А. Особенности профилактики преступности несовершеннолетних в 1920-е гг.: исторический опыт // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2016. № 2. С. 35.
8. Яковлев А.Н. Дети ГУЛАГа. 1918—1956 / под ред. А.Н. Яковлева. М., 2002. 629 с.

УДК: 8(08)(571.6)»1980-2017»:947.084.2

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ПРОЗЕ ПРИМОРСКИХ АВТОРОВ 1980—2010-х гг.

Е.С. ВОЛКОВА

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, г. Владивосток

Предметом настоящего исследования стало отражение событий Октябрьской революции и последовавшей за ней Гражданской войны в художественной и документальной прозе авторов, проживающих (постоянно или временно) на территории Приморского края. Ставилась задача проследить, как изменялись ракурсы и оценки событий той эпохи с начала 1980-х гг. и вплоть до 2017-го — года столетия Великой русской революции.

Ключевые слова: Приморье, Дальний Восток России, художественная и документальная литература, Октябрьская революция 1917 г., Гражданская война 1917—1922 гг.

THE OCTOBER REVOLUTION 1917 AND THE CIVIL WAR IN PROSE CREATED BY AUTHORS OF PRIMORSKY REGION IN THE 1980S—2010S

E.S. VOLKOVA

Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East FEB RAS, Vladivostok

The subject of the present research is how the events of the October revolution and the subsequent Civil war was reflected in fiction and

documentary prose by authors who lived on the territory of Primorsky Region (permanently or temporarily). The purpose was to explore how the angle views and the judgments of the events of the period changed since the early 1980s up to 2017, the year of the centenary the Great Russian revolution.

Key words: **Primorsky region,** Russian Far East, fiction and non-fiction literature, the October revolution 1917, the Civil war 1917—1922.

Тема освещения революционных событий в литературных произведениях, на наш взгляд, отнюдь не праздная: с одной стороны, они в какой-то степени отражают общественное мнение, общественное видение исторических процессов, с другой, — безусловно, формируют его. С начала 1980-х гг. и до настоящего времени российское общество прошло сложный путь, и трансформация взглядов на ключевые исторические события недавнего прошлого вполне закономерна.

В позднесоветский период «революционная» тема была для автора беспроигрышной и в плане издания книг, и в плане выстраивания писательской карьеры, поэтому и произведений соответствующей тематики выходило предостаточно. Если говорить о наиболее известных приморских литераторах, то в первой половине 1980-х были опубликованы «Знамя над океаном» **Юрия Лясоты**, «Последнее отступление» **Льва Князева**, «Повесть о Константине Пшеницыне» **Михаила Матюшина** [10; 11; 7]. Разумеется, революционные события рассматривались здесь в одном и том же ракурсе — с точки зрения победившего большевизма. Поскольку действие происходит на Дальнем Востоке, то к масштабной картине борьбы и революционных преобразований в обязательном порядке добавляются местные детали. Красные партизаны пьют для бодрости настойку лимонника, обсуждают детали наступления среди берёз и диморфантов, созерцают морские пейзажи и строят планы обустройства набережной для отдыха трудящихся на берегу Амурского залива.

Стандартный набор героев — Лазо, Фадеев-Булыга, братья Сибирцевы, Губельман — дополняется и менее известными именами. В романе Л. Князева действует легендарный партизанский командир Гавриил Шевченко — «приморский Чапаев». М. Матю-

шин возвращает из забытья Константина Пшеницына, который в 1920-е гг. работал в полномочном представительстве ГПУ по ДВР, заведовал особым отделом Дальбюро ЦК РКП(б), затем стал первым секретарем первого Приморского губкома партии, в 1930-е гг. жил в Свердловске и там же в 1937 г. покончил с собой. Авторы явно стремятся придать героям Гражданской войны индивидуальные черты, уйти от героически-казённых образов.

В 1988 г. выходит книга **Виктора Дудко** «ЧК стало известно» [3]: здесь события Гражданской войны становятся основой для шпионского романа*. Но в общем и целом, как и у Князева, Матюшина, Лясоты, красные здесь — однозначно правы, они радеют за народное благо и блюдут государственные интересы, за ними будущее. Белые же изначально обречены: они преследуют узкокорыстные цели, тащат всё, что плохо лежит, к тому же, среди белых нет единства, в борьбе за власть они готовы сотрудничать с интервентами и раздавать российские территории направо и налево, а народные чаяния белых не интересуют. Разумеется, в романе красные шпионы, несмотря на ряд провалов, в конечном итоге переигрывают белых и даже вызывают у них уважение.

Только одно произведение 1980-х выбивается из стандартного ряда — это «Железная берёза» **Юрия Кашука****, которая и с исторической, и с художественной точки зрения, сложнее и глубже [4]. Название выбрано не случайно: железная берёза для одного из главных героев романа — это символ Дальневосточной России: «Из нее рельсы можно делать, она крепче чугуна, в воде тонет от тяжести, и ни одна пила не берёт. Вот это — наше. Это — русская Азия» [4, с. 95]. Роман Кашука — не только энергичная проза с причудливыми поворотами сюжета и элементами мифа, но и новый взгляд на революционное прошлое сравнительно с набившими уже к тому времени оскомину изображениями, и размышление о судьбах дальневосточной России в целом, о том, как связана она с государствами и народами, жившими на этой территории ранее.

* В 1996 г. роман переиздан «Дальиздатом» под другим названием — «Промедление смерти подобно» (в составе сборника в серии «В исключительных обстоятельствах»).

** Роман впервые опубликован в 1985 г. в журнале «Звезда», затем издан отдельной книгой.

По словам литературного критика А. Лобычева, «…книга состоит из отдельных «былей», и они изображают гражданскую войну в Приморье с разных сторон: быль о партизанском отряде братьев Табуновых, быль о бандитах-анархистах Бесовкиных, быль о большевике, поэте и журналисте Алексее Каторгине, ведущем подпольную работу во Владивостоке, быль о хозяевах тайги предпринимателях Лабутине и Гражене, в котором проглядывают черты Михаила Янковского… И каждый… несёт в себе определённое мировоззрение, свою правду» [9, с. 23].

Ю. Кашук отказывается от традиционной советской трактовки с разделением противоборствующих сторон, и соответственно персонажей, на положительных и отрицательных. Большевик Троянов (он же Каторгин) говорит своей возлюбленной: «Верочка, это не те слова: плохое, хорошее. В этой войне… Разве тут приложимы такие вот мерки?» [4, с. 228].

Троянов-Каторгин на протяжении романа неоднократно ведёт беседы с Граженем — успешным предпринимателем, хорошо образованным и имеющим философский склад ума, знатоком восточной культуры. Гражень, персонаж, прямо скажем, непростой («Гражень в одно слово не помещался», отмечает автор) [4, с. 66] подвергает сомнению претензии большевиков на коренное переустройство мира и создание нового человека. «Истребите хищников — вас же грызуны сожрут, — пророчит Гражень. — Расплодятся в неисчислимом количестве и сожрут» [4, с. 103]. И главное — спор остаётся открытым: Гражень, увы, не повержен, а большевик Троянов «задумался крепко» [9, с. 242]. Отметим, что роман написан в 1981 г. — Кашук явно опередил своё время.

К концу 1980-х — началу 1990-х в отечественной исторической науке оценки многих событий в жизни страны начинают пересматриваться, в том числе это коснулось и революционной эпохи. К примеру, в сборнике докладов международной научной конференции за 1992 г. «Гражданская война на Дальнем Востоке России: итоги и уроки» читаем: «Учёным необходимо пересмотреть общий подход к Гражданской войне как героическому событию в истории нашего Отечества. Гражданская война стала прежде всего колоссальной трагедией российского народа… Объективно

оценить и осветить историю Гражданской войны можно, лишь выйдя за пределы узкоклассовых оценок, …изучая историю не только «красных», но и «белых», не только партии большевиков, но и других партий, организаций и союзов» [12].

Перестраиваются и труженики пера. Большинство литераторов просто перестают эксплуатировать эту тему, а вот **Л. Князев** в оценке событий, образно выражаясь, разворачивается на 180 градусов. В 1991 г. — не прошло и десяти лет после выхода в свет «Последнего отступления» — он публикует повесть «Убит на месте», героем которой становится белый атаман Калмыков. Характерная цитата из предисловия автора: «Время Гражданской войны было заполнено кровавыми преступлениями, братоубийством, подлостью с обеих сторон. «Кто победит?» — задаёт вопрос атаману героиня повести. «Тот, чья подлость глубже», — отвечает он. В финале мы убеждаемся, что он убит на месте, побеждён именно теми, чья подлость глубже» [6, с. 6]. Маятник качнулся в обратную сторону.

В 1990-е г. из-под пера Л. Князева вышло ещё одно произведение — «Дочь атамана», жанр которого обозначен как быль. Автор повествует о судьбе Лизы, дочери белого атамана Семёнова, которая родилась уже в эмиграции, после окончания войны в 1945 г. была арестована и восемь лет провела в сибирских лагерях. Гражданская война в России, по версии атамана, которую он излагает своим детям, выглядит так: «Добрый, христолюбивый народ… однажды разделился на красных и белых, уничтожил в братоубийственной схватке лучших своих сыновей и дочерей, уменьшился в числе, исподличал в битвах и перестал верить в Бога» [5, с. 97].

Добавим, что с 1990-х гг. в Приморье начинают публиковаться произведения авторов восточной эмиграции, где интересующая нас тема тоже занимала не последнее место. И оценки эмигрантов, которые не приняли советскую власть (среди них были и участники белого движения) были вполне предсказуемыми. Созданная в 1920—1930-е гг., эта проза пришла к российскому читателю только в 1990-е и, разумеется, тоже повлияла на картину мира, которая в переходный период подверглась коренной трансформации.

Валерий Янковский, представитель третьего поколения известных дальневосточных предпринимателей и общественных деятелей, до 11 лет жил в Приморье, затем вместе с родителями эмигрировал на Восток. Но произведения, хронологически привязанные к эпохе Гражданской войны, вышли из-под его пера уже в XXI веке — Валерий Юрьевич оказался долгожителем*.

Рассказ «Тринадцать разбойников» повествует о борьбе с хунхузами — профессиональными китайскими разбойниками, которую вели в Приморье дед писателя, а затем его отец. По словам В. Янковского, хунхузы в Приморье активизировались после революции 1917 г. — видимо, почувствовали слабину. В населённых пунктах стали формироваться вооружённые дружины для борьбы с разбойниками, а руководил самообороной Посьетского (ныне Хасанского) района отец писателя Юрий Янковский. После грамотно проведённой операции набеги хунхузов надолго прекратились. А.Ю. Янковский, по иронии судьбы, закончил свой жизненный путь «…как самый отъявленный разбойник — в далёких сибирских лагерях**. По обвинению в «измене родине», — сообщает автор [14, с. 231—232].

В рассказе «Тётка-большевичка» семейство Янковских, потеряв надежду на успех белого движения, собирается эмигрировать. Но сестра отца вместе с мужем и приёмными детьми остаётся в России. Оказывается, ещё в годы русско-японской войны 1904—1905 гг., работая на фронте сестрой милосердия, она, по выражению автора, «заразилась» вирусом марксизма. Во время революции 1905 г. тётя Галя участвовала в митингах, была арестована, бежала из тюрьмы… И вот летом 1922 г. она уговаривает 11-летнего племянника остаться: «…Подумай. Вы же покидаете родину… Ведь приходит наша народная власть, установит справедливый порядок… Я заслуженная революционерка, меня не обидят, напротив, мы, старые большевики, будем на особом счету… А ты и мои ребята будете при мне, вам нечего бояться» [15, с. 29].

* В 1945 г. В. Янковский служит переводчиком в советской армии, потом 6 лет проводит в исправительно-трудовых лагерях, после реабилитации живёт на российском Дальнем Востоке, с 1968 г. — во Владимире. Там он завершает свой жизненный путь в 2010 г.

** Юрий Янковский умер в 1956 г., реабилитирован в 1990 г.

«Хорош бы я был, послушавшись её советов», — комментирует автор. Тогда он не поддался на уговоры и эмигрировал с родителями в Корею, а через много лет узнал, что в 1937 г. тётю Галю вместе с мужем и приёмной дочерью изгнали из Приморья и направили на спецпоселение в Нарымский край (по словам приёмной дочери, преследовали их за то, что их родственники бежали за границу). Позднее семье удалось перебраться в Крым, но там тётка-большевичка покончила с собой [15, с. 29—30]. Здесь нет прямолинейных оценок, однако точка зрения автора предельно ясна.

Книга **Владимира Липовецкого** «Ковчег детей, или невероятная одиссея», впервые опубликованная в 2005 г., посвящена истории кругосветного путешествия, о котором долгое время не было неизвестно. Автор 25 лет своей жизни потратил на сбор информации о нём*. В 1918 г. около 800 детей отправляют из голодного Петрограда на Урал (в более сытые губернии), изначально планировалось вернуть их домой к концу летних каникул, но Гражданская война отрезала путь на запад. Стараниями офицеров-волонтёров американского Красного Креста дети попадают сначала во Владивосток, где около года живут на острове Русский, затем плывут в Америку, после этого — во Францию и, наконец, возвращаются в Россию через Финляндию — путь домой занял два с половиной года.

Крупные события Гражданской войны в книге обозначены лишь пунктиром, на первый план выходит хаос, смута, разрушение структур повседневности. Ситуация, сложившаяся в Петрограде в годы Гражданской войны, если пользоваться современной терминологией, была близка к гуманитарной катастрофе. В течение нескольких лет мирное население находилось под угрозой смерти от голода и холода. «Война шла на всех фронтах — и там, где стреляли, и там, где отнимали возможность жить, лишая хлеба, — пишет Липовецкий. — Ослабевшие от голода люди падали на улице» [8,

* Включая в обзор роман В. Липовецкого, мы несколько расширяем заявленную географию: строго говоря, его нельзя назвать приморским автором, но это, безусловно, автор дальневосточный. Липовецкий долгие годы жил в Хабаровске, но и Владивосток ему близок — отсюда он много раз уходил в дальние рейсы. Кроме того, события, описанные в книге, происходят в том числе и во Владивостоке.

с. 13]. Вернувшись домой через 2,5 года, некоторые дети не узнали своих родителей — так они постарели.

Но всё это, по мнению автора, нисколько не умаляет величия эпохи. «Революция вселила в сердца [людей] веру в завтрашний день их детей, — пишет Липовецкий. — Это помогало преодолевать трудности» [8, с. 14]. Автор убеждён, что величие это было очевидно не только для потомков, но и для современников: «…Интерес к революции в России, к её Гражданской войне был столь же огромен, как и пространство этой загадочной и не вполне объяснимой для европейского и американского ума страны. Каждый думающий человек, будь то политик, генерал или банкир, понимал: от развития российских событий во многом зависит судьба двадцатого века» [8, с. 155].

В 2011 г. выходит в свет «Сипайла-сага» **Константина Дмитриенко**. Автор повествует о судьбе Леонида Сипайло, который в годы Гражданской войны был помощником начальника контрразведки у белого атамана Семёнова, затем начальником контрразведки Азиатской дивизии барона Унгерна и комендантом Урги (Сухэ-Батора). Сипайла-Душегуб — человек патологически жестокий, и политическая принадлежность жертвы не имела для него ни малейшего значения: он одинаково безжалостно расправлялся и с красными, и с белыми, и с противниками, и с недавними соратниками, и с женщинами, и со стариками. Достаточно вспомнить эпизод, когда Сипайла подаёт соратникам «на медном, гравированном лотосами, подносе» голову своей наложницы Дуни — кстати, племянницы атамана Семёнова [2, с. 81].

Автор создаёт экзотичный дальневосточный трэш, где революционная эпоха выплёскивается из российских границ на сопредельные страны и наполняется не только жуткими былями, но и мифами, легендами, призраками, и порой уже невозможно разобраться, где правда, а где вымысел.

«…Пил ли [Сипайла] кровь? Ел ли трупы, сидя на свежеразрытой могиле?.. Откуда этот вонючий холодный ветер? Что это за белые собаки с рыжими ушами, чей лай слышен только тому, кто должен умереть?... Чему из рассказов можно верить в это время сошедших с ума и живущих на краю каждый день? Что есть

правда, когда рушится заведённый порядок и на свет выползает неведомое?» — вопрошает автор [2, с. 73]. Здесь снова звучит тема хаоса, стихии, даже коллективного безумия, когда привычный мир перестаёт существовать и устоявшиеся структуры повседневности разлетаются в прах.

Те же мотивы слышны и в биографии Александра Фадеева, написанной **Василием Авченко** в 2017 г. Освещая жизненный путь известного советского писателя, который в годы Гражданской войны был красным партизаном, автор уделяет интересующей нас эпохе значительное внимание. Победа красных объективна и закономерна, считает Авченко, но нельзя забывать, что «и красные, и белые были наследниками и продолжателями прежней России, что бы они сами об этом ни думали. «Они сражались за родину» с обеих сторон — только понимали эту борьбу по-разному, и война эта приняла поистине религиозный характер с соответствующим — то есть запредельным — уровнем жестокости», — пишет Авченко [1, с. 89]. В отличие от оценки Л. Князева 1990-х гг. («народ… исподличал в битвах и перестал верить в Бога»), здесь мы видим уже иное отношение к народу, как творцу истории.

Таким образом, начиная с 2000-х гг. в приморской прозе появляется новый ракурс, формируется новое направление: теперь авторы не озабочены поисками правых и виноватых, они оценивают Октябрьскую революцию и Гражданскую войну не с точки зрения победителей или проигравших, но рассматривают как значимую эпоху в истории России, стараясь передать дух времени и определить место этой эпохи на карте времён. К этому направлению близок Ю. Кашук, несмотря на то, что его роман написан в начале 1980-х. Кашук сравнивает революцию с половодьем и даже вводит неологизм — половременье (согласно словарю Даля, «полый» — значит открытый, растворённый настежь, распахнутый) [13].

Автор уподобляет ту эпоху разлившейся реке, которая «… несла всем — людям, деревьям, полям, зверью — горе и даже смерть… Но вместе с горем этим приносила она земле новый плодоносный слой. И земля, измученная рекой, принимала в себя её новое семя и с новой силой кормила всё живое» [4, с. 28]. Иными

словами, Октябрьская революция стала энергетическим донором для миллионов людей, она не только потрясла мир — она действительно его изменила.

Литература и источники

1. Авченко В.О. Фадеев. Жизнь замечательных людей: серия биографий. Вып. 1622. М.: Молодая гвардия, 2017. 368 с.
2. Дмитриенко К. Сипайла-сага // Тихоокеанский альманах «Рубеж», 2011. С. 73, 81.
3. Дудко В.А. ЧК стало известно…: Роман-хроника. Владивосток Дальневост. кн. изд-во, 1988. 496 с.
4. Кашук Ю.И. Железная берёза. [Худож. В. Красновский]. М.: Сов. писатель, 1989. 286 с., [1] ил.
5. Князев Л.Н. Дочь атамана // Печаль навсегда. Владивосток [б. и.], 1999. 197 с.
6. Князев Л.Н. Убит на месте // В исключительных обстоятельствах. 1991. Владивосток, Дальневост. кн. изд-во, 1991. 512 с.
7. Князев Л.Н. Последнее отступление. Владивосток, Дальневост. кн. изд-во, 1982. 304 с.
8. Липовецкий В. Ковчег детей, или невероятная одиссея. Владивосток: Рубеж, 2011. 736 с.
9. Лобычев А. Восточное побережье русской литературы // Антология литературы Дальнего Востока в 12 томах. Приморский край. Проза. Владивосток: Тихоокеанское издательство «Рубеж»; издание В. Пак; издательство «Валентин», 2016. 880 с.
10. Лясота Ю.Л. Знамя над океаном / рис. Н. Короткина. М.: Дет. Лит., 1982. 206 с., ил.
11. Матюшин М.И. Повесть о Константине Пшеницыне. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1983. 497 с., ил.
12. Мухачев Б.И., Наумов И.В. Гражданская война на Дальнем Востоке в освещении советских историков // Гражданская война на Дальнем Востоке России: итоги и уроки. Междунар. науч. конф. Тезисы докладов и сообщений. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 1992. С. 11—12.
13. Общий толковый словарь русского языка. URL: http://tolkslovar.ru/p13463.html (дата обращения: 2.11.2017).
14. Янковский В. Тринадцать разбойников // От Сидеми до Новины. Дальневосточная сага. Владивосток: Рубеж, 2011. 608 с.
15. Янковский В. Тётка-большевичка // От Сидеми до Новины. Дальневосточная сага. Владивосток: Рубеж, 2011. 608 с.

УДК 947: 377 (571.63)

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В ВОСПРИЯТИИ ШКОЛЬНИКОВ ПРИМОРЬЯ

И.В. ПЧЕЛА

Дальневосточный федеральный университет. Школа педагогики (филиал в г. Уссурийск)

Статья посвящена событиям Февраля 1917 г. в Приморье, тому, как они запечатлелись в памяти детей. На основе воспоминаний приморских школьников автор показал отношение учащихся к свержению монархии, к смене власти в стране. В статье сравниваются события весны 1917 г., происходившие в городах и в сельской глубинке. В итоге автор приходит к выводу, что Февральская революция 1917 г. оказала большое влияние на детское сознание.

Ключевые слова: революция; монархия; свержение (отречение) царя; Временное правительство.

THE REVOLUTION OF 1917 YEARS IN THE PERCEPTIONS OF STUDENTS OF PRIMORYE

I.D. PCHELA

School of Pedagogies of the FEFU *(Ussuriisk)*

The article is devoted to the events of 1917 in Primorye, how they etched in the memory of the children. Based on the memoirs of seaside schoolchildren the author showed the ratio of students to overthrow the monarchy and to the change of power in the country. The article compares the events of spring 1917, which took place in the cities and in the rural outback. In the end, the author concludes that the February revolution, 1917 years had a major impact on children's consciousness.

Key words: the revolution; the monarchy; the overthrow (renunciation) of the king; the Provisional Government.

В освещении событий Февральской революции внимание исследователей традиционно акцентируется на анализе общественно-политической и социально-экономической составляющей происходивших в этот период процессов. Чаще всего в работах

встречаются такие строки: «…известия о февральских событиях 1917 г. в Петрограде вызвали большой энтузиазм. В марте—апреле в городах и сёлах Приморья прошли многолюдные митинги и собрания» [1, с. 4] или «…1 марта 1917 г. во Владивостоке было получено сообщение, что в Петрограде совершилась буржуазно-демократическая революция, свергнута монархия» [11, с. 29]. В каждом случае события Февраля 1917 г. показаны через восприятие их взрослыми людьми, наблюдавшими за ними или принимавшими в них активное участие.

В данной статье рассматривается отношение к происходившим в стране революционным переменам со стороны детей. В основу исследования нами положены источники личного происхождения, представленные опубликованными [3, с. 107—119; 9; 10, с. 65—69; 12] и неопубликованными [4] воспоминаниями городских и сельских школьников Приморья, в которых они фиксировали свои мысли, отношение к происходящему, к власти, к обществу в целом. Благодаря сохранившимся воспоминаниям, можно понять, насколько авторы в свои юные годы понимали сложность и противоречивость происходящих вокруг них событий.

Заметим, что дальневосточная молодёжь приобщалась к революционным волнениям ещё в период первой русской революции 1905—1907 гг., что было зафиксировано документальными источниками. К примеру, Э.И. Дубяга писал о том, что учащиеся Читы, Благовещенска, Владивостока и Хабаровска были «…заражены революционным настроением, они читали запрещённую литературу, посещали марксистские кружки» [6]. Н.Г. Ефименко отмечал, что «…известия о «кровавом воскресенье» в столице дошли до Приморья. Во Владивостоке устраивались митинги, собрания, стачки. К рабочему движению примкнула учащаяся молодёжь — студенты Восточного института и учащиеся старших классов гимназии. В феврале 1907 г. прошли волнения студентов Восточного института. Учебные занятия были прекращены» [7, с. 63, 77].

Что же касается того, как воспринимались приморскими школьниками события Февраля 1917 г. и какое впечатление они оставили в их сознании, то официальные документы либо не акцентируют внимания на этих аспектах, либо сообщают све-

дения следующего порядка: «…Директор реального училища Никольск-Уссурийска с тревогой писал, что старшеклассники домогаются участия своих представителей в заседаниях Школьного совета с правом решающего голоса» [11, с. 29]. При этом мнение самих детей в документе не зафиксировано. В этом контексте роль исторических источников личного происхождения, таких как воспоминания, существенно возрастает.

О сдержанной встрече Февральской революции 1917 г. в деревнях и сёлах Приморья упоминают несколько авторов. Так, Л.З. Колесникова (деревня Васильковка Зеньковского уезда) записала: «… Февральскую революцию 1917 г. встретили сдержано. А от того, что остался на своём посту земский начальник, казалось, что революция произошла какая-то ненастоящая. Доносились слухи, что в Петрограде коалиционное Временное правительство даёт большие привилегии частному капиталу, без ограничения, оживились купцы» [2, с. 108—123]. Пожалуй, более всего детское воображение поразило исчезновение портретов и фотографий императора Николая II и членов царской семьи.

Этот факт стал физическим воплощением свержения монархии. Ученик Новопокровской одноклассной церковноприходской школы В.К. Бухта вспоминал, что «…волны Февральской революции 1917 г. долго не задерживаясь, докатились до нашей глухомани. В село прибывали с фронта солдаты. Они были с винтовками и красными бантами на груди. В нашем классе висел портрет царя Николая II во весь рост. На втором портрете была сфотографирована его семья. В одно утро, придя в школу, портретов на стене не оказалось: их сняли» [3, с. 109].

В автобиографической повести «Ответственное задание» Д.Г. Федичкин писал: «…Первое впечатление от Февральской революции — это валявшиеся в школьных дворах портреты императора и его августейшей супруги. Как только пришла весть о свержении царя, учителя, а среди них было немало ссыльных, в тот же день сорвали со стены лики самодержца и его спутницы и вышвырнули на улицу. Рассказывали, что старушки подбирали эти портреты и сбывали на базаре по пяти копеек за пару. Находились, видимо, в Раздольном покупатели, которые считали наступившую

революцию наваждением, жёсткой иронией судьбы и не теряли надежды, что сытая жизнь возвратится» [12, с. 21—22].

Похожие воспоминания оставила П.И. Лушавская — ученица двухклассной церковноприходской школы из села Ильинка: «…в 1917 г. после Февральской революции в класс вошли старшеклассники, сняли царя и наследника. Учитель Иван Васильевич объяснил, что теперь всё будет по-другому, а ученики обрадовались отмене Закона Божьего» [4]. Последняя фраза особо примечательна: ученики радостно приняли отмену уроков «Закона Божия» и ежедневных молитв перед занятиями.

Аналогично факт отречения императора запечатлелся и в памяти городских школьников. К примеру, Владивостокская гимназистка Т.М. Головнина отметила: «…В феврале 1917 г. Романовы отреклись от престола, портреты царской семьи убрали. Гимн «Боже, царя храни» больше не исполняли» [10, с. 66]. По её воспоминаниям можно проследить, как менялось поведение педагогов и школьников: «…Наступил день, когда в гимназии впервые не пели «Боже, царя храни». Произошла Февральская революция 1917 г. «Царя свергли!» и «Нет царя!» — гудело по классам. Но на молитву в зал поднимались тихо, в порядке, сказалась годами выработанная привычка… После молитвы к портретам царей не повернулись и гимн не пели, впервые не пели. Директриса сказала об отречении царя от престола. Занятия проходили в установленном порядке, но на перемене и в буфете было шумливее обыкновенного» [2, с. 91].

О радостном, восторженном настроении, о «праздничном возбуждении» писали многие ученики городских школ. 15-летняя гимназистка М.М. Свиридова встретила Февральскую революцию в Никольске-Уссурийском. Она писала с какой «…бурной радостью встретила революцию, свержение царского самодержавия, когда её небольшой уездный городок революция всколыхнула, все слои населения, в том числе учащуюся молодёжь охватил энтузиазм» [2, с. 190].

Это оживление и бурную радость дети хотели не просто выплеснуть, но и разделить с родными и близкими, со знакомыми и незнакомыми людьми. «…Царя свергли! — писала Т.М. Головнина. — Возбужденная, радостная, я прибежала к Марии Владимировне

[Сибирцевой], чтобы поделиться с ней известием об этом событии. Кому же мне было излить своё «душевное кипение»? Отца моего, который ещё с детства зародил во мне смутное представление о несправедливости царской власти, не было уже в живых… Мать не сочувствовала революции. Только она — моя духовная мать, — могла разделить со мной моё настроение» [5].

О таком же радостном возбуждении и желании поделиться своей радостью с кем-нибудь вспоминал гимназист из Владивостока С.М. Салинский. В его автобиографической повести «Птицы возвращаются в сны» есть такой эпизод: «…В 1917 г. в далёком, расположенном на другом конце света, Петрограде произошла революция. Мы узнали об этом на следующий же день перед вторым уроком, после неожиданно затянувшейся перемены. В класс, как всегда, бодрым и энергичным шагом вошёл классный наставник — учитель географии Михаил Яковлевич Сибирцев. С торжественным видом он встал возле кафедры и громко объявил: «В Петрограде революция! Царь свергнут! Ура!». Ликующее «Ура-а-а-а!!!» вырвалось в ответ из тридцати молодых глоток. Это «Ура-а-а!!!», подхваченное в других классах, сотрясло гимназию. Мы выбежали в сад, который разделял наполовину с женской гимназией, расположившейся по-соседству. Их и нас разделял высокий узорчатый штакетник с широкими воротами посередине. Ворота закрывались днём и открывались только по случаю каких-нибудь общих школьных торжеств. Теперь ворота открыли настежь, за штакетником — толпа девчонок — от малявок с косичками до барышень с бюстиками — верещала «ура!». Мы смешались в одну ликующую толпу» [9, с. 173—174].

С удивлением дети замечали «необычное», «немыслимое ранее»: отмену «Закона Божия», затянувшиеся по времени школьные переменки, распахнутые в неурочный час ворота, исчезновение портретов монархов. Это свидетельствовало не только о новых «демократических временах», о «глотке свободы», но и о грядущих временах «анархии» и «вседозволенности». В эйфории наступившей свободы легко забыть о «долге», об обязанностях. Дети подмечали: в такие минуты взрослые, особенно представители власти, позволяли себе поступки, которые несколькими днями ра-

нее были немыслимы. С.М. Салинский вспоминал как «…с улицы за всем нашим ликованием наблюдал сияющий городовой, с огромным красным бантом на груди. Он был на службе, но на радостях позволил себе цигарку. У меня в кармане была папироска, спрятанная для большой перемены. Я выбежал на улицу, подбежал к городовому, вынул папироску и сказал:

— Товарищ городовой, разрешите прикурить.

— Пожалуйста, пожалуйста, — ответил он и вежливо дал мне прикурить.

Бант у него на груди был огромным — из ленты для косичек. Я попросил, чтобы он дал мне кусочек ленты. Снова «пожалуйста, пожалуйста», и он оторвал кусок алого шёлка и протянул мне, козырнул. Впервые в жизни козыряли мне, до того — только отцу, и хоть я был рядом, ко мне это не относилось. Я, что было духу, помчался назад, отыскал в кричащей толпе Олю Михайлову, в которую был тогда влюблён, и поделился с нею куском огненного шелка. Так я встретил революцию 17 года» [9, с. 174—175]. Сам автор удивлялся: ещё вчера старшеклассники «гоняли» их, если «застукали за курением в школьном дворе», а сегодня сам городовой дал прикурить! Немыслимое нарушение дисциплины.

Первоначально дети отмечали факты, не затрагивавшие образовательный процесс. По сведениям О.Б. Лынша, «…первоначально потрясения весны 1917 г. почти не затронули обычного хода жизни Никольск-Уссурийского реального училища. Более того, с некоторым опозданием, 30 апреля 1917 г. в церкви училища прошла торжественная присяга Временному правительству» [8]. Постепенно изменения проникали в школы. Т.М. Головнина отметила: «…У входа в гимназию укрепили новую доску: «Городская женская гимназия имени Цесаревича Алексея» сменилась на «Владивостокская 2-я женская гимназия» [10, с. 66].

Серьёзно изменили жизнь школьников, особенно тех, кто был «заражён революционными настроениями» и обладал «политическим темпераментом», митинги и собрания. Революционная молодёжь и школьники стали их активными участниками. Накал политических страстей захватил молодёжь городов. Весной 1917 г. возник Союз учащихся средних учебных заведений Владивосто-

ка, который объединил учащихся коммерческого училища, двух женских и одной мужской гимназий, в возрасте от 15 до 18 лет. Активисты Союза выпускали рукописный журнал и газету «Голос учащихся», посещали многочисленные собрания и митинги. Они стремились разобраться в политических программах разных партий. Такое любопытство было не лишним, поскольку политические настроения постепенно стали затрагивать и образовательный процесс, втягивая в идеологическую борьбу тех учащихся, которые долго оставались индифферентными. Приходилось определяться в своих политических симпатиях. М.М. Свиридова вспоминала о том, как «…гимназисткам 7 класса учитель словесности, эсер, предложил написать сочинение на тему «Какой политической партии Вы сочувствуете и по каким причинам». Большинство учениц написали, что они в этих вопросах не разбираются (часть из них — из осторожности), несколько человек выразили свои симпатии эсерам, несколько — кадетам и только одна (сама Свиридова) оказалась «сочувствующей большевикам». Учитель яростно обрушился на девушку и долго «разносил» её в присутствии всего класса» [2, с. 190].

Время «революционной романтики» весны 1917 г. быстро закончилось. К лету школу заполнили противоречия, как в среде учителей, так и учащихся. Наметилось непонимание между «…ядром передовой учащейся молодёжи города, в большинстве своём детей из плохо обеспеченных семей… и детей состоятельных и привилегированных родителей — бывших царских чиновников, офицеров разных рангов, представителей буржуазии, служащих частных компаний» [2, с. 191—192]. Изменилось настроение педагогов, даже тех, кто радостно встретил Февраль 1917 г. Они увидели, что нововведения, связанные с отменой «Закона Божия», выборные классные комитеты, представительство учащихся в педагогических и родительских комитетах, негативно влияют на школьную дисциплину, на качество образовательного процесса. Рос накал политических страстей.

Таким образом, привлечённые источники показали, что события 1917 г. не прошли незамеченными для приморских детей. Весна 1917 г. вызвала живой отклик в душах приморских школьников

и оставила такой яркий след в их сознании, что многие годы спустя они с удовольствием вспоминали об этом эпизоде в своей жизни. При этом автор выявил разницу в восприятии событий Февраля 1917 г. и отречения царя от престола у учащихся сельских и городских школ.

Городские ребятишки запомнили события более подробно. На них обращали внимание учащиеся начальных и средних учебных заведений: церковноприходских и министерских школ, коммерческих и реальных училищ, гимназий. Повсеместно школьники радостно встретили как отмену уроков «Закона Божьего», так и свержение монархии. Ни у одного из авторов, оставивших воспоминания об этих событиях, не отмечено сожалений или любопытства о дальнейшей судьбе августейшей фамилии. Все радовались начавшимся переменам. Под влиянием революционно настроенных наставников городские школьники быстро включились в работу ученических комитетов, получили первый опыт школьного самоуправления. Вероятно, это было вызвано тем, что учителя, объясняя им смысл происшедшего, увязывали его с ожиданиями лучшего будущего.

В сельской глубинке происходящее воспринималось гораздо спокойнее. Таких ажиотажных настроений, как у городских учащихся, в сельских школах не отмечено. Можно назвать несколько причин, объясняющих эту разницу в поведении городских и сельских детей.

Во-первых, в деревнях и сёлах функционировали только начальные школы, в которых учились дети 8—12 лет. В силу возрастных особенностей они были далеки от понимания сути происходящего. В городах работали средние школы, и старшеклассники — юноши и девушки 15—18 лет с развитым кругозором и мировоззрением, принимали активное участие в политических событиях.

Во-вторых, о революции в столице, благодаря телефону и телеграфу, в городах Приморья узнали уже на следующий день, и 1 марта 1917 г. ученики Владивостока и Никольск-Уссурийска встретили с ликованием. До сельской глубинки весть дошла с некоторым опозданием. Источником новостей здесь были, как пра-

вило, прибывавшие с фронта демобилизованные солдаты, которые приносили вести о Февральской революции и свержении царя с опозданием. К тому времени «страсти» уже улеглись, радоваться не было смысла.

Наконец, можно увидеть разницу между «патриархальным» крестьянским мировоззрением, которое формировалось в некой изоляции, и активным образом жизни горожан, привыкших находится в гуще событий. Учащиеся городских школ могли не только наблюдать, но и принимать участие в разных политических событиях (митингах, демонстрациях).

В целом, число опубликованных воспоминаний приморских школьников невелико. Историкам ещё предстоит большая работа по их розыску и введению в научный оборот.

Литература и источники

1. Анохин П. Из истории борьбы за власть Советов в Приморье. Владивосток, 1947. 67 с.
2. Воловникова Г.И. Революционная молодежь. М.М. Свиридова // За советский Дальний Восток. Вып. 3. Женщины Дальнего Востока в защите завоеваний Октября. С. 190—192.
3. Воспоминания В.К. Бухты // Проблемы истории образования на Дальнем Востоке России / ред. О.Б. Лынша. Вып. 1. Уссурийск, 2011. С. 107—119.
4. Воспоминания П.И. Лушавской // Рукопись. Из личного архива О.Д. Салахутдиновой.
5. Головнина Т.М. Женщины революции // За советский Дальний Восток / сост. Б.И. Мухачев. Владивосток, 1982. С. 125.
6. Головнина Т.М. Жизнь в борьбе // За советский Дальний Восток. Вып. 3. Женщины Дальнего Востока в защите завоеваний Октября / сост. К.Н. Петина. Владивосток, 1988. 250 с.
7. Дубяга Э.И. К истории зарождения революционного движения в Амурской области // Тезисы докладов науч. конф., посвящ. 100-летию Амурского областного краеведческого музея. Благовещенск, 1991. С. 63.
8. Ефименко Н.Г. Революционные события в Приморье в 1905—1907 гг. // Из истории революционного движения на Дальнем Востоке в годы Первой русской революции. Владивосток, 1956. С. 63, 77.
9. Лынша О.Б. Никольск-Уссурийское училище. 1906—1922 гг. // Проблемы славянской культуры и цивилизации. IX науч. конф. / ред. А.М. Антипова. Уссурийск, 2007. С. 60.

10. Салинский С.И. Птицы возвращаются в сны. Повесть-явь, повесть-сон. Владивосток, 2015. 320 с.
11. Сиренко Н.А. Из воспоминаний Т.М. Головниной // Записки общества изучения Амурского края. Т. XL. Владивосток, 2011. С. 65—69.
12. Уссурийску — 125 лет: очерки истории. Владивосток, 1991. С. 29.
13. Федичкин Д.Г. Ответственное задание. Владивосток, 1986. 348 с.
14. Чернова Т.М. Народная учительница Л.З. Колесникова // За советский Дальний Восток. Вып. 3. Женщины Дальнего Востока в защите завоеваний Октября. Владивосток, 1988. С. 108—123.

УДК: 378«1917/1922»

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИЙ 1917 г. И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918—1922 гг.)

В.Г. МАКАРЕНКО

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, г. Владивосток

Исследованы процессы трансформации высшего образования в России и на Дальнем Востоке в период революций 1917 г. и Гражданской войны (1918—1922 гг.).

Ключевые слова: высшее образование, трансформация, Дальний Восток, Россия, революции 1917 г., Гражданская война (1918—1922 гг.).

TRANSFORMATION OF HIGHER EDUCATION IN RUSSIA AND THE FAR EAST DURING THE REVOLUTIONS OF 1917 AND THE CIVIL WAR (1918—1922)

V.G. MAKARENKO

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS, Vladivostok

The processes of the transformation of higher education in Russia and the Far East during the revolutions of 1917 and the Civil War (1918—1922) were studied.

Key words: higher education, transformation, the Far East, Russia, the revolution of 1917, the Civil War (1918—1922).

Важнейшими событиями мировой и отечественной истории в XX в. явились кровопролитная и разрушительная Первая мировая война (1914—1918 гг.), две российских революции 1917 г. — Февральская и Октябрьская, ожесточённая Гражданская война 1918—1922 гг., обусловившие нарастание и углубление политического, социально-экономического кризиса в стране, последующие кардинальные изменения во всех сферах жизни российского общества.

После захвата власти в 1917 г. в результате Октябрьского переворота большевики приступили к реализации программы социалистического переустройства России на основе марксисткой теории. Предусматривалось проведение индустриализации, коллективизации сельского хозяйства, культурной революции и, в её рамках, подъём образовательного уровня населения, что являлось одним из важных средств достижения основных политических целей большевиков [5, с. 46].

Базовые принципы организации системы образования в России были сформулированы ещё в 1903 г. в программе РСДРП, принятой на II съезде: всеобщее бесплатное обязательное образование детей обоих полов до 16 лет, ликвидация сословных школ и ограничений в получении образования, а также по национальным признакам, отделение школы от церкви, обучение на родном языке [3].

В системе высшего образования ликвидированы сложившиеся в имперский период традиции, изменена структура управления, введены новые, политические учебные дисциплины, методы обучения, с акцентом на внедрение коммунистической идеологии и мировоззрения [6]. 29 января 1920 г. учреждено Главное управление профессионального образования (Главпрофобр) — центральный орган управления. В его задачи входила подготовка кадров для всех отраслей производства, организация работы техникумов, рабфаков, вузов, курсов повышения квалификации [2]. В 1920-е гг. ликвидирована университетская автономия, ряд сложившихся в начале XX в. управленческих структур вузов. Научно-исследовательская работа и учебный процесс стали осуществляться

под строжайшим контролем Центра [3]. В системе образования сложилась мощная идеологическая база для целенаправленного формирования мировоззрения учащихся в соответствии с коммунистической доктриной [3]. «На основе декретов СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», «О единой трудовой школе РСФСР» и «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР» полностью ликвидирована сословная система образования, введено бесплатное совместное обучение на родном языке детей обоих полов и всех национальностей, отменены физические наказания, закрыты частные школы. Отныне в сфере образования могли быть только государственные учреждения. Согласно новым правилам, в вузы принимали граждан всех сословий и любой национальности. Образование всех ступеней стало светским, так как введён запрет на преподавание любых вероучений и исполнение религиозных обрядов [6].

Однако резкая ломка прежних организационных оснований, введение социалистических преобразований в высшей школе в 1917—1920 гг. (приём слабо подготовленной молодёжи, увольнение дореволюционной профессуры, закрытие некоторых вузов, назначение на должности руководителей некомпетентных лиц) обусловили её глубокий системный кризис [4, с. 168]. Сложившаяся ситуация обеспокоила научно-образовательную общественность России, которая в 1921 г. обратилась с письмом к Председателю Совета Народных Комиссаров В.И. Ленину. В письме констатировался целый ряд недостатков и претензий к проведённым преобразованиям: некомпетентность работников Наркомпроса, неподготовленность к обучению в вузе бесконтрольно принимаемой пролетарской молодёжи, резкое понижение образовательного уровня студентов, «…разрушение основ правильного ведения учебного дела» [4, с. 169], создание рабочих факультетов, которое «…разрушило непрочное у нас в России здание Высшей Школы», объявление профессорами лиц, проработавших в высшей школе более трёх лет, отмена самостоятельности «академической коллегии и права самопополнения» научно-педагогических кадров, отсутствие устава Высшей Школы, проведение неоправданных экспериментов в управлении и учебном процессе, недоверие к старой

профессуре, непонимание Наркомпросом государственных задач и роли высшей школы в прогрессивном развитии страны и другие системные деформации [4, с. 170]. Письмо подписали 38 чел. — представители Российской академии наук и вузов, в том числе президент РАН А.П. Карпинский, вице-президент В.А. Стеклов, непременный секретарь С.Ф. Ольденбург, академики А.А. Белопольский, В.Н. Ипатьев, Н.С. Курнаков, П.П. Лазарев, И.П. Павлов, А.Е. Ферсман [4, с. 168, 170—174] и др. Их инициатива оказалась своевременной и востребованной советским правительством. По поручению В.И. Ленина в Наркомпросе оперативно была создана комиссия в составе юриста, профессора МГУ, председателя Малого Совнаркома А.Г. Гойхбарга (руководитель), историка М.Н. Покровского, экономиста Е.А. Преображенского, которые в течение семи дней разработали Положение о высшей школе. После обсуждения и внесения поправок оно было утверждено и 9 ноября 1921 г. опубликовано в «Собрании распоряжений и узаконений рабочего и крестьянского правительства» в виде Декрета СНК «О высших учебных заведениях (Положение)» [4, с. 168]. В течение длительного времени данный документ регламентировал деятельность высшей школы РСФСР и СССР.

На Дальнем Востоке России в 1917 г. был единственный вуз — Восточный институт во Владивостоке, основанный в 1899 г. по указу императора Николая Второго для подготовки востоковедов-практиков к государственной службе в административных и торгово-промышленных учреждениях Восточно-Азиатской России и прилегающих к ней государств [1, с. 3]. Студенты и вольнослушатели института изучали пять восточных языков: китайский (обязательный для всех отделений), японский, корейский, монгольский и маньчжурский; из европейских языков — английский и французский. Четырёхлетняя образовательная программа предусматривала комплекс учебных предметов: общая и коммерческая география Дальнего Востока, политическая организация и новейшая (XIX в.) история восточных государств, ряд обязательных дисциплин коммерческих (счетоводство, товароведение) и юридических наук (политическая экономия, обзор государственного устройства России и главных европейских держав, основы международного, граж-

данского, торгового права и судопроизводства). С 1889 по 1917 г. Восточный институт окончили 500 чел., в том числе 200 офицеров, ежегодно направляемых на обучение специальным распоряжением Приамурского генерал-губернатора. Предполагалось, что Восточный институт со временем будет преобразован в государственный университет.

Преподавательский и студенческий состав института, неоднородный по своим политическим взглядам (от анархизма, монархизма, социал-демократических идей до либерально-демократического мировоззрения) неоднозначно воспринял революционные события 1917 г. в Петрограде: поддержал Февральскую революцию, направив Временному правительству телеграмму приветствия и поддержки [1, с. 235, 239, 240]. Октябрьская же революция была воспринята как авантюристический, экстремистский антигосударственный политический переворот, что обусловило настороженное отношение к большевикам, особенно после разгона ими Учредительного собрания.

С началом Гражданской войны в России и на Дальнем Востоке преподаватели и студенты Восточного института все же рассчитывали «…безболезненно пережить... временную разруху государственной жизни» и продолжить обучение на основе демократических принципов, провозглашённых Временным правительством (самоопределение, самоуправление, академическая свобода, автономия вузов).

В 1917—1920 гг. на Дальнем Востоке и в г. Владивосток неоднократно и стремительно изменялась политическая обстановка, состав правительств и управленческих структур, формы управления. Кроме того, во Владивостоке высадились японские, британские, французские, канадские и американские интервенты. В связи с этим часть профессорско-преподавательского состава Восточного института оказалась деморализованной, разрозненной, устремилась в эмиграцию. Оставшиеся преподаватели попытались сохранить основную деятельность Института в условиях сложившейся экстремальной обстановки. В мае—июне 1918 г. профессора П.П. Шмидт (председатель), А.В. Гребенщиков (товарищ председателя), Н.И. Кохановский (секретарь), Н.В. Кюнер,

В.М. Мендрин, Г.В. Подставин, А.В. Рудаков, Е.Г. Спальвин, преподаватели И.В. Коноплев, Г.П. Рофаст провели чрезвычайное заседание учёного Совета, на котором обсудили текущий момент. С учётом чрезвычайных политических условий, и, как следствие, нарушением связей с Министерством народного просвещения, с другими российскими вузами, отсутствием финансирования были приняты временные изменения и дополнения в устав института «до восстановления нормального течения государственной жизни». Введена коллегиальность и демократизм управления, выборность на учебно-научные и административные должности, обновлён Совет института, созданы новые органы управления — Президиум Совета и Комитет по студенческим делам. Однако при этом сохранялись и традиционные формы деятельности: подчинённость министру народного просвещения, автономность, попечительский совет, прежние правила подготовки к профессорскому званию, режим внутреннего распорядка, церковное богослужение, делопроизводство [1, с. 240—248].

27 июня 1918 г. в соответствии с постановлением учёного Совета принят на содержание вуза Комитет по студенческим делам, в состав которого вошли профессора либерально-демократических взглядов Н.И. Кохановский (председатель), Н.В. Кюнер и А.В. Рудаков, лектор Г.П. Рофаст, студенты Б.И. Левинтон (товарищ председателя), А.Я. Климов (секретарь), А.А. Гвоздарев, Н.Г. Пятаев [1, с. 244].

В марте 1920 г. в соответствии с постановлением Временного правительства и Министерства просвещения России (от 1 июля 1917 г.), которых уже не существовало, в институте введены должности ректора и проректоров, ординарных и экстраординарных профессоров [1, с. 248—249].

Парадоксально, но в самый разгар Гражданской войны, в 1918—1919 гг., отмечен огромный рост стремления молодёжи как в России, так и на Дальнем Востоке, к высшему образованию, несмотря на ряд трудностей военного времени. При большом скоплении во Владивостоке массы беженцев, в том числе представителей науки и высшего образования, появилась возможность расширения сети вузов. Так, по инициативе интеллектуальной обществен-

ности на базе Восточного института созданы частные факультеты (восточный, историко-филологический) и высший политехникум, которые возглавили его профессора. На историко-филологическом факультете в 1918 г. обучалось 140 чел., в том числе лиц мужского пола — 65 (46%), женского — 75 (54%).; из них 105 чел. (75%) из Приморской и Амурской областей и полосы отчуждения КВЖД, из Европейской России — 23 чел. Однако в мае 1919 г. на факультете осталось около 80 слушателей; остальные были мобилизованы [1, с. 261—262].

Большой вклад в организацию учебного процесса на историко-филологическом факультете внесли учёные и преподаватели-беженцы: С.М. Широкогоров, М.Н. Ершов, А.П. Георгиевский (г. Казань), А.Г. Свидерский, А.М. Мерварт (выпускник Гейдельбергского университета (Германия), доктор философии, работал в Петроградском университете, по заданию Российской академии наук находился в научных командировках в Индии, Германии, на о. Цейлон), Л.А. Мерварт, Ф.П. Успенский, А.М. Гневушев (из г. Киев, работал в вузах Москвы, Красноярска). На юридическом факультете преподавали профессора Восточного института Ф. Вальден, Н.И. Кохановский, Н.И. Дмитраш и др.

В условиях Гражданской войны и интервенции деятельность Восточного института и новых вузов сдерживалась значительными материальными трудностями. Руководство вузов было вынуждено самостоятельно изыскивать необходимые средства для осуществления научно-образовательной работы. Определённую поддержку оказывали местные общественные и коммерческие организации, частные учреждения и лица, попечительские комитеты, созданные по образцу существующих при Государственном Иркутском университете и Омском политехническом институте [1, с. 262—265]. Так, Комитеты по учреждению историко-филологического и юридического факультетов после обращения к государственным и частным коммерческим структурам в октябре 1918 г. получили необходимое финансирование от Делового Комитета Временного правителя КВЖД генерал-лейтенанта Д.Л. Хорвата (в 1919 г. он являлся Верховным уполномоченным администрации А.В. Колчака в Маньчжурии), от Приморского областного земства,

городского самоуправления, Владивостокского Биржевого комитета, частных магазинов, компаний и лиц — Торговых домов «Преемники Чурин и К», «Касьянов и К», «Кунст и Альберс», «Стахеев и бр. Люри», «Бр. Синкевич», наследников Л.Ш. Скидельского, А.Г. Свидерского. В июле 1919 г. получены пожертвования от торгового дома «М. Пьянков с Бр.», «Братья Петерец», товарищества «А.А. Лосев и К», от М.Г. Залевского, от Д.А. Циммерман [1, с. 257, 260, 261, 266].

Преподавание традиционных и новых учебных дисциплин обеспечивалось «случайно собравшимися» [1, с. 273] во Владивостоке, и спасавшимися от разрушительных последствий Гражданской войны представителями Российской академии наук, профессорами и приват-доцентами духовной семинарии и университета из Казани, из Восточного института. Кроме того, были приглашены 5 преподавателей древних и новых иностранных языков из Томска, велись переговоры с другими профессорами о переезде в г. Владивосток.

Учитывая высокие потребности Дальневосточного края в специалистах — учёных, работниках правовой, коммерческой, финансовой, земской, муниципальной, педагогической, краеведческой и экономической сфер деятельности, 17 апреля 1920 г. Временное правительство — Приморская областная земская управа — приняло постановление № 220 об объединении Восточного института, частных факультетов (историко-филологического, юридического) и Владивостокского политехникума в единое учреждение высшего образования — Государственный Дальневосточный университет (ГДУ), который стал «…в особых исторических условиях фундаментом для развития просвещения населения русского Дальнего Востока». Первым ректором был избран проф. Г.В. Подставин [1, с. 267, 280—285].

В июле 1920 г. Приморской земской управой (председатель А. Медведев, члены А. Меньщиков, П. Попов) утверждён список преподавательского состава: по восточному факультету — ординарные профессора Восточного института: Н.В. Кюнер — по кафедре истории Востока, Г.В. Подставин — по кафедре корейской словесности, А.В. Рудаков, П.П. Шмидт — по кафедре китайской

словесности, выпускник Государственного Петроградского университета Е.Г. Спальвин — по кафедре японской словесности, бакалавр Тулузской академии Г.П. Рофаст — лектором французского языка, Дэсингэ — лектором маньчжурского языка, Жунь Ин — лектором китайского языка, Р.С. Ким — лектором корейского языка, Суга Суньей — лектором японского языка; по историко-филологическому факультету: Л.А. Мерварт, выпускница и стипендиатка Петроградского университета — и.о. доцента по кафедре западно-европейских языков, В.И. Попов, выпускник и стипендиат Казанского университета — и.о. доцента по кафедре русской истории, выпускник Рижского политехнического института, кандидат коммерции А.А. Вегнер — лектором немецкого языка, выпускница Парижского университета М.Г. Палевич-Булан — лектором французского языка, выпускник Петроградского историко-филологического института К.А. Котельников — и.д. лектора древних языков; по факультету общественных наук: профессор Томского университета, доктор гражданского права С.П. Никонов — профессором по кафедре римского права, профессор Томского университета, доктор государственного права В.М. Грибовский — профессором по кафедре истории русского права, профессор Восточного института, магистр политической экономии и статистики Н.И. Кохановский — профессором по кафедре политической экономии и статистики, приват-доценты Владивостокского политехнического института В.К. Малинин — приват-доцентом по кафедре химии, А.Р. Редлих — по кафедре физики, профессор Сибирского института сельского хозяйства, магистрант истории русского права В.В. Энгельфенд — прикомандирован для чтения лекций по кафедре административного права. Деканами избраны: по восточному факультету — проф. Е.Г. Спальвин, по факультету общественных наук — проф. С.П. Никонов, по историко-филологическому — и.д. проф. А.П. Георгиевский. На 5 октября 1920 г. в ГДУ насчитывалось 44 преподавателя, из них 20 профессоров, 8 доцентов, 6 приват-доцентов, 10 лекторов — преподавателей европейских (чешского, немецкого, английского, французского, итальянского), восточных и древних языков [1, с. 286—290]. Ряд дисциплин (политическая экономия, статистика, гражданское су-

допроизводство, государственное, международное, консульское, торговое и гражданское право) преподавались без изменений [1, с. 302—303]. Однако при неожиданном появлении уникальных для Дальневосточного региона учёных и специалистов (беженцев из Центральной, Западной и Восточной Сибири) предполагалось открыть на восточном факультете ДГУ новые кафедры: педагогики, тибетской словесности; иностранных языков, истории и культуры Индии, так как последняя — «…духовная колыбель культуры стран Дальнего Востока, звено, связующее Дальний Восток с Малой Азией и далее с Европой» [1, с. 293—294, 303].

В декабре 1921 г. принят устав нового Комитета — по учреждению во Владивостоке частного медицинского факультета, учредителями стали Г.В. Подставин, А.Э. Бари, В.В. Бисеров, С.С. Спасский, Л.П. Подпах, М.Н. Ершов, А.И. Ярон [1, с. 304—305].

К началу 1922 г. в ГДУ были восстановлены в полном объёме учебные занятия на всех факультетах, согласно уставу. Однако к осени 1922 г. во Владивостоке создалась «…обстановка длительной анархии и безвластия», что сделало невозможным продолжение нормальной академической жизни ГДУ. В связи с этим решением правления ГДУ с 21 октября 1922 г. занятия были приостановлены «…впредь до установления правительственной власти» [1, с. 305].

После разгрома Белой гвардии, прекращения интервенции, присоединения ДВР к РСФСР и установления на территории Дальнего Востока советской власти был создан аппарат уполномоченного по делам высшей школы во главе с проф. В.И. Огородниковым. В конце 1922 г. в высшей школе Дальнего Востока начались мероприятия по её «советизации» в соответствии с принятыми законами РСФСР о высшем образовании. В декабре 1922 г. ликвидирована домовая церковь при ГДУ, в январе 1923 г. переизбран состав его правления, назначен новый ректор — проф. В.И. Огородников; в сентябре 1923 г. согласно постановлению Дальревкома объединены ГДУ и Читинский университет: во Владивосток прибыли 180 студентов, 7 профессоров, 10 преподавателей, 7 научных сотрудников и 2 чел. технического персонала, пересмотрены шта-

ты ГДУ [1, с. 306—311]. Таким образом, в развитии высшего образования на Дальнем Востоке начался новый, советский период, характеризующийся социалистическими (политическими, экономическими, идеологическими) установками. Вхождение в конце 1922 г. Дальневосточной республики в состав РСФСР повлекло за собой закономерную трансформацию региональной высшей школы в соответствии с проведёнными в Центре социалистическими преобразованиями (пролетаризация вузов, идеологизация учебно-воспитательного процесса, формирование контингента студентов и преподавателей по принципу политической благонадёжности).

Литература и источники

1. История Дальневосточного государственного университета в документах и материалах. 1899—1939. 2-е изд., испр. Владивосток: Дальнаука, 2004. С. 3—311.
2. Культура, искусство, наука и просвещение в России после революции 1917 г.: введение // http://dorogiistorii.ru/revoliutsii-1917-g-i-grazhdanskaya-voyna-1917-1922/kultura-iskusstvo-nauka-i-prosveschenie-v-rossii-posle-revoliutsii-1917-g-vvedenie.html (дата обращения: 05.06.2017).
3. Образование и просвещение в РСФСР (1917—1919 гг.) // http://dorogiistorii.ru/revoliutsii-1917-g-i-grazhdanskaya-voyna-1917-1922/obrazovanie-i-prosveschenie-v-rsfsr-1917-1919-gg.html (дата обращения: 13.07.2017).
4. Селезнева И.Н. Учёные о реформе высшей школы 1921 года (Письмо Председателю Совета Народных Комиссаров В.И. Ленину) // Вестник Российской академии наук. Февраль, 1996. № 2. Т. 66. С. 168—174.
5. Соскин В.Л. Российская советская культура (1917—1927): очерки социальной истории. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004. С. 46.
6. Становление системы высшего образования в РСФСР после Октябрьской революции: часть 1 // http://dorogiistorii.ru/revoliutsii-1917-g-i-grazhdanskaya-voyna-1917-1922/stanovlenie-sistemi-visshego-obrazovaniya-v-rsfsr-posle-oktyabrskoy-revoliutsii-chast-1.html (дата обращения: 05.06.2017).

Коротко об авторах

1. **Авдошкина Ольга Владимировна** — кандидат исторических наук, доцент кафедры «Теория и история государства и права» Дальневосточного государственного университета путей сообщения, г. Хабаровск. E-mail: olga-avdoshkina@yandex.ru.
2. **Авилов Роман Сергеевич** — кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела истории Дальнего Востока России Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН (ИИАЭ ДВО РАН), г. Владивосток. E-mail: avilov-1987@mail.ru.
3. **Андриец Галина Алексеевна** — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра истории культуры и межкультурных коммуникаций ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: andriets2005@list.ru.
4. **Аргудяева Юлия Викторовна** — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Отдела этнографии, этнологии и антропологии ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток, E-mail: argudiaeva@mail.ru.
5. **Белоглазов Геннадий Петрович** — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: beloglazov1@yandex.ru.
6. **Белоглазова Светлана Борисовна** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Дальнего Востока России ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: beloglazov1@yandex.ru.
7. **Берингер Пол** — докторант исторического факультета Американского университета. г. Вашингтон, округ Колумбия, США. E-mail: pb1169a@student.american.edu.
8. **Билим Наталья Николаевна** — доктор исторических наук, профессор Российской правовой академии Министерства юстиции РФ (Дальневосточный филиал), г. Хабаровск. E-mail: nbilim@mail.ru.
9. **Ван Ю** — доктор юридических наук Института всеобщей истории Китайской Академии Общественных наук, г. Пекин. E-mail: kaja_65@139.com.

10. **Ван Сяоцзюй** — доктор исторических наук, профессор Института всеобщей истории Китайской Академии Всеобщих наук, г. Пекин. E-mail: kaja_65@139.com.

11. **Власов Сергей Александрович** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Дальнего Востока России ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: vlasov54@bk.ru.

12. **Волкова Елена Сергеевна** — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Отдела социально-политических исследований ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: elenavolkova1@yandex.ru.

13. **Галлямова Людмила Ивановна** — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Отдела истории Дальнего Востока России ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: ludagal@mail.ru.

14. **Дударёнок Светлана Михайловна** — доктор исторических наук, кандидат философских наук, профессор «Департамента истории и археологии» Школы гуманитарных наук ДВФУ, г. Владивосток. E-mail: dudarenoksv@gmail.ru.

15. **Журавлёв Павел Владимирович** — соискатель ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: AcademHistoryStyle@yandex.ru.

16. **Заколодная Анна Сергеевна** — младший научный сотрудник Отдела истории Дальнего Востока России ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: zakolodnay@mail.ru.

17. **Землянский Вадим Леонидович** — выпускник аспирантуры АмГПГУ. г. Комсомольск-на-Амуре. E-mail: groningen1991@gmail.com.

18. **Капран Инесса Константиновна** — кандидат исторических наук, учитель МБОУ Школа № 76 г. Владивосток. E-mail: kapran@mail.ru.

19. **Козенкова Яна Валерьевна** — студент бакалавр, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток. E-mail: yana.kozenkova@mail.ru.

20. **Колесник Роман Владимирович** — доцент кафедры судовождение, Морской государственный университет им. адм. Г.И. Невельского, г. Владивосток. E-mail: kolesnik-rv@mail.ru.

21. **Кузьмин Василий Леонидович** — кандидат исторических наук, доцент кафедры «Теория и история государства и права» Дальневосточного государственного университета путей сообщения, г. Хабаровск. E-mail: kvl-14@yandex.ru.

22. **Макаренко Василий Геннадьевич** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Дальнего Востока России ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: vasgen@bk.ru.

23. **Маклюков Алексей Владимирович** — кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела истории Дальнего Востока России ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: alekseymaklyukov@yandex.ru.

24. **Орнатская Татьяна Александровна** — кандидат исторических наук, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток. E-mail: ota12@ya.ru.

25. **Осипова Эрика Викторовна** — канд. ист. наук, научный сотрудник Центра истории культуры и межкультурных коммуникаций ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: eossipova@yandex.ru.

26. **Позняк Татьяна Зиновьевна** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Дальнего Востока России ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: tzpoznyak@mail.ru.

27. **Пчела Инна Владимировна** — кандидат педагогических наук, доцент кафедры исторического образования Школы педагогики ДВФУ, г. Уссурийск. E-mail: pchelka70@mail.ru.

28. **Романовский Вячеслав Константинович** — доктор исторических наук, зав. кафедрой истории и обществоведческих дисциплин ГБОУ ДПО «Нижегородский институт развития образования», г. Нижний Новгород. E-mail: vkroman@mail.ru.

29. **Савельева Марина Владимировна** — аспирантка ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: eureka.mario55@mail.ru.

30. **Савчук Анна Александровна** — кандидат исторических наук, доцент Школы гуманитарных наук, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток. E-mail: adas_87@mail.ru.

31. **Сергеев Олег Игоревич** — кандидат исторических наук, заведующий Отделом истории Дальнего Востока России ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: history37@mail.ru.

32. **Слабнина Лариса Анатольевна** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Дальнего Востока России ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: SLABNINA52@mail.ru.

33. **Толстогузов Сергей Анатольевич** — кандидат исторических наук, преподаватель Хиросимского университета, г. Хиросима, Япония. E-mail: ser-tolstoguzov@yandex.ru.

34. **Ткачева Галина Анатольевна** — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории Дальнего Востока России ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: tkacheva@bmail.ru.

35. **Устюгова Ольга Александровна** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Дальнего Востока России ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: ustyugova75@mail.ru.

36. **Фетисова Лидия Евгеньевна** — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории культуры и межкультурных коммуникаций ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: lefet@yandex.ru.

37. **Фудзимото Вакио** — доктор исторических наук, профессор Osaka University of Economics and Law. E-mail: wakiof@nifty.com.

38. **Чернавская Валентина Николаевна** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела социально-политических исследований ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 6

Раздел I. ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Галлямова Л.И. Дальний Восток России в 1917 году: социально-политические трансформации 9
Фудзимото Вакио. Революция 1917 г. на Дальнем Востоке России и японцы 27
Толстогузов С.А. Мэйдзи исин и Российская революция 1917 года: экономический аспект 38
Ван Ю, Ван Сяоцзюй. Российская революция 1917 г. и новая жизнь китайской литературы 51
Берингер Пол. Восприятие американцами насилия во время Гражданской войны на Дальнем Востоке России 63
Сергеев О.И. Дальневосточное казачество в событиях 1917 г. на Западе и Востоке России 74
Авдошкина О.В. 1917 год на Дальнем Востоке: политическая обстановка и борьба за власть 89
Кузьмин В.Л. Дальневосточные эсеры и Октябрь 1917 г. 100
Белоглазов Г.П. Российская революция 1917 г. и КВЖД 110
Заколодная А.С. Влияние революционных событий 1917 г. в России на японское общество 120
Романовский В.К. Н.В. Устрялов о Великой русской революции 1917 года 130
Чернавская В.Н. Великий Октябрь 1917 г.: к вопросу о терминологии 140

Раздел II. 1917 ГОД И РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Журавлёв П.В. Российский Дальний Восток на перепутье: к вопросу о взаимоотношениях региона и центра (февраль 1917 г. — лето 1918 г.) 151
Слабнина Л.А. Здравоохранение в период советизации дальневосточного края 161
Маклюков А.В. Кадры дальневосточных энергетиков и их участие в революционном движении 1917 г. 167
Савчук А.А. Женщины-революционерки на российском Дальнем Востоке в русских революциях и Гражданской войне (1905—1907 и 1917—1922 гг.) 178

Позняк Т.З. Повседневная жизнь населения
Владивостока в 1917 г. 188
Устюгова О.А. «Стоять на страже общих нужд промышленности и
торговли»: деятельность Владивостокского биржевого
комитета во время революций 1917 г. 214
Орнатская Т.А. Организационные основы строительства органов
советской милиции и проблемы их реорганизации
на Дальнем Востоке (октябрь 1917 — начало 1920-х гг.) 224
Авилов Р.С. Герой революции едет на восток. Визит А.И. Гучкова
в Приамурское генерал-губернаторство в 1911 г. 234
Билим Н.Н. Советская национальная политика
(опыт Дальнего Востока в 1920-е гг.) 245
Колесник Р.В. Влияние революции и Гражданской войны
1917—1922 гг. на роль Гидрографической службы в обеспечении
безопасности мореплавания в дальневосточных морях России 255
Ткачева Г.А. Влияние революционных событий на иммиграционные
процессы в дальневосточном регионе 261
Аргудяева Ю.В. Влияние Великой Российской революции
1917 года и её последствий на эмиграцию и жизнь
русских казаков в Маньчжурии 276
Капран И.К. Влияние Октябрьской революции и Гражданской
войны в России на судьбы русских австралийцев 285

Раздел III. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Андриец Г.А. Культурное пространство дальневосточных
городов в 1917 г. 295
Белоглазова С.Б. Реформа региональной системы
общего образования в контексте концепции единой школы 304
Осипова Э.В. Революция и театр: специфика форм и содержание
театральной культуры Дальнего Востока на пути советизации 316
Дударёнок С.М. Адвентисты Седьмого Дня на Дальнем
Востоке России в годы Гражданской войны
и иностранной интервенции 326
Фетисова Л.Е. Роль фольклорного наследия в сохранении
и трансляции памяти о событиях 1917—1922 гг.
на российском Дальнем Востоке 336
Савельева М.В. Культура шаманизма в зеркале
революционных событий на Дальнем Востоке России 346
Власов С.А. Революция 1917 г. и решение жилищных
проблем трудящихся на Дальнем Востоке 353

Землянский В.Л. Разработка депутатами Приамурского народного собрания положения о выборах на учредительный съезд 361
Козенкова Я.Е. Детская преступность и борьба с ней на советском Дальнем Востоке в первой половине 1920-х гг. 367
Волкова Е.С. Октябрьская революция 1917 г. и Гражданская война в прозе приморских авторов 1980—2010-х гг. 372
Пчела И.В. Февральская революция 1917 года в восприятии школьников Приморья 382
Макаренко В.Г. Трансформация высшего образования в России и на Дальнем Востоке в период революций 1917 г. и Гражданской войны (1918—1922 гг.) 391

Коротко об авторах 402

Содержание 406

Научное издание

ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г.
В СУДЬБАХ СТРАН И НАРОДОВ МИРА

Сборник научных статей

Электронная вёрстка *Р.Т. Музыченко*
Электронный набор и правка *Т.И. Шаленко*

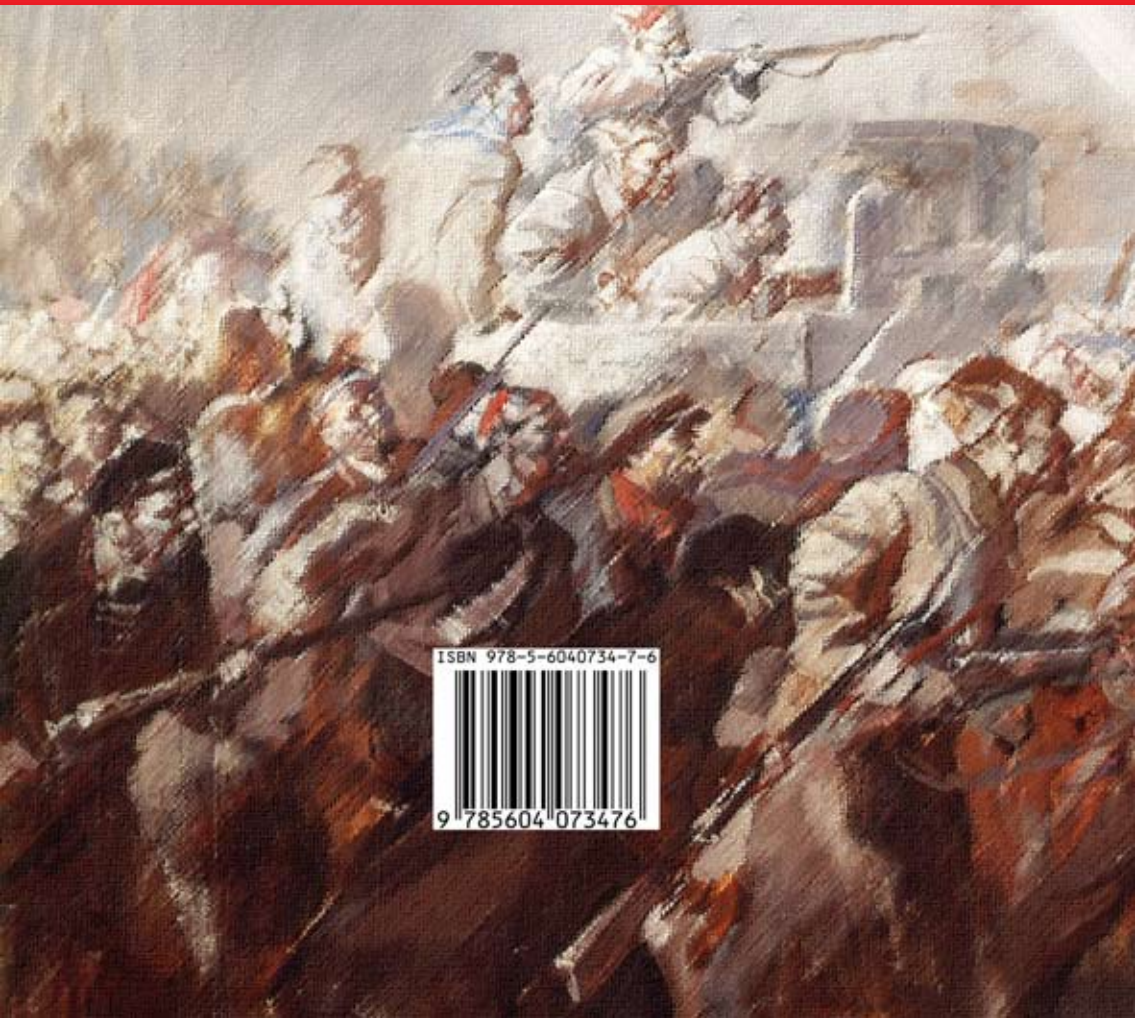
Подписано к печати 27.12.2018.
Формат 60x84/16. Печать офсетная
Усл. печ. л. 23,83. Уч.-изд. л. 23,0

Тираж 300 экз. Заказ 31п.

ФГБУН Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН
690001, Владивосток, Пушкинская, 89

Отпечатано в типографии
ПАО «Дальприбор»
г. Владивосток, ул. Бородинская, 46/50

тел.: 232-70-49, 232-78-17


ISBN 978-5-6040734-7-6